

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ
НА
ПРИРОДУ.

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ

НА
ПРИРОДУ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ
И ВѢРОВАНІЙ, ВЪ СВЯЗИ СЪ МИФИЧЕСКИМИ СКАЗАНІЯМИ ДРУГИХЪ
РОДСТВЕННЫХЪ НАРОДОВЪ.

А. АФАНАСЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

—
1869.

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

XXII. Нечистая сила: демоническій типъ громовника стр.—1, молнія=хромая нога—2, нечистые духи, какъ представители бурныхъ и грозovýchъ явленій—9, чортова мать—14, адское царство (пекло)=издра грозovýchъ тучъ—15, огненная рѣка—22, адъ=туманное, облачное небо зимнихъ мѣсяцевъ—25, адскія мѣки—29, Морана, богиня ночнаго мрака, зимы и смерти—33, Смерть и Сонъ—братья—36, вѣра въ свидѣнія—39, олицетворенія Сна и Смерти—42, борьба Живота и Смерти—44, Смерть въ оковахъ—50, ангелы смерти—53, Смерть-невеста—57, болѣзни—послы смерти и кѣра боговъ—58, представленіе болѣзней демонами—58, связь ихъ съ стихійными духами, эльфами—69; лихорадки—81, закланія противъ нихъ—85, врачевные обряды—98, Моровая дѣва (чума)—103, гомины—111, холера и коровья смерть—114.

XXIII. Облачныя жены и дѣвы: облака=женскія груди—117, представленіе дождевыхъ облаковъ нимфами, водяными женами—119, русалки—121, облака=небесная пряжа и ткани—128, паутина=ткань эльфовъ—133, кикиморы и полудницы—136, русалы—140, вилы—152, самовилы и самодивы—182, лебединыя дѣвы—186.

XXIV. Души усопшихъ—195, душа=огонь—197, звезда—206, дымъ, паръ—209, воздухъ и вѣтръ—210, тѣни усопшихъ—212, душа=бабочка и вообще насекомое, образующееся изъ личинки: жукъ, пчела, муха, комаръ—214 и 292, душа=птица—218, крещеніе кукушекъ—226, души=эльфы—230, навь

—235, вилы и русалки, какъ духи усопшихъ—239, мавки—241, участіе усопшихъ въ полетъ неистоваго воинства—244, ночь—время появленія мертвецовъ, мѣсяцъ—свѣтило загробнаго міра—248; царство душъ, вселеніе души въ тѣло новорожденнаго младенца и удаленіе ея по смерти въ небесную отчизну—252; востокъ—царство блаженныхъ—277, странствованіе души въ небесныя селенія—279, млечный путь и радуга—282, вліяніе временъ года на посмертное состояніе душъ—287, душа=звѣя, мышъ и вообще оборотень—299, похищеніе и подвизы дѣтей эльфовъ и сродными съ ними духами—305.

XXV. Дѣлы судьбы: Родъ и рожицы—318, вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка—321, добрые и злые часы—324, Зирка—327, Верпея—328, лаумы—331, рожицы и судицы—333, вилы—339, орисницы—343, мойры и парки—344, фен—347, норны—349, счастливая сорочка и духи-хранители—359, валькирии—363, вѣра въ предопредѣленіе—368, рожденіе, бракъ и смерть, какъ три жизненные термина, устанавливаемые Судьбою—369, боги, какъ представители рока—376, жребій и гадавія—382, Родъ=Судьба—386, связь идеи судьбы съ солнцемъ—389, Судьба, Доля и Недоля—391, злыдни—404, Усудя Среѣна—409, колесо Фортуны—413, бѣдовики и счастливицы—415, жертвоприношенія Роду и рожицамъ—416.

XXVI. Вѣдуны, вѣдьмы, упыри и оборотни: названія, присвоенныя вѣщамъ мушамъ и жепакъ—422; въ чемъ проявляется вѣщая сила вѣдуновъ и вѣдьмъ?—427, наузы—429, стихійно-демоническій характеръ вѣдуновъ и вѣдьмъ: они насылаютъ грозовыя тучи, бури и градъ—441, похищаютъ дождь и росу—449, скрадываютъ свѣтила—453; гады-производители дождя—450; полеты вѣдьмъ, грозевая туча=затопленная печь, молнія=кочерга—456, гроза=варка небеснаго пива—459, воздушныя повѣды молдуновъ и вѣдьмъ на звѣзхъ, волкахъ и другихъ животныхъ—462, вѣдьмы—небесныя пряжи и прачки—467, лысая гора, вѣдовскія сборища и любодѣйная связь вѣдьмъ съ чертами—469, сближеніе преданій о вѣдовскихъ сборищахъ съ действительными религіозными празднествами—482, доеніе коровъ—485, гроза=пиктанье масла—489, обряды при весеннемъ выгонѣ стадъ въ поле—490, средства, охраняющія отъ молдуновъ и вѣдьмъ—496, вѣдьмы—производительницы засухъ, неурожаевъ и мора—500, мышы, какъ порожденіе колдовства—505, избиеніе вѣдьмъ—507, названія ихъ чрезъ сожженіе, потопленіе и зарытіе въ землю—509 и 523, чары на безплодіе

жень—513, порча и недуги, наслыаемые вѣдьмами—518, оборотни—525, вовкулаки—527, превращенія въ вѣтрей, птицъ и гадовъ—532, средства, силою которыхъ колдуны и вѣдьмы превращаютъ людей въ животныхъ—551, упыри—557, связь вѣдуновъ, вѣдьмъ и оборотней съ вѣдьмами, упыри—души усопшихъ—566, съдаваніе вѣдьмами сердца—569, вампиры производятъ засуху, неурожай и смертность—572, пожирание упырями и вѣдьмами человѣческаго мяса—582, похищеніе и похищеніе ими младенцевъ—585, баба-яга—587.

XXVII. Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ: праждебныя отношенія волхвовъ къ христіанству—596, двоевѣріе—600, протесты духовенства противъ волхвованія—601, отреченныя книги—605, сожженіе волхвовъ и вѣдьмъ—610, вѣра въ колдовство и вызванные ею процессы въ XV—XVII столѣтіяхъ—614, нѣкота и клѣкушество—634, чары во время царскихъ свадебъ—638, дѣла о волшебствѣ, возникавшія при царскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи—641, вліяніе Петровской реформы—653.

XXVIII. Народные праздники: времена года—659, мѣсяцевъ—663, народный дневникъ—670, олицетвореніе четырехъ временъ года и двѣнадцати мѣсяцевъ—675, знаменія весны—683, Жива—686, обрядовый призывъ весны—689, борьба Зимы и Лѣта—691, масленица—696, праздники весны—воскресающей природы—698, Остара—700, Троицкая недѣля и майскій праздникъ—704, лѣтній поворотъ солнца (Ивановъ день)—710, Купало—712, Кострома—725, Ярило—726, приванки приближающейся зимы—728, зимній поворотъ солнца—Коляда—729, баднякъ—733, Овсень—747, святочные пѣсни—752, Корочунъ и Ситивратъ—760, земледѣльческія празднества—761, житные духи—771.

Дополненія и поправки 776.

Указатель именъ и предметовъ 817.

XXII.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Древнѣйшія представленія о богѣ-громовникѣ носятъ двойственный характеръ: являясь, съ одной стороны, божествомъ свѣтлымъ, разителемъ демоновъ, творцомъ міра и подателемъ плодородія и всякихъ благъ, онъ—съ другой стороны—есть богъ лукавый, злобный, приѣмлющій на себя демоническій типъ. Эта двойственность въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ возникла подъ вліяніемъ тѣхъ естественныхъ свойствъ, съ какими выступаетъ гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачныя облака и вредныя испаренія, то посылающая градъ и бурные вихри, опустошающая поля, лѣса и нивы и карающая смертныхъ молніями. Шествуя въ тучахъ, громовникъ усвоиваетъ себѣ и ихъ великанскіе признаки, и согласно съ представленіемъ тучъ темными подземельями—становится богомъ подземнаго (адскаго) царства. Чтобы обозначить эти различныя, одна другой противоположныя стороны въ характерѣ громовника, народъ давалъ ему и соотвѣтственные имъ прозванія, которые впоследствии перешли въ имена собственныхъ, обособились и разъединили единое божество на двѣ враждебныя личности: рядомъ съ небеснымъ Зевсомъ является другой, владычествующій не на небѣ, а подъ землею — Ζεὺς κατὰχθόνιος, Jupiter niger —

Плутонъ, царь того свѣта и усопшихъ ¹⁾; возлѣ благаго, плодородящаго Тора—лукавый Локи. Этотъ послѣдній вполне соответствуетъ Гефесту (Вулкану), богу подземнаго огня, искусному ковачу молніеносныхъ стрѣлъ, о которомъ греческій мифъ рассказываетъ, что раздраженный Зевсъ схватилъ его за ногу и стремительно низвергнулъ съ высокаго Олимпа на землю, и что вслѣдствіе этого паденія Гефестъ повредилъ ногу и навсегда остался хромымъ. Локи, хотя и числится въ обществѣ асовъ и признается ихъ товарищемъ, тѣмъ не менѣе есть существо коварное, обманчивое, состоящее въ самомъ близкомъ родствѣ съ демонскими силами ²⁾; низвергнутый съ неба и окованный цѣпями, онъ потрясаетъ землю (см. I, 756—7); подобно Гефесту, онъ — хромъ, и также клеймитъ боговъ злыми насмѣшками. Хромоту соединяетъ древнее сказаніе и съ славнымъ кузнецомъ Völundr'омъ ³⁾. Быстрота молній заставила сблизать ихъ не только съ летучими, крыленными стрѣлами, но и съ ногами, какъ необходимыми орудіями движенія, рѣзаво бѣга. Отсюда объясняется, почему русскій сказочный эпосъ изображаетъ героевъ, представителей весеннихъ грозъ, съ ногами по колѣно въ золотѣ, почему греки давали своимъ богинямъ эпитеты сребро-и-злато-ногихъ, почему на конецъ подвижная избушка вѣдьмы (—ходячее облако) сто-

¹⁾ Точно также Персефона есть подземная Гера—Juno inferna—Griech. Myth. Преллера, I, 621-2; D. Myth., 945. — ²⁾ Я. Гриммъ допускаетъ тождественность между богомъ Loki и великаномъ Logi (naturkraft des feuers, отъ liuhan - lucere), сыномъ Форниотра (forn-iotr, der alte iotr, iötunn). — ³⁾ D. Myth., 220-1 („Zumal vorstehend ist die analogie, dass Hefäst durch Zeus vom Olymp herabgestürzt wird, wie der böse feind durch gott aus dem himmel in die hölle, obgleich die Edda von Loki weder einen solchen sturz berichtet, noch ihn als künstlichen schmied und meister der zwerge darstellt“), 351; Симпсонъ, 113-5.

ить и повертывается на курьихъ ножкахъ, т. е. на ногахъ пѣтуха (кура), имя котораго донынѣ употребляется въ значеніи огня (I, 522). Богатырскіе кони и козлы Тора, ударяя своими копытами по облачнымъ скаламъ, высквали изъ нихъ молніеносныя искры и открывали путь дождевымъ источникамъ. Такъ какъ молнія падаетъ съ воздушныхъ высотъ изломанной, искривленной линіей ¹⁾, то полетъ ея фантазія стала сравнивать съ шаткимъ, нетвердымъ бѣгомъ хромогого человѣка или животнаго; а громовому удару стала приписывать отшибаніе пятъ или поврежденіе ноги у героя-громовника, когда онъ является въ облачныя подземелья добывать оттуда золото солнечныхъ лучей и живую воду дождя. Такой ударъ наносятъ ему тяжелыя двери демонскихъ кладовыхъ или желѣзныя врата адовы (см. II, стр. 686); подъ дверью здѣсь разумѣется то отверстіе, какое прорубаетъ въ темныхъ тучахъ Перунова палица. Когда заблеститъ молнія, чехи говорятъ, что это Богъ открываетъ въ небесномъ чертогѣ дверь или окно, и что въ ту минуту поютъ тамъ хоры ангеловъ, т. е. слышится грозовая пѣсня ²⁾. Зевсу въ битвѣ его съ Тифономъ были подрѣзаны на ногахъ жилы; по свидѣтельству индѣйскаго мѣоза, Кришна, славный побѣдитель дракона, былъ раненъ въ подошву, откуда объясняется и греческое преданіе объ Ахилесовой пяткѣ; наши сказочные герои иначе не могутъ освободиться изъ подземнаго міра, какъ отрѣзавъ свои йкры и скормивъ ихъ дракону или вихрю-птицѣ, на крыльяхъ которыхъ вылетаютъ они на бѣлый свѣтъ (I, 507). Тоже увѣще испытываютъ и мнимеческія животныя, въ которыхъ издревле олицетворялись грозовыя тучи. Такъ козель Тора охромѣлъ, потому что у него была разбита кость задней ноги (I, 685); а конь Бальдура вывихнулъ ногу

¹⁾ Римляне чтили Марса подъ образомъ криваго меча — *hasta curvata*. — ²⁾ Пов. и пред., 153-5; Громаниъ, 36-37.

въ то самое время, какъ этотъ богъ сопутствовалъ Одину въ его бурномъ поѣздѣ. По указанію русской сказки, когда царевичъ доставалъ живую воду, толкучія горы (тучи) отшибли его богатырскому коню заднія ноги (см. II, стр. 353). Паденіе молніи на метафорическомъ языкѣ обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она въ данномъ случаѣ; богъ-громовержецъ или демонъ-туча терялъ свой золотой волосъ, зубъ, палецъ, фаллосъ, перо изъ своихъ крыльевъ или ногу. Звѣри, въ образѣ которыхъ народныя преданія живописуютъ грозовыя явленія (собака, заяцъ и др.), весьма часто представляются треногими; нѣмецкія саги заставляютъ дикаго охотника ѣздить на треногомъ конѣ ¹⁾ и бросать съ высоты воздушныхъ пространствъ заднюю ногу оленя или коня, которая потомъ превращается въ золото (I, 726-7). Взирая на извивъ молніи, какъ на тотъ не прямой путь, которымъ шествуетъ богъ-громовникъ, древній человѣкъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ языка, связалъ съ этимъ представленіемъ понятія коварства и злобной хитрости. Въ эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятіе не могло быть иначе выражено, какъ чрезъ посредство матеріальныхъ уподобленій. Поэтому кривизна служила для обозначенія всякой неправды, той кривой дороги, какою идетъ человѣкъ недобрый, увертливый, несоблюдающій справедливости; досихъ поръ обойти кого-нибудь употребляется въ смыслѣ: обмануть, обольстить. Лукавой — хитрый, злобный, буквально означаетъ: согнутый, искривленный, отъ слова лукъ — согнутая дуга, съ которой и смертные и самъ Перунъ бросаютъ свои стрѣлы; лукать — бросать, кидать, излучина, лукоморье — изгибъ морскаго

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 140-1, 224-8; Beiträge zur D. Myth., I, 26.

берега; сравни: кривой, привда и криводушный; во вѣхъ вельскихъ нарѣчіяхъ каш—кривой, въ кимр.—худой, злой, а въ ирланд.—сильный, могучій, кимр. каша, армор. кашта—натягивать лукъ ¹⁾. Напротивъ съ понятіемъ правды соединяется представленіе о прямотѣ душевной; прямить — говорить правду (напрямкі, впрямь), прямой человекъ—честный, неподкупный, идущій прямымъ путемъ. Лукавство и хитрость считались у грубыхъ первобытныхъ племенъ существенными признаками ума, мудростью; другія выраженія сближаютъ умъ съ быстротою—понатіемъ, неразлучнымъ со вѣщимъ представленіемъ стихійныхъ духовъ: владим. достремитъ ся (стремный, стремый—скорый, проворный)—догадаться, достремливый—тоже, что дошли: смысленый, догадливый, буквально: добѣгающій, достающій до дѣла; перм. угонка—смысленность, догадка; съ тѣмъ-же значеніемъ употребляется и слово дамѣтъ («не въ дамѣтъ» — не въ домѣкъ, отъ до-метнуть). Серб. хитар, тождественное съ нашимъ хитрый, значитъ: быстрый, хорут. hiteti—спѣшить, старослав. хы(и)тити—схватить, поймать; сравни чеш. chwatali, новгор. и твер. хвататъ ся—торопиться, серб. дофатити (=дохитити)—достигнуть и рус. хватъ — молодецъ; ханать —схватывать и олон. хапистый — молодцоватый. Слѣдовательно хитрый первоначально могло означать тоже, что и прилагательное ловкой, т. е. тотъ, который удачно, скоро ловить, а затѣмъ уже—умный. Приведенный рядъ словъ переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена охотничьяго быта, когда иѣткость стрѣлы, быстрота въ преслѣдованіи дичи были главными достоинствами мушны, ручательствомъ за его умъ ²⁾. Наряду съ словомъ лукавый, которое сдѣлалось нарицательнымъ именемъ чорта (у нѣмцевъ: der böse, feindliche, а п-

¹⁾ Галлм, соч. Георгіевскаго, 126. — ²⁾ Потеби., 62-66.

holde, уотцовъ церкви: antiquus hostis ¹⁾), хитникъ также служить для обозначенія нечистаго духа, какъ коварнаго обольстителя и въ тоже время похитителя небснаго свѣта и дождей (см. II, 582), а въ послѣдствіи — похитителя душъ христіанскихъ; сравни: воръ и про-ворный. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній и языка, богъ разящихъ молній переходитъ въ хромоногаго демона, и донинѣ у разныхъ народовъ продолжаютъ давать этотъ эпитетъ дьяволу: der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux ²⁾), хромоу бѣсъ, хромоу чортъ ³⁾); въ воронежской и другихъ губерніяхъ нечистаго называютъ: «Антипа (?) безпята» ⁴⁾); чехи поминуютъ kulhavého čerta и kulhavého mu ⁵⁾). Въ народныхъ сказкахъ чортъ нерѣдко является искуснымъ кузнецомъ, съ чѣшъ (какъ нельзя болѣе) гармонируютъ и его черныи вѣдъ, и его пребываніе въ покрытыхъ сажею и горящихъ адскимъ пламенемъ пещерахъ; въ самой короткой срокъ онъ можетъ перековать въ гвозди огромное количество желѣза; въ Германіи думаютъ, что, ударя кузничнымъ молотомъ въ полночь, можно вызвать нечистаго духа ⁶⁾). Падающіе съ облачнаго неба, молніеносные духи (чешск. světloposi — эльфы ⁷⁾) въ эпоху христіанства смѣшались съ тѣми нѣкогда-свѣтлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоуміе были низринуты, по библейскому сказанію, во мракъ преисподней ⁸⁾). Як. Гриммъ относитъ названіе Loki

¹⁾ D. Myth., 940-2. — ²⁾ Ibid., 352, 945. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 152 — народная поговорка: «чортъ хрому, да съ рожами»; Н. Р. Лег., 20. — ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1850, 29. — ⁵⁾ Ганушъ о Дядѣ-Всецвѣдѣ, 28, 37. — ⁶⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 313. — ⁷⁾ Громанъ, 20 : světloposi собираются на лугахъ и поляхъ, танцуютъ, сбиваютъ путниковъ съ дороги и бросаются имъ на спину; можно накладывать ихъ свистомъ. — ⁸⁾ Люцверъ, владыка ада, по самому значенію его имени былъ первоначально свѣтлымъ духомъ — D. Myth., 937.

къ корню *lukan* (*claudere*—запирать, *claudus*—хромой); скан. *lok—finis, consummatio, loka*—запоръ, засовъ у дверей: свѣдѣтельство языка—въ высшей степени любопытное и знаменательное, такъ какъ молнія изстари уподоблялась ключу, отпирающему весною дождевые источники и замыкающему ихъ на все время холодной зимы; «замкнутое небо»—небо, не посылающее дождей (см. т. II, стр. 399—405). Въ качествѣ демона, Локи замыкаетъ облака, налагаетъ на нихъ крѣпкіе запоры, задерживаетъ небесныя воды и производитъ неурожай. Въ противоположность Тору, покровителю земледѣлія и произрастителю хлѣбныхъ злаковъ, онъ закрываетъ поля сорными травами; въ Нордъ-Ютландъ вредная для скота трава называется *Lokkens havre*—подобно тому, какъ на Руси осотъ считается чортовымъ зельемъ: «ни заар *Lokken sin havre*» (теперь Локи съѣтъ свою траву). Въ ередніе вѣка чорта представляли подѣ символомъ молота, засова и запора. Въ шведской пѣснѣ о Торгаръ' чортъ похитившій молотъ (сравни II, стр. 688), названъ *troll-tram* отъ скан. *trami, tremill*, др.-в.-нѣм. *dremil*—засовъ у дверей ¹⁾. Седьмой день, посвященный италійцами Сатурну (*dies Saturni*), у германскихъ племенъ называется: *Soetresdäg, Soeternesdäg, Saturday, Saterdei, Satersdag*; англос. *soetere*—*insidiator*, скрывающійся въ засадѣ врагъ, подстерегающій злоумышленникъ (др.-в.-нѣм. *sāzari*, ср.-в.-нѣм. *sāze*—*insidiae*—*lāga, lāge*). Такое названіе субботняго дня приводитъ на мысль скан. *laugardagr*, швед. *lördag*, дат. *lørdag*, что въ болѣе раннюю эпоху могло быть равносильно выраженіямъ: *Lokadagr, Logadagr*—день, посвященный Локи. Итакъ Локи соответствуетъ Сатурну, жестокому богу прееподней; съ именемъ этого послѣдняго и съ

¹⁾ Ibid., 222-3, 951-2.

именемъ созвучнаго ему сатаны народъ и связалъ свои воспоминанія о древнемъ національномъ божествѣ демоническаго характера. Въ священномъ писаніи сатана есть отецъ лжи; сканд. *Locki*—*verführer, verlocker, nachsteller*, дат. *Løke løjemand* (*lovmand*) намекаетъ на *lyve*—лгать, обманывать (*prät. löi*); Гриммъ подозреваетъ родство между словами *lüge*—ложь, обманъ и *logi*—огонь, вихрь. У нѣмцевъ, русскихъ и чеховъ существуетъ примѣта: если огонь горитъ съ трескомъ и прыгаютъ изъ печи искры, то въ семьѣ произойдутъ ссора и брань. Слово *wind* употребляется въ значеніи клеветы, ложнаго доноса, *windbeutel*—лжецъ; точно также въ русскомъ языкѣ «слова, сказанныя на вѣтеръ» означаютъ: пустая рѣчь, враки, вѣтренный человѣкъ—безпутный; у датчанъ есть пословица: *løgn er et skadeligt uveir* (ложь—опасная буря). *Der lügner*—не только лжецъ, но и насмѣшникъ, шутникъ, какъ и представляется Локи въ сказаніяхъ Эдды; наши поселяне даютъ чорту, домовому и лѣшему названіе шута, шутка¹⁾. Старинныя хроники свидѣтельствуютъ, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Такъ Массуди въ «Золотыхъ лугахъ» говоритъ, что во храмѣ, построенномъ на Черной горѣ, стоялъ идолъ, изображавшій Сатурна—въ видѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ кости умершихъ; подъ правую его ногу были ввѣсны муравьи, а подъ лѣвою сидѣли вороны и другія хищныя птицы. Видукинъ упоминаетъ о мѣдномъ идолѣ Сатурна у вагровъ. Славянское имя этого бога, слѣдуя гласамъ Вацерада, было Ситивратъ (см. гл. XXVIII). Словами мѣстомъ входа въ адъ назначаютъ пропасти горы Ситна (названіе, стоящее—можетъ быть—въ связи съ именемъ Сити-

¹⁾ Ibid., 226-7, 568, 968; Громанъ, 42; Обл. Сл., 257 (черный шутъ), 269.

врата), и злого духа вазываютъ пропастиникомъ, препадникомъ ¹⁾).

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народныя преданія и повѣрья о нечистыхъ духахъ воображаютъ въ нихъ—демоновъ грозовыхъ тучъ и бурныхъ вихрей, а въ нихъ адскомъ жилищѣ— мрачныя гѣртепы облачныхъ горъ. На это мы уже не разъ указывали въ предыдущихъ главахъ нашего сочиненія, посвященныхъ великанамъ, карликамъ, водянымъ, лѣшнымъ и другимъ стихійнымъ духамъ, съ которыми постоянно смѣшиваются черти. Вритра, Аги, Cushman и другіе демоны, упоминаемые Ведами, суть только очеловѣченныя явленія природы, ибо дѣятельность ихъ обнаруживается въ потемнѣніи неба громовыми тучами, въ воздыманіи бурь и опустошеніи нивъ градомъ; обитая въ облачныхъ горахъ или среди дождевыхъ водъ, они похищаютъ небесныхъ коровъ и дѣвъ, солнце, мѣсяцъ и дождь, и сражаются съ Индрою—молнія противъ молніи ²⁾). Въ шумѣ весеннихъ грозъ предки наши созерцали битву громовника съ демоническими силами, которыхъ онъ разитъ своимъ молотомъ, палицей или стрѣлами, и доселѣ существуетъ повѣрье, будто ударомъ молота по наковальнѣ можно наложить на чорта оковы ³⁾). Къ тѣмъ свѣденіямъ, какія собраны по этому предмету выше (I, 261 — 6), мы добавимъ свидѣтельство стариннаго англосаксонскаго памятника, сходнаго по содержанию съ русскимъ стихомъ оголубиной книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, описывается борьба сатаны съ Богомъ: дьяволъ претворяется въ тѣмъ, а Господь—въ свѣтѣ: первый принимаетъ образъ исполнинскаго змѣя, а послѣдній—копья. Наконецъ сожженный божьею молніей, раздавленный громовой колесницею и пронизанный дождемъ, сатана признаетъ себя по-

¹⁾ Макуш., 81-82; Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 45; Nag. zpiewanku, I, 429; Срезнев., 17. — ²⁾ Germ. Mythen, 167—8.
³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 239.

бѣжденнымъ, и Господь налагаетъ на него желѣзные цѣпи ¹⁾). Подъ другимъ поэтическимъ воззрѣніемъ гроза и крутящіяся вихри представлялись чортовой свадьбою или пляскою (I, 330—1), и до сихъ поръ поселяне наши убѣждены, что зимнія вьюги и матели посылаются нечистою силою; появленіе и исчезаніе чертей сопровождаются бурей и трескомъ ломающихся деревьевъ. Манихей и другіе еретики внесли въ свое ученіе догматъ, что буря есть дыханіе заключеннаго въ оковахъ дьявола (сравни I, 311), что громъ—скрежетъ его зубовъ, злобное ворчанье, а дождь—капли его пота ²⁾). Въ сербской рукописи (XIV вѣка) содержится отрывокъ закланія противъ нечистой силы, въ которомъ читаемъ: «запрещаю ти четирихъ патріархи, запрещаю ти, діаволе, 308-ю святыхъ отецъ, иже въ Никей, да не имаша власти на троудѣхъ христіанскихъхъ (т. е. надъ нивами) одѣждити (одождити) боу-рею и злимъ градомъ ³⁾). По мнѣнію чеховъ, вѣстѣ съ вихрями, поднимающими пыль столбомъ, движутся злые духи и причиняютъ людямъ болѣзни; сражаясь въ воздухѣ, черти бросаютъ другъ въ друга мельничные камни, которые раздробляются на тысячи кусковъ и падаютъ на землю градомъ; когда приближается бурная гроза, чехи заклиняютъ ее слѣдующей заповѣдною формулою: «zaklinam vás, anděle pekelní kteri posíláte krupobiti na tento svět, neškoj'te ourodám božím, ani zemi, ani chmelnicím, ani lukám, ani lidem, ani hovědům, ani žádnému stvoření božimu... abyste na skály a na hustiny šli.» Подобно тому въ Ведахъ встрѣчаемъ молитву: «не повреди намъ, Рудра, на сынахъ нашихъ и внукахъ, на лошадяхъ и коро-вахъ!» ⁴⁾ Отъ XVI вѣка дошли до насъ сказанія, въ кото-рыхъ опустошительныя бури изображаются, какъ дѣло нечи-

¹⁾ Опытъ истор. обозр. рус. словесн. О. Миллера, I, 332. — ²⁾ Киев. 1865, 57; D. Myth., 952. — ³⁾ Оп. Румян. Муз., 605—6. —

⁴⁾ Громанъ, 33—35.

стихъ духовъ: въ 1570-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи жители наблюдали ихъ полетъ въ стремительныхъ вихряхъ, а въ одной деревнѣ рассказывали, будто дьяволъ свелъ любовную связь съ бабою (вѣдьмою) и научилъ ее напускать грозу и градъ; когда виновную бабу спалили на огнѣ, то черти подхватили ея душу и унесли въ вихрь. Въ 1585 году крестьянинъ, у котораго градъ выбилъ ниву, такъ выразился о своемъ несчастіи: «však Pan Bůh tehda spal, když nám čert to obilí zdtíl a kroupami potloukl!» ¹⁾ Въ народныхъ клятвахъ донинѣ дается чорту стихійное значеніе: «hat dich der teufel aber herzu tragen?» «wo führt ihn der teufel her?» «daz dich der tiuvel hin füere!» «var du dem tiuvel in die hant!» «fahr hin zum teuffel!» «le diable t'emporte!» «куда тебя чортъ занёсъ! (или: завелъ)» «чтобъ тебя чортъ бралъ!» Сличенъ съ заклѣтіями: «was für ein wetter führt dich her!» «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?» «wo schlägt dich der bagel her?» «ich will des wetters sein!» «ich bin des donners!» «какимъ вѣтромъ тебя занесло сюда?» (см. также т. I, стр. 317) у словаковъ: kde tam ideš do Pačoma! «kde si bol u Pačoma?» Клятва: zum teuffel! (къ чорту!) равносильна выраженіямъ: zum donner! и dass dich der hammer! Рядомъ съ благословеніемъ: gott walt! въ устахъ народа слышится: des walte der teufel, der donner! Названія teufelskind и donnerskind, teufelsgeld и donnersgeld (заклятыя деньги)—тождественны. Чорту приписывается быстрота вихря или несущихся въ грозѣ духовъ неистоваго воинства; подобно эльфамъ, чортъ можетъ внезапно появляться, исчезать, оборачиваться въ различные образы и дѣлаться то великаномъ гигантскихъ размѣровъ, то карликомъ, способнымъ пролѣзть въ замочную скважину или въ

¹⁾ Иречекъ — въ Часописи 1863, I, 23-24.

пустой орѣхъ. Въ средневѣковыхъ сагахъ герои приносятся изъ дальнихъ странъ домой съ необычайною скоростью чортомъ и бѣльшею частію чрезъ воздушныя пространства. Такъ король Карлъ въ единую ночь прискакалъ съ востока во Францію на дьяволѣ, превратившемся въ коня ¹⁾. Извѣстная легенда о святомъ пустынникѣ, котораго въ нѣсколько часовъ свозилъ чортъ въ Іерусалимъ или въ Римъ ²⁾. Другія саги допускаютъ замѣну нечистаго духа ангеломъ, указующимъ на быстрого коня: знакъ, что первоначально тутъ разумѣлся не злой демонъ христіанскаго ученія, а созданный язычествомъ стихійный духъ (= вѣтръ) или самъ Вуотанъ, несущій своего любимаго героя въ бурномъ полетѣ облаковъ ³⁾. Какъ представитель легко-измѣнчивыхъ облаковъ и тумановъ, чортъ можетъ превращаться во всѣ тѣ образы, въ которыхъ древнѣйшій мнѣз олицетворялъ тучи. Согласно съ эпическими названіями облаковъ ходячими и, а вѣтровъ буйными, черти вѣчно бродятъ по свѣту и отличаются неустанною, безпокойною дѣятельностью; на областномъ нарѣчій шатунъ означаетъ и бродягу, и дьявола ⁴⁾. По быстротѣ своего полета, тучи уподоблялись хищнымъ птицамъ, легконогому коню, гончимъ псамъ и дикимъ козламъ и козамъ, а ради той жадности, съ какою онѣ пожираютъ (= помирачаютъ) небесныя свѣтила, — волку и свинѣ. Всѣ эти животненныя формы принимаетъ и нечистый. Изъ сейчасъ-указанной саги видно, что онъ, наравнѣ съ вѣдмами, можетъ превращаться въ бѣрзаго коня; въ другихъ сказаніяхъ онъ, подобно Вуотану и

¹⁾ D. Myth., 951, 964, 6, 980; Nag. zpiewanku, I, 407. — ²⁾ Н. Р. Лег., 19, 20, с и стр. 165-8; Семеновск., 52-53; Пам. стар. рус. литер., I, 245-8: „Сказаніе о великомъ святителіи о Іованнѣ, архіеп. великаго Новаграда, како былъ единой ноци изъ Новаграда въ Іерусалимъ-градъ и пакы възвратися.“ — ³⁾ D. Myth., 980. —

⁴⁾ Обл. Сл., 263.

Донару, выезжаетъ на черномъ конѣ или въ колесницѣ; осужденныхъ грѣшниковъ увозятъ въ адскія бездны черныя нонн; Локи превращался въ кобылу в породилъ осьминогаго Слейпнира отъ вельканова жеребца Svadhillfari. Прибавимъ, что и водяные представляются на половину, а иногда и состоятъ въ лошадиномъ образѣ; а кобольдамъ народныя повѣрья даютъ лошадиную ногу. Чортъ нерѣдко показывается въ видѣ собаки и даже называется hellehund, напоминая тѣмъ греческаго Цербера; какъ адскій песъ, онъ стережетъ спрятанныя въ облачныхъ подземельяхъ сокровища, оберегаетъ небесныя стада и участвуетъ въ дикой охотѣ—этой потицеской картинѣ весенней грозы, почему его называютъ также: hellehirte и hellejager. Въ силу мифическаго сродства жертвенцовъ съ стихійными духами создалось вѣрованіе, будто онъ охотится за душами усопшихъ, какъ гончая собака за убѣгающей дичью: «führt dich der zauch (др. верх.-нѣм. zôha—сука) schon wieder her?» Представленіе чорта козломъ ставитъ его въ особенно-близкія отношенія къ Тору. На праздничныхъ сборищахъ вѣдьмъ сатана является въ образѣ чернаго козла, которому онъ воздаютъ божескія почести; въ заклѣтихъ козель служитъ заміномъ древняго бога. Въ Швейцаріи вародъ не употребляетъ въ пищу козлиныхъ ногъ, потому что такія-же ноги имѣетъ и самъ чортъ: это обыкновеніе объясняется изъ мифа о козлахъ Тора, мясомъ которыхъ утолялъ онъ свой голодъ, а изъ собранныхъ костей снова воскрешалъ убитыхъ в съѣденныхъ животныхъ, и сильно гнѣвался, когда однажды кость козлиной ноги оказалась раздробленною. На подобіе Тора, чортъ ѣздитъ по ночамъ на козлѣ и шелкаетъ бичомъ, или правой рукою махаетъ серебрянымъ молотомъ, а въ лѣвой держитъ молніи. О превращеніяхъ злаго духа въ свинью и волка было сказано выше (I, 715, 732, 740, 781). Чортъ охотно воплощается въ чернаго

вброна, коршуна и сову (I, 529); нѣмцы называютъ его *hellegrabe*, и не только ради хищности и черного цвѣта этой птицы, но и потому особенно, что воронъ посвящался Одну, шествующему въ грозы и буряхъ ¹⁾). Животенныя формы даются бѣсамъ въ придатокъ къ тѣмъ безобразнымъ человѣческимъ формамъ, въ которыхъ рисовались они воображенію первобытныхъ племенъ; надѣлённый козлиными, коровьими или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостомъ, чортъ виѣшнимъ видомъ своимъ сближается съ античными фавнами и сатрами и нашими лѣшими (см. I, 715); онъ также косматъ, какъ *skraten* и *pilosen*; острые когти его и крылья суть признаки звѣринаго и птичьяго типовъ. По лѣтописному свидѣтельству, боги, живущіе въ безднахъ, «видомъ червы, крылаты, съ хвостами и летаютъ подъ небо» ²⁾. Сходно съ эльфами, цвергами и нисками, черти любятъ пляски и музыку (I, 331—4 ³⁾). На ряду съ бѣсами мужескаго пола, преданія говорятъ о чертовкахъ, которыя, по характеру своему, совпадаютъ съ облачными, водяными и лѣсными женами и дѣвами ⁴⁾. У малоруссовъ есть поговорка: дождался чортовой матери! ⁵⁾ Въ народныхъ сказкахъ въ жилищѣ чорта сидитъ его бабка, мать или сестра, которая въ болѣе части случаевъ оказывается благосклонною къ странствующему герою, прячетъ его отъ своего сына и помогаетъ ему въ нуждѣ (съ тѣмъ-же значеніемъ изображается и мать вѣтровъ—см. I, 313); самъ же чортъ, ворочаясь домой, чуетъ носомъ человѣческое мясо, какъ чуютъ его великаны и змѣи. По мнѣнію малоруссовъ, если «дошъ йде кризь сонце (т. е. при солнѣчномъ сіяніи), то чортъ жинку бѣе» или «дочку замижъ видае»; чехи говорятъ: *čert běli svou babu, či svou matku neb choť*

¹⁾ D. Myth., 946-9, 952, 958, 965, 974; Beiträge zur D. Myth., I, 66. — ²⁾ П. С. Р. Л., II, 273. — ³⁾ Ibid., I, 83. — ⁴⁾ D. Myth., 958—9. — ⁵⁾ Номис., 109: „дочекався чортовой мамі!“

(любовницу); французы: *le diable bat sa femme*. Въ Германіи о быстро-сѣняющейсѣ погодѣ—то ясноі, то дождливой въ пасмурной выражаются поговоркою: *der teufel bleicht seine grossmutter*, въ Швейцаріи: *der teufel schlägt seine mutter*; когда громъ гремитъ при солнечномъ сіяніи, вѣщцы говорятъ: *«der teufel schlägt seine mutter, dass sie öl gibt.»* Польско-руси́нское присловье утверждаетъ, что вѣдьмы (чаровницы) сбиваютъ масло въ то самое время, какъ чортъ бабу колотитъ. Очевидно, чортъ выступаетъ здѣсь въ роли громовника; въ шумѣ лѣтней грозы онъ бьетъ свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требуетъ отъ нея масла—дожда (I, 665—7 и гл. XXVI). Туча, въ нѣдрахъ которой рождается молнія, почиталась ея матерью; въ сказкахъ упоминается мать грома, литов. *Perkuna tete*. Съ другой стороны таже облачная нимфа, подъ инымъ поэтическимъ воззрѣніемъ, представлялась любовницею или женою грозового демона, съ которою онъ сочетается молніеноснымъ фаллосомъ ¹⁾.

Вѣсть съ присвоеніемъ громовнику и сопутствующимъ ему духамъ характера демоническаго, сатанинскаго, жилища ихъ, т. е. облачныя подземелья и пещеры, получили значеніе страшнаго царства нечистой силы; въ тоже время царство это признано было обиталищемъ умершихъ, ибо и въ языкѣ и въ повѣрьяхъ Смерть родилась съ нечистою силою ²⁾, а тѣни усопшихъ съ грозowymi геніями. И та, и другія неслись въ рядахъ неместоваго воинства и дикой охоты, сопровождали Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ и вѣсть съ нимъ скрыва-

¹⁾ D. Muth, 157, 960; Номис., 282; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 25. Народныя поговорки утверждаютъ, что „чортъ и баба—родня между собою“, „гдѣ чортъ не сможетъ, туда посылаетъ бабу“.

²⁾ Напоминихъ, что суббота (*dies Saturni*) есть по преимуществу день поминокъ.

лись въ облачныя горы и дождевыя источники. Тѣже самыя образы и краски, какіе созданы были поэтическимъ настроеніемъ древняго человѣка для тучъ, служили и для обрисовки царства демоновъ и мертвыхъ. Прежде всего это есть міръ подземный, куда ведетъ трудный путь черезъ пропасти и горныя ущелія,—міръ непроницаемой тьмы и страшно-клокочущаго, всепожигающаго пламени: тьма указываетъ на помраченіе неба черными тучами, а пламя—на горячія въ нихъ молніи. Таково было воззрѣніе аріискіхъ племенъ. Веды знаютъ ужасный, подземный міръ Nagaka, въ которомъ царствуетъ богиня Nirriti ¹⁾; по ученію древнихъ грековъ, души усопшихъ отходятъ въ подземный, вѣчно-туманный и мгlistый адъ (ᾠδης, ᾠδης), гдѣ властвуетъ богъ Аидесъ (Гадесъ), являющійся во всей грозовой обстановкѣ: онъ имѣлъ шлемъ-невидимку, жезлъ и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молніи ²⁾). Греческому аду соотвѣтствуетъ германская гелла и славянское пекло. Сканд. Hel (гот. Halja, др.-в.-нѣм. Hellia, Hella, англос. Hell) принимается въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе того свѣта (unterwelt) и какъ имя царствующей тамъ богини—точно также, какъ греч. ᾠδης и лат. Orcus (uragus, ergus) олицетворялись въ мужскомъ образѣ. Ульфила переводитъ ᾠδης словомъ halja; верхненѣмецкій переводчикъ св. писанія infernus передаетъ черезъ hella, а gehenna—черезъ hellafiuor и hellawizi. Геллу, сверхъ того, чтили язычники какъ богиню смерти, существо злое, забирающее души усопшихъ въ свою печальную область, откуда уже нѣтъ возврата. По свидѣтельству Эдды, она была дочь Локи, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змѣи; она на половину или и совсѣмъ чернаго цвѣта, подобно тому, какъ,

¹⁾ Die Götterwelt, 53. — ²⁾ Der Ursprung der Myth., 171.

олицетворяя Смерть, народное воображеніе рисуетъ ее сумрачною и черною. Царство Геллы лежитъ глубоко въ утробѣ земли, подъ корнемъ міровой ясени Иггдразилли и носить имя Niflheimr или Niflhel=nebelwelt, nebelhölle (облачный, туманный міръ или адъ); ея чертогъ—Eliudhnir (страданіе, бѣдствіе), блюдо—Húngr (голодъ), ножъ—Sultr (съ тѣмъ же значеніемъ), т. е. она пожираетъ съ ненасытнымъ голодомъ. Въ среднія вѣка изображали адъ жадно-раскрытымъ, поглощающимъ людской родъ зѣвомъ, подобнымъ волчьей пасти; старинные памятники говорятъ о безднѣ, дверяхъ и челястяхъ адскихъ. Иден зіяющей бездны, отверстой пасти, воротъ и крѣпкихъ, неодолимыхъ запоровъ такъ естественно возникали въ данномъ случаѣ, что разные народы постоянно обращались къ этимъ образамъ. Наши церковныя и лубочныя изображенія страшнаго суда рисуютъ адъ въ видѣ открытой, огнедышащей пасти чудовищнаго змѣя ¹⁾. Усопшіе ѣдутъ въ область Геллы на коняхъ или въ колесницѣ («saga til Heljar»); созвѣздіе Большой Медвѣдвцы называютъ не только himmelwagen, но и hellewagen; имена, даваемые млечному пути, указываютъ на него, какъ на дорогу, которая ведетъ умершихъ на тотъ свѣтъ: любопытныя данныя, ярко-свидѣтельствующія, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическимъ обозначеніемъ небесныхъ, облачныхъ пещеръ. Греки помѣщали адъ то въ нѣдрахъ земли, то за предѣлами воздушнаго океана, гдѣ находились и блаженные острова. Рядомъ съ подземной странюю Nagaka индѣйское вѣрованіе указываетъ на фиговое дерево (asvattha

¹⁾ У пророка Исаіи, V, 14: „и разшири адъ душу свою, и разверзе уста своя“. На стѣнной живописи вологодскаго Сосійскаго собора подъ стопани Спасителя, изводящаго изъ ада души протцевъ, изображены сокрушенныя врата, веревы и заклепы — Изв. Имп. Археолог. Общ., IV, 24.

—Иггдразилль), подъ сѣнью котораго пребываютъ праотецъ Яна и всѣ блаженные—Pitris, наслаждаясь невозмутимымъ покоемъ и вмѣстѣ съ богами вкушая безсмертный напитокъ. Рядомъ съ геллою скандинавскій мнѣзъ называетъ валгаллу (valhöll). На высокомъ небѣ высился Ásgardhr—городъ свѣтлыхъ асовъ, гдѣ хозяиномъ и владыкою былъ Одвнъ; окруженный крѣпкими стѣнами, городъ этотъ заключалъ въ себѣ славные чертоги и валгаллу. Эта послѣдняя имѣла 540 дверей, вмѣсто кровли была покрыта золотыми щитами, на стѣнахъ ея висѣли блестящія мечи и давали свѣтъ, озаряющій всю залу. Сюда поступали падшіе въ битвахъ герои (eiðherier) и продолжали свои воинскія занятія; каждый день они сражались на дворѣ и умерщвляли другъ друга, но когда наступало время трапезы—убитые возставали и пировали за однимъ столомъ съ побѣдителями, вкушая безсмертныя яствы и вдохновительный медъ; въ битвахъ этихъ принималъ участіе и самъ Одинъ. Ясно, что герои валгаллы суть стихійные духи, сражающіеся въ лѣтнихъ грозахъ и пьющіе живую воду дождя—представленіе, перенесенное потомъ на доблестныхъ народныхъ витязей, души которыхъ смѣшиваются съ безсмертною свитою Одина. Въ царство же Геллы поступаютъ умершіе отъ старости и болѣзней; первоначально это — мѣсто пребыванія усопшихъ, а никакъ не мѣсто наказанія грѣшниковъ; о казнихъ и мукахъ нѣтъ ни слова въ древнѣйшихъ памятникахъ, и обитатели Нифльгейма составлялась не исключительно изъ злыхъ и нечестивыхъ людей, но всѣ скончавшіеся не въ пылу сраженій, даже самыя благородныя и возвышенныя личности, отходили сюда, какъ свидѣлствуютъ примѣры Брингильды и Бальдура. По греческому вѣрованію, почившіе герои поступали въ мрачныя вертепы ада. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ мифическихъ основъ—съ теченіемъ времени, когда выработалась извѣстная сумма нравственныхъ правилъ, должны бы-

ли развиваться представленія о различной участи, ожидающей по смерти добрыхъ и злыхъ. Слабые зачатки такихъ представлений истрѣчаемъ уже въ мірѣ языческомъ, отдѣлившемъ небесное царство Ямы и блаженныхъ праотцевъ отъ подземной области Нараки. Съ забвеніемъ исконнаго смысла старинной метафоры, уподобившей облака горамъ и подземельямъ, и съ перенесеніемъ ада въ дѣйствительныя нѣдра земли, сказанія о немъ стали противопоставляться міну о небесныхъ (райскихъ) обителяхъ боговъ и ихъ любимцевъ ¹⁾. Уже Гомеръ различаетъ тартаръ отъ елисейскихъ полей; тартаръ лежалъ еще глубже ἄδης'а—въ безднѣ, гдѣ томилась заключенные великаны, буйные противники боговъ, и позднѣе признанъ былъ за ту часть подземнаго царства, въ которой злые осужденны терпѣть казни; въ елисейскихъ же поляхъ проводятъ безпечальные дни тѣни блаженныхъ. У германцевъ также было вѣрованіе, принимаемое Я. Гриммомъ за сравнительно-позднѣйшее, что Всевышній (Allvater) даруетъ людямъ безсмертныя души, и какъ скоро трупъ покойника будетъ сожженъ на кострѣ или сгниетъ въ могилѣ—душа добраго возвращается въ Одиву на небо (Gimill, Vingôlf), а душа злаго идетъ въ Niflheimr. Собственно же говоря, строгое различіе между грядущими судьбами добрыхъ и злыхъ и мѣстами ихъ посмертнаго пребыванія указано христіанствомъ, которое потребовало отъ человѣка высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутреннимъ достоинствамъ. Въ XIII вѣкѣ уже утвердилось за геллою ея теперешнее значеніе подземнаго царства муизъ, въ которомъ пребываютъ души осужденныя, проклятыя ²⁾. Въ др.-вер.-нѣмецкихъ памятникахъ употре-

¹⁾ Между небомъ и подземнымъ царствомъ ада земля составляетъ средину — Midhgardh (media domus) — D. Myth., 526; О вл. христ. на сл. нѣ., 188 — ²⁾ D. Myth., 288-292, 663, 761-4, 777-8; Die Götterwelt, 58, 158, 162.

блается въ смыслъ ада—bēsch (pēsch—pīh, смола); новыя греки называютъ преисподнюю πῑσσα. Этотъ смоляной адъ назвѣстенъ у славянъ и литовцевъ подъ именемъ пѣкла (пол. piekło, серб. пакао, слов. pekel, нл. rakal, лит. rekla, др.-прус. pickullis), каковое слово происходитъ отъ глагола печь, пеку в равноозначаетъ и смолу, которая гонится чрезъ жженіе смолистыхъ деревьевъ, и геенское пламя ¹⁾. Венгерское rokol (адъ) заимствовано отъ славянъ—точно также, какъ германскія племена заимствовали отъ римлянъ infern. На Руси смолу называютъ варомъ, а слово дѣготъ имѣетъ въ санскритѣ корень dah (dagh) — горѣть ²⁾. Слѣдуя буквальному значенію этихъ словъ, предки наши связывали ихъ съ представленіями весеннихъ водъ и дождей, рождающихся дѣйствіемъ яркаго солнца и молніеноснаго Перуна изъ растопленныхъ снѣговъ и тучъ. Такимъ образомъ смола и деготь издревле были метафорами дождя (I, 788-9), а слово пекло къ обозначенію «ада» перешло отъ понятія грозовой тучи, пылающей молніями и преисполненной кипучею влагою живою воды. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ греч. τάρταρος переводится грозой: «ниги грозѣ предаются» ³⁾. У люнебургскихъ вендовъ адъ—smela—смола. Литовскій Rokole (Roklus, др.-прус. Pikelos, Pekolos) есть богъ-пекельникъ, владыка того свѣта, тождественный Гадесу; чортъ по литовски—rusulas (др.-прус. pickuls). По народнымъ повѣртіямъ, появленіе и исчезаніе нечистыхъ ду-

¹⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синодальн. библіотеки, отд. I, 109: пѣкло — смола; отд. II, вып. II, 239: пекла моуки — inferni roenas; Церковнослав. слов. Востокова: «посмоли же ковчегъ пекломъ»; пеколь, пекль, пьколъ — смола или асфальтъ. —

²⁾ Г Милуцкій сближаетъ dah съ славянскимъ жег; ѳ вывѣняется въ ж, какъ въ словахъ: орудіе — оруміе, куделя — кужеля (Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 589). — ³⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синод. библ., отд. II, вып. II, 261—2.

ховъ всегда сопровождается громовымъ трескомъ в удушья-
выми парами, распространяющимъ сѣрный или смолистый за-
пахъ ¹⁾. Малороссійская поговорка: «якъ дядько по пеклу
шибаетця» указываетъ на властвующаго тамъ сатану или под-
земнаго Перуна; какъ у славянъ имя Дѣда=Перуна перешло
въ названіе дьявола (дѣдько—см. II, 488), такъ у нѣм-
цевъ *al t* есть не только прозваніе Тора, но сверхъ того озна-
чаетъ и чорта, в велькана; сравни наше: «старый чортъ» ²⁾.
Славяне полагаютъ пекло подъ землею, куда надо спускаться
черезъ разинутую адскую пасть, подобную глубокому, из-
вергающему страшное пламя колодцу. Простолюдныя русскіе
убѣждены, что душа во время «обмиранья» (летаргін), руково-
димая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ въ подземномъ
царствѣ и видитъ тамъ адскія муки. По свидѣтельству Длу-
гоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести
ихъ по смерти въ лучшія мѣста ада (*in meliores inferni
sedes* ³⁾). Въ Шлезіи «пекломъ» называютъ склепы съ погребальными урнами ⁴⁾; а славацкій *pikulj* принадлежитъ
въ разряду домовыхъ геніевъ, въ образѣ которыхъ чтились ду-
хи усопшихъ предковъ. Въ народныхъ сказкахъ герои, отпра-
вляясь на тотъ свѣтъ, нисходятъ туда черезъ глубокую яму.
Словаки рассказываютъ объ одномъ охотникѣ, который, по
указанію бабы-яги, ѣздивъ въ адъ и спускался для того въ про-
пасть; его везъ летучій змѣй (драконъ-туча), и когда не хва-
тило запасовъ—странствующій молодецъ вынужденъ былъ
дать змѣю кусокъ мяса отъ собственной ноги и остался навсег-
да хромъ ⁵⁾. Тѣже подробности находимъ въ нашихъ, нѣ-

¹⁾ D. Myth., 765; Lituanica, Шлейхера, 27; Дюевбахъ, I, 336-7; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 13; Громанъ, 27; Киев. 1865, 57. — ²⁾ D. Myth., 957. — ³⁾ Ж. М. Н. II. 1847, II, ст. Срезнев., 188. — ⁴⁾ Вѣст. Евр. 1826, III, 210. — ⁵⁾ Пов. и пред., 153-5; Nag. zpiwanky, I, 12.

ицких и норвежскихъ сказкахъ, повѣствующихъ о возвращеніи героевъ съ того свѣта—изъ далекой страны чудовищныхъ демоновъ; но мѣсто змѣи заступаетъ громадная птица, потемняющая своими крыльями солнечное сіяніе. Въ заговорахъ нечистая сила посылается «въ океанъ-море (=небо), въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, въ тартарары—вотъ му кромочную» ¹⁾. Изображая адъ пекломъ, т. е. возженною смолою, народная фантазія соединила съ нѣмъ представленіе объ огненной, бурно-клокочущей рѣкѣ, которая у грековъ называлась Πυρφλέγέθων (огненный потокъ ²⁾). Мѣлъ о кончинѣ міра, живописующій разрушеніе въ шумѣ весеннихъ грозъ старой, одряхлѣвшей за зиму природы, свидѣтельствуешь, что въ то страшное время протечетъ рѣка огненная. При концѣ вселенной настанетъ царство антихристово, свѣтила небесныя померкнутъ, архангелы вострубятъ въ рога и мгновенно воскреснутъ мертвые. «Посемъ, говоритъ Кириллъ Туровскій, огонь неугасимый потечетъ отъ востока до запада, поядая горы и каменіе и древа, и море изсушая; твердь же яко баресто свертится (вар. небеса совіются), в вся видная сущія вещи, развѣе человекъ, «вся отъ ярости огненныя яко воскъ истаютъ, и згоритъ вся земля. И сквозь той огонь подобаетъ всему человеческому роду прости... Въ нихъ же суть нѣщии, мало имуще сѣгрѣшенія и несправленія, ако человекъ, понеже есть Богъ единый безъ грѣха, да симъ огнемъ искушени будутъ, очистятся и просвѣтятся тѣлеса ихъ яко солнце, по добродѣтели ихъ: праведнымъ дасть свѣтъ, а грѣшнымъ опаленіе и омра-

¹⁾ Сахаровъ, I, 30—31. — ²⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 637; φλέγω —жигаю. Калевала упоминаетъ огненную рѣку; волны ея бьются въ скалы, на вершинѣ которой сидитъ орелъ (молніеносная птица) и точить свой клювъ.

«челіе (см. I, 219). Промедшимъ же имъ огненную сію рѣку, «огненная ея рѣка, по божію повелѣнію, послуживше и отшедши къ западу, учинится во озеро огненное на мученіе грѣшнымъ. Посевъ будетъ земля нова и равна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣгу, и потомъ повелѣвіемъ бо-жівимъ премѣнится и будетъ яко золото; изидеть изъ нея трава и цвѣтїи много различни и неуывающїи и некогда-же... и възрастутъ древа не яко видимає свеще, но высотой, лѣпотою, величествомъ невозможно есть изъглаголати усты челоувѣческими» ¹⁾). Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: протечетъ рѣка огненная и запылаетъ огонь отъ земли до неба и пожретъ камни, лѣса, птицъ и звѣрей;

Сойдутъ съ небесъ ангелы грозные,

И снесутъ они орудїа описаныя

И погонять грѣшныхъ въ рѣку огненную.

Вслѣдъ за тѣмъ начинается великій потопъ, омывающій грѣховную землю ²⁾). На картинахъ страшнаго суда изображается и эта неугасимая рѣка, съ толпами захваченныхъ ею грѣшниковъ. Въ путевыя записки Коробейникова и Грекова, при описаніи святыхъ мѣстъ Палестины, занесено преданіе: «и тою подолю, сказываютъ, хочетъ течь рѣка огненная въ день страшнаго суда» ³⁾). Въ народномъ стихѣ Михайлъ-архангелъ представляется въ роли Харона ⁴⁾): какъ на послѣдняго

¹⁾ Псалт. XII в., 100-й; Рукоп. графа Уварова, II, вып. I, 118—9. Въ стихирахъ недѣли мясопустной, по рукописи XV столѣтія, читаемъ: «рѣка же огненная предъ соудищемъ течеть, оужасая всѣхъ... плачу и рыдаю, егда во оумъ прїиму огонь неуогасимый, тмоу кромѣшноюу и пропасть глаубокоюу, лютаго червня неуосыпающаго и сиреметь зубый» — Калѣки Пер., VI, стр. XVII. — ²⁾ Ч. О. Н. и Д., годъ 3, IX, Кирѣвск., 196—205. — ³⁾ Сахаров., II, 146. — ⁴⁾ Имя, указывающее на грозное божество (χαρόψ, χαροψς) — Der Ursprung der Myth., 273.

возложена была обязанность переправлять тѣни усопшихъ черезъ адскіе потоки, такъ этотъ перевозить души праведныхъ черезъ рѣку огненную «ко пресвѣтлому раю» (см. I, 575-7). Въ сказкахъ змѣй и баба-яга указываютъ богатырямъ на огненные источники (=тучи), въ которыя что ни брось— тотчасъ-же все объемлется пламенемъ. Востокъ, откуда восходитъ (=нарождается) ясное солнце, чтился аріицами какъ райская страна, царство Весны и ея благодатныхъ даровъ; напротивъ западъ есть страна ночнаго мрака, смерти и адскихъ мукъ (см. I, 182). Младенческимъ племенамъ все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ; солнце, удаляющееся вечеромъ съ небеснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ-бы уходять подъ землю, а потому западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтло, признанъ былъ за подземное, загробное царство; тамъ полагали греки и свой *ᾠδης*. Весенняя,жигаемая молніями туча течетъ съ востока огненною рѣкою, поѣдаетъ обветшалый міръ и затѣмъ отходить къ западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемирный пожаръ дѣйствуетъ за одно со всемірнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозоваго пламени и дождевыхъ ливней (см. I, 762 и II, 644—7), и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны: земля, обезсиленная рукою старости—зимы, юнѣетъ и обновляется, поля и лѣса одѣваются въ зелень и сулятъ обиліе плодовъ земныхъ. Согласно съ представленіемъ зимнихъ тучъ безплодными горами и скалами, созданными владыкою демоновъ и разрушенными богомъ-громовникомъ, новый міръ изображается цвѣтущею равниною. Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго очищенія (см. II, 14, 22, 181), то понятно, почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двоякое значеніе: во первыхъ—адскаго, наказующаго потока, и во вторыхъ—очистительнаго пламени (*fegefeuer*); здѣсь коренится католическій догматъ о чистилищѣ (*purgatorium*).

По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ ея хлябей неведомъ, что напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небеснаго океана (см. II, стр. 153—5):

И прошелъ неводъ мукой вѣчною,
И вытащилъ душъ праведныхъ (прощенныхъ) изъ муки
вѣчныя ¹⁾.

Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злыя, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною металлическою рѣкою (сравни II, 762), которая разольется при концѣ вселенной, и потомъ уже начнется всеобщее, безконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вѣчный свѣтъ и правда ²⁾.

Кромѣ запада, идея ада связывалась съ сѣверомъ, какъ странною полуночною, вѣющею зимиными стужами. Понятія ночи, зимы, смерти и все-потемняющихъ тучъ отождествлялись въ языкѣ и мифахъ, что и повело къ представленію сѣвера царствомъ демоновъ, и напротивъ заставило югъ сблизить по значенію съ востокомъ, видѣть въ немъ родину небеснаго огня. По скандинавскому преданію, царство Геллы лежитъ на сѣверѣ. Когда Негмôdhг посланъ былъ къ усопшему Бальдуру, онъ девять ночей (по русски слѣдовало бы сказать: девять дней) ѣхалъ мрачными глубокими долинами и достигъ рѣки Giöll (strepens—шумно-бурливая), черезъ которую велъ мостъ, покрытый блестящимъ золотомъ (т. е. радуга, издревле признаваемая за дорогу въ небесныя обители и путь усопшихъ). Мостъ этотъ сторожила дѣва Môdhgudhri; ова объявила страннику, что пять дней передъ тѣмъ толпа

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 215-6. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 328; 1858, III, 277-8.

умершихъ мужей перешла черезъ мостъ и что жилище Геллы (helveg) находятся еще глубже и сѣвернѣе. Мрачныя, глубокия долины соотвѣтствуютъ греческому Ἔρεβος и составляютъ проходъ, ведущій къ аду (Halja): это—холодная, туманная, охваченная непроницаемымъ мракомъ страна Niflheimr'a, гдѣ обстаютъ и носятся темныя эльфы. Посреди этой страны бьетъ источникъ Hvergelmir, изъ котораго истекають двѣнадцать бурливыхъ рѣкъ и между ними Gjöll, ближайшая къ жилищу богини. Потоки эти суть мнѣстическія представленія дождевыхъ ключей, такъ какъ самый Niflheimr—поэтическое изображеніе тумановъ и сгущенныхъ облаковъ. Туже обстановку встрѣчаемъ и въ античныхъ сказаніяхъ о мутномъ, окруженномъ постоянными туманами Стиксѣ ¹⁾ и другихъ адскихъ рѣкахъ ²⁾. По разсказу Гомера, адъ находится у водъ великаго (воздушнаго) океана и корабль Одиссея направляется туда сѣвернымъ вѣтромъ:

Тамъ киммерійнѣ печальныя область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являеть
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ...
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ ³⁾.

Хотя скандинавскій мифъ, описывая послѣдній день вселенной, и умалчиваетъ объ огненной рѣкѣ, но за то говоритъ о всесвѣтѣ:

¹⁾ „Styx nebulae exhalat iners.“ — ²⁾ D. Myth., 762-4. Сравни т. I, стр. 376, съ сказаніями о рѣйскихъ рѣкахъ; дождевыя, грозовыя потоки равно принадлежать и раю, и аду, только на обрисовку ихъ здѣсь и тамъ употреблены различныя поэтическія краски. — ³⁾ Одис., XI, 13 — 19. Киммеріане—жители загробной области, усопшіе; Одиссей отправляется къ нимъ спросить душу мудраго Тирезія. „Auch deutet ihr name, auf Erebus und Unterwelt, da sie auch Κερβέριοι hiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Κέρβερος mit έρεβος zusammenhängt, während der name Κιμμέριοι auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf έρεμνός führt.“ — Griech. Myth. Преллера, I, 634. Сравни съ преданіями о блаженномъ народѣ гиперборейхъ — ibid., 189.

нѣмъ пожаръ. Въ противоположность сѣверному міру зимняго холода и тумановъ, на югѣ лежитъ міръ огня, называемый въ Эддѣ Muspellsheimr¹⁾. Охранять Muspellsheimr приставленъ Surttr (род. Surtar—schwarzbraune)—иия, родственное съ словомъ svartr—niger; вулканическія разщелины скалъ въ Исландіи называются Surtarhellir. Surttr и Svartr встрѣчаются, какъ имена великановъ. Нигдѣ въ объѣхъ Эддахъ Суртуръ не выступаетъ въ качествѣ бога; подобно другимъ великанамъ, онъ—врагъ и соперникъ асовъ, демоническій представитель грозовыхъ тучъ: Völuspá огонь называетъ Surta sefi—Surti amicus. Когда грѣхъ превзойдетъ мѣру, на землѣ станутъ царствовать жестокость, властолюбіе и неправда, и вселенною овладѣетъ суровая зима; тогда должна послѣдовать кончина свѣта (см. I, 759). Вооруженный блестящимъ мечемъ и окруженный пламенемъ, Суртуръ подымется вѣстѣ съ грозными сынами Муспелла (Muspellsööhne), наступитъ войною на боговъ и предастъ вселенную страшному огню; при его появленіи задрожать скалы, люди пойдутъ путемъ смерти и небо распадется съ трескомъ. Асы будутъ побѣждены, старый міръ рушится и на мѣсто его возникнетъ новый, благословенный. Ясно, что огненная рѣка, текущая съ востока, и пламя всесвѣтнаго пожара, приносимое съ юга, — представленія совершенно-тождественныя. Подъ вліяніемъ христіанскихъ сказаній, старо-верхне-нѣмецкая поэзія выводитъ вѣсто Суртура-антихриста и заставляетъ его сражаться съ Ильєю-пророкомъ, пролитая кровь котораго вос-

¹⁾ Muspellir (muspille), по объясненію Я. Гримма, — слово сложное: вторая часть его spillir, spellir, spell родится съ слог. spíöll — corruptio, spilla — corrumpere, англес. spillan — perdere, англ. spill, др.-в.-нѣм. spildan, др.-савс. spildian; mud, m (mü?) заключаетъ въ себѣ понятіе земли или дерева. Следовательно mudspellir есть поэтическое названіе огня, какъ вѣстребителя деревьевъ, пожирателя дровъ.

пламеняетъ всѣ горы ¹⁾). Славяне также соединяли идею ада не только съ западомъ, но и съ сѣверомъ; они донынѣ хранятъ воспоминанія о безпощадной странѣ смерти, вѣющей стужей и мятелями. Адъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ отчасти изъ пропастей и безднъ, наполненныхъ кипучею смолою; отчасти—изъ снѣжныхъ и желѣзныхъ горъ (т. е. изъ тучъ, окованныхъ зимнимъ холодомъ). Изъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ зимою Морозы и сюда скрываются они на лѣто; вообще вьюги и морозы, по народному повѣрью, происходятъ отъ выходения нечистой силы изъ адскихъ вертеповъ. Отсюда же прилетаютъ въ извѣстную пору своего губительнаго вліянія, опредѣляемаго физическими условіями, весеннія лихорадки, коровій моръ и другія болѣзни, обыкновенныя спутницы и помощницы Смерти, которымъ простоядны даютъ характеристическій эпитетъ «замороженныхъ» ²⁾). Вспомнимъ, что двѣ народы—великаны заключены въ горахъ на самой полуночи (см. т. II, стр. 455). Нѣмцы полагаютъ жилище чорта на сѣверѣ; этой страны боятся и русскіе поселяне, и эсты ³⁾). Въ древне-славянскихъ переводахъ и оригинальныхъ произведеніяхъ словомъ тартаръ обозначается подземная пропасть, никогда неосвѣщаемая и несогрѣваемая солнцемъ, мѣсто вѣчнаго, нестерпимаго холода, куда будутъ посланы души грѣшниковъ: «а се есть глаголемый тартаръ—зима несъгрѣема и мразъ лютъ». Лингвисты слово тартаросъ роднятъ съ тартар (σω—дрожу отъ холода ⁴⁾).

Такимъ образомъ съ адомъ соединялись самыя противоположныя представленія: яркаго пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимаго жара и мертвящихъ морозовъ. Эти различныя дан-

¹⁾ D. Myth., 768—771. — ²⁾ Сахаров., I, 54; II, 27, 65. — ³⁾ D. Myth., 953. — ⁴⁾ Труды Моск. Археолог. общ., I, 74—75 (Матеріалы археолог. словаря).

ныя послужили основой для изображенія тѣхъ страшныхъ мукъ, на которыя осуждаются грѣшники. Злые демоны гоняются за душами усопшихъ грѣшниковъ, схватываютъ ихъ острыми когтями, связываютъ, какъ своихъ плѣнниковъ, и погружая въ адскія бездны, предають жестокии казнямъ; поэтому германскія племена даютъ чорту названія: *henker*, *diebhenker*—палачъ, воръ, мучитель, *der mörder von anfang*, *der grausame seelenhenker* ¹⁾. Подобно водянымъ духамъ, встрѣчающимъ всякаго утопленника съ плясками и весельемъ, черти, по русскому повѣрью, заводятъ неистовую гульбу возлѣ труповъ удушенника и самоубійцы ²⁾. «Будетъ мѣла розная, говоритъ стихъ о страшномъ судѣ: нымъ грѣшникамъ будутъ огни негасимые, нымъ—зима студѣная, нымъ—смола кипучая, нымъ—червь ядовитые, а нымъ—тьма несвѣтлая и пропасть глубокая ³⁾. Апокрифическая статья «Хожденіе Богородицы по мукамъ», рукописи которой восходятъ къ самому началу письменности ⁴⁾, рисуетъ полную картину адскихъ истязаній: одни грѣшники и грѣшницы мучатся въ огненномъ озерѣ (или огненной рѣкѣ), погруженные по поясъ, по грудь, по шею и съ головою; другіе возлежатъ на пламенныхъ одрахъ; многіе повѣшены за ноги, руки, языки, уши, сердце, и поѣдаемы червями и змѣями; нѣкоторыхъ дьяволы прободають желѣзными прутьями и рожами, а нѣкихъ сосетъ лютой змѣй—чудовище съ огненнымъ языкомъ и желѣзными когтями. Сравни съ рассказомъ, записаннымъ въ Пансьевскомъ сборникѣ (XIV в.): «и вѣдѣхомъ озеро полно змѣй, якоже баше не видѣтъ воды подъ нвни, и слыша-

¹⁾ D. Myth., 956, 964. — ²⁾ Украин. мелодіи Маркевича, 117.—

³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3. IX, 201.—⁴⁾ Списокъ Троицкой лавры относится къ XII вѣку — Пам. отреч. литер., II, 23; Пам. стар. рус. литер., III, 118-124. Хожденіе по мукамъ апокрифическая литература приписываетъ и апостоламъ, и святымъ — Пам. отреч. литер., II, стр. 40 и дал.

хомъ плачь и стenanье люто, и бяше езеро то полно чelовѣкъ, и приде гласъ съ небесѹ, глаголя: си сѹть людѹе осужденіи!» ¹⁾ Въ одномъ рукописномъ отреченномъ сказаніи, сообщенномъ мнѣ проф. Григоровичемъ, сказано: «Адамъ поживе на землѣ лѣтъ 930 и умре, и приде Смерть сатанина и вземъ душу его и внесе се во адъ мучи(т)сь 3000 лѣтъ внутрѣ ада во огни горящемъ, руки и ноги связаны, на шесть цѣплены.» Всѣ эти казни издревле рисовались на иконныхъ изображеніяхъ «страшнаго суда» и до послѣдняго времени продолжали служить богатымъ матеріаломъ для лубочныхъ картинъ. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы мѹки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ, что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котелъ съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, станутъ бить раскаленными прутьями и мучить на страшномъ ложѣ, составленномъ изъ острыхъ иглъ, бритвъ и ножей, снизу котораго вылазетъ жгучій огонь, а свер хукапаетъ растопленная сѣра ²⁾; онъ вѣритъ, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будутъ выгребать изъ печи жаръ голыми руками, что на опойцахъ черти станутъ возить дрова для подтопки адскихъ горновъ и воду для приготовленія кипятка, что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи ³⁾. На лубочной картинѣ, изображающей «смерть грѣшника», сатана говоритъ осужденному: «любилъ ты на бѣломъ свѣтѣ мыться и нѣжиться на мягкомъ ложѣ; поведи тебѣ теперь его въ мою баню огненную и положи на ложе огненное.» Черти ведутъ

¹⁾ Пам. стар. рус. литер., III, 137; Ист. очер. рус. слов., I, 493; О. З. 1857, XI, ст. Пыпина, 350-7. — ²⁾ Н. Р. Лег., 27 («Кумова кровать»); Шлейхеръ, 75-79. — ³⁾ Н. Р. Лег., № 29 и стр. 125; Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, стихи Кирѣев., 212-3; Срп. и. цѣсме, II, 11-14

его въ баню, парять горящими вѣшниками и кладутъ на раскаленное ложе; въ заключеніе разныхъ истязаній они ввергаютъ грѣшника въ огненный колодезь. Представленія эти запечатлѣны тѣмъ матеріальнымъ характеромъ, который ярко свидѣтельствуетъ за нихъ глубокую давность; связь ихъ съ древнѣйшими мѣстами язычества не подлежитъ сомнѣнію. Сосущіе змѣи, воусыпающій червь, расваленные желѣзные прутья и огненные вѣшники суть извѣстныя намъ метафоры молній; котлы и колодези, налитые воспламененною смолою, — метафоры громоносныхъ тучъ. При распредѣленіи загробныхъ мукъ, народная фантазія руководилась мыслію о соответствіи наказанія съ грѣхомъ: сейчасъ указано, что языкъ, провозносившій клевету, долженъ лизать горячее желѣзо, а руки, загребавшія золото, — загребать жаръ, который самъ метафорически назывался золотомъ; бабы, которыя, торгуя молокомъ, подмѣшиваютъ въ него воду, осуждаются поливать другъ друга водою, и т. д. Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія преданія, занесенныя въ народный разсказъ о странствованіи души на томъ свѣтѣ: «Идемо «стѣпомъ, коли я ма така глѣбоченна, що й дна не видно. Дядь (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я поллизти. Гляну, ажъ ее вже другій свѣтъ. Скризь сидять помершіи души, усе по статтямъ... Идемо, ажъ миждь двома «дубами горить у пѣломъи чоловікъ и кричить: ой, прѣбш! «укрійте мене, бо замерзну! ей укрійте мене, бо замерзну! «Дядь и каже: оце той чоловікъ, що просився до ёго зимою «въ хату подорожній, а на дворі була метелица та хуртовина, «а вінъ не пустивъ, дакъ той и змерзъ нидь тиномъ. Оце-жъ «теперъ вінъ горить у пѣломъи, а ёму ще здаєтця, що холодно, и терить вінъ таку муку, якъ той подорожній теривъ «одъ морозу.» По другому варіанту такая мука назначается поджигателямъ. «Идемо далѣшъ, коли лежить чоловікъ коло «криницъ; тече ёму ривчакъ черезъ ротъ, а вінъ кричить:

«прѣбѣ! дайте напѣтьца! Днѣзъ и каже: сей не давъ чоловнко-
«ви въ жннѣзѣ водѣ напѣтьца; жавъ винъ на нивѣ, ажъ иде
«старчнкъ дорогомъ, а жара велика, Спаснвська. Ой, каже, чоло-
«внче добрый! Дай, ради Христа, водѣ напѣтьца. А винъ ёму:
«оце-жъ для тебе вивнзъ! выляю на ниву; а не дамъ такому
«дармоюду, якъ ти! То отъ теперъ ёму ривчакъ черезъ горло
«бнжить, а винъ ще пѣть просить, и до вѣку вѣчного буде ёму
«такъ жарко та тяжко, якъ тому старцеву, що-й шовъ доро-
«гомъ.» Или: стоить грѣшникъ по самыя уста въ водѣ, а не мо-
жетъ утолить нестерпимой жажды; только вздумаетъ напѣть-
ся, какъ вода бѣжитъ отъ него прочь ¹⁾). Подобное мученіе, по
свидѣтельству Гомера, было опредѣлено Танталу. Весьма вѣро-
ятно, что мнѣны эти вначалѣ относились къ стихійнымъ ду-
хамъ и великанамъ, обитателямъ мрачнаго аида, и потомъ уже
были перенесены на души нечестивыхъ людей. Грѣшникъ,
испытующій холодъ среди пламени, напоминаетъ намъ ска-
зочнаго богатыря Мороза-Трескуна, заключеннаго въ огненную
баню; грѣшникъ, томимый вѣчною жаждою—великана Опива-
лу (см. II, 703); бабы, осужденныя поливать другъ друга во-
дою, приводятъ на мысль преданія о вѣдьмахъ-похитительницахъ
небеснаго молока, купающихся въ дождевыхъ ливняхъ, и гре-
ческую басню о Данаидахъ ²⁾). Народныя легенды ³⁾) описываютъ
загробныя муки, какія удалось набожному и сострадательному
страннику («Христову брату») видѣть на пути къ дому не-
беснаго владыки; въ другихъ редакціяхъ вѣстоизгоста стражника
выводится добрый молодецъ, который отправляется къ крас-
ному Солнышку и по дорогѣ къ его царству видить муки грѣш-
никовъ. Очевидно, легенда о Христовомъ братѣ есть поднов-

¹⁾ Кулишъ, I, 306—8; Н. Р. Лег., стр. 124—5. — ²⁾ Греческіе
мнѣны о Тѣтѣи и Сизифѣ (Одис., XI) стоятъ въ связи съ преданіями
о Прометѣѣ и великанахъ, бросающихъ облачныя скалы и горы.—
³⁾ Н. Р. Лег., № 8 и примѣчан. къ этому номеру.

ленная въ христiанскомъ духѣ древнѣйшая сказка, съ замѣною языческаго божества Солнца именемъ Спасителя, называемаго въ церковныхъ пснхъ «праведнымъ солнцемъ». Въ числѣ осужденныхъ сказочный герой видитъ мужика: стоитъ онъ на дорогѣ весь загрязненный, дуетъ на него буйный вѣтеръ и несетъ ему въ ротъ и въ носъ густую пыль. Такая кара определена ему истительными стихійными богами за то, что, живя на бѣломъ свѣтѣ, онъ затыкалъ свою нзбу крѣпко-накрѣпке, чтобы вѣтеръ туда ни дулъ, ни солнышко не пекло. Живописуя адъ и чистилище, поэзія и искусство постоянно пользовались образами, созданными народной фантазіей, и Дантова божественная комедія есть лучшее тому свидѣтельство; ибо въ ней поэтъ сомнѣстилъ все, что только дали ему литературы классическая и средневѣковая.

Живому неестественно не страшиться смерти; потому что жизньъ уже сама по себѣ есть и высочайшее благо и высочайшее наслажденіе, объ исходѣ котораго нельзя думать безъ особеннаго тревожнаго чувства. У всѣхъ народовъ ходитъ много принятъ и совершается много обрядовъ, указывающихъ на тотъ страхъ и то опасеніе, съ которыми смотрятъ на все, что напоминаетъ о послѣднемъ концѣ. Такъ встрѣча съ похоронами счѣтается предвѣстіемъ несчастія и неудача; у грековъ прикосновеніе къ усопшимъ, долгое пребываніе въ домѣ покойника, посѣщеніе больныхъ и умирающихъ требовало очищенія; у римлянъ жрецамъ воспрещалось прикасаться къ мертвому тѣлу ¹⁾. На Руси кто прикасался къ трупу покойника, тотъ не долженъ сѣять, потому что сѣмена, брошенныя его рукою, омертвѣютъ и не принесутъ плода; если умереть кто-нибудь во время посѣва, то въ нѣкоторыхъ деревняхъ до тѣхъ поръ не рѣшаются сѣять, пока не совершатся похороны. Въ Литви, какъ только

¹⁾ О храмахъ, богослуженіи и пр. древнихъ грековъ (СПБ., 1815), I, 144; Прописки, IV, 211.

принимать, что больной умирает, тотчас-же выносить изъ избы всё сѣмья, полагая, что если они останутся подъ одною кровлею съ мертвецомъ, то не дадутъ входовъ ¹⁾. Съ другой стороны такъ какъ зерно, сѣмя есть символъ жизни, то по выносѣ мертваго лавку, гдѣ онъ лежалъ, и всю избу посыпаютъ рожью ²⁾. Тогда-же закрываютъ и завязываютъ ворота, чтобы отстранить губительные удары Смерти и закрыть ей входъ въ знакомое жилье. Горшокъ, изъ котораго омывали покойника, солома, которая была подъ нимъ постлана, и грѣбень, которымъ расчесывали ему голову, везутъ изъ дому и оставляютъ на рубежѣ съ другимъ селеніемъ или кидаютъ въ рѣку, вѣря, что такимъ образомъ Смерть удаляется за предѣлы родоваго (сельскаго) владѣнія или спускается внизъ по водѣ ³⁾. Всѣ присутствующіе при погребеніи обязаны, по возвратѣ домой, посмотреть въ квашню или приложить свои руки къ очагу ⁴⁾, чтобы черезъ это очиститься отъ зловреднаго вліянія смерти (см. т. II, стр. 31).

Видѣніе съ болѣзнями, особенно новальными, быстро-приближающими человека къ его кончинѣ, смерть признавалась у язычниковъ нечистою, злою силою. Отъ того и въ языкѣ, и въ повѣрьяхъ она сближается съ понятіями мрака (ночи) и холода (зимы). Въ солнечномъ свѣтѣ и разлываемой имъ теплотѣ предки наши видѣли источникъ всякой земной жизни; удаленіе этого свѣта и теплоты и приближеніе нечистой силы мрака и холода убиваетъ и жизнь, и красоту природы. Подобно тому смерть, смежающая очи человека, лишаетъ его дневнаго свѣта, отнимаетъ отъ него ту внутреннюю теплоту, которая

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов. нар., 112. Лужичане приостанавливаютъ въ этомъ случаѣ всѣ полевые работы — Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 331. — ²⁾ Ворон. Бесѣда, 221; Этн. Сб., I, 306; Маякъ, XV, 22 — ³⁾ Владим. Г. В. 1852, 23, 28. — ⁴⁾ Ворон. Бесѣда, 222.

прежде согрѣвала охладѣлый его трупъ, и обезображиваетъ лице покойника предшествовавшими болѣзненными страданіями и предсмертною агоніей. Смерть и чортъ въ народныхъ сказаніяхъ нерѣдко играютъ тождественныя роли. Слова: смерть (лит. *smertis*, нѣм. *schmerz*—боль, страданіе), моръ, Морана родственны по корню съ рѣченіями: морокъ (иракъ)—туманъ, за мерекъ (за мерень)—первозимье, за морени—начальные морозы ¹⁾, мара—у насъ: злой духъ, призракъ, у лужичанъ: богиня смерти и болѣзней ²⁾, мерекъ—чортъ (см I, 101). Основу родства означенныхъ рѣченій должно искать въ доисторической связи выражаемыхъ ими понятій. Краледворская рукопись сравниваетъ смерть съ ночью, приносящею тьму, (захожденіе солнца—его смерть, а восходъ—воскресеніе) и съ зимою, представляющею собой смерть природы, какъ весна есть ея возрожденіе. Убитый Влаславъ повалился на землю:

wstati ne moŹeŹe;
Morena iei syraŹe w noc ĉrnu ³⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «*po puti wŹei z wesny ro Moranu*»—на пути отъ весны до Мораны; здѣсь подъ весною разумѣется юность, а подъ словомъ Морана—старость, смерть и зима. Морана представлялась чехами богиней смерти и зимы; ⁴⁾ Вацерадъ сопоставляетъ это имя съ греческою Гекатой, богиней луны (=ночи) и подземнаго царства. Поговорки: *pŹjdeŹ na morán*; *MoŹe-*

¹⁾ Предлогъ *za* означаетъ начало дѣйствія; слѣдовательно приведенныя слова буквально означаютъ начало мрана или смерти (=зимы). — ²⁾ *Volkslieder der Wenden*, II, 268. У литовцевъ и леттовъ *Welnas, Wels*—богъ смерти превратился въ дьявола—*D. Myth.* 814. — ³⁾ Переводъ: встать не можеть; Морена усыпила его въ черную ночь. — ⁴⁾ Другое имя, даваемое этой богинѣ — *Smrtonoška*.

на на něj sáhla; proti Mořeně není kořeně означают: скоро умрешь; его коснулась смерть; противъ смерти нѣтъ корешка (дѣла ¹⁾). Встрѣчая весну торжественнымъ празднecomъ, славяне совершали въ то же время обрядъ изгнанія Смерти или Зимы, и повергали въ воду чучело Мораны (см. гл. XXVIII). Сербь даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причитаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая зима выпьетъ его очь! ²⁾ У насъ глаголъ околѣть употребляется въ двоякомъ смыслѣ: озябнуть и умереть; а глаголъ истывать (стынуть)—въ смыслѣ: издохнуть ³⁾.

Если идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сближить ее и съ понятіемъ о снѣ. Сонъ нераздѣленъ съ временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ умершаго. Подобно мертвецу, онъ смежаетъ свои очи и дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта; остальные чувства его также чужды внешнимъ впечатлѣніямъ. Смерть и сонъ представляются потому въ мифологіяхъ различныхъ народовъ явленіями между собою близкими, родственными. Гомеръ называетъ Смерть и Сонъ близнецами, а Гезіодъ—чадами Ночи; и греки, и римляне признавали Ύπνος (Somnus) братомъ Смерти. Оба брата, по ихъ мнѣнію, живутъ вмѣстѣ на западныхъ границахъ міра—въ глубокомъ подземномъ мракѣ, возлѣ царства мертвыхъ ⁴⁾; тамъ возлежатъ Somnus на маковыхъ снотворныхъ цвѣтахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его лежа толпятся лег-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 128, 130; Громининъ, 5-6. — ²⁾ О. З. 1851, VIII, ст. Бусл., 52. — ³⁾ Обл. Сл., 76, 140 — ⁴⁾ Griech. Myth., I, 657—9: Смерть считали также порожденіемъ Земли и Тартара и давали ей эпитетъ αἰώνιος = всегда-сонная.

кія сновидѣнія въ неясныхъ образахъ ¹⁾). На такую древнѣйшую связь понятій смерти и сна указываютъ и наши преданія. Народная пословица утверждаетъ ихъ братство: «сонъ смерти братъ» ²⁾). Въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ богатыри, убитые врагами, воскресая при окропленіи ихъ труповъ живою водою, обыкновенно произносятъ эти слова: «ахъ, какъ-же а долго спалъ!» — Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ, еслибъ не живая вода и не моя помощь, отвѣчаетъ добрый то варищъ ³⁾). Въ современномъ языкѣ вѣчный сонъ остается метафорическимъ названіемъ смерти; наоборотъ сонъ латаргическій слыветъ въ простонароднѣ обмираньемъ, во время котораго, по разсказамъ поселянъ, душа оставляетъ тѣло, странствуетъ на томъ свѣтѣ, видитъ рай и адъ и узнаетъ будущую судьбу людей ⁴⁾). Животныя, впадающія въ зимнюю спячку, по общепринятому выраженію — замирають на зиму. Заходящее вечеромъ солнце представлялось не только умирающимъ, но и засыпающимъ, а восходящее утромъ — возстающимъ отъ сна (I, 162—3, 180); зимняя смерть природы иначе называется ея зимнимъ сномъ; озамерзшихъ рѣкахъ и озерахъ въ тверской губ. выражаются, что они заснули (сравни II, 244 — о снѣ и пробужденіи водяного). Языкъ засвидѣтельствовалъ близость в средство означенныхъ понятій до осязательной наглядности. Умершихъ называютъ: а) усопшими (уснившими, усупеніе) отъ глагола спать,

¹⁾ Обзоръ мизній древн. о смерти, судьбѣ и жертвоприп., 8, 27; D. Myth., 307, 803; Иліада, XIV, 230-5. Энеида называетъ адъ жилищемъ тѣней и Сна. — ²⁾ Полн. собр. пословицъ и поговор. (СПБ., 1822), 232; Старосв. Банд., 206. — ³⁾ Н. Р. Ск., I, 14 и др.; Škulc a Dobšinsky, I, стр. 6; Сказ. Грим., II, стр. 413; Ганъ, II, стр. 47. — ⁴⁾ Москв. 1846, XI-XII, 155; Молодикъ на 1844, 88. Поэтому думаютъ, что обмиравшіе могутъ предсказывать, и хитрецы пользуются иногда этимъ суевѣріемъ ради собственныхъ выгодъ — Ворон. Г. В. 1850, 20.

усыпнѣть, т. е. ихъ буквально называютъ уснувшими, или в) покойниками — успокоившимися отъ житейской суеты вѣчными сномъ; подобно тому о рыбѣ говорятъ, что она заснула, вѣсто: умерла, задохлась. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Краледворской рукописи Морена усыпала Власлава; малоруссы, при извѣстїи о чьей-нибудь кончинѣ, говорятъ: «нехай з' Богомъ спочиває!» Въ англосаксонской поэмѣ о Беовульфѣ сказано: *wyrn liged swaefed sāre wund* — змѣй лежитъ, спитъ (вѣсто: издохъ) тяжело-раненный ¹⁾. Въ смоленской губ. мертвецы называются жиурикн (отъ глагола жиурить — закрывать глаза), т. е. сомкнувшіе свои очи; въ архангельской губ. существуетъ повѣрье: кто засыпаетъ тотчасъ, какъ ляжетъ въ постель, тотъ долго не проживетъ; у литовцевъ была примѣта: когда молодые ложились въ первый разъ вѣстѣ, то кто изъ нихъ засыпалъ прежде — тому и умереть суждено раньше. Сербы не совѣтуютъ спать, когда заходитъ солнце, чтобы вѣстѣ съ умирающимъ свѣтломъ дня не заснуть и самому вѣчнымъ сномъ. Слово оѣмнѣть употребляется въ народномъ говорѣ въ значеніи: ослѣпнуть и умереть; согласно съ этимъ свидѣтельствомъ языка, упырей (мертвецовъ, являющихся по смерти) большею частію представляютъ слѣпыми. Какъ сонъ приближается съ смертію, такъ наоборотъ бодрствованіе уподобляется жизни; поэтому жилой означаетъ неспящаго, напримѣръ: «мы прїѣхали на живыхъ», т. е. мы прїѣхали, когда еще никто не спалъ; глаголъ жить употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ: бодрствовать, не спать ²⁾. Въ причитаньяхъ, обращаемыхъ къ покой-

¹⁾ Номис., 8; Опытъ сравнит. обозр. др. памятн. нар. поэм., II. 20. Итал. *cimiterio*, фр. *cimetière*, лат. *cœmeterium*, греч. *χοιμητήριον* (отъ *χοίμα* — дремлю, сплю) — кладбище = усыпальница — Тишкевича: Курганы въ Литвѣ и Зап. Руси, 141.

²⁾ Обл. Сл., 57—58; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 59; Маякъ, XIII, 44—58; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 34; Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 25.

никакъ, слышатся такія выраженія: «и вы, наши роднинькіе, вставьте, пробудитесь, поглядите на насъ!» или: «пришли-то мы на твоё жищѣ вѣковѣшной, ужъ побудимъ-то пришли отъ сна крѣпкова». ¹⁾

Эти давнія, свидѣтельствующія о братствѣ сна и смерти, и то вѣрованіе, по которому душа во время сна можетъ оставлять тѣло и блуждать въ иномъ мірѣ и видѣть тамъ все тайное, послужили основаніемъ, почему сновѣдѣніямъ придано вѣщее значеніе. Для живой и впечатлительной фантазіи нашихъ предковъ видѣнное во снѣ не могло не имѣть прамаго отношенія въ дѣйствительности, среди которой такъ много было для нихъ непонятнаго, таинственнаго, выполненнаго высшей, священной силы. Они признали въ сновѣдѣніяхъ тоже участіе божества, какое признавали въ гаданіяхъ и оракулахъ; сновѣдѣнія являлись, какъ быстролетныя посланники боговъ, вѣщатели ихъ рѣшекій. Славяне до сихъ поръ сохранили вѣру въ пророческій смыслъ сновъ; такихъ, которые бы, по примѣру сказочнаго богатыря Василія Буслаева, не вѣрили ни въ сонъ, ни въ чохъ, а полагались бы только на свой червленый вязъ ²⁾, въ старое время бывало немного, и христіанскіе проповѣдники вынуждены были поучать народъ не довѣрять сновымъ мечтаніямъ ³⁾. У черногорцевъ если жена видѣла во снѣ, что мужъ ея подвергнулся какой-либо опасности, то этотъ послѣдній непременно отложить задуманное имъ предпріятіе ⁴⁾. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ есть нѣсколько прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ, содержаніемъ которыхъ служить «вѣра въ сонъ». Приведемъ примѣры:

Князь по той-ли рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
Тамъ плыветъ, гребетъ легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,

¹⁾ Сахаровъ, II, 23; Терещ., III, 102; Этн. Сб., I, 161. — ²⁾ Кирша Дав., 169. — ³⁾ Изв. Ак. Н., III, 97. — ⁴⁾ Зап. морякъ оемцера, Броневск., III, 277.

Пушкамъ, ружьямъ настановлена;
 На корнѣ сидитъ асаулъ съ багромъ,
 На носу стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
 По краямъ лодки добры молодцы.
 Добры молодцы — все разбойнички;
 Посередѣ лодки да и былъ шатёръ,
 Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
 На кавнѣ сидитъ красна дѣвица,
 Асаулова родная сестрица,
 Атаманова полюбовница.
 Она плакала, заливалась,
 Во слезахъ ова слово молвила:
 Нехорошъ вишь сонъ ей привидѣлся —
 Расплеталася коса русая,
 Выплеталася лента алая,
 Лента алая, прославская,
 Растянулъ мой золотъ перстень,
 Выкатался дорогой камень:
 Атаману быть застрѣлену,
 Асаулу быть поиману,
 Добрымъ молодцамъ быть повѣшеннымъ,
 А и мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
 Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ. ¹⁾

Потери обручальнаго кольца, по народной примѣтѣ, — худой
 знакъ, вѣщающій расторженіе брака и любовной связи; распу-
 щенная коса — символъ печали по усопшему другу или родичу
 (I, 117). Другая пѣсня:

Охъ ты, мать моя, матушка,
 Что севоднешняю ноченьку
 Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
 Какъ у насъ на широкомъ дворѣ
 Что пустая хоромина —
 Углы прочь отвалилися,
 По бревну раскатилися;
 На печницѣ котиче лежигъ,
 По полу ходить гусыня,

¹⁾ Варіанты второй пѣсни см. у Сахарова, I, 204, 224.

А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впереди мандъ ясень соколъ.

Пустая хоромина—чужая сторона, углы опали и бревна раскатылись—родъ-племя отступилось, котъ—свекорь, гусыня—свекровь, голуби — деверья, ласточки — золовки, ясень соколъ—женихъ ¹⁾). Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается слѣдующій рассказъ о вѣщемъ снѣ князя Святослава: «а Святъ-славъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахте ня, рече, чръною паполомоу, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тѣлковинъ великий женчюгъ ва лоно, и нѣгують ня; уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръѣсмъ. Всю ночь съ вечера босувн врани възграху» ²⁾). Сонъ Святослава состоитъ изъ ряда печальныхъ примѣтъ: черный покровъ и карканье ворона предзнаменуютъ грядущее несчастіе; теремъ безъ кнѣса означаетъ лишеніе членовъ семейства, жемчугъ—слезы (I, 603); вино, смѣшенное съ горемъ, наносинаетъ выраженіе: упиться горемъ ³⁾). Тотъ-же предвѣщательный смыслъ придается сновидѣніямъ и въ скандинавскихъ сагахъ, и въ Нибелунгахъ, и въ Одиссеѣ (пѣснь XIX). Греки и римляне присовѣвали свамъ религіозный характеръ и вѣрили, что снящій человекъ можетъ найдтись въ сношеніяхъ съ невидимымъ міромъ; по случаю бла-

¹⁾ О. З. 1831, VII, ст. Бусл., 41; см. Срп. и. пјесме, II, № 47; Белорус. пјени Е. П., 52; Вѣст. Евр. 1818, II, 50—52. Приснились молодцу сонъ, говорить пјени: упали на его домъ пчелы, а на подворье — звѣзда, и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвѣщаютъ печаль (ихъ медъ необходимъ при поминальныхъ обрядахъ), звѣзда — рожденіе дитяти, а отлетъ кукушки — смерть матери (см. гл. XXIV). Есть поговорка: „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.“ — ²⁾ Рус. Дост., 116—122. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1836, т. X, 466, ст. Максимовича.

гопріятныхъ свидѣній у нихъ совершались празднества, а по случаю страшныхъ—очищенія ¹⁾).

И Сонъ, и Смерть были признаваемы славянами, какъ и другими индоевропейскими народами, за живыя именческія существа. Слѣды такого олицетворенія сна замѣчаемъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ:

Ой, ходитъ Сонъ по улоньцѣ,
Въ бѣлесонькой кошулоньцѣ,
Слоняетця, тыняетця,
Господыньки пытаетця. ²⁾

Или:

Сонъ идетъ по сѣнямъ,
Дрема по терему;
Сонъ говоритъ:
Усыплю да усыплю!
Дрема говоритъ:
Удремлю да удремлю! ³⁾

Вышеприведенныя выраженія апокрифа: «пришла Смерть, взяла его душу» донынѣ употребительны въ русскомъ языкѣ; по народной поговоркѣ: «Смерть ходитъ по людямъ». Кто лѣнивъ на подъемъ, медлителенъ въ исполненіи порученій, о томъ говорятъ на Руси: «его только что за Смертію посылать», въ Германіи: *nach dem Tod senden, den Tod suchen*; о весьма-престарѣлыхъ людяхъ вѣнцы отзываются: «*der Tod hat vergessen sie abzuholen*»—Смерть позабыла ихъ взять (утащить ⁴⁾) Къ опасно-больному приходитъ Смерть, становится около его постели и заглядываетъ ему въ очи ⁵⁾; если кто вдругъ, неожиданно вздрогнетъ—это знакъ, что ему «Смерць въ очи поглядѣла» ⁶⁾. Согласно съ злобымъ, де-

¹⁾ Обзоръ мѣстныхъ о смерти, судьбѣ и пр., 27; D. Myth., 1098 — 9. — ²⁾ Сборн. украин. пѣсень, 101. — ³⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. II, 108; сравни Срп. н. пѣсма, I, 192. — ⁴⁾ D. Myth., 802, 814. — ⁵⁾ См. сказки о кумѣ-Смерти. — ⁶⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 429.

моническимъ характеромъ Смерти, на которую (по пословицѣ), какъ на солище, во всѣ глаза не взглянешь и отъ которой нельзя ни откупиться, ни отомолиться ¹⁾, она олицетворялась въ образѣ устрашающемъ. По мнѣнію античныхъ народовъ, *Mors* (*Kḗr*—смерть въ битвахъ) неумолима и свирѣпа; зубы ея опаснѣе клыковъ дикаго звѣря, на рукахъ страшные, кривые когти. Смерть, говорятъ Гезіодъ, черна (лат. *stors atra*), скрежещеть зубами, быстро мчится на войну, хватаетъ падшихъ ратниковъ, и вонзая въ тѣло свои когти, высасываетъ изъ нихъ кровь; Эврипидъ представляетъ ее крылатою и облеченною въ траурную мантию ²⁾. Русскіе памятники (старинныя рукописи, стѣнная живопись и лубочныя картины) изображаютъ Смерть или страшилищемъ, соединяющимъ въ себѣ подобія человѣческое и звѣринное, или сухимъ, костлявымъ человѣческимъ скелетомъ съ оскаленными зубами и провалившимся носомъ, почему народъ называетъ ее курно сою. Это послѣднее представленіе встрѣчаемъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: кончина человѣка предастъ его тѣлѣ, и тотъ образъ, въ который она низищается трупъ, послужилъ и для воплощенія самой Смерти. Такъ какъ слово Смерть женскаго рода, то, слѣдуя этому указанію, славяне олицетворяютъ ее женщиною, подобною Геллѣ; у нѣмцевъ же *her Tôt, der heilig Tod* выступаетъ, какъ злой богъ. Наравнѣ со всѣми богами и дѣхами, она появляется внезапно, неожиданно-негаданно для человѣка (слетаетъ съ небесъ), низнижаетъ изъ него душу и увлекаетъ ее въ загробный міръ. Съ понятіемъ смерти фантазія соединяетъ различныя поэтическія унѣдобленія: Смерть то жадно пожираетъ людской родъ своими многоядными зубами; то похищаетъ души, какъ воръ, схватывая ихъ остры-

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852. V. 39. — ²⁾ Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвопр., 8.

и когтями; то, подобно охотнику, ловить ихъ въ разставленную сѣть; то наконецъ, какъ беспощадный воинъ, поражаетъ людей стрѣлами или другимъ убійственнымъ оружіемъ. Тотъ-же типъ хитраго ловчаго и губителя христіанскихъ душъ присвоивается и владыкѣ подземнаго царства, искusstелю-сатанѣ. Вооруженная въ ратные доспѣхи, Смерть вступаетъ въ битву съ человѣкомъ, борется съ нимъ, сваливаетъ его съ ногъ и подчиняетъ своей власти; судороги умирающаго суть послѣдніе знаки его отчаяннаго сопротивленія. Усoppiнiе слѣдуютъ за нею, какъ плѣнники за своимъ побѣдителемъ — опутанные крѣпкими веревками и цѣпами. Сказаніе о Беовульфѣ смотритъ на умершаго, какъ на убитаго огненною стрѣлою, пущенною съ лука рукою Смерти; нѣмецкіе поэты даютъ ей бичъ, стрѣлы и бердышъ; литовскій *Smertis* (слово, употребительное и въ мужескомъ, и въ женскомъ родѣ) выѣзжаетъ на колесницѣ могучимъ воиномъ, съ копьемъ и мечемъ въ рукахъ ¹⁾. Съ такою же обстановкою является Смерть въ русской «Повѣсти о бодрости человѣческой» или «о преніи Живота съ Смертію». Повѣсть эта принадлежитъ къ разряду общераспространенныхъ въ средніе вѣка поучительныхъ сочиненій, толкующихъ о тлѣнности міра, и попадаетъ во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка ²⁾; она извѣстна и въ нѣмецкой литературѣ. Составляя у насъ любимое чтеніе грамотнаго простонародья, она (по мнѣнію изслѣдователей) перешла изъ рукописей въ устныя еказанія и на лубочную картинку, и дала содержаніе нѣкоторымъ духовнымъ стихамъ и виршамъ ³⁾. Но можно допустить и обратное воздѣйствіе, т. е. переходъ

¹⁾ D. Muth., 799, 803—6, 809. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., II, 439—443; Истор. христом. Буслаева, 1355—8. — ³⁾ Сборн. рус. дух. стиховъ Варенцова, 110—127; Рус. Сл. 1859, I, 92—94; Дят. рус. лит., кн. II, 183—193.

устнаго древне-мненческаго сказанія о борьбѣ Жизни (Живота) и Смерти въ старинные рукописные памятники, при чемъ оно необходимо подверглось литературной обработкѣ; соответственно съ воззрѣніями и приѣмами грамотниковъ допетровскаго времени, сказанію приданъ нравственно-наставительный тонъ и само оно разукрашено обильными примѣрами, заимствованными изъ доступныхъ автору хроникъ; Смерть лишается своего строго-трагическаго стиля и впадаетъ въ хвастливую болтовню о тѣхъ богатыряхъ и герояхъ, которыхъ нѣкогда сразила она своею косою. Тѣмъ не менѣе основная мысль повѣсти—борьба Смерти съ Жизнію, олицетвореніе этихъ понятій и внѣшніе признаки, съ которыми выступаетъ эта страшная гостья, безспорно принадлежать къ созданіямъ глубочайшей древности. Справедливость требуетъ замѣтить, что, пользуясь устными преданіями, книжная литература въ свою очередь не остается безъ вліянія на народное творчество, и взятое у него возвращаетъ назадъ съ новыми чертами и подробностями; но эти позднѣйшія прибавки легко могутъ быть сняты и не должны мѣшать правильному взгляду на сущность дѣла. Чтобы ярче изобразить непобѣдимое могущество Смерти, повѣсть противопоставляетъ ей не простаго⁴ слабого чело-вѣка, но богатыря, славнаго своею силою и опустошительными наѣздами, гордаго, жестокаго и самонадѣяннаго; народная фантазія личность этого богатыря связала съ именемъ извѣстнаго въ преданіяхъ разбойника Аника-воина. Жилъ-былъ Аника-воинъ; жвлъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, смлой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви божіи разорать, взялъ мечъ и конь и выѣхалъ въ чистое поле—на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. «Что это за чу-

¹⁾ Вариантъ: Ызилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по тем-

дище! говорятъ Аника-воинъ; царь ли ты-царевичъ, король ли королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король королевичъ, я твоя Смерть — за тобой пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей — я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего бѣззого коня, хочетъ поднять ее на копые булатное; но рука не двинется. Напалъ на него велий страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «Нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.» — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и камня драгоцѣннаго; дай сроку хоть на единый часъ — я бы рѣздалъ нищимъ все свое имѣніе.» Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замаянувшись Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой ¹⁾. Стихъ объ Аникѣ-воинѣ начинается такимъ изображеніемъ Смерти:

Идетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ идетъ чудо:
Голова у него человѣческа,

нынѣ лѣсамъ, никого не назжалъ — не съ кѣмъ силы попробовать. „Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла!“ Глядь — идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, восты голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ. — ¹⁾ Н. Р. Лог., 21.

Волосы у чуда до пояса,
Тудово у чуда звѣрное,
А ноги у чуда лошадиныя ¹⁾.

Косматые волосы и лошадиныя ноги — обыкновенные признаки нечистыхъ духовъ. Въ текстѣ лубочной картины Аника называетъ Смерть бабою: «что ты за баба, что за піяница! (намѣкъ на высасываніе ею крови) азъ тебя не боюсь и кривыя твоя косы и оружія твоего не страшусь.» Кромѣ косы, Смерть является вооруженною серпомъ, граблями, пилою и заступомъ:

Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею (ими) по костямъ и жиламъ —
Аника на конѣ шатается
И смертныя уста запенаются.

Или: «подсѣче ему (Смерть) ноги косою, и возьмъ серпъ — и захвати его за шію, и возьмъ малый оскордецъ — и нача отсѣкати нозѣ и руцѣ и вся составы его, и разслабѣша жилы его». На лубочныхъ картинахъ Смерть рисуется въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ; Коровью Смерть (чуму) крестьяне ваши представляютъ безобразною, тощею старухою, въ бѣломъ саванѣ, и даютъ ей косу или грабли ²⁾. Такая обстановка прямо вытекаетъ изъ метафорическихъ выраженій древнѣйшаго языка, который сравнивалъ губительную силу смерти съ понятіями, самыми близкими в доступными земледѣльцу и плотвику: Смерть косить и загребаешь человѣческія жизни, какъ коса и грабли полевую траву; жнетъ родъ человѣческій,

¹⁾ Сравни со спискомъ о «преніи Жирота съ Смертію»: „Животъ бѣ человѣкъ и приде къ нему Смерть. Онъ же устрасися великии и рече ей: кто ты, о лютый звѣрь? образъ твой страшитъ мя великии, и подобіе твое человѣческое, а хожденіе твое звѣрное.“ — ²⁾ Сахаровъ, II, 10; Кулишъ, I, 305; Быть подолѣянь, I, 16. Диевбахъ сближаетъ слова: гробъ, гребу и грабли.

какъ серпъ колосья («яко незрѣлую пшеницу» ¹⁾); она какъ-бы вынимаетъ незримую пилу, и потирая ею по костяшъ и становымъ жвламъ, расслабляетъ челоуѣка—и онъ падаетъ, словно подпиленное дерево; наконецъ Смерть, работая заступомъ, роетъ людямъ свѣжія могилы. Выше мы привели поэтическія сравненія поля битвы со вспаханною и засѣянною нивою и молотильнымъ токомъ (I, 297, 434). По указанію Слова о полку и народныхъ пѣсень, въ битвѣ земля засѣвается не пшеницею, а костями ратниковъ, поливается не дождемъ, а кровію, и раститъ не хлѣбные злаки, а печаль и общее горю. Современный языкъ удерживаетъ выраженіе: сѣять раздоры, вражду и крамолы; въ Словѣ о полку сказано: «тогда при Олгѣ Гориславичи сѣяшется и растяшеть усобицами» ²⁾. Одну, какъ богу кровопролитныхъ войнъ, приписывались поѣзды раздоровъ и непріязни; бросая свое копьё (Göngnir) или потрясая имъ, онъ умерщвлялъ вражескихъ воиновъ. О Смерти, играющей въ сраженіяхъ главную роль, у нѣмцевъ было выраженіе, что она засѣваетъ между людьми свое сѣмя, какъ-бы зловредную траву: «do der Töt sinen sâmen under si gesaete»; тоже говорилось и о чортѣ ³⁾. По словамъ старинныхъ русскихъ лѣтописцевъ, дьяволъ сѣтовалъ или радовался, смотря по тому: примирились ли князья, или враждовали между собою. «Усобная рать, замѣчаетъ Несторъ, бываетъ отъ соблажненія дьявола. Богъ бо не хочетъ зла челоуѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злему убійству и кровопролитію, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, кленеты.» ⁴⁾ Понятно, что Смерть, поражающая ратниковъ въ бою, стала представляться владѣющею нѣкимъ тѣмъ воинскими орудіями, какія только знала старина: въ нашихъ памят-

¹⁾ Тоже сравненіе находимъ и у нѣмцевъ—D. Myth., 808. — ²⁾ Рус. Дост., III, 76. — ³⁾ D. Myth., 806-8, 964. — ⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 56, 72, 139 и др.

выказъ ей даются мечъ, еѣчию, стрѣлы, ножи, рожны, е скерды ¹⁾. Сказаніе о преніи Аники-венна съ Смертію перешло въ народное драматическое представленіе, какое еще теперь разыгрывается въ нѣкоторыхъ артеляхъ фабричныхъ ²⁾, — подобно тому, какъ мнѣ о борьбѣ Лѣта и Зимы передается въ Германіи во всю сценическую обстановкою на праздникъ весны (см. гл. XXVIII). Борьба Жизни и Смерти, Лѣта и Зимы, Дни и Ночи совершенно тождественны по значенію, ибо понятіи эти издревле сливались и въ языкѣ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Зима называлась Мораною, а богиня лѣта Живую (Живаною) — ния, знаменующее жизнь. Какъ царица зимы и ночнаго мрака, Смерть родится съ горными великанами; вышеприведенный стихъ присволяетъ ей названіе чуда (= дива — см. II, 618), и самое жилище ея помѣщается въ холодныхъ странахъ сѣвера, въ нѣдрахъ бесплодныхъ и покрытыхъ вѣчными снѣгами скалъ; въ Богеміи ее считаютъ владычицею горъ ³⁾. Всесильная, всестребляющая, она тѣмъ не менѣе бываетъ побеждаема, съ приходомъ весны, богиней жизни, и поверженная наземь заключается въ оковы. Съ другой стороны мнѣ, сроднившій представленія грозы и иранныхъ тучъ съ адомъ и нечистою силою, признавшій въ молніяхъ смертоносныя стрѣлы владыки подземнаго царства, изображаетъ Смерть, какъ разрушительное существо, сопутствующее богу-громовнику въ его весеннихъ походахъ и битвахъ. Въ дикой охотѣ Одина, въ вештовомъ, бѣшеномъ воинствѣ этого славнаго отца побѣдъ (т. е. въ шумѣ бурныхъ грозъ), вѣсть съ злыми духами и толпою усопшихъ душъ, выступаетъ и костлявая, прожорливая Смерть. Такимъ образомъ съ олицетвореніемъ Смерти соединяется тотъ-же стихійный характеръ,

¹⁾ См. между прочимъ житіе Василія Новаго и сказаніе Θεοδωρυ о мытарствахъ. — ²⁾ Рус. Архивъ 1864, X, 1093-9. — ³⁾ D. Myth., 807.

что и съ демонами и мертвецами. Отсюда объясняются ея воздушные полеты, ея быстрое появленіе и исчезаніе, метаніе ею огненныхъ стрѣлъ(=молній) и вообще присвоенное ей обладаніе ратнымъ оружіемъ. Подобно вѣтрамъ и вьюгамъ, которыхъ Эола заключаетъ въ облачные мѣха или держитъ на крѣпкихъ привязяхъ въ горѣ-тучѣ, подобно грозовому демону (Gushpa, Локи, сатана), сидящему въ цѣпяхъ во иракѣ преисподней (I, 311-2, 756-8), Смерть испытываетъ ту же участь. Здѣсь сходятся два различныхъ воззрѣнія: а) какъ представительница зимы, Морана побѣждается весеннимъ Перуномъ, который разитъ ее своимъ кузнечнымъ молотомъ (= заковываетъ ее въ цѣпи) и на все лѣтнее время низвергаетъ въ подземную темницу ада; б) какъ демонъ, шествующій въ грозѣ, она заключается въ ту же темницу на все время зимнихъ стужъ, налагающихъ на тучи желѣзные (ледяные) оковы. По греческому преданію, Зевсъ, желая покарать Сизифа (Σίσυφος), послалъ за нимъ Смерть, но тотъ опуталъ ее крѣпкими узами, и пока она была связана—никто не умиралъ въ цѣломъ свѣтѣ; наконецъ явился воинственный Аресъ, освободилъ плѣнницу и передалъ ей нечестиваго врага ¹⁾. По свидѣтельству нѣмецкой сказки, Spielhansel привязалъ Смерть къ дереву, и въ продолженіи семи лѣтъ она оставалась узницею и не могла похитить ни единой души человеческой ²⁾. Мнѣ этотъ развивается и въ русской сказкѣ ³⁾. Явился солдатъ на тотъ свѣтъ, и поставилъ его Господь на часахъ у пресвѣтлаго рая. Приходитъ Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой. — Иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ. «Погоди, я спрошу.» Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобы три года морила самый старшій людъ. Солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ; вѣдь они старики.» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай по лѣсамъ,

¹⁾ Griech. Myth., II, 76. — ²⁾ D. Myth., 814. — ³⁾ Н. Р. Лер., 16.

и три года точи самые старые дубы.» Заплакала Смерть и побрела по лѣсамъ, три года точила старые дубы, а какъ изшло время—воротилась къ Богу за новымъ повелѣніемъ. Господь приказалъ морить молодой народъ, а солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она братьевъ моихъ уморитъ!» и передалъ приказъ Смерти, чтобъ она шла по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точила все молодые дубы. Пошла Смерть по лѣсамъ, принялась точить молодые дубы, а какъ исполнилось три года—идеть опять къ Богу, едва ноги тащитъ. Обманулъ ее солдатъ и въ третій разъ; Господь приказалъ морить младенцевъ, а солдатъ передалъ: «ступай по лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи малые дубки.» По исходѣ послѣднихъ трехъ лѣтъ, идетъ Смерть къ Богу—чуть живая, такъ отъ вѣтру и валится. «Ну, думаетъ, теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что онъ девять лѣтъ меня наказуетъ?» Узналъ Господь, какъ хитрилъ солдатъ и повелѣлъ ему въ наказаніе девять лѣтъ носить Смерть на плечахъ. Засѣла Смерть на солдата верхомъ; повѣзъ ее солдатъ, вѣзъ-вѣзъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. «Служивой! говоритъ Смерть, дай и мнѣ понюхать.» — Пользай въ рогъ, да и нюхай, сколько душѣ угодно. Только что влѣзла ова, солдатъ тотчасъ закрылъ рогъ, заткнулъ его за голенище, воротился и сталъ на старое мѣсто на часы. Этотъ эпизодъ варьируется еще такъ: велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Солдатъ пошелъ съ нею въ лѣсъ и заспорилъ: «ты де ве влѣзишь въ пустой орѣхъ!» Смерть слуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дыру въ орѣхѣ и спряталъ его въ карманъ. Господь освободилъ Смерть и приказалъ ей уморить солдата. Сталъ солдатъ готовиться къ послѣднему концу, надѣлъ чистую сорочку и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совсѣмъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къ верху. «Не такъ!» говоритъ

Смерть. Солдатъ легъ на бокъ. «Ахъ, какой ты! развѣ не видалъ, какъ умирають?»—То-то и есть, что не видалъ! «Пусти, я тебѣ покажу» Солдатъ выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ поскорѣ крышку, накрылъ гробъ, наколотилъ на него желѣзные обручи и бросилъ пойманную Смерть въ море. И долго-долго носилась она по волнамъ, пока ни разбило гроба бурю. По другому разсказу, хитрый солдатъ сажаетъ Смерть въ торбу (или ранецъ), завязываетъ крѣпко-накрѣпко и вѣшаетъ эту торбу на верхушку высокой осины. Съ этой самой поры пересталъ народъ помирать: рождаться—рождается, а не помираетъ! Много лѣтъ прошло, солдатъ все торбы не снимаетъ. Случился разъ зайти ему въ городъ; идетъ, а на встрѣчу ему древняя старушонка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужъ умирать пора!»—Да, батюшка! отвѣчаетъ старуха, мнѣ давно помереть пора; еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ только единый часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаешь, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощенный грѣхъ! вѣдь не одна душа на свѣтѣ также мучится! «Видно, думаетъ солдатъ, надо выпустить Смерть; пошелъ въ лѣсъ—прямо къ осинѣ и видитъ: виентъ торба высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разныя стороны.» А что, Смерть, жива?» Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть; какъ только очутилась она на свободѣ, тотчасъ—подавай Богъ ноги!—и бросилась бѣжать отъ солдата. Точно также обманываютъ сказочные герои дьявола, заставляя его влѣзати въ червивый орѣхъ или въ суму (I, 282); самая Смерть представлена въ сказкѣ такою-же простоватою, недогадливою и прожорливою, какими изображаются обыкновенно вели-

жавы, драконы и черти; виѣстѣ съ тѣмъ народный юморъ, замѣчательный нами въ обработкѣ старинныхъ преданій о великанахъ в ленонахъ, овладѣлъ и нинѣмъ о побѣжденной Смерти. Рогъ, еуна в гробъ, окованный желѣзными обручами,—все это метафоры грозовыхъ тучъ (см. I, 311—2, 579—588; II, 671); въ близкой связи съ этими представленіями стоитъ и орѣховое дерево, встаря посвященное громовнику (см. II, 318). По своей стихійной природѣ, Смерть, подобно зльфамъ, облачнымъ женамъ в чертамъ, участвуетъ въ бѣшеной воздушной пляскѣ и въ дикихъ пѣсняхъ завывающей бури; нерѣдко она показывается, навгрызая на музыкальномъ инструментѣ—дудкѣ или скрипкѣ¹⁾. Отсюда средневѣковая поэзія и живопись западныхъ народовъ создали превосходное изображеніе Смерти: въ свою невостовую пляску она увлекаетъ представителей всѣхъ сословій отъ короля до нищаго, и быстро кружась съ ними подъ звуки ужасающей пѣсни, уноситъ ихъ души въ темныя области загробнаго царства.

Согласно съ указаннымъ отождествленіемъ Смерти съ грозовыми духами, древнее вѣрованіе заставило этихъ послѣднихъ исполнить ея печальную обязанность. Но такъ какъ громовникъ и его спутники являлись и устроителями небеснаго царства (=весенняго рая), и съ демоническимъ характеромъ властителей ада, то понятіе о Смерти раздвоилось, и фантазія изображала ее то существомъ злымъ, увлекающимъ души въ подземный міръ, то посланницею верховнаго божества, сопровождающею души усопшихъ героевъ (позднѣе—праведныхъ) въ его небесный чертогъ. Такъ Одинъ посылалъ валькирій принимать падшихъ витязей и возносить ихъ въ свое блаженное жвлще—въ валгаллу. Греки вѣрили, что души умершихъ препровождалъ на тотъ свѣтъ Гермесъ, спорымъ посланникомъ боговъ и обладателемъ чудесна-

¹⁾ D. Myth., 807—9.

го жезла, прикосновеніемъ котораго онъ повергалъ живыхъ въ непробудный сонъ. Кромѣ того, смерть представлялась греками не только страшною Керою, но и въ образѣ прекраснаго, кроткаго и юнаго генія—Θάνατος (слово, родственное по корню съ нѣмецкимъ Tod), хотя и ему придавались эпитеты чернаго и чернокрылаго: всѣмъ страдающимъ онъ даетъ вѣчное уснокоеніе и всѣхъ утомленныхъ житейскими трудами и невзгодами погружаетъ въ тихій и сладкій сонъ. Θάνατος, очевидно, совпадаетъ съ понятіемъ о снѣ, благотѣльномъ дарѣ боговъ, дружелюбномъ успокоителѣ міра, кротко вѣющимъ надъ морями и сушею. Античное искусство изображало Сонъ дитятею и юношею, съ крыльями орла или бабочки ¹⁾. Въ христіанскую эпоху это двоякое воззрѣніе на Смерть, какъ на существо съ одной стороны — злое, демоническое, а съ другой — свѣтлое, божественное, было перенесено на ангеловъ милостивыхъ и грозныхъ, снѣваемыхъ въ народныхъ преданіяхъ съ эльфами свѣтлыми и черными. Такое перенесеніе совершилось подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ сказаній о страшномъ ангелѣ смерти (II-ая кн. царствъ, 24, 16), который впоследствии признанъ былъ за князя тьмы; онъ нисходилъ изымать души грѣшниковъ; для добродѣтельныхъ же людей являлся тихій ангелъ и прекращалъ ихъ жизнь прощальнымъ поцѣлуемъ. Нѣмецкія саги рассказываютъ о двухъ ангелахъ добромъ и зломъ, обходящихъ землю и предающихъ людей смерти ²⁾. Народный русскій стихъ такъ изображаетъ кончину праведнаго и грѣшника ³⁾:

Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
По его по душевѣ по Лазареву.
Вынимали душевѣ честно и хваально,

¹⁾ Ibid., 800—1; Griech. Myth. Преллера, I, 656-8. — ²⁾ D. Myth., 814, 1134. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 183-5, 208, 211; Дат. рус. лит., т. V, отд. 3, 83.

Чество и хваально въ сахарны уста,
 Да приняли душу ва пелену,
 Да вознесли же душу на небеса...
 Сослалъ Господь грозныхъ ангеловъ.
 Страшныхъ, грозныхъ, немилостивыхъ,
 По его душу по богачёву;
 Вынули его душеньку нечестно, нехваально,
 Нечестно, нехваально, скрозь ребёръ его,
 Да вознесли же душу вельми высоко,
 Да свергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тоѣ злую муку—въ геенскій огонь.

Таже мысль выражена и вънародной легендѣ ¹⁾: праведникъ умираетъ окруженный семьею; лёжа на одрѣ болѣзни, онъ даетъ своимъ сыновьямъ и снохамъ родительское наставленіе и навѣки-нерушимое благословеніе, и прощается со всѣми; Смерть является къ нему съ ангелами, вынимаетъ душу, и ангелы относятъ ее на золотомъ блюдѣ въ пресвѣтлый рай. Грѣшникъ же умираетъ посреди житейскихъ заботъ и веселья; Смерть приходитъ неожиданно-негадано и ударяетъ его въ голову тяжелымъ молотомъ. Грозныхъ, немилостивыхъ ангеловъ часто замѣняютъ дьяволы, которые схватываютъ душу грѣшника, какъ свою добычу. Сербская легенда ²⁾ повѣствуетъ о святомъ архангелѣ, который поражалъ смертныхъ: одного человека онъ изсѣкъ въ куски, другаго ударилъ ножомъ три раза, а на третьего только замахнулся—какъ онъ уже умеръ. По словамъ архангела: «у оногъ е првогъ човека душа грешна ша неће да изађе изъ тела, зато самъ га свега исекао докъ самъ е истерао. У оногъ другогъ човека душа е мало безгрешна, зато самъ га трипутъ ударіо. А душа овогъ трећегъ човека са свимъ е праведна, зато самъ на њу само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи.» Выше было приведено свѣдѣтельство духовнаго стиха, что архангелъ Михаилъ перевоо-

¹⁾ Н. Р. Лег., 25. — ²⁾ Сербскій летописъ 1862, I, 150—1.

антъ души праведныхъ черезъ огненную рѣку. По мнѣнію болгаръ—онъ, принимая душу усопшаго, несетъ ее въ мытарства и передаетъ другимъ ангеламъ, а самъ возвращается за другими душами; души грѣшниковъ онъ схватываетъ за волосы, а праведныхъ обнимаетъ, какъ мать своего младенца. Прежде эта обязанность была возложена на архангела Гавріила. Однажды послалъ его Господь взять душу бѣдняка, у котораго было много дѣтей. Гавріилъ сжался надъ ними и воротился, не исполнивъ приказанія: «какъ умирить его, Господи! въѣдъ у него малыя дѣтки; они несчастные погибнутъ отъ голода!» Богъ разгнѣвался, взялъ у Гавріила мечъ и отдалъ его архангелу Михаилу. Но и Михаилъ, посланный предать смерти дѣб-раго семьянина, видя—какъ вокругъ больного все проливали горькія слезы, почувствовалъ состраданіе, воротился къ Богу и сказалъ: «ниѣ жалко поразить этого человѣка!» Тогда Господь завязалъ ему уши; архангелъ спустился на землю и взялъ душу, потому что не могъ слышать ни плача, ни сѣтованій ¹⁾). Передъ Смертью напрасны человѣческія молебны и рыданія; она глуха къ нимъ, и эту неумолимость ея поэтическая фантазія болгаръ изображаетъ тѣмъ, что Смерть является къ людямъ—съ завязанными ушами. Русская легенда ²⁾ рассказываетъ объ ангелѣ, который въ наказаніе за то, что не хотѣлъ взять души одной матери, долженъ былъ три года жить на землѣ. Родила баба двойни, и посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ обреченной души и полетѣлъ назадъ къ Богу.—«Что вынулъ душу? спрашиваетъ его Господь. «Нѣтъ, Господи! у той бабы есть два младенца; чѣмъ-же они станутъ питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его надвое, указалъ въ трещинѣ двухъ червей и провѣщалъ: «кто питаетъ этихъ чер-

¹⁾ Каравел., 267. — ²⁾ Н. Р. Лер., 26; Slov. pohad., 502—7.

вей, тотъ пропѣталъ бы и двухъ младенцевъ! — И отнялъ Богъ у ангела крылья и осушилъ его въ теченіи трехъ лѣтъ вести земную жизнь. — Наряду съ легендами и стихами объ ангелахъ смерти, возникли средневѣковыя сказанія о борьбѣ ангеловъ и чертей за обладаніе душою усопшаго; сказанія эти извѣстны и у нѣмцевъ, и у славянъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ памятниковъ, во главѣ ангеловъ выступаетъ архангелъ Михаилъ, какъ проводникъ душъ въ райскія селенія ¹⁾. По нашимъ преданіямъ, при одрѣ умирающаго присутствуютъ и спорятъ за его душу ангелъ-хранитель и дьяволъ; если добрыя дѣла человека перевѣшиваютъ злыя, то ангелъ-хранитель прогоняетъ дьявола копьемъ, а если перевѣшиваютъ злыя дѣла, то ангелъ удаляется съ плачемъ.

Въ числѣ другихъ представленій Смерти особенною поэтическою свѣжестью дышетъ то, гдѣ она является невестою. Этотъ прекрасный образъ объясняется изъ старинныхъ метафорическихъ выраженій, уподоблявшихъ кровавую битву — свадебному пиршеству, а непробудный сонъ въ могилѣ — опочиву молодыхъ на брачномъ ложѣ. Умирая отъ ранъ, добрый молодецъ, по свидѣтельству русской пѣсни, наказываетъ передать своимъ родичамъ, что женился онъ на другой женѣ, что сошлась на нихъ сабля острая, положила спать калена стрѣла (1, 369). Когда Смерть сражаетъ цвѣтущаго юношу, она (выражаясь поэтическимъ языкомъ) сочетается съ нимъ бракомъ. Въ сборникѣ «Westslawischer Märchenschatz» ²⁾ есть любопытный разсказъ, какъ одинъ богатый юноша напрасно искалъ невесты, которая пришлась бы ему по сердцу. Разъ встрѣтилъ онъ прекрасную дѣвицу въ бѣломъ платьѣ. «Куда идешь ты?» спросилъ его красавица. — Ищу невесты по сердцу, и объ одномъ только прошу Бога, чтобы хотя единый часъ могъ на-

¹⁾ D. Myth., 796—7. — ²⁾ Стр. 143-4.

сладиться любовью—прежде, чѣмъ умру. «Юноша! сказала она, я согласна быть твоею женою.» Обрадованный и влюбленный, онъ повелъ ее въ свой домъ. Но когда прошелъ часъ времени—прекрасная невѣста вдругъ превратилась въ старое и беззабное привидѣніе. Это была—Смерть. «О невѣрная соблазнительница! ты меня обманула», воскликнулъ женихъ.—Не я, а ты обманулъ самъ себя! возразила страшная гостья; ты обѣщалъ быть моимъ, и я беру тебя съ собою. Она взмахнула острой косою, и юнша палъ мертвымъ.

Болѣзни разсматривались нашими предками, какъ соупутницы и помощницы Смерти, а поварьныя и заразительныя прямо признавались за самую Смерть, и ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ стихійное значеніе этой древней богини, какъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ о различныхъ недугахъ. Нѣмецкая легенда рассказываетъ, что одному юношѣ обѣщалась Смерть прежде, чѣмъ возьметъ его душу, прислать своихъ пословъ, и онъ зажилъ весело и разгульно, не помышляя о послѣднемъ концѣ. Но вотъ онъ состарился и за нимъ явилась Смерть. На упрекъ, что она не исполнила своего обѣщанія, Смерть отвѣчала: «какъ, я не послала къ тебѣ моихъ пословъ? развѣ не трясла тебя лихорадка, развѣ ты не чувствовалъ головокруженія, лома въ костяхъ, зубной боля, ослабленія зрѣнія и глухоты?» ¹⁾ Славянскія названія болѣзней соединяють съ ними мысль о карающемъ божествѣ: *boginę* —оспа, *boża gępa* — язва, чума, *bożj bić* или *boża moć* (божья сила)—падучая, бѣшенство, *boża ruka* —параличъ; сравни нѣм. *der gottes slac*, *die gewalt gottes*, *die hand gottes* (*schlagfluss*, *apoplexia*) — названія, указывающія на быстрый, внезапный родъ смерти, въ противоположность тѣмъ болѣзнямъ, которыя сводятъ человека въ могилу только послѣ продолжительныхъ мученій. Въ русскихъ областныхъ говорахъ:

¹⁾ Сказ. Грим., 177; Гальтрихъ, стр. 62.

божье или божья немочь—падучая; божья—эпидемія («божья ходить»); одержимых припадками бѣснованія и помѣшанныхъ вазываютъ божевольными и божегнѣвными, что свидѣтельствуєтъ за древнѣйшее воззрѣніе на болѣзнь, какъ на божью волю и божій гнѣвъ ¹⁾. Индусы изгоняли прокаженныхъ изъ касты и лишали права владѣть собственностію, такъ какъ эти несчастные поражены «божьимъ гнѣвомъ». Въ Европѣ долгое время вѣрили, что каждая язва есть заявленіе божественнаго гнѣва и требуетъ всенароднаго покаянія. Изувѣченныхъ и калѣкъ называютъ: убогіи, ubożatko; малор. небѣжчикъ, пол. nieboszczyk—покойникъ, т. е. какъ-бы отвергнутый свѣтлыми богами, постигнутый небесною карою ²⁾).

Далѣе, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства языка, что болѣзни причислялись нѣкогда къ сонму нечистыхъ духовъ. Областной словарь представляетъ тому обильныя примѣры: стрѣлъ—чортъ и стрѣлы—колотье: «пострѣлъ бы тебя побралъ!» чѣморъ—дьяволъ («поди ты къ чѣмору!») и чѣмеръ—спазмы въ животѣ или боль въ поясницѣ, а чѣмеръ—головокруженіе, страданіе живота и болѣзнь у лошади; игрѣцъ—истерическій припадокъ, кликушество и дьяволъ; худоба—сухотка, истощенность, худобище—конвульси въ тяжелой болѣзни, худая боль—сифилисъ, сибир. «въ худыхъ душахъ»—при смерти и худой—злой бѣсъ; черная немочь (не-мощь—не-дугъ; мощный и дюжій—сильный, здоровый)—параличъ, черна—скотская чуна, черная смерть—моръ, опустошавшій русскую землю въ 1352 году (при Симеонѣ Гордомѣ), и черныи—эпитетъ нечистаго духа (I, 99), черныи шутъ—дьяволъ; лядѣтъ

¹⁾ О вл. христ. на сл. яз., 123; Обл. Сл., 12; Доп. обл. сл., 10; Москв. 1852, XXIII, 72; D. Myth., 1109—1110. — ²⁾ Старосв Бавд., 411; Обл. Сл., 236.

—долго хворать, лядить—томиться, изнывать, хирѣть, лядашій—бессильный, больной, негодный и лядъ—чортъ: «ну те къ яду!» У бѣлоруссовъ лядашникъ—духъ, причиняющій людямъ порчу: «лядашникъ перелецѣ ямѣ», т. е. онъ сталъ полоумнымъ, сумасшедшимъ; сравни бѣсъ, бѣснующійся, бѣшенство и чешск. bĕsný pes (бѣшенная собака). Входя въ человѣка или животное, демонъ порождаетъ въ немъ болѣзненные припадки и безумную ярость; подобное-же дѣйствіе, производимое ядовитыми растениями, также приписывалось демонамъ: euphorbia называется у славянъ—бѣсово молоко, у нѣмцевъ teufelsmilch, atropa belladonna—бѣшенная вишня и т. дал. Ворогуша—лихорадка и врагъ (ворогъ)—дьяволъ; лихѣй—злой духъ и болѣзнь у лошадей, старинное лихновѣць (въ Святославовомъ изборникѣ)—сатана, лихо-радка (лихо-манка, лихо-дѣйка), лихота—нездоровье, немощь, лиховать—быть нездоровымъ, чувствовать тошноту; тоснуть—болѣть, скучать и тошная—нечистая сила; шатунъ—чортъ и шатъ—обморокъ, головокруженіе, болѣзнь у собакъ; вологод. «тяжкая пришла» т. е. посетила болѣзнь и тяжкѣнь или тяжелой въ значеніи дьявола; икота (икотка)—болѣзненный припадокъ и человѣкъ, одержимый бѣсомъ, икотница—страдающая икотой; притка—падучая и всякій неожиданный, нечаянно приключившійся недугъ («чтобъ тебя разопритчило!» «миѣ на такомъ-то мѣстѣ попритчилось!»), а слѣдующія выраженія: «экъ ця притка принесла!» «притка его вѣдать, откуда онъ!» указываютъ на демона; сравни: «кой чортъ тебя привесъ!» «чортъ его вѣдасть!» Лишай—гнойный струпь на головѣ и дьяволъ ¹⁾). Тѣсная

¹⁾ Обл. Сл., 28-29, 42, 73-74, 104, 108, 134, 179, 218, 231, 235, 251; 256-7, 263; Доп. обл. сл., 102; Приб. къ Изв. Ал. Н. 1853, 183; Эпг. Сб. I. 176-7; Годъ на Сѣверѣ, Максимовъ, II, 463; Матер. для исторіи письменъ, ст. Бусл., 8; Громанъ, 8.

связь нечистой силы съ болѣзнями, разслабляющимъ тѣло человеческое, подтверждается и слѣдующими названіями: обломъ (отъ ломать)—дьяволъ, домовой; костоломъ в кождѣрь — злой человѣкъ, лѣшій, чортъ; въ числѣ болѣзненныхъ ощущеній извѣстенъ и ломъ въ костяхъ ¹⁾). Въ апокрифической статьѣ «Свитокъ божественныхъ книгъ» повѣствуется, что Господь, создавши тѣло перваго человѣка, «посидѣ на небесахъ по душу Адамову; сатана же не вѣдая, что ему сотворити, и тну тѣло Адамово перстомъ. И приде Господь ко своему созданію, и видѣ тѣло Адамово и рече: о дьяволе! что ты сотворилъ? Отвѣщавъ же дьяволъ: Господи! забудеть тебя сей человѣкъ; (но) аще у него что заболитъ, тогда Господа воспомянетъ. И Господь обрати (болѣзнь) Адаму внутрь, и оттого во всякомъ человѣцѣ... болѣзнь сотвори сатана; аще у кого поболитъ, тогда и вздохнетъ о Господѣ: помилуй мя!» ²⁾). Въ другомъ апокрифѣ—въ «Сказаніи, како сотвори Богъ Адама» ³⁾ читаемъ: создалъ Богъ перваго человѣка изъ восьми частей, «и посидѣ очіи имати отъ солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Приде же окаянный сатана ко Адаму и намаза его каломъ и тиномъ и възгрями. И приде Господь ко Адаму и восхотѣ очіи вложити, и видѣ его мужа изсмазанна, и разгнѣвался Господь на дѣвола и нача глаголати: «окаянне дѣволе, проклятыѣ! не достоятъ ли твоя погвѣбель? что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость—вмаза его? «и проклятъ ты буди! И дѣволъ исчезе, акы молнія, «сквозь землю отъ лица Господня. Господь же снемъ съ него «пакости сатанины и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и «въ томъ сотвори собаку, и постави собаку и повелѣ стрѣщи Адама; а самъ отъиде въ горній Іерусалимъ подыханіе Адамъ»

¹⁾ Обл. Сл., 133: Вибл. для Чт. 1848, X, 122. — ²⁾ Рус. Сл. 1862, II, ст. Пыпина, 55. — ³⁾ Пам. стар. рус. литерат., III, 12—13.

«лево. И прииде вторые сатана и восхотѣ ва Адама напустити
 «злую скверну, в видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежа-
 «шу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на діа-
 «вола; окаянный же сатана вземъ древо и истыка всего че-
 «ловѣка Адама, и сотвори ему 70 недуговъ.» Богъ помилосер-
 довалъ объ Адамѣ, прогналъ сатану и обратилъ всѣ недуги
 внутрь человѣческаго тѣла. Въ народной легендѣ о сотвореніи
 міра и потопѣ ¹⁾ сказано, что собака первоначально была со-
 здана голою и что дьяволъ соблазнилъ ее, угрожая зимними
 морозами и обѣщая ей теплую шубу (т. е. шерсть); собака под-
 пустила дьявола къ первосозданному человѣческому тѣлу, а
 тотъ оплевалъ и охаркалъ его ²⁾. Въ связи съ этими апокри-
 фическими сказаніями должна быть поставлена и повѣсть о
 скверномъ бѣсѣ, занесенная въ раскольничьи рукописи и на
 лубочную картину. Нѣкій святой старецъ увидѣлъ въ пустынѣ
 бѣса, отъ головы до ногъ оскверненного блуднымъ гноемъ. «И
 рече ему старецъ: да почто не омылся еси въ рѣцѣ или въ
 источникѣ? Онъ же рече: не велитъ ми вышній Богъ... пове-
 лѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ; онъ же оружіемъ ог-
 неннымъ прогоняя(-етъ) насъ. Старецъ рече ему: да гдѣ мо-
 жешь измыться? Бѣсъ рече: поиду въ христіянскіе дома, и
 гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту влиду и измыюся;

¹⁾ Н. Р. Лег., 14. — ²⁾ Преданіе это перешло и къ мордвѣ
 (Рус. Вѣст. 1867, IX, 229), и къ черемисамъ: Юма, создавши человѣ-
 ческое тѣло, отправился творить душу, а въ тѣлу прѣставлялъ пса,
 который тогда еще не имѣлъ шерсти. Злой Кереметь произвелъ
 такой холодъ, что песь едва не замерзъ; потомъ далъ собацѣ
 шерсть, и допущенный къ человѣку охаркалъ его тѣло, и тѣмъ
 самымъ положилъ начало всѣмъ болѣзней — Вѣст. Р. Г. О. 1856,
 IV, 282; Этн. Сб., V, роспись Межова, 41. Собака олицетворяетъ
 здѣсь стихійныя силы природы (см. I, 720—734), на что указы-
 ваетъ и созданіе ея изъ слезъ, слювы и мокроты (= древнѣйшія
 метафоры дождя).

они же послѣ мене примутъ болѣзни тяжки—и кашлеве, и
трясавицы, и инныя скорби.» ¹⁾ Сосудовъ я кринокъ съ напит-
ками и кушаньями не совѣтуютъ оставлять непокрытыми,
опасаясь, чтобы нечистая сила неосквернила ихъ; если нечѣмъ
покрыть, то должно по крайней мѣрѣ перекрестить, или поло-
жить сверху двѣ лучины накрестъ. Народная легенда ²⁾ раз-
сказываетъ о чортѣ, который засѣлъ въ кувшинъ съ водою, оста-
вленный на ночь безъ этихъ предосторожностей. По ночамъ,
такъ какъ въ это время злые духи бываютъ особенно дѣятель-
ны, не слѣдуетъ пить воды, тѣмъ болѣе не благословясь;
иначе наживешь «водяную» ³⁾. Итакъ болѣзнь есть дѣло враж-
дебнаго демона: нападая на человѣка, онъ касается его своею
рукою, наноситъ ему гнойныя раны, оскверняетъ его тѣло на-
рывами, вередями, сыпями, нерѣдко даже поселяется въ немъ,
грызетъ и мучитъ его различными мѣками. Вѣрованіе это
принадлежитъ глубочайшей древности и встрѣчается у всѣхъ
индоевропейскихъ народовъ. По мнѣнію индусовъ, всякая за-
раза и смертность насылались на людей и стада Вритрою и
подвластными ему демонами; ведская отрасль арийскаго пле-
мени приписывала созданіе болѣзней Ариману. Atharva-Вѣда
олицетворяетъ лихорадочный недугъ (такманъ); его проклина-
ютъ, гонятъ, вызываютъ изъ страждущаго тѣла, и когда ни-
что не помогаетъ, то кланяются ему, какъ божеству, и мо-
лятъ, чтобы онъ пощадилъ больного или поискалъ себѣ иного
нечестиваго человѣка. Силою чародѣйныхъ заклятій колдуны
могли не только изгонять болѣзни (amivá), но и напускать ихъ
на своихъ враговъ ⁴⁾. Гомеръ ⁵⁾ приписываетъ тяжкіе не-

¹⁾ Лэт. рус. лѣт., т. V, отд. 3, 89—90. — ²⁾ Н. Р. Лер., 19.

— ³⁾ О. З. 1848, V, ст. Харитоновъ, 24. О страдающихъ запо-
ми простоядныи думаютъ, что они проглотили маленькаго
чорта, когда тотъ плавалъ въ рюмѣ вина—Киенля 1865, 57.

— ⁴⁾ Гротауизъ, 147-8. — ⁵⁾ Одис., V, 395-6.

дуга прикосновенію злаго демона; и въ античномъ мірѣ, и въ среднія вѣка умопомѣшательство и паучую болѣзнь объясняли нападеніемъ нечистаго духа ¹⁾. Относительно славянъ подобное воззрѣніе на болѣзни засвидѣтельствовано еще Несторомъ; рассказывая о Святополкѣ (подъ 1019 годомъ), лѣтописецъ выражается такъ: «и бѣжащю ему, нападе на-нь бѣсъ—и разслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти (на конѣ), и несяхуть ѿ наносилѣхъ. Принесоша ѿ къ Берестю, бѣгающе съ нимъ; онъ же глаголаше: побѣгнѣте со мною, женуть по насъ! Отроки же его всылаху противу: «еда кто женеть по насъ?» и не бѣ никого-же въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ; онъ же, въ немощи лежа, вѣсхопивъся глаголаше: о се женуть, побѣгнѣте! Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа лядскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю ляхы и чехы—испроверже азъ животъ свой» ²⁾. Выше (II, 420-1) сообщено было лѣтописное преданіе о дьяволѣ, который, бросая въ вноковъ цвѣтокъ, приводилъ ихъ въ разслабленіе. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, бѣсъ, поселяясь въ женъ и дѣвъ, отымаетъ у нихъ умъ, слухъ, зрѣніе, повергаетъ ихъ въ бѣшеное, иступленное состояніе и заставляетъ испытывать самыя мучительныя страданія ³⁾. Въ оффиціальномъ показаніи шуянъ 1666 года читаемъ: «то намъ вѣдомо: Шунъ посаду Яковъ Григорьевъ скорбѣлъ и кѣтою и виѣ ума былъ весь и всячески отъ нечистаго духа... а Василей Неемѣявовъ скорбѣлъ отъ нападенія нечистаго духа, и его исцѣлила пресвятая Богородица, какъ сталъ молебствовать. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Марѣу слышали мы отъ сосѣдей, что ова одержима была нечистымъ духомъ, и ее исцѣлила пресв. Богородица въ церкви на праздниѣ своемъ—въ литургію, въ

¹⁾ Москв. 1853, XXIV, 195. — ²⁾ П. С. Р. Л., I, 62-63. — ³⁾ Н. Р. Ск., I, 9, 10 и стр. 143, по 3-му издан.

большой выходъ; и она нынѣ здрава стала, а скорбѣла трои сутки» ¹⁾. Въ 1670 году шуйцы подъяли новую сказку, въ которой заявили: «пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молиться мужескій и женскій и дѣвичъ полъ, и тѣ иногородные люди привозятъ съ собою различными скорбми одержимыхъ отъ нечистыхъ духовъ мужескій и женскій и дѣвичъ полъ, и тѣ скорбные люди... въ божественную службу мечтаются всякими кознодѣйствами» ²⁾. «Есть на Поморіи (говорить рукописное житіе Зосимы и Савватія) наволокъ Унежма; въ мѣстѣ-же томъ (былъ) человекъ нѣкій именемъ Никонъ. Селу Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прюнѣкую жею собою. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати; единому (изъ н)ихъ угоди, а другаго оскорби.» Последний «зельнѣ огорчися», и «яко-же обычаи нѣмъ укоренилися злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесъ бити —таже насылаетъ бѣса на Никона» ³⁾. Въ повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи (XVII вѣка) разсказывается, что однажды ей послышалось, «аки приде нѣкто ко храминѣ; она же возста отъ ложа своего и отверзи двери, и пахну ей въ лице, и во уши, и во очи, аки въ который вихоръ велій, и явися аки пламя нѣкое огненно и синее... И бысть во всю ночь безъ сна; приде на нея трясеніе и великій, лютый озисбъ, и въ третій день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во иступленіи ума отъ живущаго въ ней демона» ⁴⁾. И до сихъ поръ простой народъ думаетъ, что всѣ калѣки, разслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою ⁵⁾; всякое тѣ-

¹⁾ Описаніе гор. Шуй, Ворисова, 428—9 — ²⁾ Ibid., 345, 425. —

³⁾ Шапов., 43. — ⁴⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 153. — ⁵⁾ Сахаров., I, 36.

лесное страданіе и всякое тревожное чувство приписываются порчѣ «недобрыхъ людей», ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу, и называются напускною тоскою; нервныя болѣзни — кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, насланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда истительнымъ колдуномъ. Сами больные, раздѣляя тоже убѣжденіе, выкрикиваютъ во время припадковъ имена своихъ враговъ, подозрѣваемыхъ въ насланіи болѣзни, и обвиняютъ ихъ въ этомъ мнимомъ преступленіи. Еще недавно, вслѣдствіе такихъ обвиненій, производились судебныя розыски. Въ пинежскомъ уѣздномъ судѣ хранится любопытное дѣло, рѣшенное въ 1815 году. Крестьянинъ Михайло Чухаревъ былъ обвиненъ въ порчѣ никотою своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой, и ту Офимью (сказано въ прошеніи) теперь злой духъ мучитъ. Чухаревъ показалъ на допросѣ, что дѣйствительно насылалъ порчу на свою двоюродную сестру, а научилъ его тому крестьянинъ Федоръ Крапивинъ. Чара совершается такъ: снявши съ себя шейный крестъ, должно нашептывать на соль: «пристаньте къ человѣку (имярекъ) скорби-икоты, трясите и мучте его до скончанія вѣка; какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ. Отступите отъ меня, дьяволы, а приступите къ нему.» Наговорную соль слѣдуетъ бросить на дорогу или вообще на то мѣсто, которымъ долженъ проходить осужденный на икоту. Судъ приговорилъ Чухарева къ тридцати пяти ударамъ кнутомъ и къ публичному церковному покаянію. Г. Максимовъ, сообщившій это дѣло въ своей прекрасной книгѣ: «Годъ на Сѣверѣ», слышалъ отъ ямщика разсказъ о дѣвкѣ-икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ ¹⁾. При такомъ взглядѣ на

¹⁾ II, 289, 310-5. Влад. Г. В. 1844, 53. Кавказскіе горцы бѣшенство и бредъ приписываютъ вліянію нечистой силы — Совр. 1854, XI, сѣнь, 2; подобныя же вѣрованія встрѣчаемъ у разныхъ инородцевъ — О. З. 1830, ч. XLIII, 219; Вост. Р. Г. О. 1856, I, сѣнь, 28.

болѣзни, весьма естественно было представлять ихъ существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, донныѣ приносимыя простолюдинами въ пылу гнѣва или досады, были нѣкогда дѣйствительными призывами злыхъ демоновъ на враговъ и обидчиковъ: «вбій ты трясця!» «хай тебе хиндя (?) потрясе!» «щобъ тебе родимецъ ¹⁾ побивъ!» (великор. «родимецъ ты нозъ ми!») «щобъ на тебе причина (= притка) вдарила!» «бодай тебе грець внимивавъ!» «щобъ тебе луть турнула!» «щобъ тебе лунь вхопила!» ²⁾ «щобъ ёго смутокъ (печаль, тоска) узавъ!» «смутокъ би на ты темній та чорній упавъ!» «чортъ би тебе спикъ!» «чортъ би вбивъ (или: мучивъ) твого батька!» ³⁾ Слѣдуя оборотамъ, употребительнымъ въ нѣмецкомъ языкѣ, болѣзнь ватакнвается, наскакнываетъ, нападаетъ, хватаетъ, осилываетъ — *sie stösst an, fällt an, überfällt, überläuft, packt, greift an, überwältigt den menschen*; у насъ говорятъ о тяжелой болѣзни, что она съ ногъ свалила ⁴⁾. Нечистая сила смерти и недуговъ изображается въ народныхъ преданіяхъ вѣчно-голодною и прожорливою; она съ жадностію бросается на людей и животныхъ и питается ихъ кровью и мясомъ. По народному выраженію, больной изнашивается ⁵⁾: полнота и крѣпость его тѣла какъ-бы поглощаются злобыми демонами; напротивъ изцѣлить = возстановить здравіе буквально означаетъ: сдѣлать человека цѣлымъ. За родство понятій смерти и голода свидѣтельствуютъ: готское *svults* — *mors* и сканд. *sultir* — *fames*, греч. λιμός — голодъ и λοιμός — моровая язва ⁶⁾. О «черной смерти» лѣтописецъ выражается: «егда бо видяше гдѣ въ который родъ или въ осподу (вар. въ семью) болѣзнь лютая

¹⁾ Параллель—Обл. Сл., 191. — ²⁾ «Лунь ёго вхопиль» — онъ оползъ—Старосл. Банд., 387. — ³⁾ Номис., 73. — ⁴⁾ D. Myth., 1106. — ⁵⁾ Износиться—похудѣть—Обл. Сл., 74. — ⁶⁾ D. Myth., 842.

и смертное то жало, мряху бо сполу наборзѣ... (сравни «божья ходитъ», «тяжкая пришла», «болѣзнь посѣтила»). Сана свѣтлостью не умалена бываетъ Смерть ¹⁾, на всѣхъ бо вынизають многоядныя своя зубы» ²⁾. Итакъ моровой извѣ даются острые зубы и жало. Тоже представление соединяють съ болѣзнями и сербы, какъ очевидно изъ ихъ заклѣтій: болест га јела! «такъ же губа (проказа) не јела! «такъ же живина (ракъ) не гризла! (или: не драла!) «такъ же не јела губа до паса, а живина од паса! «такъ же помама (бѣшенство) не напала!» ³⁾ Название грыжа (грызь = рѣзь, ломота, ноющая острая боль) происходитъ отъ глагола грызу ⁴⁾. Сибиряки считаютъ оспу за нечистаго духа, который бродитъ по свѣту и питается мертвыми тѣлами; а потому, желая умиловить его, нарочно убиваютъ скотину ⁵⁾. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне убѣждены, что Оспа ходитъ съ клювомъ, и ударяя имъ, пятнаетъ человѣка щедринками ⁶⁾; областныя названія оспы — шадра и своробъ; шадривый, шадровитый — рябой, шадрина — рябинка, своробатый — шероховатый ⁷⁾. Въ олонекской губ. заболѣвшаго оспою приносятъ къ другому больному той-же болѣзней, и онъ отвѣшиваетъ ему три поклона и произноситъ: «прости меня Оспица, прости Аванасьевна, чѣмъ я предъ тобою согрубилъ, чѣмъ провинился!» ⁸⁾ Прощать въ старинномъ языкѣ употреблялось въ значеніи: выздороветь, излѣчиться отъ болѣзни. Новые греки представляютъ оспу мненческой женщиной ⁹⁾. Народное суевѣріе утверждаетъ, что когда начинается болѣзнь, то не слѣдуетъ

¹⁾ Т. е. она не вкрѣсть на санъ. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 61, 191. — ³⁾ Срп. н. послов., 21, 298-9. — ⁴⁾ Толков. Слов., I, 356. — ⁵⁾ Абез., 77-78. — ⁶⁾ Послов. Даля, 430. — ⁷⁾ Обл. Сл., 200, 261. — ⁸⁾ Обл. Сл., 144. — ⁹⁾ D. Myth., 1113.

ложиться на постель, а стараться быть на ногахъ, чтобы она не иззяла силы и не одолѣла человека ¹⁾).

Нечистые духи, въ своемъ древнѣйшемъ, языческомъ значеніи, были существа стихійныя, демоны темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей и вьюгъ, то посылающіе на поля и нивы безвременные ливни и градъ, то задерживающіе въ облачныхъ горахъ животворную влагу дождя и карающіе землю засухою; въ томъ и другомъ случаѣ они истребляютъ жатвы и лишаютъ человека его насущной пищи. Къ разряду стихійныхъ демоновъ првчислялись нашими предками и болѣзни, какъ порожденіе тѣхъ-же естественныхъ причинъ: простуды, сырости, томительнаго зноя и вредныхъ испареній, разносимыхъ буйными вѣтрами, и какъ обычные спутники неурожая, вслѣдъ за которыми въ древности всегда шествовалъ моръ. Atharva-Веда свидѣтельствуетъ, что воспалительный недугъ (такманъ) появляется тогда, когда жаркіе лучи солнца воздѣйствуютъ на болотистую почву — когда огонь иссушитъ воду. Эпидемическія, заразительныя болѣзни слывутъ на Руси: по вѣтріе (пол. *powietrze*), вѣтроносное язво ²⁾ и моръ; съ послѣднимъ названіемъ родственны слова: об-морокъ — болѣзненный припадокъ, шгла, туманъ, и обморочить. Летучая или вѣтренная оспа называется въ ярославской губ. лопѹха — слово, означающее также: снѣгъ, падающій большими хлопьями ³⁾. У кыпцевъ болѣзнь лошадей и рогатаго скота — *der böse wind*, въ Швейцаріи рожа — *wolken, fliegende wolke* ⁴⁾. По мѣтнію народа, болѣзни посылаются по вѣтру или по водѣ: «съ вѣтру пришло», «съ воды приключилося». Колдунъ выходитъ на дорогу и выжидаетъ: не подуетъ ли попутный вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ живетъ обреченный на порчу. Выждавши, онъ беретъ съ дороги горсть

¹⁾ Рус. въ св. посл., IV, 88. — ²⁾ Библ. для Чт. 1848, IX, 61. — ³⁾ Обл. Сл., 105, 134, 141. — ⁴⁾ D. Myth., 1112, 1115.

пыля или снѣгу (смотря по времени года) и бросаетъ на вѣтеръ, причитывая: «ослѣпи (=запороши) у раба такого-то черныя очь, раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы!» ¹⁾ Главныя напусканыя болѣзни — икота и стрѣлы. Икотою называютъ на сѣверѣ Россіи припадки кликушества; икать во псковской губ. — кричать, кликать ²⁾. Силою чародѣйнаго слова нечистый духъ заклиняется на чье-нибудь имя; быстро летитъ онъ на крыльяхъ вѣтра, и первый встрѣчный, кто носить означенное имя, дѣлается его жертвою. Иногда наговариваютъ икоту на камни или насѣкомыхъ, и тотъ, кто записется о такой камень или проглотитъ летучую мошку, подвергается истязаніямъ злаго демона. Стрѣлы (колотье) напускаются такъ: берется коровій рогъ, насыпается пескомъ, дресвою, истолченнымъ стекломъ, и все это выдувается въ отверстіе рога, съ закліатіемъ на извѣстное лицо. Вѣтеръ подхватываетъ песокъ, дресву и стекло, несетъ ихъ на человѣка и производитъ въ немъ такое ощущеніе боли, какъ-будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и рѣжущими осколками ³⁾. Эта чара и самое названіе болѣзни наминаютъ намъ: съ одной стороны — эпическое выраженіе Слова о полку въ вѣтрахъ, вѣющихъ съ моря стрѣлами, а съ другой — то старинное олицетвореніе вѣтровъ, которое представляло ихъ дующими въ рога и трубы (I, 323—4). По свидѣтельству народныхъ преданій нечистые духи, купаясь въ источникахъ, оскверняютъ воды и порождаютъ различные недуги (см. выше, стр. 62). Эти источники первоначально означали дождевыя тучи, живительная влага которыхъ нѣсушаетъ

¹⁾ Потебн., 80-81; Сахаров., I, 36. — ²⁾ Доп. обл. сл., 73. —

³⁾ Карнав. книжка для любителей землѣвѣдѣнія, 315; Очерки архангел. губ. Верещагина, 181—3; въ престоцѣловальныхъ записяхъ читаемъ: „ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не посылати“.

ся знойнымъ дыханіемъ демоновъ, губителей земнаго плодородія; въ послѣдствіи же въ нихъ стали видѣть обыкновенные омуты и болота, заражающіе воздухъ своими тлетворными испареніями въ жаркіе мѣсяцы лѣта. Нѣмцы, чехи и лужицане думаютъ, что во время солнечнаго затмѣнія (=собственно передъ вачаломъ грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздухъ дѣлается томительно-удушливымъ) нечистые духи пускаютъ съ неба ядъ и отравляютъ источники; поселяне закрываютъ тогда колодцы, не рѣшаются брать изъ нихъ воду для зитя и не выгоняютъ скота въ поле ¹⁾). Германскія племена приписываютъ болѣзни вліянію раздраженныхъ эльфовъ; своимъ прикосновеніемъ и дыханіемъ (=дуновеніемъ) эльфы причиняютъ людямъ и домашнимъ животнымъ расслабленіе и смерть; кону нанесутъ они ударъ, тотъ теряетъ память и умственные способности: параличъ называется *divergslag* (*zweragschlag*), слабоуміе есть знакъ, что человѣка коснулась мстительная рука эльфа — *elbentgöttsch* (*blödsinnig, geistesschwach*). По указанію народныхъ сагъ, лица, попадающіе къ эльфамъ, рѣдко возвращаются назадъ, а если кто и воротится—то навѣрно на всю жизнь останется полоумнымъ: вѣрованіе это совпадаетъ съ общераспространеннымъ на востокѣ, въ Іудей и въ средневѣковой Европѣ мнѣніемъ, что бѣсноватые одержимы злыми духами, которые поселяются въ нихъ, какъ безпокойные, раздражительные мары (*poltergeister*) въ жилищѣ избранной семьи. Участи въ танцахъ эльфовъ дѣлаетъ человѣка расслабленнымъ. Болѣзнь, названная въ медицинѣ подъ именемъ Витовой

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 235; Громанъ, 28; Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 337; см. также т. II Повѣст. Вояж., стр. 556—7. То же представленіе о порчѣ небесныхъ водъ распространялось и на тучи, окованныя злыми стужами; чехи не купаются до Юрьева дня, потому что до этого срока вода бываетъ испорчена, отравлена нечистою силою (Громанъ, 51).

пляски (*chorea sancti Viti*) и состоящая въ судорожныхъ, непроизвольныхъ подергиваніяхъ всѣхъ членовъ тѣла, названа такъ вслѣдствіе уподобленія ея—прихотливой пляскѣ грозовыхъ духовъ, сопутствующихъ Святовиту въ его бурномъ шествіи по воздушнымъ пространствамъ. Въ Ирландіи и Шотландіи убѣждены, что дуновение эльфовъ вызываетъ на тѣлѣ желваки, чирокъ, вереды (греч. ἀλφός — пятна на кожѣ, сыпь); въ Норвегіи болѣзнь воспалительнаго свойства называется *alvgust*, *alvild* = *elfenfeuer*, ср.-сѣв. *âlfabruni*; она нападаетъ на человѣка, какъ скоро онъ ступитъ на то мѣсто, гдѣ эльфы пролили воду или наплевали. Бѣлоруссы не рѣшаются ступить на слѣдъ, остающійся на землѣ отъ ведра съ водою, ни туда, гдѣ волкъ зарѣзалъ козла, гдѣ былъ заколотъ пѣтухъ, гдѣ валялись лошади или собака скребла лапою; въ противномъ случаѣ неосторожный подвергается чесоткѣ и тѣло его покрывается лишаями ¹⁾. Вѣдра указываютъ на тѣ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи лили на землю дожди; а пѣтухъ, козелъ, конь и собака—на ихъ животнѣнныя превращенія. Въ сагахъ эльфы плюютъ въ глаза того, кто вздумаетъ подсмотреть ихъ игры, или дуютъ на него, и тѣмъ самымъ ослѣпляютъ любопытнаго. Вообще совѣтуютъ, при всякой встрѣчѣ съ ними, поспѣшно удалиться въ сторону. Эльфы имѣютъ при себѣ луки и стрѣлы (= молніи); этими стрѣлами они убиваютъ людей и животныхъ или причиняютъ имъ тяжкія страданія. Ощущеніе, производимое болѣзнями, языкъ сближаетъ съ ударомъ остраго оружія: ломъ («*daz gegihte brach ir hend und füeze*»), колотье (*seitenstechen*), рѣзъ, стрѣльба и пр. Эльфы могутъ умерщвлять человѣка даже своимъ сверкающимъ взоромъ. Кто воспользуется отъ яствъ и напитковъ, для нихъ назначенныхъ, тотъ (по шотландской сагѣ) будетъ наказанъ смертію.

¹⁾ Нар. сл. раз., 131—3.

Лихорадочный ознобъ (трясца) и стѣсненіе въ груди во время сна (удушье) приписываются ихъ-же злобѣ. Ирландскій *phuka* прыгаетъ въвечернемъ сумракѣ на спину путника и не оставляетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ обезсиленный наземлю. У средневѣковыхъ поэтовъ эльфъ—злой духъ, который вънуздываетъ соннаго человека, вѣдитъ на немъ, трясетъ его, и такимъ образомъ доводитъ до совершеннаго истощенія силъ: «*der alp zornet dich*», «*der mag rittet dich*». Эльфы и мары (сканд. и швед. *mar*, англ. *night-mare*, голл. *naechtmaer*), какъ уже было указано (см. II, 727), сочетали въ себѣ представленіе грозовыхъ геніевъ съ душами усопшихъ; но такъ какъ душа уподоблялась бабочкѣ и ея личинкѣ (червяку), и такъ какъ самые эльфы произошли отъ червей—молній (см. II, 718), то отсюда возникло вѣрованіе, что *alp*, посылаемый колдунами, вылетаетъ изъ ихъ сросшихся бровей бабочкою, садится на грудь спящаго человека и начинаетъ давить его; это напоминаетъ намъ убійственные зоры *via*, предающіе все гибели, какъ скоро будутъ подняты его длинныя брови и рѣсницы, т. е. открытый взглядъ молніи разитъ смертію; брови и рѣсницы—метафоры облаковъ (I, 167, 170-1). Въ Швейцаріи *toggeli* означаетъ мотылька и эльфа; въ старинныхъ процессахъ о вѣдьмахъ злой духъ—*der elbe* изображается прилетающимъ въ видѣ бабочки; литов. *drugis*—бабочка и *fielervogel*, латт. *drudsis*—летучая моль и лихорадка; литов. *druggis kreczia*, латт. *drudsis kratte*—трясетъ лихорадка. Жгучая опухоль подъ ногтемъ пальца называется *der wurm*, *der umlaufende wurm*; опухоль на рукахъ и ногахъ, сопровождаемая нагноеніемъ,—*der haarwurm*, по русски волосъ или волосень, и по нѣмцѣ нашихъ крестьянъ бываетъ отъ червя-волосатика; одышка—*herz wurm*; собака впадаетъ въ бѣшенство отъ червя, который сидитъ у ней подъ языкомъ; *bläsende*

wuſt — болѣвны лошадей. Чехи убѣждены, что каждый человекъ имѣетъ въ своемъ тѣлѣ червя, отъ котораго и зависитъ его жизнь; сверхъ того, они рассказываютъ о зловредныхъ червяхъ, изъ которыхъ одни точатъ сердце, другіе пьютъ кровь, а третьи пожираютъ принятую человекомъ пищу—преданіе, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже въ Атарведѣ встрѣчаемъ заговоры, направленные на убіеніе червя, который гнѣздится въ головѣ, внутренностяхъ или крестцѣ больного ¹⁾). Итакъ грызущая боль недуговъ сравнивается съ подтачивающимъ тѣло червякомъ; входя внутрь человека, злой эльфъ принимаетъ образъ этого наѣкомаго и начинаетъ поѣдать мясо и пить кровь, почему поляки червей, причиняющихъ людямъ болѣзни, называютъ *białe ludzie*. Тѣже вѣрованія раздѣляли и греки, какъ видно изъ свидѣтельствъ языка: ἐπιάλτης, ἐφιάλτης (=aufspringer)—демоническій духъ, который давитъ по ночамъ и производитъ лихорадочное ощущеніе; ἑπιάλης, ἑπιόλης — эльфъ; ἑπίαλος, ἑπίολος—лихорадка, ознобъ и удушье; ἑπίολος означаетъ также и бабочку ²⁾). Приведенныя нами выше народныя названія болѣзней, извѣстныя на Руси и у другихъ славянъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ древности онѣ признавались за существа демоническія, подобныя злымъ эльфамъ. Преданіе даетъ имъ божій бичъ и стрѣлы, и всѣ тѣлесныя страданія рассматриваетъ какъ слѣдствіе отъ удара или укола ихъ оружія: болѣзнь—это «божья рана» или язва, нанесенная рукою незримаго духа, свидѣтельство его карающей силы и раздраженія («божья мочь», «божій гнѣвъ»). Чтобы предать людской родъ болѣзнямъ, сатана истыкалаъ перстомъ или, по другому варианту, древомъ (= жез-

¹⁾ Обл. Сл., 27; Громанъ, 152-3. — ²⁾ D. Myth., 429—430, 967—8, 1107—12, 1115; Irische elfenmärchen., стр. XIV, CII—CVIII; Beiträge zur D. Myth., II, 280.

ломъ, пальцею) тѣло перваго челоуѣка; поселяне называютъ недуги притками, отъ глагола при-ткнуть — коснуть-ся. Въ устахъ народа употребительны клятвы: «чтобъ тебя родимецъ и трясца побил!» «Чтобъ тебя притка ударила!» «чтобъ тебя язвило, пятнало, стрѣляло!» ¹⁾ Мы доселѣ говоримъ: разбитъ параличемъ, а въ областныхъ нарѣчіяхъ эту болѣзнь обозначаютъ выраженіемъ: его прострѣлило ²⁾. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ боярину Морозову читаемъ: «а про смертоносную язву не пишите, престала ли или нѣтъ... и котораго числа діака нашего Петра Степшина пострѣлило?» ³⁾ Сибірской язвѣ даютъ названія змѣиный пострѣлъ ⁴⁾; колюще и головная боль (мигрень) у чеховъ называются *střily*, рус. стрѣлы; стрѣляетъ — чувствуется колюще; во псковской губ. стрѣлицы — болѣзнь моровъ ⁵⁾. Въ первой пѣснѣ Иліады поэтъ рассказываетъ, какъ разгнѣванный Аполлонъ взялся за серебряный лукъ, и пуская крылатыя стрѣлы, наслалъ на ахейское войско моровую язву; тѣмъ-же оружіемъ поразилъ онъ и дѣтей Піюбен. Подобными стрѣлами обладала и богиня Артемиды. Одиссей обращается къ тѣни своей матери съ вопросомъ: скончалась ли она медленно отъ тяжелой болѣзни, или вдругъ Артемиды тихой стрѣлой ее поразила? Въ другомъ мѣстѣ Одиссеемъ говорится о блаженной странѣ, гдѣ люди умираютъ не отъ старости и болѣзней:

Думъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ.

Это — быстрый ударъ паралича, разомъ, безъ долгихъ страданій пресекающій жизнь ⁶⁾; сравни съ русскимъ преданіемъ

¹⁾ Сынъ Отеч. 1840, т. V, 263; Обл. Сл., 273. — ²⁾ Доп. обл. Сл., 220. — ³⁾ Записки отд. рус. в славян. археолог., II, 725. —

⁴⁾ Толков. Слов, прибавл. 5. — ⁵⁾ Громаничъ, 160; Доп. обл. сл., 257. — ⁶⁾ Одис., XI, 170; XV, 403 и далъ; Der Ursprung der Myth., 108.

о добрыхъ ангелахъ, мгновенно-изъемящихъ душу добродѣтельнаго человѣка, чтобы водворить ее въ райскихъ селеніяхъ (см. стр. 54—55). Когда ребенокъ страдаетъ неизвѣстною болѣзною, мечется и кричитъ по ночамъ, простолюдины кладутъ ему подъ голову — мальчику небольшой лукъ со стрѣлою, а дѣвочкѣ пряслицу, причитывая: «щекотиха - будиха! вотъ тебѣ лучокъ (или пряслица); играй, а младенца не буди» ¹⁾. О лѣсунахъ и русалкахъ рассказываютъ, что онѣ, завлекая путника, щекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не упадетъ онъ бездыханнымъ; поэтому названіе болѣзни щекотихою намекаетъ на связь ея съ этими эльфическими дѣвами: прилетая къ ребенку, она щекочетъ — мучитъ его, и тѣмъ самымъ отымаетъ у него сонъ. Какъ всѣ облачныя (водяныя) дѣвы, русалки представлялись пряхами, приготовляющими туманные покровы, которыми онѣ застилаютъ небо (см. гл. XXIII), и потому пряслица точно также указываетъ на стихійный характеръ демона-болѣзни, какъ и лукъ съ стрѣлами. У чеховъ дѣвица, захворавшая лихорадкою, должна трижды обѣжать прудъ, и обѣгая въ первый разъ бросить въ воду кусокъ хлѣба, во второй — веретено, а въ третій — пачку льна; эти приношенія задерживаютъ лихорадку въ ея подводномъ жилищѣ, и она уже не приходитъ въ обычное время мучить больную. Отсюда-же объясняется обычай мѣрять больного ниткою, сожигать ее на огнѣ, а оставшіяся пепелъ разводить въ водѣ и давать пить во время припадковъ ²⁾. Сербскія вилы, сродныя съ нашими русалками и нѣмецкими эльфами, причисляются къ мнѣческимъ пряхамъ, мечутъ смертоносныя стрѣлы, отравляютъ источники, повергаютъ людей въ тяжкія болѣзни и отымаютъ у нихъ разумъ. О лужицкой полудницѣ, принадлежащей къ тому-же разряду духовъ, рассказываютъ, что она является на поля допрашивать жен-

¹⁾ Послов. Даля, 403 — ²⁾ Громанъ, 163, 178.

жизнь, какъ должно обрабатывать ленъ, в тѣхъ, которыя не съумѣютъ дать ей отвѣта, свертываетъ шев; въ средневѣковыхъ памятникахъ *daemon meridianus* (у греческихъ писателей *δαίμων βρινός* *δαίμων*) — паучья болѣзнь; у чеховъ *polednice* — названіе недуга¹⁾. Замѣчательно, что въ нашемъ народѣ слово полудновать употребляется въ значеніи: жить послѣднія минуты передъ смертію²⁾. Въ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующій оборотъ: «мало Стафидѣ можется — едва душа въ тѣлѣ полуднуетъ», «дерется Добрыня съ бабой-горыниной, едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ»³⁾. Рядомъ съ полудницами, въ архангельской губер. знаютъ двѣнадцать сестеръ полуночницъ (= марь), которыя нападаютъ ночью на дѣтей и заставляютъ ихъ кричать отъ боли⁴⁾. Припадки кликушества⁵⁾ называются игрецъ — слово, которымъ обозначается и нечистый духъ; это указываетъ на древнее воззрѣніе, что бѣсъ, входя въ человѣка, мучительно играетъ имъ. Соответственные выраженія находимъ — у чеховъ, которые объ умершемъ говорятъ: «*Smrtika s nim roňgá vá*»⁶⁾, въ Несторовой лѣтописи: «бѣсъ тобою (волхвомъ) играетъ на пагубу тобѣ»⁷⁾ и въ русской поговоркѣ: «чѣмъ чортъ не шутитъ!» Шутъ — дьяволъ, домовый, лѣшій, шутякъ — злой духъ, шутить — пресказывать, говорить о вѣчной силѣ⁸⁾. По народному убѣжденію, все, что выкрикиваютъ бѣсноватые и кликуши, внушаетъ имъ поселившійся въ нихъ тѣлѣ демонъ, и потому имъ приписывается способность предсказывать будущее⁹⁾. Повѣрье это отразилось и въ языкѣ: *блажѣ(и)ть* — сходитъ съ ума, *блажной* — преверед-

¹⁾ D. Myth., 1114. — ²⁾ Обл. Сл., 168. — ³⁾ Кирша Дан., 363, 375. — ⁴⁾ Нам. кликуш арханг. губ. на 1864 г., 17. — ⁵⁾ Кликуша = крикуша, крикъ и кричъ = кликъ и кличъ — Обл. Сл., 93. —

⁶⁾ Гамушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 63. — ⁷⁾ П. С. Р. Л., I, 75. — ⁸⁾ Обл. Сл., 269. — ⁹⁾ Кликуши обыкновенно пророчатъ о гнѣвѣ божіемъ и скоромъ святопреставленіи — Иллюстр. 1845, 203.

ливый, хворый, и блаженный — юродивый, слабоумный, въ бессмысленной болтовнѣ которыхъ искали встарь пророческихъ вѣщаній, и самихъ ихъ признавали за одержимыхъ божественнымъ духомъ ¹⁾). Такъ необходимо, такъ невольно сѣшивались и спутывались въ нравственно-религіозныхъ представленіяхъ нашихъ предковъ понятія тупоумія, болѣзненнаго расслабленія и духовнаго предвидѣнія, небесной кáры и дара высшихъ откровеній. Помѣшательство, безумный бредъ, столбнякъ объясняются на Руси проказами лѣшихъ; человекъ, котораго обожелъ (=овѣялъ вихремъ) лѣшій, дѣлается каженникомъ (искаженнымъ), теряетъ смыслъ и память ²⁾; бѣлоруссы думаютъ, что тотъ, надъ кѣмъ пролетѣлъ злой духъ лядащикъ, непременно сходитъ съ ума. Наравнѣ съ эльфами, русалками и вилами, олицетворенные недуги населяли воды и лѣса; чтобы избавиться отъ нихъ, нѣмцы и славяне шли къ источникамъ или въ густыя, тѣнистыя рощи, и тамъ совершали свои цѣлебные обряды; особенно-важную роль играли въ этомъ случаѣ деревья, растущія надъ водами: ива, верба, плакучая береза и др. Чехъ, когда трисеть его лихорадка, отправляется къ вербѣ, склоняющей свои вѣтви надъ свѣтлымъ потокомъ, и по окончаніи параксизма привязываетъ къ дереву какой-нибудь даръ и быстро, безъ оглядки, бѣжитъ домой; или онъ отрѣзываетъ клокъ своихъ волосъ и лоскутъ собственнаго платья, буравитъ въ вербѣ отверстие, влагаетъ въ него приготовленные отрѣзки и заколачиваетъ ихъ глаговымъ клиномъ. Наши поселяне вѣшаютъ на деревьяхъ, въ даръ русалкамъ, холсты и нитки; отъ болѣзней они купаются въ рѣкахъ, прудахъ или источникахъ и оставляютъ на прибрежныхъ кустахъ и деревьяхъ полотенцы и сорочки (см. II, 305, 321); нерѣдко надъ головою болящаго завязываютъ

¹⁾ Вятск. Г. В. 1847, 42; О. З., т. LVII, смѣсь, 49. — ²⁾ Сахаров., II, 4.

въ лѣсу двѣ березовыя вѣтви, приговаривая: «коли ты (болѣзнь) покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгинешь!» Нѣщцы завязываютъ отъ лихорадки три узда на вѣтвяхъ нвы. Скажины въ древесныхъ стволахъ, сквозь которыя протаскиваютъ больныхъ дѣтей, называются въ Швеціи *elfenlöcher*. Чѣмъ сотрясаютъ на одержимыхъ лихорадкою росу съ вѣтвей вѣшневаго и другихъ деревьевъ. По совершеніи этихъ обрядовъ, возвращаясь изъ лѣсу домой, не слѣдуетъ оглядываться назадъ и отвѣчать на призывный голосъ: иначе деновъ-мучитель узнаетъ свою жертву и не прекратитъ своихъ посѣщеній ¹⁾. Вѣдьмамъ славянскія преданія приписываютъ ночную ѣзду на людяхъ, которыхъ онѣ оборачиваютъ конями; вылетающая изъ нихъ въ видѣ бабочки душа (вѣщца) налегаетъ на спящихъ страшною тяжестью. По другимъ сказаніямъ, злой духъ болѣзней и смерти — мора или мара (нижелуж. *тигавъ*, пол. *z moga* — улаушье, чешск. *тіѣга* — эльфъ, вѣдьма и мотылекъ) носитъ свою голову подъ мышкою и блуждаетъ ночью подѣ окнами избъ, произнося имена хозяевъ и домочадцевъ: кто отзовется на голосъ мара, тотъ умретъ; она садится на соннаго чловѣка и душитъ его; у женщинъ и коровъ она любитъ высасывать молоко ²⁾. Какъ шведы и датчане видятъ въ марахъ души усопшихъ, такъ по вѣстію болгаръ, мура есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, прилетающая ночью давить сонныхъ ³⁾. Съ этими марами тождественны наши кики-моры (= кошмары) и марухи — безпокойные домовые карлики, занимающіеся пряжею, и самъ дѣдъ-домовой, который давитъ мужиковъ и бабъ во время ихъ крѣпкаго сна. По русскому повѣрью, вся

¹⁾ Иллюстр. 1843, 566; Громовъ, 164-5; D. Myth., 1118, 1123. —

²⁾ Мазъ, VIII, 64; Этн. Сб., V, 71, 108 (о кашубахъ); *Volkslieder der Wenden*, II, 268; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 297. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210.

кой человекъ бываетъ одержимъ по ночамъ разными недугами, и если разбудить его прежде, чѣмъ окончатся начатыя мѣны, то онъ навѣрно захвораетъ тою болѣзней, какою былъ угнетаемъ во снѣ. Отъ того крестьяне не рѣшаются будить своихъ товарищей на утренней зорѣ ¹⁾. Лѣтописецъ сообщаетъ подъ 1092 годомъ любопытное свидѣтельство о бѣсахъ, поражавшихъ смертію полочанъ: «предивно бысть Полоцкѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ ноши тутѣнь стаяше по улицѣ, яко человекъ рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотѣ видѣти, абѣ уязвленъ бѣдѣаше (вар. бѣаше), невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне (вар. во дни) являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотъскыя и его (вар. ихъ) область; тѣмъ и человекъ глаголаху: яко навѣе (мертвецы) бѣють полочаны». ²⁾ Итакъ въ этихъ смертоносныхъ бѣсахъ, незримо-рыскающихъ на коняхъ, современники признавали существа эльфическія—души усопшихъ, о которыхъ нѣмецкія саги рассказываютъ, какъ о спутникахъ Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ. Въ означенныхъ вѣрованіяхъ кроется основа той лингвистической связи, какую замѣчаемъ въ ниже-слѣдующихъ рѣченіяхъ: народъ называетъ покойниковъ родителями и употребляетъ это выраженіе безразлично, говорится ли объ усопшихъ предкахъ, или о преждевременно-скончавшихся младенцахъ; въ «Словѣ Даниїла-заточника» ³⁾ и въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ рукописяхъ подъ именемъ рѣда разумѣется духъ, что вполне согласуется съ областнымъ употребленіемъ этого слова: съ саратовской губ. рѣдѣ означаетъ видъ, образъ, а въ тульской—привидѣніе, призракъ; наконецъ рѣдѣнецъ—параличъ ⁴⁾. Вотъ живое

¹⁾ О. З. 1848, V, сѣвъ, 24 — ²⁾ П. С. Р. Д., I, 92. — ³⁾ «Дѣти бѣгаютъ рѣда». — ⁴⁾ Памят. XII в., 236; Срезнев. 7; Обл. Сл., 191.

свидѣтельство языка, что души покойниковъ родились у славянъ съ тѣми стихійными духами, стрѣлы которыхъ наносятъ человѣку параличній ударъ,—подобно тому, какъ германскія племена ту же самую болѣзнь приписывали вліянію эльфовъ, а этихъ послѣднихъ отождествляли съ тѣнями усопшихъ.

Особенно интересны вѣрованія и преданія, живущія въ нашемъ народѣ—о лихорадкахъ. Названіе это происходитъ отъ глагола лихо-радѣть, т. е. дѣйствовать въ чей-нибудь вредъ, заботиться о комъ-нибудь съ злобыми намыслиемъ, съ лихою; другія общеупотребительныя названія: лихо-дѣйка и лихо-манка отъ м а н у т ь—качать, махать (=трас-ти; чеш. *taľouti se*—метаться; сравни: мановеніе, помаваю, манья—привидѣніе въ видѣ старой и щедушной женщины, манить—лгать, обманывать, лихоманъ, лихоманщикъ—злой, обманчивой человѣкъ ¹⁾). Лихорадокъ—девять или двѣнадцать крылатыхъ сестеръ ²⁾; онѣ обитаютъ въ мрачныхъ подземельяхъ ада и представляются злыми и безобразными дѣвами: чахлыми, заморенными, чувствующими всегдашній голодъ, иногда даже слѣпыми и безрукими. Одна изъ нихъ—старшая повелѣваетъ своимъ сестрамъ и посылаетъ ихъ на землю мучить людской родъ: «тѣло жечь и знобить, бѣлы кости крушить». 2-го генваря Морозъ или Зима выгоняетъ ихъ, вмѣстѣ съ нечистою силою, изъ ада, и лихорадки ищутъ себѣ пристанища по теплымъ избамъ и нападаютъ на «виноватыхъ»; на зорѣ этого дня предусмотрительныя старушки омывають наговорною водою притолки у дверей, дабы заградить входъ въ избу незванымъ гостямъ. Повѣрье это условливается тѣми простудами и ознобами, которыя такъ обыкновенны въ холодную пору зимы. Напротивъ о весеннихъ бо-

¹⁾ Обл. Сл., 104, 110-1. — ²⁾ Финны признаютъ болѣзнь родимыхъ братьями, сыновьями старухи *Laupavaiat*—D. Myth., 1113.

лѣзнихъ думаютъ, что онѣ запираются на зиму въ снѣжныя горы (=адъ) и сидятъ тамъ до начала оттепелей; когда же солнце согонитъ снѣгъ и отогрѣетъ землю, онѣ, нсладъ за вѣшними испареніями, разбѣгаются по бѣлому снѣгу тощія, заморенныя, и съ жадностью бросаются на неосторожныхъ. Уже съ 25 го февраля, по замѣчанію поселянъ, опасно предаваться сну съ ранняго вечера: можно насъ пать лихорадку ¹⁾. Подобно Смерти и владыкѣ демоновъ (сатанѣ), лихорадки сидятъ въ подземныхъ вертепахъ заключенныя въ цѣпи, и вылетаютъ мучить народъ только тогда, когда будутъ сняты съ нихъ эти желѣзныя оковы ²⁾, т. е. весной. Въ калужской губ. рассказываютъ, что старшая и злѣйшая изъ сестеръ-лихорадокъ прикована къ желѣзному стулу двѣнадцатью цѣпями и въ правой рукѣ держитъ косу, какъ сама Смерть; если она сорвется съ цѣпей и овладѣетъ человѣкомъ, то онъ непременно умретъ. Тоже преданіе у юго-западныхъ славянъ прилагается къ моровой язвѣ: три сестры куги были заключены отцемъ своимъ-королемъ въ тѣсныя узы и томились въ темницѣ, но впослѣдствіи, будучи освобождены, разбрелись въ разныя стороны и донынѣ блуждаютъ по свѣту ³⁾. Сбрасывая съ себя оковы, лихорадки прилетаютъ на землю, вселяются въ людей, начинаютъ ихъ трясти, расслаблять ихъ суставы и ломить кости. Измучивъ одного, лихорадка переходитъ въ другаго; при полетѣ своемъ она цѣлуетъ избранныя жертвы, и отъ прикосновенія ея устѣ человѣкъ немедленно заболѣваетъ; кому обмечетъ болѣзнь губы, о томъ говорятъ: «его поцѣловала лихорадка.» ⁴⁾ Точно также порождаетъ болѣзненныя страданія и поцѣлуй зѣбины ⁵⁾. По другимъ рассказамъ лихорадка, прилетая ночью, называетъ спящихъ по име-

¹⁾ Сахаров., II, 3-4, 14, 27; Рус. въ св. посл., IV, 102-3. — ²⁾ Этн. Сб., VI, 129. — ³⁾ Иличъ, 302-3. — ⁴⁾ Абев., 230-1. — ⁵⁾ Irische elfenmärch., стр. XII.

ни; кто проснется и откликнется на ее зовъ, тотъ сейчасъ-же захвораетъ. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падаетъ въ приготовленную пищу и вмѣстѣ съ нею входитъ въ утробу челоуѣка. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху въ печь, то лихорадка сгоритъ; а если вложить ее въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ — лихорадка будетъ страшно мучиться. Въ тульской губ. увѣряютъ, что шесть сестеръ уже погибли такимъ образомъ, а три и до сихъ поръ рыщутъ по міру ¹⁾. Въ прежнее время, говорятъ чехи, было сто лихорадокъ; но одна изъ нихъ сгибла: она заползла въ кусочекъ хлѣба, намоченный въ молоко; люди узнали ее присутствіе, взяли тотъ кусочекъ, вложили въ свиной пузырь и привязали къ дереву. Заключенная въ пузырь, лихорадка начала метаться во всѣ стороны — точно также, какъ дѣлаетъ каждая изъ нихъ, входя внутрь челоуѣка, и долго-долго возилась она, пока совсѣмъ не задохлась ²⁾. Сказанія эти представляютъ не болѣе, какъ варіаціи мифа о Смерти, посаженной въ торбу (см. стр. 52 ³⁾). Боясь раздражить злобную, демоническую дѣву, простолюдины не всегда рѣшится назвать лихорадку ея настоящимъ именемъ, а даетъ ей названія ласкательныя, дружескія, съ цѣлю задобрить ее и отклонить отъ себя болѣзненные припадки; таковы названія: кумѣ (кумѣха), добруха, тѣтка (тятюха), подруга и дитюха (дитя?). Съ тою-же цѣлю сербы, во время

¹⁾ Цебриков., 262; Тульск. Г. В. 1852, 27 — ²⁾ Громовъ, 162. Нѣмецкая сага рассказываетъ, что одного бѣдняка давилъ по ночамъ вѣдьма, а когда вносили въ комнату зажженную свѣчу — оборачивался въ соломинку или веро. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный вѣдьма уже болѣе не являлся. — ³⁾ Огонь очага — метафора грозового пламени; яичная скорлупа служитъ для вѣдьмовъ и русалокъ кораблемъ, въ которомъ плывутъ они на тотъ свѣтъ; сивья — зооморфическій образъ тучи.

моровой язвы, называют ее кумою ¹⁾ а нѣмцы — *gevatte-
rin*; вообще имена болѣзней принято въ Германіи замѣнять вы-
раженіями: *das gute, gesegnete, selige* ²⁾). Временный
роздыхъ, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, на-
родъ объясняетъ тѣмъ, что у нея много дѣла, и потому она
переходитъ отъ одного человѣка къ другому, возвращаясь къ
каждому изъ нихъ поочередно—черезъ день, черезъ два или
три дня ³⁾; нѣкоторые же увѣряютъ, что въ дни, свободные
отъ параксизмовъ, она предается сну. Постоянную, ежеднев-
ную лихорадку малоруссы называютъ: *трясця-невсипуха*.
Отсюда суевѣрные попытки переводить лихорадку съ себя на
перваго встрѣчнаго, даже на птицъ, кошекъ и собакъ, въ кото-
рыхъ такъ охотно вселяются нечистые духи, или обманывать
ее ложною надписью на дверяхъ избы, что больного нѣтъ до-
ма. Такъ поступаютъ русскіе и чехи; послѣдніе пишутъ на
дверяхъ: *«zemnice! (лихорадка) neschod' k nam; Jenik (имя
больного) není doma, šel na hogu»*. Въ смоленской губ., и во
время скотскихъ падежей, надписываютъ на воротахъ, что на
дворѣ нѣтъ ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей. Сибиряки совѣ-
туютъ больному чернить свое лицо и одѣваться въ чужое платье,
чтобы не быть узлану злою лихоманкою, когда она вздумаетъ
повторить свое посѣщеніе ⁴⁾). Сверхъ того, чтобы избавиться
отъ лихорадки, ее умилоствляютъ приношеніями, или прого-
няютъ силою чародѣйнаго слова. Страждущіе этимъ недугомъ,
выходятъ на то мѣсто, гдѣ, по ихъ соображенію, вселилась въ
нихъ лихоманка, обсыпаютъ вокругъ себя ячневую крупую,
и раскланиваясь на всѣ стороны, произносятъ: «прости, сто-
рона-мать сыра земля! вотъ тебѣ крупницъ на кашу; вотъ и
тебѣ, кумаха!» ⁵⁾) Обращеніе къ землѣ знаменательно, такъ какъ

¹⁾ Обл. Сл., 47-48, 79, 88, 164, 228, 236; Срп. рјечникъ, 311. —

²⁾ D. Myth., 1108 — ³⁾ Houska. II. 535. — ⁴⁾ Громанъ, 167
Терещ., VI, 16; Абаев., 230. — ⁵⁾ Сахаровъ, II, 14.

въ ея нѣдрахъ заключенъ тотъ страшный міръ, гдѣ царствуютъ Смерть съ своими помощниками—болѣзнями и плѣнниками—мертвецами. Бѣлоруссы на поминки («дзяды»), вмѣстѣ съ усопшими родичами, приглашаютъ къ ужину и лихорадку¹⁾. Первобытная, народная медицина состояла въ произнесении молитвъ и заклятій, въ призывѣ боговъ-исцѣлителей, въ изгнаніи демоновъ и въ совершеніи различныхъ символическихъ и жертвенныхъ обрядовъ; она была дѣломъ исключительно религіознымъ. Древнѣйшія имена лѣкаря означаютъ: жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знаніемъ клятвенныхъ формулъ—заговоровъ. За это свидѣлствуютъ Atharva-Веда, Гомеръ, Пиндаръ и другіе античные писатели²⁾; за это же говорятъ и многочисленные преданія и обломки стародавнихъ заклятій, донныя сохраняемые въ памяти индоевропейскихъ народовъ. Въ высшей степени важнымъ и драгоценнымъ представляется намъ заговоръ противъ лихорадокъ, занесенный во многія изъ нашихъ старинныхъ рукописей и до настоящаго времени еще незабытый русскими знахарями³⁾:

При морѣ черномъ стоитъ столпъ, на томъ столпѣ камень, на томъ камнѣ сидитъ святой отецъ⁴⁾ Сисній и зрѣтъ на море черное. И возмутися море до облакъ⁵⁾—изыдоша изъ моря двѣнадцать женъ простоволосыхъ⁶⁾, окаянное дьявольское видѣніе.» По нѣкоторымъ спискамъ жены эти исходятъ изъ огненнаго столпа, утвержденного

¹⁾ Могилев. Г. В. 1849. 8. — ²⁾ Громиный, 147-8. Сыновья Асклепіоса останавливаютъ кровь, текущую изъ ранъ Одиссея, и Асклепіосъ освобождаетъ больныхъ отъ мучительныхъ страданій—силою цѣлебныхъ заговоровъ. — ³⁾ Я предлагаю сводимый, по разнымъ спискамъ исправленный текстъ. — ⁴⁾ Вар. мученикъ, великій апостолъ. — ⁵⁾ Вар. „видѣша: на морѣ возстали волны и возмутися море и земля до небесъ“. — ⁶⁾ Вар. сами червы, власы по поясъ.

на небеси. «И вопросиша ихъ святыи отецъ Сисиній: что есть злыя жены зѣтрообразны? Онѣ же отвѣща ему: мы—окаяныя трясавицы, дщери Ирода, сныавшаго съ Іоанна Предтечи главу. Вопросы св. отецъ Сисиній: почто пришли?—Идемъ въ землю свѣторусскую родъ челоѣческій мучити—тѣло повреждати, кости ломати, въ гробъ вгоняти (или: кости крушити, жилы тянуть, самихъ людей огнемъ жѣчи); аще кто зло творить, опивается, объѣдается, объдни и заутрени просыпаетъ, Богу не молвится, тѣхъ мучимъ разными мѹками: они наши угодницы. Помолися Богу св. отецъ Сисиній: Господи! избави родъ христіанскій отъ таковыхъ діаволовъ. И посла Господь Михаѣла архангела ¹⁾ и четырехъ евангелистовъ, повелѣ ихъ (трясавицъ) мучити тремя (или семью) прутьями ²⁾ желѣзными, давая имъ по триста ³⁾ ранъ на день.» Имена архангела Михаѣла и святыхъ угодниковъ нерѣдко замѣняются и дополняются другими; въ одномъ спискѣ семь святителей и между ними Егорій Храбрый, Іоаннъ-креститель и св. Николай увидѣли двѣнадцать лихоманокъ, плавающихъ по морю и воздымающихъ бурю ⁴⁾. «Онѣ же начаша молитися: святыи отецъ Сисиній, Михаѣлъ-архангелъ, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матвей, Іоаннъ! не мучьте насъ: гдѣ мы слышимъ—въ которомъ роду прославятся вашѣ имена, и того роду станемъ бѣгать за десять верстъ ⁵⁾. И вопроси ихъ св. отецъ Сисиній: какъ вамъ, діаволъ, имена?» Лихорадки нечисляютъ свои названія и описываютъ тѣ муки, которыми каждая изъ нихъ терзаетъ больнаго. Вотъ эти названія: 1) трясая (тресучка, трясунца, въ областныхъ говорахъ: потресуха, трясучка; трясца отъ глагола трясти ⁶⁾), въ старинныхъ поучительныхъ словахъ XV—XVI стол. упо-

¹⁾ Вар. ангела Сиханла. — ²⁾ Вар. четыреми дубцими. — ³⁾ Вар. по три тысячи. — ⁴⁾ „Мѣшалъ воду съ пескомъ“. — ⁵⁾ Вар. за три дня, за три поприща. — ⁶⁾ Обл. Сл., 207, 232-3.

мивается про «немошняго бѣса, глаголемаго трясею» ¹⁾; сравни нѣмецкое выраженіе: «dass dich der ritt (лихорадка) ²⁾ schüttelt» ³⁾ 2) Огнен или огненная: «когого челоуѣка поймаю (говоритъ она о себѣ), тотъ разгорится аки пламень въ печи», т. е. она производитъ внутренній жаръ. Въ Швейцаріи лихорадку называютъ hitz и brand; англосакс. ædl — жгучая болѣзнь отъ æd—ignis; персы олицетворяютъ ее румяною дѣвою съ огненными волосами ⁴⁾. Южно-славянское названіе грозица ставитъ лихорадку въ связь съ грознымъ пламенемъ, съ молніеносными стрѣлами ⁵⁾. 3) Ледѣя (ледиха) или озноба (знобея, забуха): аки ледъ знобитъ родъ челоуѣческій, и кого она мучитъ, тотъ не можетъ и въ печи согрѣться; въ областныхъ нарѣчіяхъ даются лихорадкѣ названія: студѣнка (отъ студа—стужа), знобуха и подрожье (отъ слова дрожь), а у чеховъ—аниница ⁶⁾. 4) Гнетѣя (гнетница, гнетуха, гнетучка отъ слова гнѣтъ, гнести—давить): она ложится у челоуѣка на ребра, гнететъ его утробу, лишаетъ аппетита и производитъ рвоту. 5) Грынуша (?) или грудица (грудѣя)—ложится на груди, у сердца, и причиняетъ хрипоту и харканье. 6) Глухѣя (глохин)—налегаетъ на голову, ломитъ ее и закладываетъ уши, отчего больно и глохнеть 7) Ломѣя (ломенная, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломитъ, такоже и она ломаетъ кости и спину». 8) Пухлѣя (пухлѣя, пухлая), дѣтиха или отѣкная—пушаетъ во всему тѣлу отѣкъ (опухоль). 9) Желтѣя (желтуха, желтуница): эта желтитъ челоуѣка, «аки цвѣтъ въ полѣ». 10) Коркуша или корчѣн (скорчѣя)—ручныя и ножныя жи-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свид., II, пол. I, стр. XXVII; пол. II, 48-49, въ отдѣлѣ свѣд.; Правосл. Собес. 1859, IV, 475. — ²⁾ Отъ geiten, ибо она вѣдитъ за челоуѣкомъ, какъ мара. — ³⁾ D. Myth., 1467. — ⁴⁾ Ibid., 1106-8. — ⁵⁾ О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 80. — ⁶⁾ Обл. Сл., 180, 218, 322.

лы сводить, т. е. корчить. 11) Глядѣя—не даетъ спать больному (=не позволяетъ ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вмѣстѣ съ нею приступаютъ къ человѣку бѣсы и сводятъ его съ ума. 12) Огнестра и Невѣя—испорченное стар. нава—смерть или навье — мертвецъ, что служитъ новымъ подтвержденіемъ мнѣической связи демоновъ—болѣзней съ тѣнями усопшихъ. Невѣя (мертвящая) — всѣмъ лихорадкамъ сестра старѣйшая, плясавица, ради которой отсѣчена была голова Іоанну Предтечи; она всѣхъ проглатѣе, и если вселится въ человѣка—онъ уже не избѣгнетъ смерти. Въ заимъ этихъ именъ ставятъ еще слѣдующія: сухота (сухѣя), отъ которой иссыхаетъ больной, какъ дерево, зѣвота, блевота, потягота, сонная, блѣдная, легкая, вешняя, листопадная (т. е. осенняя), водяная и синяя (старинный эпитетъ огня и молніи). Ясно, что съ лихорадками народъ соединяетъ болѣе широкое понятіе, нежели какое признаетъ за ними ученая медицина; къ разряду этихъ мнѣическихъ сестеръ онъ относитъ и другіе недуги, какъ наприм. горячку, сухотку, разлитіе желчи и проч.: знакъ, что въ древнѣйшую эпоху имя «лихорадки», согласно съ буквальнымъ его значеніемъ, прилагалось ко всякой вообще болѣзни. Тождество внѣшнихъ признаковъ и ощущеній, порождаемыхъ различными недугами, заставляло давать имъ одинаковыя или сходныя по корню названія, и такимъ образомъ смѣшивать ихъ въ одно общее представленіе злыхъ, демоническихъ силъ; сравни: огнен—лихорадка и горячка, называемая въ простонародьи огневницею и палачкою; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣсто сестеръ-трасавицъ, рассказываютъ о двѣнадцати безобразныхъ старухахъ—горячкахъ; огники—красная сыпь по тѣлу, золотуха—въ областныхъ говорахъ огника (огница) и красуха, изжога—боль подъ ложечкой; у нѣмцевъ корь—rötheln, рожа—

rose, rothlauf. Эпитеты: красный, желтый, золотой из-старя служили для обозначенія огня, и въ заговорахъ лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею (I, 203—6). Сухота—иня, свидѣтельствующее о внутреннемъ жарѣ, сближаетъ одну изъ лихорадокъ съ сухоткою; у сербовъ суха болеет, сушица — döggsucht ¹⁾; бѣлоруссы называютъ чахотку—сухоты. Вслѣдъ за приведеннымъ нами сказаніемъ о встрѣчѣ отца Сисинія съ лихорадка-ми предлагается самое закланіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа, окаянныя трясавицы! заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ-архангеломъ и четырьмя евангелистами: побѣгите отъ раба божія (инярекъ) за три дни, за три попрѣща; аще не побѣжите отъ раба божія, то призову на васъ великаго апостола Сисинія, Михаила-архангела и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Маттея, Іоанна, и учнутъ васъ мучити, даючи вамъ по триста ²⁾ ранъ на день.» Къ этой угрозы инны списки прибавляютъ, куда именно должны удалиться злобныя жены: «подите вы въ темныя лѣса, на гнилыя колоды» или «въ мѣста пусты и безводны.» Заговоръ долженъ быть прочитанъ священникомъ, и затѣмъ больному даютъ испить воды со креста, произнося слѣдующія слова: «крестъ—христіаномъ хранитель, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—царемъ держава, крестъ—недугомъ, бѣсомъ и трясавицею прогонитель, крестъ—рабу божію (инярекъ) огражденіе!» ³⁾ Для сличенія приводимъ текстъ заговора, записанный въ сборникѣ Сахарова: «на горахъ Авон-

¹⁾ Срв. рѣчникъ, 727. — ²⁾ Вар. по три тысячи. — ³⁾ Рѣчь г. Буслаева о нар. поэзіи въ древней русск. литер., 38-39; Вѣст. Р. Г. О. 1859, VIII, 153-5; Пермск. Сборн., II, прилож., стр. XXXVI—VII; Пав. отреч. лѣт., II, 351-3; Библ. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 51-52; Дѣт. рус. лит., т IV, отд. 3, 79-80; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, въ отд. свѣси, 56-57.

скихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тридесять старцевъ состарцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясыхъ. И рече старецъ Пафнутіи съ тріадесятью старцами: кто сіи къ намъ идоша? И рече (рекутъ) ему двѣнадесять дѣвицы: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутіи своимъ старцамъ: сложите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Взмолишася двѣнадесять дѣвъ къ триадесяти старцамъ со старцемъ Пафнутіемъ, и не почтоже бысть ихъ мольба! И начаша ихъ старцы бити, глаголая: ой вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы тресунницы, водяницы — расслабленныя и живите на водѣ-студенацѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте... Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадесять дѣвицъ въ тартарары, отыдайте отъ раба (нипрекъ) въ лѣса темныя, на древа сухія.» Въ другихъ заговорахъ злые недуги съ принедами и полунедугами отсылаются въ океанъ-море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипячіе, въ жаръ налюцій, въ сѣру горючую, во тьму кремешную, т. е. въ адъ. Колючку грозитъ заклінатель заключить въ нѣдра земли, свербежъ утопить въ горячей водѣ, стрѣльбу залить кипячей смолою, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломоть сокрушить о камень, и т. дал. ¹⁾ Малороссійскіе заговоры гонятъ лихоманокъ и другія болести въ дебри, болота и пустыни безлюдныя: «вамъ, уроки, у раба божого не стойты, жовтой кости не доматы, червоной крови не пыты, сердца его не нудыты, бѣлого тѣла не сушыты; вамъ идты на мѣхъ, на темныя луга, на густыя очерета, на сухіе лѣса!» —

¹⁾ Сахаровъ, I 24-25, 28-31.

«Пидить соби, уроки, на яры, на лиса дремучи, на степы степучи, дѣ гласъ чоловічий не заходьтъ, дѣ пивни не сивають.»— «Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи тв водана, чи ти витрова, чѣ тв вихрова... буду я тоби лице залинати, буду тоби очи выпикати, буду тебе молитвами заклінати, буду съ христьянської вири вислати. Пиди соби, дѣ собаки небрешуть, дѣ кури не поють, дѣ христьянській голосъ не ходѣ» ¹⁾. Чешское заклятіе XIII-го вѣка посылаетъ нечистую силу (*siemě proklate*) въ пустыни — «*pářišči jděte, anikomu neškod'te*». Въ настоящее время чехи прибѣгаютъ къ такимъ формуламъ: «*já vyhánímoubutě (сухотку) z tvého těla, do moře — vodu přelévati a písek přesejpati, kosti nelámati a žily neškubati, a krev necucati a maso letřhati, a přirozenimupokoj dāti*».— «*Letěly tři střelci, zastavili jsou se v mé blavě, v mých uších, v mých zubech, a já je zaklínám*» во имя Отца и Сына и св. Духа: если вы съ вѣтру — идите на вѣтеръ и ломайте деревья въ густыхъ борахъ, если съ воды—ступайте на воду и крутите песокъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, если со скалъ—идите и съ скалы ломайте камни, а мнѣ, моей головѣ, ушамъ и зубамъ дайте покой.—«*Zaklínám vás, pakostnice—růžovnice, kostnice*. ²⁾ *do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dřeva stojatého i ležatého; tam sebou mlat'te a třískajte, a této osobě pokoj dejte... Jsi li z ouroku, jdi do ohně; jsi li z vody, jdi do moře; v moři vař vodu, počítej písek*» (въ морѣ нечепрай воду, сочти песокъ). Подобныя-же заклятія обращаютъ иѣмцы къ эльфамъ; по ихъ мнѣнію, тѣ деревья засыхаютъ, на которыя будетъ перелана болѣзнь. Индѣйскій врачъ гвалъ лихорадку въ лѣсъ и

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 38; Пассекъ, II, смѣсь 20; Нам. стар. рус. литер. III, 167-8. «Подъ ты (горловая жаба) на дубъ—на сухое дерево, на которомъ являть отрасли огниа и до явку». —

²⁾ Рожа и ломъ въ костяхъ.

го ры; повинуюсь вѣщему слову, водные духи (ансарасы) должны были удалиться въ глубокіе источники и въ деревья ¹⁾. Заговоръ на изгнаніе лихорадокъ, обращенный къ св. Сисинію, упоминается уже въ статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ»; большая часть списковъ этой статьи принадлежитъ XVI и XVII столѣтіямъ, а древнѣйшая ея редакція, какая извѣстна нынѣ, найдена въ номоканонѣ XIV-го вѣка. Здѣсь читаемъ: «вопросы Іереміа къ Богородици о недузѣхъ естественныхъ и еже именуютъ трясавици—басни суть Іереміа, попа болгарскаго; глаголетъ бо окаянный сей, яко сѣдѣшу святому Сисинію на горѣ Синаистѣй—и видѣ седмъ жонъ исходящи отъ моря, и ангела Михаила именуетъ, и иная изыдоша седмъ ангелъ, седмъ свѣщъ держаше, седмъ ножевъ острящи, еже на соблазнъ людемъ многымъ, и седмъ дщерій Иродовыхъ трясцами басньствоваше, сихъ-же ни евангелисты, ни единъ отъ святыхъ — седми именоваша, но едина, испросившаа главу Предотечеву, о ней-же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова» ²⁾. Это свидѣтельствуетъ за южнославянское происхождение заговора, виѣстѣ съ памятниками болгарской письменности, проникло къ намъ и заклятіе противъ лихорадокъ, составленіе котораго приписывается попу Іереміи. Какъ множество другихъ апокрифическихъ сказаній, такъ и заклятіе Іереміи создано подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, общихъ болгарамъ со всѣми прочими славянскими племенами, и этотъ-то національный характеръ представленій, занесенныхъ въ «отреченную» молитву, доставилъ ей легкій доступъ въ массы русскаго населенія. Не смотря на христіанскую примѣсь, въ ней весьма явственны черты такъ

¹⁾ Громанъ, 149-150, 158-161, 177, 185; D. Myth., 1122-3. Финнскія пѣсни заклинають чуму сокрыться въ твердыя, какъ сталь, горы. — ²⁾ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, I, 25-27, 39-40.

называемой естественной религіи (религіи природы). Святые и ангелы, наказующіе женъ-лхорадокъ прутьями и ножами, очевидно заступили мѣсто древняго громовника и его спутниковъ, которые разятъ нечистую силу молніями, или выражаясь поэтическимъ языкомъ—бичами, прутьями, палицами, сѣкирами и другими острыми оружіемъ; потому они возсѣдаютъ на каменномъ столбѣ, т. е. въ грозовомъ облакѣ, ибо камень (скала) и столбъ (башня)—метафоры облаковъ. Изъ различныхъ воззрѣній на природу рождались и различныя мифическія представленія: безсмертные владыки, то помрачающіе небо тучами, посылающіе градъ, стужу и бури, то разгоняющіе демоновъ мрака и дарующіе свѣтлые дни, являлись народному воображенію не только грозными карателями людей и животныхъ, метателями моровыхъ стрѣлъ, но и богами-спасителями (*σωτήρες*), силою которыхъ прогоняются злые недуги. Такъ Индра исцѣляетъ отъ кожныхъ болѣзней и червей, а Тунаръ гонитъ изъ тѣла *wüßte*, т. е. мучительныхъ зѣфовъ ¹⁾. Сестры-лхорадки отождествляются въ заговорѣ съ тѣми стихійными демонами, съ которыми обыкновенно сражался Перунъ: онѣ исходятъ изъ (дождеваго) моря или огненнаго столба (=грозовой тучи), воздымаютъ страшную бурю и разбѣгаются только отъ ударовъ (молніеносныхъ) прутьевъ «Простоволосыя» и «простопоясыя», т. е. съ длинными распущенными косами и въ легкихъ, свободно-развѣвающихся по вѣтру (неподпоясанныхъ) одеждахъ, онѣ напоминаютъ этими признаками облачныхъ женъ и дѣвъ; сверхъ того, имъ даются и крылья—эмблема быстрого полета облаковъ и вихрей. Выше объяснено, что въ стремительныхъ вихряхъ предки наши усматривали пляску духовъ и нимфъ, и что въ эпоху христіанскую представленіе это было перенесено на Иродіаду, которая славилась

¹⁾ German. Mythen, 134-5. Въ русскомъ заговорѣ Христосъ «громомъ отбиваетъ, молоньей ожигаетъ и стрѣлами отстрѣливаетъ» всякіе уроки и недуги—Рыбникъ. IV, 255

нѣкогда своими искусными танцами (I, 329). Такое сѣщеніе тѣмъ болѣе понятно, что самъ демоническій змѣй (=сатана) называется въ народныхъ сказкахъ Иродомъ ¹⁾. Въ связи съ этимъ, дѣвы воспаляющихъ и знобящихъ болѣзней были признаны дочерьми Ирода и старшая изъ нихъ стала обозначаться именемъ плясавицы. По чешскому повѣрью лихорадки живутъ въ прудахъ и колодцахъ, и потому бываетъ время, когда никто не рѣшается пить оттуда воду. Заболѣвшій лихорадкою идетъ передъ восходомъ солнца къ колодцу и причитываетъ: «studně-studnice! nechod' na mne zimnice; Maria-ran-pa zapovidá, abys na mne nechodila.» ²⁾ Въ орловской губ. больного купаютъ въ отварѣ липоваго цвѣта, а снятую съ него рубаху онъ долженъ раннимъ утромъ отнести къ рѣкѣ, бросить ее въ воду и промолвить: «матушка-ворогуша! на тебѣ рубашку съ раба божьего (ниярекъ), а ты отъ меня откачнись прочь!» Затѣмъ онъ возвращается домой и дѣла и не оглядываясь (сравни стр. 78—79). Согласно съ стихійною природою женъ-лихорадокъ, онѣ прогоняются въ океанъ-море (=небо), въ студенцы и болота (=дождевые источники), въ скалы и горы (=тучи), въ камыши и деревья (=небесныя рощи), въ огонь и вѣтры, словомъ—въ жилища водяныхъ, лѣшихъ, эльфовъ и нечистыхъ духовъ. Не смотря на запретъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ самой иконописи до конца XVII вѣка было распространено изображеніе двѣнадцати трясавицъ; онѣ представлялись въ видѣ женщинъ и нерѣдко обнаженныхъ, съ крыльями летучей мыши, такъ какъ эта послѣдняя служила символомъ ночи. Отличительный характеръ каждой изъ нихъ живопись обозначала разными красками: одна лихорадка—вся бѣлая, другія—желтая, красная, синяя, зеленая (=лѣсная) и т. дал. Въ XVII вѣкѣ,

¹⁾ См. Поэт. Воз., II, 5-9 Въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ Гольда встрѣчается подъ именами Иродіады и Діаны (D. Myth., 263), и этой послѣдней приписывались припадки падучей. — ²⁾ Громаничъ, 163.

при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже нѣкоторымъ благообразіемъ. На верху, въ облакахъ, видны ангелы и между ними одинъ, который направляетъ на трясавицъ копье и хочетъ низвергнуть ихъ въ отверстую пропасть, а на пригоркѣ — колѣнопреклоненный и молящійся св. Сисиній ¹⁾. Чехи противопоставляютъ демонамъ-болѣзнямъ Христа в св. Аполену. Встрѣчаетъ Христосъ psotnika (спазмы и конвульсіи) и спрашиваетъ: «kam ty jdeš, psotniku?» — Ja jdu do života té a té osoby — maso jisti, krev piti, žily trhati, kosti lámati, chut' k jídlu a k piti bráti, a zraní mi odjímati. Христосъ приказываетъ болѣзнь выступить изъ челоуѣка, не мучить его ни днемъ, ни ночью, и удалиться въ темныя лѣса. Или: chodili štělci-šťelice po horách, po krajínach; повстрѣчали св. Аполену, и на вопросъ ея: куда идете? — отвѣчали: идемъ къ такому-то челоуѣку мозгъ ѣсти, кровь пить, мясо драть, кости ломать. И рекла имъ Аполена: воротитесь и дайте челоуѣку покой ²⁾. Подобныя-же закліянія извѣстны и между другими народами. Я. Гриммъ приводитъ заговоръ, въ которомъ упоминаются семьдесятъ семь пösch en (подъ именемъ пösch разумѣется бѣсъ падучей болѣзни); «wir wend gohn in das haus des menschen, говорятъ они про свои подвиги, und ihm sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fleisch essen.» Духи эти изгоняются въ сухое дерево: «ich gebent dir nösch mit allen deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der krampf (спазмы) und gespat (?) und geschoss (стрѣльба) und geicht (ломъ) und gesicht (сглазъ, изуроченье)...» ³⁾ Грузины произносятъ слѣдующій заговоръ противъ чесотки: «гой ты, jelo-jelo (—ѣдучій), юродивый, безпріютный! откуда исходь ты и

¹⁾ Рѣчь г. Бусл. о нар. поэзіи въ дг. рус. литер., 40. — ²⁾ Чешск. пѣсни Эрбена, 507-9; Громаничъ, 162, 175-6. — ³⁾ D. Muth., 1110.

куда входилъ?—Исхожу я въ черной скалы, вхожу въ тѣло челоѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нѣтъ, не позволю тебѣ войти въ челоѣка; раздроблю тебя на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удалися, отвѣжись отъ раба божьего (вмѣрѣкъ). Аминь» ¹⁾. На ряду съ заклятіями, обращенными на трясавицъ, видѣкъ запретныхъ книгъ (суждаетъ также и «живыя врачевальныя молитвы о нежитѣхъ» ²⁾). Въ одной пергаменной сербской рукописи записано пять заговоровъ противъ нежита или нежитя; изъ нихъ два были сообщены г. Буслаевымъ: а) «Сходящю нежиту «отъ сухаго (= огненнаго) мора(я) и сходящю Іисусу отъ небесе, и рече ему Іисусъ: камо идиши, нежите? Рече ему не-жити: сѣмо иду, господине, въ члѣвѣчю главу мозга сръчати, челюсти прѣломити, зубы ихъ ронити, шіе ихъ кривити и уши ихъ оглушити, очи ихъ ослѣпити, носа гугънати, крѣве ихъ проліити, вѣка ихъ исушити, устьи ихъ кривити и «удовъ ихъ раслаблати, жилъ ихъ умртвити, тѣла нѣзмѣждати, слѣпоту ихъ нѣзмѣнати, бѣсомъ мучити е. И рече ему Іисусъ: обратнсе, нежите! иди въ пустую гору и въ пустыню, обрѣти ту елѣну главу и вселисе въ ню, тѣ бо все трѣпнѣти и все «страждеть... иди въ каменіе, тѣ бо все трѣпнѣти—зиму и зномъ и всѣко плодство, тѣ бо о(тѣ) твари жестоко есть, въ себѣ дръ-жати те сильнѣ есть. Нежити! да ту имѣи жилище, дондѣже «небо и земля иимондѣти и кончається; отиди отъ раба божіа» (имѣрѣкъ).—б)» Свѣты Михаилъ-Гавриль гредѣше, възъмъ же-лѣзны лукъ и желѣзны стрѣлы, стрѣлати хоте елѣна «и елѣну, и не обрѣте ту елѣна и елѣну, нѣ обрѣте нижити, ниже

¹⁾ Москв. 1852, XIX, соврем. извѣст., 98. — ²⁾ Іоаннъ, экзархъ болгар., 240; Датоп. занатій Археогрѣе. Ком. 1861, 39-40: „и о нежитѣхъ, сирѣчь изъ пустыни исходятъ... то все поплъ Іереміа изглаголаѣ“.

«сѣдѣше, камы раѣшивъ ¹⁾»; и въпроси его: что ты еси иже «сѣдиши, намы раѣшивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь нежить, иже «чловѣче главе раѣшлю и мозгѣ сръчу, кровь ему прелѣю. «И рече му Михаилъ-Гавриль: проклетыи проклетѣче нежите! «не мозга сръчи, ни главы раѣши, нѣ(но) ни въ пустую горю и вылѣзи въ елѣну главу; та ти есть трѣпѣлива трѣпѣти «то. Аще ли те по семь дни обрѣшу, любо те постѣку, любо «те прострѣлю. И възмолисе нежить: не постѣци, ни прострѣ- «авъ мне, да бѣжу въ гору и вылѣзу въ елѣну ²⁾ главу.» ³⁾ Сходство этихъ старинныхъ заговоровъ съ приведенными выше заклинаніями лихорадокъ и другихъ недуговъ очевидно для всякаго: и здѣсь — таже встрѣча благаго божества съ злымъ духомъ болѣзней, тѣже вопросы и отвѣты и тоже изгнаніе демона изъ каменной пустыни побѣдоноснымъ оружіемъ громашника. Архистратиги небесныхъ воинствъ поражаютъ нежитя желѣзными стрѣлами (молвіями); тѣмъ-же оружіемъ наносятся раны демонамъ-болѣзнямъ и по свидѣтельству русскихъ народныхъ заговоровъ: «наокіанѣ-морѣ стоитъ золотъ стулъ, на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелконую тетивку, накладываетъ каленую стрѣлу, станетъ уроки и призоры стрѣлять» ⁴⁾. Въ воронежской и владимірской губ., въ случаѣ глазнаго ячменя, подносятъ къ большому мѣсту кукишъ и прѣговариваютъ: «ячмень, ячмень! на тебѣ кукишъ; что хочешь — то купишь, купи себѣ топорокъ, сруби себя поперѣкъ!» ⁵⁾ Существительное нѣ жить донынѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, какъ собирательное имя нечистой силы: домовыхъ, водяныхъ, русалокъ и проч. ⁶⁾; въ чешскомъ языкѣ ne žít — названіе болѣз-

¹⁾ Разщепъ (расколовъ) камня. — ²⁾ Въ рукописи испорчено: «възвелѣну». — ³⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 415—6. — ⁴⁾ Памяти.

нижняя арханг. губ. на 1864, 15. — ⁵⁾ Труды владим. стат. комит.,

VI, 84. — ⁶⁾ Годъ на Сѣверѣ, Максимова, I, 78.

ни. Слово это образовалось отъ глагола жить съ отрицательною частицею ве, и по значенію своему прямо соответствуетъ Моранѣ (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, извѣстнымъ у славянъ подъ общимъ названіемъ мора.

Древне-эпическія формулы заговоровъ, призывающіе на демоновъ карающее оружіе бога-громовника, мало по малу стала переводиться въ дѣйствіе; въ народной медицинѣ принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначеніе которыхъ наносить болѣзнямъ раны, разить ихъ и изгонять изъ человѣческаго тѣла. Захворалъ ли кто утиномъ (боль поясницы), знахарка приказываетъ ему лечь ничкомъ на порогъ избы, т. е. у растворенныхъ дверей, которыми должна удалиться болѣзнь; затѣмъ кладетъ ему на поясницу березовый вѣтничъ, и тихо ударяя обухомъ топора или косаремъ по вѣтнику, првчитываетъ: «сѣку-сѣку, пристѣкаю; рублю-рублю, прирубая!»—Что, бабушка, сѣчешь? спрашиваетъ больной. «Утинъ сѣку!»—Сѣки да гораздо, чтобъ не было его! Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ ¹⁾. Вѣтничъ—зблѣма вихря, разсѣвающаго вредныя испаренія и туманы. Когда у дѣтей бываетъ «почесуха»—крестьянки парятъ ихъ ольховыми вѣтниками, которые потомъ выбрасываютъ на воздухъ, съ приговоромъ: «съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и поди!» ²⁾ Ничего такъ не боится куга (олицетвореніе мороваго повѣтрія), какъ метлы и ожега (кочерги, символа громовой палицы ³⁾). Вмѣсто топора, нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи зубовъ на основаніи той древней метафоры, которая уподобляла молніи—золотымъ зубамъ, всегда-готовымъ растерзать демона. Такъ страдающіе грызью (ломомъ въ рукахъ и ногахъ) приываютъ къ себѣ мальчика

¹⁾ Этн. Сб., I, 163-4. — ²⁾ Во владимірской губ. больные, снимая съ себя нижнее платье, бросаютъ его въ полночь за окошко на вѣтеръ (Труды влад. стат. ком., VI, 75). — ³⁾ Иличъ, 299.

и заставляют его кусать кожно больной ноги или локоть руки, при чемъ ведется слѣдующій разговоръ: «что грызешь?» — Грызъ грызу.» Грызъ да гораздо!» ¹⁾ Отъ сибирской язвы кладутъ на опухоль тряпку и со всѣхъ сторонъ обкуеываютъ больное мѣсто ²⁾; ребенку, у котораго разстроены желудокъ, трижды кусаютъ слегка пупокъ ³⁾; отъ головной боли лѣчатъ такъ: наклоняютъ голову больного, обвиваютъ около указательнаго пальца прядь его волосъ и прикусываютъ ихъ зубами у самаго корня ⁴⁾. Чтобы охранить себя отъ порчи, поселяне запасаются обломкомъ отъ лезвіа косы и носятъ его въ правомъ сапогѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ знахари обрѣзываютъ съ рукъ и ногъ больного ногти, кладутъ ихъ въ нарочно-сдѣланное въ яйцѣ отверстіе, залѣпливаютъ это отверстіе воскомъ и относятъ яйцо въ лѣсъ, съ тайною надеждою, что какая-нибудь хищная птица унесетъ его вмѣстѣ съ болѣзнею ⁵⁾; смыслъ обряда—тотъ, что у демона-болѣзни остригаются ея острые когти, и сама она предается во власть крылатаго вихря, который долженъ увести ее въ дальнія, пустынные мѣста ⁶⁾. Убѣжденные, что пламя грозы пожигаетъ нечистую силу, а дождевые ливни смываютъ, топятъ ее, предки наши лѣчили болѣзни огнемъ и водою (см. II, 14-21, 181-191). Какъ скоро почувствуетъ кто-нибудь изъ домашнихъ легкій ознобъ или жаръ, склонность ко сну, ломоту и потяготу, крестьяне тотчасъ-же черпаютъ ключевую воду, кладутъ въ нее горячія уголья и щепотъ печной золы, дуютъ на воду три раза, мѣшаютъ

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 26; Пузып., 160; Послов. Даля, 429. —

²⁾ Библ. для Чт. 1848, IX, 54. — ³⁾ Пассекъ, II, 19 — 20. —

⁴⁾ О. З., т. LVII, сивъ, 50. — ⁵⁾ Записки Авдѣев., 139—140. —

⁶⁾ Въ Германіи существовалъ обычай замуровывать чуму въ церковную стѣну или заключать ее въ скважину дерева — обычай, возникшій изъ древнихъ ваклѣтъ, изгоняющихъ демона смерти въ камни (скалы) и лѣса — D. Myth., 1135, 1141.

ее остриемъ ножа и читають заговоръ; затѣмъ обрызгиваютъ больного, смачиваютъ ему грудь, руки, ноги, спину, или даютъ выпить нѣсколько глотковъ ¹⁾). Приготовленная такимъ образомъ вода получаетъ цѣлебныя, живительныя свойства дождя; горячіе уголья знаменуютъ грозовое пламя, дуновение—вѣтръ, ножъ—грозовую сѣкиру. Старинный поэтический языкъ называлъ огонь-молнію раскаленнымъ желѣзомъ, блестящею мѣдью и золотомъ (деньгами), а воду-дождь—виномъ, медомъ, молокомъ и масломъ; въ силу этого возникли разнообразныя врачевныя обряды. Чехи заставляютъ больныхъ дѣтей глотать во имя св. Троицы три уголька, а чтобы вылѣчить скорбутъ, берутъ воду, въ которой кузнецъ охлаждалъ горячее желѣзо, намачиваютъ въ ней красный лоскутъ и трутъ имъ дѣсны ²⁾). На Руси раскалываютъ докрасна мѣдный пятакъ, опускаютъ его въ сосудъ съ холодною водою, и воду эту пьютъ по три раза въ день отъ лихорадки. Вмѣстѣ съ цѣлебными травами, нерѣдко кипятятъ въ водѣ золотыя, вѣнчальныя кольца, и потомъ поятъ или обливаютъ ею хвораго. Отъ горячки надѣваютъ на шею больного обручъ, снятый съ ведра, окуриваютъ его стружками съ этого обруча, поятъ виномъ, настоеннымъ на золѣ, и произносятъ заклианіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа! тетка-баба (=горячка), отойди отъ раба божія (имярекъ)». Когда вино выпито, оставшееся золою трутъ лице и грудь противъ сердца. Золотое кольцо—символъ солнца, поборающаго демоновъ мрака; снятый съ ведра обручъ—знаменіе дождевыхъ сосудовъ, разбиваемыхъ богомъ-громовникомъ. Отъ «криксы» купаютъ дѣтей въ кѹрникѣ на деревянномъ обручѣ ³⁾). Если укуситъ человека бѣшеная собака, то стараются добыть клочъ ея шерсти и этою шерстью оку-

¹⁾ Сахаров., I, 53; II, 4; О. З. 1848, т. LVI, 202. — ²⁾ Громовикъ, 175. — ³⁾ Этно. Сб., V, бытъ курск. крестьянъ, 89.

риваютъ нанесенныя ему раны. Бѣшеная собака есть воплощеніе дьявола; подобно тому, какъ небесныя молніи, пожигающія облачное руно демоновъ, просвѣтляютъ омраченную ими природу, такъ и сожженная шерсть собаки удаляетъ мучительнаго бѣса и возстановляетъ поврежденное здравіе ¹⁾). Произнеся заклятіе, знахари трижды дуютъ на больного и сплевываютъ въ сторону. Слюна здѣсь—символъ живой воды (дождя), точно также, какъ обдуваніе больного—символъ вѣтра. Если слову человѣческому и слюня дана власть прогонять нечистыхъ духовъ, уроки и недуги, то естественно, что языкъ, какъ орудіе слова и метафора молніи (I, 728), долженъ былъ получить чародѣйную силу слизывать всякую хворь. И дѣйствительно знахари, умывая больного «наговорной» водою, лижутъ ему лицо до трехъ разъ, и за каждымъ разомъ сплевываютъ на землю, т. е. сбрасываютъ, вмѣстѣ съ слюною, слизанную языкомъ болѣзнь ²⁾). Въ саратовской губ. противъ лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная дѣвица! избавь раба божія (имарекъ) отъ матухи, отъ знобухи, отъ летучки, отъ гнетучки, отъ всѣхъ двѣнадцати дѣвицъ-трясавицъ.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого заговора, слизываютъ недугъ крестообразно со лба, подбородка и щекъ больного и сплевываютъ наземъ ³⁾). Нерѣдко слова лѣчебнаго заклятія сопровождаются очерчиваніемъ около больного круговой черты, дабы злой духъ болѣзни не могъ переступить за этотъ зачарованный кругъ ⁴⁾). Народные заговоры сдѣлаются для насъ вполне-попытными только тогда, когда будутъ разгаданы и объяснены всѣ древнѣйшія метафоры, на которыхъ зиждется ихъ цѣлебное значеніе. Вотъ, на примѣръ, заговоръ отъ болѣзни усовей, любопытный по своимъ мнѣніямъ указаніямъ: «Есть

¹⁾ Громаничъ, 184. — ²⁾ Абев., 235. — ³⁾ Саратов. Г. В. 1850, 26.
— ⁴⁾ Кіевляничъ 1865, 69.

море золото, на золотѣ морѣ золото древо, на золотѣ древѣ золоты птицы-носы и ногти желѣзные, дерутъ-волочатъ отъ раба божіа (усови) на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ бѣлъ камень, на бѣлѣ камени сидитъ красная дѣвица съ палицею желѣзною, тепеть, обороняетъ, отлучаетъ отъ раба божіа усови на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ золотѣ корабль, на золотѣ кораблѣ ѣдетъ святыи Николай, отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные врата, а залучаетъ отъ раба божіа усови аду въ челюсти.» ¹⁾ Злой духъ болѣзни прогоняется во мхи-болота и въ адъ. Море—поэтическое названіе неба; эпитетъ «золотой», данный этому морю, означаетъ: свѣтлый, озаренный лучами солнца. Дерево и корабль — метафоры тучи, бѣлъ камень—метафора солнца. На деревѣ-тучѣ сидятъ золотыя птицы съ желѣзными когтями и клювами, т. е. молніи, острыми стрѣлами которыхъ и разится нечистая сила болѣзни; подобно тому на солнцевомъ камнѣ возсѣдаетъ красная дѣвица Зоря, богиня весеннихъ грозъ и плодородія, и гонитъ демона желѣзною палицею; а ва кораблѣ облакѣ плыветъ Николай угольникъ, заминаящій собой Перуна: онъ отворяетъ морскую глубину (=дождевыя тучи) и низвергаетъ демона въ челюсти ада. Итакъ изгнаніе болѣзни совершается при содѣйствіи громоуника; какъ обновитель природы, побѣдоносный врагъ зимы—смерти и творецъ весенней жизни, онъ исцѣляетъ и всѣ недуги ²⁾).

¹⁾ Истор. Христом. Буслаев., 1353. — ²⁾ Изъ всего сказаннаго понятно, почему такъ долго удерживается въ массахъ простаго народа довѣріе къ знахарямъ и ихъ врачевнымъ пособіямъ и отвращеніе отъ научной медицины. За первыхъ стоятъ исконныя преданія, крѣпко-сросшіяся съ роднымъ словомъ, а слѣдовательно и съ самыми убѣжденіями человека. До сихъ поръ поселеніе охотѣе прибѣгаютъ къ помощи своихъ знахарей и ворожеекъ, а дѣ-

Повальные болѣзни, отъ которыхъ гибнутъ цѣлыя поколѣнія людей и животныхъ, отождествлялись въ языкѣ и вѣрованіяхъ съ представленіемъ Смерти: измереть—въ областномъ словарѣ: исхудать, исчахнуть, подмереть—завянуть, засохнуть, отощать, замирать — захворать, морный — тощій (заморенный), морная корова — падежъ рогатого скота, помора — отравы; пропадать — болѣть, чахнуть, пропадіна или пропастіна — мертвечина, стерво, прѣпастъ — адская бездна, погибель, смерть и гнѣишій трупъ ¹⁾. Германцы эпидеміямъ давали названія: *der grosse töd*, сканд. *svarti daudhi*, дат. *sorte död*—*der schwarze tod*, а славяне: черная смерть или немочь. Когда туманныя испаренія и гнетущая духота зноя отравляютъ воздухъ — внезапно появляется зараза, и направляя путь свой чрезъ населенныя мѣстности, похищаетъ жертвы за жертвами. Въ качествѣ богини Смерти и согласно съ грамматическимъ родомъ присвоенныхъ ей названій, зараза олицетворяется въ образѣ мнѣической жены; лат. *pestis, lues*, нѣм. *die pest*, еерб. куга (сравни ниже- и выше-нѣм. *koghe*,

кареки, даваемые оффиціальными врачами, называютъ „погаными“. Вѣсѣтъ съ этимъ, приведенныя свидѣнія убѣдительно доказываютъ, какъ несостоятельна, ничтожна и часто положительно-вредна народная медицина: дѣлать глаза искрами огня, заставлять отъ воспалительныхъ болѣзней жѣсть сусальское золото (I, 204—6), сажать ребенка въ жарко-натопленную печь и тому подобныя средства, конечно, не могутъ быть признаны за полезныя. Нельзя отвергать, что знахарямъ доступны нѣкоторые знанія цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и другихъ слабодій, на которыя случайно набрелъ наблюдательный умъ нашихъ предковъ; во объемъ этихъ знаній весьма ограниченъ и притомъ они такъ спутаны съ многочисленными суевѣріями, что намъ кажется совершенно-неумѣстнымъ то наивное сомнѣніе о расколѣ, существующемъ между ученою и народною медициною, какое еще недавно высказывалось представителями такъ называемой „русской науки“. — ¹⁾ Обл. Сл., 64, 74, 116, 164, 169, 181, 208.

коге) и мѣриѣ, рус. чума (džuma), язва, свирѣпица (черниг. губ.) — женскаго рода, и хотя, рядомъ съ этими названіями, у насъ, чеховъ и поляковъ употребляется еще слово моръ (лѣтов. шогас, лѣтт. mehris), но въ поэтическихъ сказаніяхъ оно уступаетъ женскимъ формамъ. Завися отъ воздушныхъ перемѣнъ и климатическихъ условій, морозная язва, какъ и другія болѣзни, признавалась существомъ стихійнымъ, шествующимъ въ вихряхъ («повѣтріе») и владѣющимъ огненными, молніеносными стрѣлами. По указанію народнаго повѣрья, приведеннаго Я. Гриммомъ, она несется какъ синеватый паръ въ видѣ облака — «als blauer dunst in gestalt einer wolke». ¹⁾ Свидѣтельство Гомера о моровыхъ стрѣлахъ Аполлона совпадаетъ съ славянскими преданіями: общепринятая въ русскомъ языкѣ названія зараза (отъ разить) и язва указываютъ на раны, наносимыя острымъ оружіемъ болѣзни; кроаты представляютъ чуму (гиргу) злою фуріей, легкою какъ молнія ²⁾; по рассказамъ болгаръ, она — вѣчно-озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животныхъ огненные, ядовитыя стрѣлы. Создавши ее, Христосъ сказалъ: «иди и мори человѣческій родъ; а чтобы ты не страшилась никого—даю тебѣ лукъ и стрѣлы». Болгары видятъ въ ней существо, родственное съ облачными дѣвами, и называютъ ее чума-самодива или юдасамовила; самодивы и самовилы соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ зѣлфамъ, и подобно имъ, различаются на добрыхъ и злыхъ (свѣтлыхъ и темныхъ). Приближаясь къ городу или деревнѣ, Чума точитъ свои стрѣлы, и кому случится на ту пору выйти въ поле — въ того и стрѣляетъ; а затѣмъ уже входитъ въ самое село или городъ. Отъ того первые заболѣвающіе страшнымъ недугомъ бываютъ пріѣзжіе и странники. На-

¹⁾ D. Myth., 1133-4. — ²⁾ Вѣст. Евр. 1819, XIII, 47.

равнѣ съ вѣдьмами и вѣдьмами, Чума можетъ оборачиваться конскою, лошадейю, коровою, птицею и клубкомъ яряжи; гдѣ она покажется—тамъ начинаютъ выть собаки, туда прилетаетъ воронъ или филинъ, и сядя на кровлю, крикомъ своимъ предвѣщаетъ бѣду ¹⁾. Чехи и малоруссы рассказываютъ, что Смерть, принимая видъ кошки, царапается въ окно, и тотъ, кто увидитъ ее и впуститъ въ избу, долженъ умереть въ самое короткое время ²⁾. Южные славяне увѣряютъ, что во время чумы пѣтухи хрипнутъ и заикаются, а собаки теряютъ способность лаять и только ворчатъ и съ визгомъ бросаются на ужасную гостью. Одинъ крестьянинъ спалъ на стогу сѣна; пробужденный шумомъ, онъ увидѣлъ огромную женщину, въ бѣлой одеждѣ (= въ саванѣ), съ растрепанными волосами, которая бѣжала отъ стаи собакъ; она вскочила на лѣстницу, приставленную къ стогу, и стала дразнить собакъ ногою. Крестьянинъ узналъ Чуму, подкрался сзади и столкнулъ ее съ лѣстницы; Чума погрозила ему пальцемъ и исчезла, и хотя онъ остался въ живыхъ, но съ той самой минуты безпрестанно дергалъ ногою ³⁾. Выше (I, 298-301, 519) было объяснено, что громовые раскаты уподоблялись крику пѣтуха и колокольному звону, и что вслѣдствіе этихъ метафоръ пѣтухъ позгласомъ своимъ прогоняетъ нечистую силу, а отъ звона колоколовъ разсѣваются темныя тучи ⁴⁾ и устрешенные демоны, эльфы и вѣдьмы спѣшатъ сокрыться въ дальнія страны. Вмѣстѣ съ этимъ пѣтушій крикъ и колокольный звонъ признаны были за цѣлебное средство противъ болѣзней, особенно противъ лума въ рукахъ, падучей, холеры и вообще

¹⁾ Сообщено г. Каравеловымъ. — ²⁾ Громаничъ, 186. — ³⁾ Пов. и пред., 86-87, 177. — ⁴⁾ Въ 1576 г. звонили на Моравѣ „proti mglasnyw“; дьяволъ схватилъ звонари и три дня носилъ его въ вихрь — Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 53.

всякаго повѣтрія; «я слышу (читаемъ въ чешскомъ заговорѣ) — звучатъ колокола, поютъ св. ангелы, и ты, гѣже, должна удалиться!» ¹⁾ Сверхъ того, въ завываніи грозовой бури арійскія племена слышали лай небесныхъ псовъ, сопутствующихъ богу громовъ и вихрей въ его дикой охотѣ; по народному убѣжденію собака одарена чрезвычайно-тонкимъ чутьемъ и острымъ зрѣніемъ: она узнаетъ присутствіе нечистыхъ духовъ, чувствуетъ приближеніе Чумы и Смерти и кидается на нихъ, какъ вѣрный стражъ домохозяина и его семьи (сравни I, 733—4). Когда собака воетъ — это считается знакомъ, что она видитъ Смерть. Отсюда возникли повѣрья, что Чума боится собакъ ²⁾, что у пѣтуховъ она отнимаетъ голосъ и вырываетъ хвосты, и что тамъ, гдѣ владычествуетъ нечистая сила смерти — заразы, уже не раздаются ни пѣтушиный крикъ, ни собачій лай; согласно съ этимъ, вышеприведенные малорусскіе заговоры отсылаютъ сестеръ-лихорадокъ и другія болѣзни въ тѣ пустынныя страны, гдѣ не слышится ни пѣнія пѣтуховъ, ни лая собакъ, ни церковнаго звона, т. е. собственно въ царство тучъ, оцѣпененныхъ холоднымъ дыханіемъ зимы (= въ вертепы сѣвернаго ада). Рассказываютъ также, что Чума не любитъ кошекъ и при удобномъ случаѣ убиваетъ ихъ; эта враждебность объясняется страхомъ передъ богиней Фреею, которая выѣзжала на кошкахъ, участвовала въ дикой охотѣ и поборала демоновъ. Въ давнее время, по словамъ болгаръ, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же, при появленіи моровой язвы, кошки прячутся отъ нея въ печахъ ³⁾. Любопытно, что чехи, для излѣченія дѣтей отъ сухотки, купаютъ ихъ въ ключевой водѣ, вмѣстѣ съ собакою или кошкою ⁴⁾. Въ большей час-

¹⁾ Громаниъ, 15, 39, 158; Beiträge zur D. Myth., II, 299. —

²⁾ Ср. рѣчникъ, 311. — ³⁾ Сообщ. г. Каравеловымъ. — ⁴⁾ Громаниъ, 179.

ти земель, заселенныхъ славяно-литовскимъ племенемъ, моровая язва олицетворяется женщиною огромнаго роста (иногда на ходуляхъ), съ распущенными косами и въ бѣлой одеждѣ; она разъѣзжаетъ по свѣту въ повозкѣ или заставляетъ какого-нибудь человѣка носить себя по городамъ и селамъ; своею костлявою рукою она вѣетъ на всѣ на четыре стороны краснымъ (кровавымъ) или огненнымъ платкомъ — и вслѣдъ за взмахомъ ея платка все кругомъ вымираетъ. Былъ жаркой день; русинъ сидѣлъ подъ деревомъ. Приблизилась къ нему высокая женщина, закутанная въ бѣлое покрывало. «Слыхалъ ли ты про Моровую язву? сказала она; это — я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуи ни одного села, ни города; я должна вездѣ заглянуть. Кругомъ тебя будутъ падать мертвые, но ты останешься невредимъ.» Затѣмъ она обвила длинными, исхудалыми руками вокругъ шеи русина, и бѣднякъ пошелъ съ своею страшною ношею, не чувствуя ни малѣйшей тяжести. На пути лежало мѣстечко, гдѣ раздавалась музыка и весело, беззаботно пировалъ народъ; но Чума повѣяла своею хусткою — и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Гдѣ ни проходилъ русинъ, всюду богатые города и деревни превращались въ пустыни; бѣдныя, дрожащія отъ страха жители разбѣгались изъ домовъ и въ мучительныхъ страданіяхъ умирали въ лѣсахъ, поляхъ и по дорогамъ. Наконецъ добрался онъ до своего роднаго села; здѣсь проживали его старушка-мать, любимая жена и малыя дѣти. Отчаянье и жалость овладѣли душою несчастнаго; онъ рѣшился утопить и себя и Чуму, ухватилъ ее за руки, и обоидя село, бросился вмѣстѣ съ нею съ крутаго берега въ волны Прута; самъ онъ утонулъ, но Моровая язва не могла погибнуть: съ легкостью стихійнаго существа она поднялась изъ воды и, напуганная отважною смѣлостью человѣка, убѣ-

жала въ лѣсистыя горы ¹⁾. На Украинѣ существуетъ клятва: «а щобъ на васъ чума насѣла!» ²⁾ Лужицкая Smętnica (богиня смерти) ходитъ по деревнямъ въ бѣломъ платьѣ, и куда бы не направила свои стопы — тамъ непременно кто-нибудь умираетъ ³⁾; чехи называютъ ее Smrtnice, Smrtná žena: она одевается въ бѣлую или черную одежду, голову покрываетъ шляпою съ бѣлымъ перомъ, и бродитъ подъ окнами дома, гдѣ въ скоромъ времени долженъ быть покойникъ ⁴⁾. По сказаніямъ сербовъ, Куга — «жива жена завѣшена биѣломъ марамоу»; есть преданіе, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерамъ отъ одной избы къ другой, она останавливается подъ окнами и пускаетъ внутрь жилья свой злочестивый духъ, отчего и погибаетъ все семейство. Многіе видѣли ее собственными очами, а нѣкоторымъ случалось носить ее. Встрѣтивъ человека на дорогѣ или въ полѣ, а иногда являясь къ нему въ избу, она говоритъ: «я самъ Куга, веѣ хайде да ме носишъ тамо и тамо!» За такую услугу она обѣщается пощадить какъ его самого, такъ и всѣхъ близкихъ ему родичей. Тотъ, кто носитъ Кугу, или вовсе не чувствуетъ усталости, или изнемогаетъ подъ тяжелымъ, сильно-гнетущимъ бременемъ ⁵⁾. Таже басня извѣстна и въ Бретани: въ одной пѣснѣ разсказывается о мельникѣ, который перевѣзъ на конѣ черезъ рѣку бѣлую женщину, а по другому варианту — онъ перенѣсъ ее на собственныхъ плечахъ. «Знаешь ли ты кого перевѣзъ?» спросила она; я—Чума. Мой обходъ по Бретани оканчивается; теперь я пойду въ церковь, и кого только коснется мой посохъ—

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 140; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, ст. Калачова, 45; Пов. и Пред., 83-85, 176; Ж. М. Н. П. 1836, VI, 464-5. — ²⁾ Номис., 73. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 268. — ⁴⁾ Громаниъ, 6, 186. — ⁵⁾ Срп. рјечник, 311; Иличъ, 299—300.

тотъ немедленно долженъ умереть, но ты не бойся! тебѣ и твоей матери я не сдѣлаю никакого вреда». Слова эти оправдались надѣлѣ: всѣ обыватели померли, исключая двухъ — старой вдовы и ея сына ¹⁾. Припомнимъ, что духи болѣзней ѣздятъ на своей жертвѣ и что, по свидѣтельству сказки, Богъ осудилъ некогда солдата носить на плечахъ голодную Смерть (стр. 51). Въ Литвѣ чуму и вообще всякую повальную болѣзнь называютъ Моровой дѣвою; показываясь въ деревнѣ, она обходитъ домъ, просовываетъ руку въ окно или дверь и махаетъ краснымъ платкомъ, навѣвая на хозяевъ и домочадцевъ смертельную заразу. При ея появленіи, жители запираются въ своихъ избахъ, не открываютъ ни оконъ, ни дверей, и только совершенный недостатокъ припасовъ и голодъ заставляютъ ихъ нарушать эту предосторожность. Въ старые годы жилъ-былъ шляхтичъ; рѣшившись пожертвовать собою для общаго блага, онъ взялъ саблю и сѣлъ у нарочно-открытаго окна; какъ только Моровая дѣва протянула въ окно руку, шляхтичъ ударилъ саблею и отрубилъ ей кисть. Самъ онъ умеръ, померло и его семейство, но съ той поры язва уже не показывалась въ этой мѣстности. Подобное-же преданіе уцѣлѣло и въ памяти русскаго народа: храбрый казакъ отрубилъ руку вѣдьмы, которая дѣйствовала также губительно, какъ моровая язва; въ глухую полночь являлась она вся въ бѣломъ, отворяла окно избы, просовывала руку съ кропильномъ и начинала кропить въ разныя стороны, а къ утру вымирала вся семья. Въ нижне-нѣмецкой сагѣ Смерть заглядываетъ въ окно, и на кого упадутъ ея взоры — тотъ дѣлается добычею могилы ²⁾. Рассказываютъ еще, будто Моровая дѣва, одѣтая въ бѣлое платье, объѣзжаетъ города и села на высокой колесницѣ; останавливаясь передъ домомъ, она

¹⁾ D. Myth., 1136—7. — ²⁾ Ibid., 1141; Н. Р. Сл., VII, 36, а.

махаетъ платкомъ и спрашиваетъ: «что дѣлаете?» Если ей отвѣчаютъ: «Бога хвалимъ!» — то она не касается никого изъ живущихъ и ѣдетъ далѣе, произнося угрюмымъ голосомъ: «хвалите Его присно и во вѣки вѣковъ!» А если на вопросъ Моровой дѣвы скажутъ: «спимъ!» — то она изрекаетъ смертный приговоръ: «спите-же вѣчнымъ сномъ!» ¹⁾ Вѣ этихъ суевѣрныхъ сказаніяхъ поселянъ Мицкевичъ угадалъ свѣжія, никогда-нестарѣющія поэтическія краски, и съ талантомъ истиннаго художника воспользовался ими въ слѣдующихъ стихахъ: *Mogowa dziewczica*

w bieliznie, z wiankiem ognistym na skroniach,
czoljem przenosi białjowieskie drzewa,
a w ręku chustką skrwawioną powiewa.
Dziewica śląda kroki zljowieszczemi
na siołja, zamki i bogate miasta;
a ile razy krwawą chustką skinie,
tyle pałaców zmienia się w pustynie;
gdzie nogą śląda, świeży grób wyrasta

У Гримма указана литовская клятва: «kad tawę Giltinę pas-taugt!» — чтобъ тебя Чума удушила! ²⁾ По своему стихійному характеру, богиня смерти и Чума родятся въ преданіяхъ литовцевъ съ облачной женою — лаумой, о которой увѣряютъ, что она рядится въ различныя одежды: если лаума надѣваетъ зеленое платье — это предвѣщаетъ хорошій урожай — роскошную зелень на лугахъ и нивахъ; если она показывается въ красномъ платьѣ — это предвѣщаетъ жестокую войну — убійства и пролитіе крови, а если въ черномъ — это знаменуетъ приближеніе голода и мора ³⁾. Поляки увѣряютъ, что Моровая дѣва разъѣзжаетъ въ дву-колесной повозкѣ ⁴⁾; а лужичане рассказываютъ о невидимой колесницѣ, которая съ грохотомъ носится по улицамъ въ двѣнадцать ча-

¹⁾ Семеньск., 126-7; Иллюстр. 1848, № 28. — ²⁾ D. Myth., 1137. — ³⁾ Москв. 1846, XI—XII, 249. — ⁴⁾ Пов. и пред., 177.

совѣ ночи, и въ томъ домѣ, возлѣ котораго она остановится, непременно кто-нибудь да сдѣлается добычею смерти ¹⁾. Поѣздъ Чумы въ Подоліи называютъ го́минь ²⁾ — слово, означающее: громкій говоръ, неистовые звуки, шумъ, завываніе бури ³⁾. Потерявъ во время моровой язвы жену и дѣтей, русинъ покинулъ свою хату и пошелъ въ лѣсъ; къ вечеру онъ развелъ огонь, помолился Богу и заснулъ. Въ самую полночь его разбудилъ страшный шумъ: издали неслись нестройные, дикіе клики, слышались дудки и звонъ бубенчиковъ. Голоса приближались, и вскорѣ видно было, что по дорогѣ тянется го́минь. На высокой черной колесницѣ ѣхала Чума, сопровождаемая толпою чудовищъ, стаєю совъ и нетопырей. Свита ея съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе умножалась, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья превращались въ чудовищныя привидѣнія и приставали къ поѣзду. Когда го́минь поровнялся съ разведеннымъ коотромъ, Чума затянула адскую пѣсню. Подолянинъ хотѣлъ было съ испугу ударить въ ближайшее къ нему привидѣніе топоромъ, но и топоръ вырвался изъ его рукъ, превратился въ живое существо на козьихъ ногахъ и понесся вслѣдъ за демонскимъ сборищемъ. Подолянинъ упалъ безъ чувствъ, и когда очнулся — на небѣ уже сіяло солнце; платье его было изорвано въ лоскутья, а топоръ лежалъ переломленный ⁴⁾. Такимъ образомъ Чума, подобно древнимъ богинямъ, возсѣдаетъ на колесницѣ, и поѣздъ ея сопровождается бурей и привидѣніями, т. е. злыми духами и тѣнями усопшихъ — точно также, какъ, по германскому преданію, Одинъ — богъ, посылающій

¹⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 329—330. — ²⁾ Го́монъ = го́мъ, гамъ. — ³⁾ Пѣсня: „Го́минъ, го́минъ по дубровѣ, Туманъ поле покрываетъ“. — ⁴⁾ Семеновск., 144-5; Эрбенъ, 126-7; Пов. и пред., 88—90, 178.

валькириі за душами убитыхъ героевъ, ичится во главѣ неистоваго воинства или дикой охоты, сопутствуемый демонами грозы и вихрей, мертвецами и костлявою Смертью. Это—поэтическое изображеніе опустошительной бури, вѣяніе которой несетъ губительную язву; все, что ни встрѣчается на пути, вихри ломаютъ и увлекаютъ въ своемъ стремительномъ полетѣ; адская пѣсня, звуки дудокъ и бубенчиковъ—метафоры воющихъ вѣтровъ; Смерть, какъ мы видѣли, сама представлялась музыкантомъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, Гелла ѣздитъ въ колесницѣ или на треногомъ конѣ (сравни выше, стр. 4), т. е. въ грозовой тучѣ, и шлетъ на божій міръ заразу; поражая людей, она схватываетъ дѣши и навьючиваетъ ими своего коня. О смертоносномъ дѣйствіи моровой язвы выражаются: «die HELL ist verjagt», а когда захворавшій этою болѣзней выздоровѣетъ, о немъ говорятъ: «er hat sich mit der HELL abgefunden» (онъ раздѣлался съ Геллою). Богиня смерти слѣдовательно является въ качествѣ охотника, ловчаго христіанскихъ душъ; подобно Одну въ его бурныхъ полетахъ, она въ нѣкоторыхъ сагахъ выступаетъ на борьбу съ жизнью въ сопровожденіи большого воинства; за ней слѣдуютъ свита и слуги, несущіе ея знамя и оружіе. Финны надѣляютъ Чуму конемъ и колесницею ¹⁾; а наше лѣтописное свидѣтельство утверждаетъ, что тѣ незримые духи (навье), которые избивали полочанъ, ѣздили на коняхъ. Сербы знаютъ не одну, а нѣсколько моровыхъ женъ, рожденныхъ отъ демона и обитающихъ за моремъ: «Куге имају преко мора своју земљу, гдѣ само оне живе, па ихъ Богъ пошље амо (над људи зло раде и много гријеше) и каже имъ—колико ће људи поморити.» Обыкновенно насчитываются три сестры—Куги. Во время чумы поселяне не рѣшаются оставлять до утра немытой посуды, ибо Куга приходитъ ночью въ избу, и если найдетъ

¹⁾ D. Myth., 290, 804—7, 1141.

вешытыя блюда и ложки, то отравляетъ ихъ ¹⁾; въ этомъ повѣрьи она сближается съ богиней Гольдою, царицею нерожденныхъ и усопшихъ душъ, которая не терпитъ безпорядка въ домахъ и наказуетъ нерадивыхъ слугъ и хозяевъ. Объ отравѣ сосудовъ демонами было сказано выше (стр. 62, 71). Чтобы сойти на землю, Кугъ приходится переплывать воздушное море. Отсюда возникли рассказы, что на пути своемъ она переправляется черезъ рѣку. Колесница Чумы замѣняется иногда ладьей, въ которой эта злобная дѣва, исполняя обязанность Харона или архангела Михаила, увозитъ души умершихъ. Когда въ царствованіе Юстиніана свирѣпствовала чума, то на морѣ видѣли мѣдную барку; въ ней сидѣли черные мужи безъ головъ, и куда направляли они свой путь, тамъ немедленно начиналась язва. По хорутанскому преданію, Куга переѣзжала на ладѣ черезъ рѣку Саву ²⁾. Въ замѣну платка, которымъ вѣетъ Моровая дѣва, германскія преданія говорятъ о вѣтннкѣ: этотъ платокъ—метафора бурнаго облака, а вѣтннкъ—необходимый атрибутъ вѣдьмы, свиволь вихря, нагоняющаго туманы и тучи. Въ Норвегіи Pest a, тощая, блѣдная старуха, ходитъ по землѣ съ граблями ³⁾ и вѣтннкомъ; гдѣ она дѣйствуетъ первымъ орудіемъ—тамъ еще остаются нѣкоторые въ живыхъ, ибо грабли не все дѣлуста загребаютъ, а гдѣ мететъ вѣтннкомъ—тамъ рѣшительно всѣ вымираютъ, часто она появляется въ красномъ платьѣ. Шведскія саги рассказываютъ о Моровой дѣвѣ (Pestjungfrau), что впередъ ея идетъ крошечный и прекрасный мальчикъ (=эльфъ) съ желѣзными граблями (rifva—reibeisen), а сама она выступаетъ съ вѣтннкомъ, и что остается въ живыхъ отъ ея передоваго спутника, то все подметаетъ безжалостной рукою ⁴⁾.

¹⁾ Срп. рјечникъ, 311; Иличъ, 299. — ²⁾ D. Myth., 1136; сб. Валица, 243. — ³⁾ „Mit einer reibe (rive), einem gezahnen werkzeug, womit erde oder heu und getraide auseinander gezogen wird“. — ⁴⁾ D. Myth., 1139—1140.

Мифическія представленія, соединяемыя съ моровою язвою, распространяются и на холеру, и на скотскій падежъ. На Руси холеру представляютъ старухою, съ злобнымъ, искаженнымъ страданіями лицомъ ¹⁾; въ Малороссіи увѣряютъ, что она носитъ красныя сапоги, можетъ ходить по водѣ ²⁾, безпрестанно вздыхаетъ и по ночамъ бѣгаетъ по селу съ возгласомъ: «була беда, буде лыхо!» Гдѣ она остановится переночевать, въ томъ домѣ не уцѣлѣетъ въ живыхъ ни единого человѣка. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что холера является изъ-за моря, и что ихъ три сестры ³⁾, одѣтыя въ бѣлыя саваны; однажды мужикъ, отправляясь на базаръ въ городъ, подвѣзъ съ собою двухъ сестеръ-холеръ; онѣ сидѣли на возу, держа на колѣнныхъ узелки съ костями; одна изъ нихъ отправлялась морить людей въ Харьковъ, а другая—въ Курскъ ⁴⁾. Сходно съ этимъ, новогреческое сказаніе упоминаетъ о трехъ страшныхъ женахъ, которыя странствуютъ вмѣстѣ по городамъ и селамъ и караютъ жителей моровою язвою: одна носитъ длинный свитокъ, гдѣ записаны имена приговоренныхъ къ смерти; другая — ножицы, которыми наноситъ людямъ смертельные удары; а третья — вѣникъ, которымъ сметаешь съ лица земли все живое. Очевидно, что эти три моровыя жены, сербскія три куги и наши три сестры-холеры тождественны съ древними парками, эвменидами и фуріями ⁵⁾. Болгары утверждаютъ, что Чума и повальная Оспа, являясь по ночамъ, читаютъ по книгѣ: кто долженъ умереть и кто выздоровѣть ⁶⁾. О чумѣ рогатаго скота русскіе поселяне рассказываютъ, что это безобразная старуха, у которой руки съ граблями; она

¹⁾ Во владимірской губ. ее называютъ собачьей смертью. — ²⁾ Закавказ. край Гакстаузева, II, 60. — ³⁾ Или: братья и дѣвчата сестры. —

⁴⁾ Ворон. Г. В. 1850, 16; Владим. Г. В. 1844, 53; Рус. Рязь 1861, 41; Пов. и пред., 177. — ⁵⁾ D. Myth., 1136. — ⁶⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

называется Коровья или Товаряча ¹⁾ Смерть, и сама редко заходит въ сѣла, а болѣею частію ее завозятъ. Показывается она преимущественно осенью и ранней весною, когда скотина начинаетъ страдать отъ безкормицы и дурной погоды. Въ февралѣ-мѣсяцѣ, по мнѣнію крестьянъ, Коровья Смерть пробѣгаетъ по селамъ — чахлая и заморенная. Чтобы прогнать ее въ лѣса и болота, совершается торжественный обрядъ опахиванія, т. е. около селенія обводится круговая, со всѣхъ сторонъ замкнутая черта, черезъ которую Чума не въ силахъ переступить ²⁾. Обрядъ этотъ употребляется и противъ холеры. Я. Гриммъ сообщаетъ слѣдующій разсказъ: встрѣтила Чума крестьянина и попросила подвезти себя; узнавши дорогою свою спутницу, крестьянинъ сталъ молить о собственной пощадѣ, и Чума научила его ѣздить нагишомъ вокругъ своего дома и закопать у порога желѣзный крюкъ. Въмѣсто того, крестьянинъ ѣзжалъ вокругъ всей деревни, а желѣзо закопалъ при самомъ ея вѣздѣ. Язва страшно свирѣпствовала въ окрестностяхъ, но не могла проникнуть въ деревню, огражденную невидимою чертою и желѣзнымъ запоромъ ³⁾. Коровья Смерть нерѣдко принимаетъ на себя образъ черной собаки или коровы, и разгуливая между стадами, заражаетъ скотъ. У насъ ее называютъ Морною коровою, въ Шлезвиг-Гольштейнѣ — *Kuhtod* и *Viehschelm*; въ Ирландіи разсказываютъ о быкѣ-эльфѣ (*elfstier*), который осенью приходитъ на сжатые поля и сѣмивается съ деревенскими стадами ⁴⁾. У словенцовъ чума рогаго скота олицетворяется пестрымъ теленкомъ: своимъ мычаньемъ этотъ оборотень умерщвляетъ коровъ и овецъ ⁵⁾.

¹⁾ Товаръ — рогатый скотъ. — ²⁾ Сахаровъ, II, 10—11; Зап. Общ. рус. и слав. археолог., I, отд. 2, 46. — ³⁾ D. Myth., 1138—9. — ⁴⁾ Der Urspr. der Myth., 182; Beiträge zur D. Myth., II, 307; Труды Моск. археол. Общ., в. II, 181. — ⁵⁾ D. Myth., 1140; Терещ., VI, 42.

Въ томской губ. сибирская язва представляется въ видѣ высокаго, мохнатаго челоуѣка, съ копытами на ногахъ; онъ живетъ въ горахъ и выходитъ оттуда, слыша клятвы: «язви те!» «пятнай те!» ¹⁾

¹⁾ Этн. Сб., VI, 135. У болгаръ существуетъ повѣрье, что Чума или Оспа, желая удалиться изъ деревни, является кому нибудь во снѣ и требуетъ, чтобы онъ проводилъ ее въ такую-то сторону. Избранный въ проводники беретъ хлѣбъ, намазанный медомъ, нѣсколько соли и штофъ вина; утромъ, передъ восходомъ солнца, онъ идетъ на указанное мѣсто, какъ-бы сопутствуя незримой страннику, и тамъ оставляетъ хлѣбъ, соль и вино. Послѣ того болѣзнь прекращается — Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

XXIII.

ОБЛАЧНЫЯ ЖЕНЫ И ДЪВЫ.

Прародительское племя аріевъ называло дождь небеснымъ молокомъ; вмѣстѣ съ этимъ дождевыя облака рисовались его фантазіи сосцами дойной коровы и грудями женщины-матери. Понятіе «воздоющей» равно соединялось и съ коровою, и съ мамкою, кормилицею; а молнія, которая сосетъ облачныя груди, вытягиваетъ изъ нихъ молоко-дождь, получила названіе смока—сосуна (см. I, 665; II, 560). И женскія груди, содержащія въ себѣ молоко, и облака, несущія дождь, обозначаются въ санскритѣ тождественными выраженіями: *stana-jitni* (отъ *stana*—дышать, стенать, съ приставкою *jitni*) и *raudhara* (отъ *rahas*—питье, питаніе и *dhr*—содержать; буквально: то, что содержитъ питательную влагу)—*паштае и пубес* ¹⁾). Представленіе тучъ материнскими грудями засвидѣтельствовано поэтическими преданіями индусовъ ²⁾; слѣды того-же древняго воззрѣнія встрѣчаемъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ. Трогательная сербская пѣсня про «зиданье Скадра» рассказываетъ, что когда въ стѣны этого города была замурована молодая жена—она просила зодчаго:

¹⁾ У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, ст. Лавровск., 4. — ²⁾ German. Mythen, 76.

Остави ми прозор на дојкама,
Истурн ми моје б'јеле дојке;
Каде дође мој нејаки Јово,
Каде дође, да подоји дојке. ¹⁾

Просьба ея была исполнена.

И тако је у град уградише,
Па доносе чедо у вол'јевци,
Те ги доји за нећел(ь)у дана;
По нећел(ь)и изгубила гласа,
Ал' ђетету онђе иде рана,
Дојише га за годину дана.
Како таде, тако и остаде,
Да и данас онђе иде рана
Зарад' чуда и зарад' лијека,
Која жена не има млијека ²⁾.

Говорять (прибавляетъ Вукъ Караджичъ), «да и сад из онијех прозора, гдје су сисе биле измољене, тече некака мокрина, која се низа зид хвата, као креч, и жене, које немају млијека, или их сисе боле, носе оно, те пију у води» ³⁾. Подобное-же итальянское преданіе приведено у Я. Гримма: *«est quoque non procul ab hoc oppido (Veronae) in valle quadam Policella dicta locus Negarina nomine, ubi saxum durissimum visitur, in quo mammae ad justam muliebrum formam sculptae sunt, ex quarum papillis perpetuae stillant aquae, qui-*

¹⁾ Переводъ: Оставь мнѣ оконцы для грудей, выпусти мои бѣлыя груди; когда принесутъ моего бѣднаго Јована — пусть пососетъ груди. — ²⁾ Итакъ заложилъ се въ стѣну; приносилъ къ ней ребенка въ колыбели — и кормила она его цѣлую недѣлю, а потомъ хотя потеряла голосъ, но все давала пищу своему дитяти и кормила его цѣлый годъ. Какъ было тогда, такъ и осталось: и теперь идеть отъ нея питаніе — ради чуда и ради исцѣленія женовъ, у которыхъ вѣтъ молока. — ³⁾ И донныѣ изъ тѣхъ оконцевъ, откуда выказывались сосцы, течетъ нѣкая влага, которая осѣдается внизу стѣны, какъ известъ, и жены, неимѣющія молока или съ большими грудями, носятъ ее (при себѣ) или пьютъ въ вода — Срп. и пјесме, II, 123—4.

bus si lactans mulier papillas aspersit et laverit, exsiccatum aliquo ut sit vel morbo vel alio casu, illi lacteus humor revocatur» ¹⁾. Прототипомъ этихъ сказаній былъ мифъ о небесныхъ, облачныхъ грудяхъ, дарующихъ неизсякаемое молоко дождя; припомнимъ, что, на ряду съ означеннымъ представленіемъ, тучи уподоблялись еще твердымъ скаламъ и возводившимъ на небѣ городамъ и башнямъ. Въ разныхъ мѣстахъ, изъ каменныхъ стѣнъ и утесовъ течется, по народному повѣрью, живительная вода или цѣлебное масло.

Олицетворяя явленія природы въ живыхъ, человѣческихъ образахъ, предки наши пришли къ убѣжденію, что эти облачныя груди принадлежать тѣмъ небеснымъ нимфамъ, которыя льютъ на землю дождевые потоки, и въ самыхъ облакахъ лѣтвяго періода стали признавать прекрасныхъ полногрудыхъ женъ. Такой взглядъ раздѣлялся всѣми народами индоевропейскаго происхожденія. Индусы видѣли въ облакахъ и тучахъ не только толпы демоновъ, но и божественныхъ водяныхъ женъ, обитающихъ въ воздушномъ океанѣ — *āpas*, которыя изъ своихъ материнскихъ сосцевъ поятъ и питаютъ землю дождемъ. Этихъ мифическихъ женъ они называли матерями, супругами, родильницами (*ambayas, mātargas, patnīs, gnās, jāpayas*), и почитали ихъ возлюбленными подружками боговъ (*dēvapātīs*). Съ ними родственны апсары — небесныя дѣвы, населяющія воздушную область между землею и солнцемъ; ния это, по объясненію Маннгардта, означаетъ: «неимущія образа» или «шествующія по водамъ» (*die gestaltlosen, die im wasser gehenden*). Облака и туманы

¹⁾ Недалеко отъ Вероны есть мѣсто, гдѣ видна твердая скала, въ которой выдѣлавы груди на подобіе женскихъ; изъ нихъ постоянно каплетъ вода, и если мать-родильница омоетъ этою водою свои сосцы, то ей снова возвращается молоко, утраченное вслѣдствіе болѣзни или по другой причинѣ—D. Myth., 1129.

отличаются необыкновенно-легкою подвижностью, безпрестаннымъ измѣненіемъ своихъ формъ, что и дало поводъ фантазіи представлять ихъ въ разнообразныхъ олицетвореніяхъ и породило многочисленныя басни о ихъ превращеніяхъ. По своей облачной, туманной природѣ, апсарасы любятъ превращаться, и нерѣдко являются коровами, несущими въ своихъ сосцахъ обильное молоко; въ этомъ видѣ ихъ настигаютъ и доятъ грозные гевіи — гандарвы. Водяныя жены (āras) и апсарасы считались хранительницами амриты — безсмертнаго напитка, заключеннаго въ тучахъ ¹⁾. Греческія нимфы (νύμφη = nubes), по первоначальному ихъ значенію, суть облачныя дѣвы; онѣ живутъ въ пещерахъ (= пѣдрахъ тучъ), прядутъ, готовятъ ткани, купаются и поютъ пѣсни — все черты, указывающія на ихъ связь съ грозowymi явленіями ²⁾. Въ нѣтъ дикой охоты германцы изображали картину лѣтней грозы; цѣлью этой охоты была прекрасная windsbraut или waldfrau, за которою гнался бурный, молніеносный богъ и которая, подобно нашимъ лѣсункамъ, представлялась съ большими, отвѣсными грудями (см. II, 343). Въ Баваріи темное, дождевое облако называютъ: «a nel (= grossmutter) mit der laugen», т. е. бабка съ щолокомъ (= кипучимъ дождемъ); у чеховъ эти облака извѣстны подъ именемъ bāby bābky: «bāby vystupuji, bude pršet» (дождь); «bāby vstavaji, bude bouřka»; объ осеннихъ туманахъ, когда они поднимаются вверхъ, выражаются: «bāby vstavaji». Въ лѣтнее время бабы или Мраченка (отъ mračno — черная туча) выходятъ изъ колодезъ и возносятся къ облакамъ, неся съ собой воду, которою потомъ орошаютъ землю, и тѣмъ самымъ даруютъ урожай ³⁾. Отсюда объясняется старинная рус-

¹⁾ Die Götterwelt, 53–55. — ²⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 242. —

³⁾ D. Myth., 607; Гавушъ о Дадѣ и Бабѣ, 4; Громаниъ, 32, 230; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.

ская поговорка: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья», т. е. облачная жена несетъ изъ воздушнаго океана живую, пѣлющую воду — дождь; по народному повѣрью, эта спасительная вода скрывается на зиму въ крѣпкихъ затворахъ, и только въ мартѣ-мѣсяцѣ, прилетая изъ-за моря, легковкрылыя птицы, какъ воплощеніе вѣтровъ, привосятъ ее изъ неволн. Когда моютъ ребенка въ банѣ, то при этомъ причтываютъ: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья: тому-сему кусочекъ, тебѣ весь кузовочекъ!» а затѣмъ, оканчивая водою, приговариваютъ: «съ гуся вода, съ тебя худоба; вода-бъ къ низу, а ты бы къ верху!» (подымался, росъ. ¹⁾) Когда въ мартѣ-мѣсяцѣ неожиданно завернуть холода и вьюги в оцѣпенять дождевыя тучи, тогда, по выраженію сербовъ, явступаютъ бабыны уковы, т. е. облачныя жены снова падаютъ въ зимнія оковы. Но, кромѣ дождя, тѣже мионическія жены шлютъ на землю градъ и снѣгъ. По чешскому повѣрью, градъ падаетъ изъ тѣхъ тучъ, на которыхъ возсѣдаютъ вѣдьмы; въ Вестфалии о паденіи снѣга говорятъ: «die alten weiber schütten den pelz (шкура — облачный покровъ) aus» ²⁾; у насъ въ началѣ зимы, какъ только покроетъ землю первый снѣгъ, крестьянскія дѣти дѣлаютъ изъ него бабу, т. е. катаютъ снѣжный шаръ.

Обитая въ дождевыхъ тучахъ — небесныхъ источникахъ и моряхъ, облачныя нимфы получили прозваніе водяныхъ или морскихъ женъ и дѣвъ. Впослѣдствіи, когда утратилось ясное пониманіе старинныхъ метафоръ и когда поэтическія сказанія о небесныхъ потокахъ были низпедены на землю, эти жены и дѣвы покинули воздушныя области и овладѣли земными водами, хотя и удержали при этомъ многія любо-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 155; Иллюстр. 1846, 333. — ²⁾ Громанъ, 32; Die Götterwelt, 88,

нытныя черты своего первоначального происхожденія (см. т. II, стр. 203). Такъ явились въ Греціи наяды, перенды, въ Германіи никсы, у насъ и чеховъ русалки Русалка означаетъ водяную дѣву; во многихъ славянскихъ земляхъ (въ Россіи, Польшѣ, Богеміи, Сербіи, Болгаріи) встрѣчаемъ родственныя съ этимъ именемъ названія источниковъ, рѣкъ и прибрежныхъ странъ: Руса, Россъ, Русилровка, Rusesa, Ras, Rasa, Basenica, Rasina, Rasinica и др., что заставляетъ предполагать въ нихъ древнѣйшій корень, служившій для обозначенія воды вообще. Въ санскритѣ gasa — жидкость, влага, вода, кельт. *gus, gos* — озеро, прудъ, лат. *gos* — роса (орошать, росинецъ — дождь); у древнихъ литовцевъ *gasos szwente* — праздникъ росы въ іюнѣ-мѣсцѣ, соответствующій «русалиямъ»; нѣм. *gies-eln* — струиться, журчать, наше русло — середина рѣчнаго ложа ¹⁾. По разсказамъ поселянъ, рѣки (Днѣпръ, Десна, Сеймъ, Сула и др.), кривницы, озера и моря населены русалками. Древность этого вѣрованія засвидѣтельствована Прокопіемъ, который въ своей хроникѣ замѣчаетъ о славянахъ, что они обожали рѣчныхъ нимфъ. Смотри по тому, гдѣ живутъ водяныя жены и дѣвы, ихъ называютъ водьянами (водьянами, воденицами) и морьянами (условаковъ: *vo-dene* и *morske rannu*); первые обтаютъ въ рѣкахъ, озе-

¹⁾ *Časopis českého Museum šestý roční běh*, вып. III (1833 г.), ст. Шафарика „o rusalkách“, 264; Рус. прост. правн., IV, 6; Изв. Ак. Н., I, ст. Милуцкого, 115. Выше было замѣчено, что понятіе быстраго разлива, равно соединившееся съ стихіями свѣта и воды, выразилось въ опредѣленіи ихъ словами, производными отъ однихъ и тѣхъ-же корней (см. II, стр. 286—9). На этомъ основаніи допускаютъ сродство имени русалка съ прилагательнымъ русый (свѣтлый, рыжій), въ Ведахъ *ruṣat* — *rutilans*; хотя санскр. *ruṣ* употребляется въ смыслѣ: *ferire, laedere, occidere*, но съ перемѣною нѣбнаго *ṣ* въ *ч* (руч) означаетъ: *lucere, splendescere*; въ русскоиъ же языкѣ ручей — весенній или малый, незначительный потокъ — О вл. христ. на сл аз., 16.

рахъ и колодцахъ, а послѣднія въ морѣ ¹⁾. Онѣ любятъ селиться обществами и по преимуществу въ пустынныхъ мѣстахъ — въ омутѣхъ, котловинахъ и подъ рѣчными порогами, устраивая тамъ гнѣзда изъ соломы и перьевъ, собираемыхъ по деревнямъ во время Зеленой недѣли. По другимъ повѣрьямъ, у нихъ есть подводные хрустальные чертоги, блестящіе внутри (подобно волшебнымъ дворцамъ драконовъ) серебромъ, золотомъ, алмазами, яхонтами, жемчугомъ, разноцвѣтными раковинами и кораллами; дневное солнце сіяетъ и свѣтлыя волны съ шумомъ катятся черезъ прозрачныя кровли и стѣны этихъ роскошныхъ чертоговъ. У чеховъ *vodna rapna*, высокая, красивая, но блѣднолицая, имѣетъ жилище подъ водою, сдѣланное изъ чистаго серебра и золота и украшенное розами и перлами. Такой-же богатый дворецъ, по литовскому преданію, былъ у царицы Балтійскаго моря Юраты. Выходя на поверхность воды, русалки плаваютъ, плещутся, играютъ съ бѣгучими волнами, или садятся на мельничное колесо (—гроновыи жорновъ, см. I, 291), вертятся вихремъ съ нимъ, любуясь брызгами, а потомъ бросаются въ глубь и съ возгласомъ: куку! ныряютъ подъ мельницей. Эти черты принадлежатъ русалкамъ наравнѣ съ водянымъ дѣдомъ, подъ властію котораго онѣ и состоятъ по народному убѣжденію. Какъ водяной, такъ и русалки извѣстны своими проказами: сидя въ омутѣхъ, онѣ путаютъ у рыбаковъ сѣти, цѣпляють ихъ за рѣчную траву, ломають плотины и мосты и заливаютъ окрестныя поля, перенимають заночевавшее на водѣ стадо гусей и завертываютъ имъ крылья одно за другое, такъ что птица не въ силахъ ихъ расправить ²⁾; о морскихъ русалкахъ въ астраханской губ.

¹⁾ Стат. Шакарна, 272. — ²⁾ Иллюстр. 1845, 299; Полтав. Г. В. 1846, 21; Маркевич., 81 — 82; Абев., 283; Описан. одонец. губ. Дашкова, 218; Украин. мелодіи, 146; Ворон. Г. В. 1850, 16; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 18—19; Терещ., VI 133; Arkiv za rovinstvu jugoslovensku, I, 101—4.

разсказываютъ, что, появляясь изъ водъ, онѣ воздымають бурю и качають корабли ¹⁾. Что колодцы, рѣки и моря, населенныя русалками, составляютъ не болѣе, какъ смутное воспомина-
 ніе о небесныхъ дождевыхъ источникахъ, это подтверждается и тѣмъ, что, наряду съ водами, фантазія населяетъ ими горы и лѣса (старинныя метафоры тучъ), и такимъ образомъ род-
 нить ихъ не только съ водяными, но и съ горными и лѣс-
 ными, т. е. грозowymi духами. Преданіе о горахъ, какъ оби-
 талищахъ русалокъ, почти позабыто на широкихъ равнинахъ
 Руси, потому что отсутствіе горныхъ возвышеній лишило это
 древне-иноплеменное представленіе необходимой для него обста-
 новки и не позволило ему развиться въ цѣлый рядъ поэтиче-
 скихъ сказаній, какія встрѣчаемъ у другихъ славянъ. Тѣмъ не
 менѣе въ «Абевегѣ русскихъ суевѣрій» записано, что русалки
 живутъ не только въ рѣкахъ, но и въ горахъ, и любятъ бѣ-
 гать по нихъ скатамъ. Въ Галиціи разсказываютъ, что онѣ пля-
 шутъ и веселятся на горахъ, а тождественныя съ ними
 мавки обитають на горныхъ вершинахъ ²⁾; чехи называ-
 ютъ высокія скалы — *bábi-hory*, *babie gory* ³⁾. Эти бабы,
 русальи горы слились въ народномъ воображеніи съ возвы-
 шенными, нагорными берегами рѣкъ. Пансьевскій сборникъ и
 рукописи новгородскаго Софійскаго собора упоминають о тре-
 бахъ, поставляемыхъ рѣкамъ, источникамъ и береги-
 нямъ ⁴⁾; г. Срезневскій указалъ подобное-же мѣсто въ одномъ
 старинномъ поученіи духовнымъ дѣтямъ: «и Мокоши и пере-
 гини (берегини) и всякимъ богомъ мераськимъ требамъ не
 приближайся». «По лужицки (замѣчаетъ этотъ ученый) слово
 берегиня выговаривалось бы *brëginja* или *brëgina*, а при

¹⁾ Совр. 1852, I, 123. — ²⁾ Маякѣ, XI, 52; Семеновск., 123—4. —

³⁾ Ганушъ о Бабѣ и Дѣдѣ, 4. — ⁴⁾ Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 97, 108.

замѣненіи звука б въ в—wregina. Слово wregina, во множеств. wreginy извѣстно въ лужицкомъ языкѣ, какъ названіе злаго духа, альпа: wón ša wreginy значить тоже, что по нѣмцки: er hat die elfen». Древнѣйшее значеніе слова brĕgъ (берегъ) есть гора (сравни нѣм. berg и кельт. brig—mons); а потому названіе берегиня могло употребляться въ смыслѣ ореды, горыни (также, какъ у нѣмцевъ alp, alpe, alpin—горы, alpinna, elpinna—горный духъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для обозначенія водяныхъ дѣвъ, блуждающихъ по берегамъ рѣкъ и потоковъ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рассказываютъ о лѣсныхъ русалкахъ, и вообще весною, выходя изъ глубокихъ водъ, онѣ разбѣгаются по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ и совершенно сѣшиваются съ лѣсунками (первоначально тождественными облачнымъ женамъ, см. гл. XVII): также любятъ качаться по вечерамъ на гибкихъ вѣтвяхъ деревьевъ, также неистово хохочутъ, также зашекочиваютъ на смерть и увлекаютъ въ омуты неосторожныхъ путниковъ, за видя которыхъ—манятъ къ себѣ ласковымъ голосомъ: «хадзице къ намъ на орелѣ ²⁾», колыхацся!» Чаше всего это случается на Троицкую недѣлю, и малоруссы боятся тогда запаздывать въ лѣсу и откликаться на чужое ауканье; въ харьковской губ. русалку называютъ лоскоталкою. Вѣроятно, въ связи съ качаньемъ лѣшнихъ и русалокъ на древесныхъ вѣтвяхъ возникъ старинный обычай ставить при началѣ весны (на Свѣтлой и Троицкой недѣляхъ) качели, какъ необходимую принадлежность тогдашнихъ игръ, —обычай, строго осуждаемый моралистами допетровской эпохи (см. II, 718). До сихъ поръ крестьяне свиваютъ на Троицу вѣтви двухъ смежныхъ березъ, чтобы, цѣпляясь за нихъ, могли качаться русалки. Подобно лѣшницъ,

¹⁾ Москв. 1851, V, 63; Volkslieder der Wenden. II, 269: адѣсь wreginy сближаются съ словомъ врагъ, пол. wróg. — ²⁾ Качели.

русалки носятся по рощамъ и бьютъ въ ладоши, или свернувшись клубкомъ, съ громкимъ хохотомъ катаются по травѣ и дорогамъ, и хохотъ ихъ далеко раздается въ глубинѣ лѣсной чащи; волосы у нихъ обыкновенно зеленые, или увѣнчанные зелеными вѣнками; чешская vodna раппа носятъ легкую зеленую одежду и бѣлое покрывало, усыпанное перлами ¹⁾. На Дитиръ есть старой густой лѣсъ, называемый гаенъ русалокъ ²⁾.

Какъ владѣтельница источниковъ живой воды, все вызывающей къ бытію, всему дарующей красоту, молодость и силы, русалки вѣчно-юны и также прелестны собою, какъ эльфы, съ которыми у нихъ много общаго, близкаго, родственнаго; ибо въ сказаніяхъ о тѣхъ и другихъ лежатъ однѣ индическія основы. Лицо русалки исполнено несказанной, плѣнительной красоты, всегда-распущенныя русыя, черныя или зеленыя косы ниспадаютъ по спинѣ и плечамъ ниже колѣнъ, станъ—стройный, глаза—голубые или черные, съ длинными пушистыми рѣсницами; но вмѣстѣ съ этимъ, какъ въ существѣ стихійномъ, во всемъ ея тѣлѣ замѣчается что-то воздушно-прозрачное, безкровное, блѣдное. Сходно съ эльфами, русалки большею частію представляются семилѣтними дѣвочками; есть между ними и взрослые дѣвы, съ полными, хорошо-развитыми и бѣлоснѣжными грудями, но это—несчастныя утопленницы, осужденныя по смерти быть русалками. Съ человѣческими формами русалокъ соединяются и тѣ особенныя признаки, какіе присвоены воднымъ нимфамъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; такъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ рассказываютъ о ихъ гусиныхъ ногахъ, или вмѣсто ногъ

¹⁾ Вѣст. Евр. 1818, XXII, 115—6; Полтав. Г. В. 1846. 21; Киев. Г. В. 1845, 15; Украин. Журналъ 1824, XI, 250; Терещ., VI, 134; Маякъ, XIII, 49; Описан. оловец. губ., 218; Украин. мелодіи, 144—5; Москов. Вѣстк. 1827, VI, 358.— ²⁾ Шафарикъ, 266.

даютъ имъ раздвоенный рыбій хвостъ, напоминающій греческихъ сиренъ ¹⁾). Какъ тѣ очаровывали пѣніемъ пловцовъ и увлекали ихъ въ глубину водъ, такъ, по русскимъ повѣртіямъ, всякой, кто увидитъ русалку и услышитъ манящіе звуки ея голоса, поддается неодолимому обаянію ея красоты, падаетъ въ волны и тонетъ — при злобномъ хохотѣ водяныхъ дѣвъ. Съ русалками могутъ купаться однѣ вѣдьмы; а крещеные люди, рѣшаясь на это, гибнутъ въ онутахъ. Германцы думали, что всѣ гибнущіе въ морѣ увлекаются на дно девятью дочерьми Раны и живутъ въ подводныхъ палатахъ этой морской богини. Мы знаемъ, что массы сгущенныхъ облаковъ сравнивались съ разбросанными по воздуху, всклокоченными и спутанными волосами, которые во время грозы расчесывалъ богъ вѣтровъ и молній. Эта поэтическая мысль нераздѣльна со всѣми олицетвореніями облачныхъ и грозовыхъ явленій природы: длинные, косматые волосы даются и домовымъ геніямъ, лѣсовымъ и водянымъ духамъ, вѣдьмамъ и трясавицамъ. Съ распущенныхъ волосъ русалки непрерывно сочится вода, т. е. во первоначальномъ значенію — съ густыхъ прядей ея облачной косы льются дождевые потоки. Поселянамъ случалось видѣть, какъ русалки, сидя у колодца, на уединенномъ берегу рѣки, озера, или на жолничномъ колесѣ, расчесывали гребнемъ, сдѣланнымъ изъ рыбьей кости, свои русые или зеленые косы, съ которыхъ цѣлымъ потокомъ струилась неиссякаемая вода. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ есть двѣ криницы Заручейская и Сухомлинская, пользующіяся въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. На срубкахъ этихъ колодцевъ каждый годъ на Зеленой недѣлѣ, при утреннемъ разсвѣтѣ, сидятъ прекрасныя дѣвы, съ распущенными русыми косами, и расче-

¹⁾ Польская сказка (Галииск., IV, 39) изображаетъ русалку дѣвою съ рыбьимъ хвостомъ.

сываютъ ихъ гребнемъ. Дѣвы эти называются криницами и русалками. Въ томъ-же уѣздѣ сохраняется преданіе о ручьѣ «Буковищѣ». Въ его водахъ потонула когда-то дѣвочка, у которой мать была вѣдьма; опечаленная мать стала клясть ручей и бросила въ него горячую сковороду. Проклятiе было такъ сильно, что нимфа этихъ водъ удалилась съ прежняго мѣста на новое: красною дѣвицею, въ плахтѣ, монистахъ и съ растрепанной косою, пошла она изъ Юрнавки въ Бялицу и такъ горько плакала, «ажъ дуброва стонала». Окрестные жители видѣли, какъ она съѣла у Бялицы на криницѣ, расчесала свою косу, бросилась въ воду и исчезла. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить любое мѣсто, расчесывая свои волнистые локоны; но за то если волосы ея обсохнутъ—она немедленно умираетъ, т. е. съ окончаніемъ грозы и дождевыхъ ливней, съ появленіемъ яснаго, все-изсушающаго солнца облачныя дѣвы исчезаютъ съ просвѣтленнаго неба. Вотъ почему русалки боятся отходить далеко отъ береговъ рѣки или озера, не захвативъ съ собою гребенки ¹⁾. Точно также любятъ расчесывать свои длинныя косы германскія эльфины и нисы ²⁾.

Волоса, шерсть, пряди льну и конопли обозначались въ языкѣ тождественными выраженіями (1, 221—2, 681). Поэтому, одновременно съ уподобленіемъ облаковъ и тучъ спутаннымъ волосамъ, возникло представленіе ихъ мохнатою волною овецъ (руномъ) и куделями, изъ которыхъ прядутся нити; сверхъ того, облака, какъ небесныя покровы—

¹⁾ Иллюстр. 1845, 299; О. З. 1828, ч. XXXIV, № 96, 108—9; Черниг. Г. В. 1854, 15; Русск. Преданія, I, 10—11; Записки Авдеевой, 147; Терещ., VI, 124, 132—3; Пассекъ, III, 190; Рус. прост. правдн., IV, 12; Моск. Наблюдат. 1837, май, кн. II, 246; Маркевичъ, 81—82; Часопись чешск. музея 1834, II, 186. —

²⁾ D. Myth., 459; Beiträge zur D. Myth., 282—3.

одежды, признавались тканями, приготовленными изъ легкой пряжи поднимающихся съ земли паровъ и тумановъ (1, 542 — 6). Отсюда становится вполне-понятною связь облачныхъ жентъ и дѣтъ съ работами пряденья, тканья, и съ воздѣлываніемъ льна. По болгарскому повѣрью, прастъ и ткать научилъ людей самъ Господь. На Урайтѣ прала считается за даръ божій, врученный первой жентъ Евѣ. Въ великорусскихъ губерніяхъ увѣряютъ, что на краю свѣта—тамъ, гдѣ небо сходится съ землею, бабы затыкаютъ свои прялки и вальки за облака. Печки повсюду богиня весеннихъ грозъ, напоющая землю росой и дождями, признава была за покровительницу обработки льна. У грековъ Аенна ткала легкія одежды ¹⁾, а золотое веретено составляло одинъ изъ атрибутовъ Артемиды; окруженная толпою горныхъ и рѣчныхъ нимфъ, эта послѣдняя то охотилась по горамъ и лѣсамъ и бросала мѣткія стрѣлы, то куналась въ источникахъ и участвовала къ танцахъ подъ стѣною дубравъ и на цвѣтущихъ лугахъ ²⁾. По германскимъ преданіямъ, богиня Фрея, известная какъ дикая охотница, занимается въ уединенныхъ мѣстахъ пряжею; на Рождественскія Святки (in dem Zwölften) она ходитъ изъ дому въ домъ, въ бѣлой раздѣвающейся одеждѣ, и смотритъ: все ли лѣтъ вырала дѣвицы? и если находятъ на гребнѣ кудель, то низкиваетъ дѣвизую работницу, пачкая ея прядево; тоже преданіе прилагается и къ богинѣ Гольдѣ, которой приписываютъ низпослание дожда и снѣга; а въ Гарцѣ разсказываютъ, какъ она шла къ горному источнику, неся въ рукѣ золотое ведро безъ дна, что напоминаетъ бездонныя бочки Данаидъ и дождевыя урны облачныхъ нимфъ. Гольда носитъ длинное бѣлое платье и бѣлое покрывало; волосы у ней густые, всклокоченные и золотистые. Въ сообществѣ

¹⁾ Илиада, XIV, 178. — ²⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 231.

двухъ дѣвъ, въ бѣлоснѣжныхъ уборахъ и съ аелотистыми локонами, она кунается въ тихихъ прудахъ и поетъ прекрасныя пѣсни. Гольда проживаетъ въ горахъ и колодахъ (=въ тучахъ). Свѣя въ своемъ гротѣ или въ лѣсной чащѣ, она вертитъ золотое колесо прялки и прядетъ подъ звуки мелодическихъ пѣсень; если случится кому-нибудь получить отъ нея клубокъ—изъ этого клубка тянется безконечная нитка, сколько бы его не разматывали. По нѣмѣнцію тирольцевъ, обработка льва введена Гольдою. Въ то время, когда цвѣтеть лѣнъ, она обходитъ засѣянные этимъ злакомъ поля, смотритъ на нихъ радостно, поправляетъ погнувшіеся стебли и благословляетъ цвѣтъ в зелень. По скатамъ горъ можно видѣть разостланные бѣлые холсты, на которыхъ она просушиваетъ связки льну. У лѣнливыхъ пряхъ она спутываетъ, мачкаетъ или поджигаетъ кудели; а прилежнымъ даритъ веретена и сама прядетъ вмѣсто нихъ по ночамъ, такъ что по утру находятъ готовыя шпульки нитокъ. На Рождество (Weihnachten) frau Holda страствуетъ по землѣ, а потому женщины и дѣвцы навязываютъ тогда на свои прялки новыя кудели и оставляютъ на ночь неубранными; увидя лѣнъ на прялкахъ, Гольда радуется и говоритъ: «so manches haar, so manches gute jahr!» Передъ великимъ постомъ, когда она снова заглядываетъ въ домъ, весь прошлогодній лѣнъ долженъ быть вынрѣденъ. Въ противномъ случаѣ, находя на прялкахъ неоконченныя кудели, она гибнается и восклицаетъ: «so manches haar, so manches böse jahr!» Чтобы избѣгнуть этого прелятія, хозяйки передъ самымъ заговѣньемъ снимаютъ съ гребней пучки невынрѣденнаго льва и тщательно прячутъ ихъ въ сокровенныя мѣста. Имя Holda указываетъ на дружественную, благодатную, кроткую богиню; другое прозваніе, даваемое ей, Berchta (Bertha) = Perchta означаетъ: блестящая, свѣтлая. Въ послѣдній день года Берта, являясь въ до-

на, рветъ недооконченную пряжу; передъ Крещеніемъ она приноситъ пустыя шпульки, приказываетъ напрясть ихъ къ назначенному сроку, и въ случаѣ неисполненія этого приказа мараетъ и путаетъ кудель. Итальянцы и французы давность золотого вѣка обозначаютъ выраженіемъ, что это было въ то время, когда прядя Берта (*«du temps, que Berthe filait; non è più il tempo, che Berta filava»*). Берта носитъ бѣлую одежду; у ней длинныя льняные волосы и большая нога, которую она управляетъ колесомъ прялки (*Berthe au grand pied*¹⁾). Подобныя же повѣрья соединяются у славянъ съ ивнческою Пятницею и св. Недѣлкою. Пятница изображалась простовласою, т. е. съ распущенною косою; таинственный обходъ ея праздновали, по словамъ духовнаго регламента, символическимъ обрядомъ: водили простовласую жонку подъ вѣномъ Пятницы. Параскева-Пятница въ народѣ слыветъ льняницею; съ 28-го октября, когда чествуется ея память, бабы начинаютъ мять лёнъ²⁾. Въ Малороссіи сохраняются рассказы, что Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченная веретенами (I, 233), а св. Недѣла увѣряетъ пряхъ, что онѣ прядутъ не лёнъ, а ея волосы, и указываетъ при этомъ на свою изорванную косу³⁾. Какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи поселанки считаютъ за грѣхъ прастъ и ткать отъ Рождества до Крещенія⁴⁾; въ это-же время крестьяне не плетутъ лаптей, не вьютъ веревокъ и не сверлятъ дерева; у кашубовъ въ теченіи девяти дней, начиная отъ Рождества Хрystова, женщины не дотрогиваются до иглы и прялки⁵⁾. Въ основѣ этихъ повѣрій лежатъ древнія поэтическія представленія; какъ слова

¹⁾ Die Götterwelt, 271—2, 276, 284—8, 292—4; D. Myth., 244—8, 250—2, 258; Deut. Sagen, I, 7—8. — ²⁾ Терещ., VI, 55. — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 222. — ⁴⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 35; Нар. сл. раз., 165. — ⁵⁾ Этн. Сб., V, 75.

прясть (=вить, плести) и ткать употреблялись въ смыслѣ: собирать облака, потемнять небо туманами, такъ выраженіи спутывать пряжу, пачкать и поджигать ее означали: крутить вихрями облака, сгущать ихъ въ черныя тучи и предавать грозовому пламени; возженію этого послѣдняго сравнивалось съ добываніемъ живаго огня (для чего обыкновенно сверлили дерево), а удары молній — съ уколомъ иглы и веретена. Сверхъ того, гроза, разносящая тучи, рисовалась воображенію нашихъ предковъ скромнымъ, домашнимъ занятіемъ богини-громовицы и подвластныхъ ей духовъ, которые, съ помощію молніеносныхъ стрѣлъ, разматываютъ облачную пряжу. Народная загадка называетъ громъ мотовиломъ, т. е. снарядомъ для размотки пряжи въ клубки: «мотовило-катовило по поднебесью ходило, всѣхъ устроило» ¹⁾. На эту близость представленій грозы и пряжи указываютъ и слѣдующія повѣрья: въ нѣмецкихъ земляхъ думаютъ, что не слѣдуетъ прясть вечеромъ на четвергъ (*donnerstag*); иначе явится нечистый духъ, броситъ въ комнату пустую натушку и велитъ обмотать ее нитками ²⁾. Кто во время Рождества увидитъ веретѣна, тому (по мнѣнію русскихъ крестьянъ) грозитъ лѣтомъ частая встрѣча съ змѣями, подъ которыми первоначально разумѣлись, конечно, не простые гады, а летучіе, огненные змѣи. Наряду съ «громовою стрѣлкою», веретену присвоится цѣлебная сила: отъ колотья прикалываютъ больному бока прядильными веретѣнами (тимскаго узда). Въ облачныхъ и туманныхъ покрывахъ нѣмецко-славянскія племена усматривали работу грозовыхъ карликовъ. Тонкія сѣти, раскидываемыя паукомъ, народная фантазія, на основаніи очевиднаго сходства, уподобляла пряжѣ и тканямъ, а въ этой искусной пряжѣ и въ этихъ прозрачныхъ тканяхъ находила близкое

¹⁾ Сахаров., I, 101. — ²⁾ D. Myth, 945.

подобіе руководълю крохотныхъ эльфовъ и цверговъ. Названія, присвоенныя пауку, указываютъ въ немъ прядильщика и ткача. Отъ снпр. *va g* — покрывать, посредствомъ обыкновенной вокализации *v* въ *u* образовались существительныя: *uga* — волна, шерсть, *Ugpi* — руно, *Ugpa nabha* — ткачъ шерсти, паукъ ¹⁾; слово *паукъ* (павукъ, чешек. *pa wa uk*, пол. *pa i Ź k*) возникло изъ первоначальной формы *u pravānika* — аганеа (отъ *v āni*, *v ēpi* — ткань, съ приставкою *ура*) и буквально означаетъ: настѣкомое, приготовляющее ткани ²⁾; нѣм. *spin nen* — прясть, *spinnrad* — прялка, *spindel* — веретено и *spinn e* — пауиъ, *spinnenge webe* — паутина; серб. *свил а* означаетъ и шелкъ, и летающую по воздуху паутину. На Русѣ рассказываютъ о работѣ паука: «проявился и магиръ (паукъ; сравни: мага — пасмурная, мокрая погода и плакса, *изгнутъ* — говоря о погодѣ: портиться, измѣняться въ дождливую, и *изгаты* — квалиться, плакать ³⁾), сталъ ножками трас-ти да жерѣшки (ирежи, сѣти) плести» ⁴⁾. По греческому сказанію, Аонна превратила въ паука славную ткачиху Арахну, которая вздумала было состязаться съ этою богинею въ искусствѣ изготовленія тканей ⁵⁾. Летающую въ исходѣ лѣта и осенью паутину принимаютъ въ Германіи за нити, выпря-денныя эльфами; въ эту пору многочисленныя толпы эльбинъ, возвращаясь въ небесныя обители, несутся по воздуху подѣ предводительствомъ Гольды, и въ полетѣ своемъ прядутъ *weissen herbstfäden* ⁶⁾. Швед. *dverg* означаетъ и карлика, и паука; *dvergsnät* (*zwergsnetz*) — паутина. Скандинавская сага упоминаетъ о чудесномъ плащѣ, сотканномъ эльбинами; на вершинахъ горъ, обитаемыхъ эльфами, прядутъ

¹⁾ У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 3, 25. — ²⁾ Плате, I, 521.

³⁾ Доп. обл. сл., 113. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., I—II, 188. — ⁵⁾ Griech. Myth., 475. — ⁶⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 250.

по ночамъ незримые духи и далеко слышится, какъ жужжать колёса ихъ самопрялокъ. Такъ какъ въ хрстіанскую эпоху на Пречистую Дѣву были перенесены древнѣйшія преданія о богинѣ-громовницѣ, то вѣсть съ этимъ Богородица стала изображаться прядущею и готовящею ткани, а осенняя паутинна получила названія *Marienfaden*, *Mariengarn*, средневѣк. *filamenta* или *fila divinae Virginis*, *chevaux* или *fil de la Vierge* ¹⁾. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній, паукъ признанъ былъ воплощеніемъ зѣфа, и соответственно добрымъ и злымъ свойствамъ зѣфическихъ духовъ — связанныя съ нимъ примѣты и повѣрья запечатлѣлись двойственнымъ характеромъ. Съ одной стороны: увидать прядущаго паука, всползаетъ ли онъ по утру на чье-нибудь платье, или спустится на человека—все это принимается за хорошій знакъ, за предвѣстіе счастья, прибыли, полученія денегъ; особеннымъ уваженіемъ пользуется крестовый паукъ (*kreuzspinne*), названный такъ потому, что отличительный признакъ его составляютъ крестообразно-расположенныя бѣлыя или желтыя пятна. Въ отдаленной древности крестъ былъ эмблемою громоваго молота; убить крестораго паука, изорвать его сѣти—вѣщцы и чехи считаютъ великимъ грѣхомъ: за это поражаетъ небесная молнія ²⁾. Съ другой стороны паукамъ приписываютъ неурожай. По разсказамъ бѣлоруссовъ, они собираютъ хлѣбныя крошки и несутъ къ Богу; на пути въ небесное царство каждая крошка вырастаетъ съ коровою. «Боже! говорятъ пауки, не давай людямъ хлѣба; видишь, какъ они его раскидываютъ!»—къ послѣдствіемъ этой жалобы бывають голодные годы. У литовцевъ существуетъ такое преданіе: однажды человекъ уронилъ крошку хлѣба; паукъ

¹⁾ D. Myth., 440. — ²⁾ Записки Аядзевой, 140—2; Пузинъ, 8, 157; Beiträge zur D. Myth., I, 233, 248; II, 457; Громовникъ, 85.

подаватилъ ее, раздулъ пузыремъ, принесъ къ Богу и оказалъ: «посмотри, какъ люди пренебрегаютъ твоимъ даромъ; вотъ какіе большіе куски бросаютъ намъ!» Господь узналъ клевету и на вѣчныя времена осудилъ паука таскать раздутый пузырь; съ тѣхъ поръ паукъ сдѣлался безобразнымъ горбуномъ ¹⁾. Припомнимъ, что цверги представляются горбатыми. Въ народныхъ легендахъ чортъ нерѣдко показывается въ видѣ паука. Выше объяснена связь эльфовъ съ болѣзнями; если по стѣнѣ, у которой лежитъ больной, или по его постели пробѣжитъ крестовый паукъ, то нечего ждать выздоровленія: болѣзнь окончится смертію ²⁾. Чехи употребляютъ отъ лихорадки слѣдующее средство: ловятъ трехъ пауковъ, зашиваютъ ихъ въ кошелекъ и привѣшиваютъ на шею больного; черезъ два дня больной идетъ къ рѣкѣ или источнику, бросаетъ кошелекъ въ воду и бѣжитъ домой безъ оглядки ³⁾. На Руси сажаютъ паука въ грецкой орѣхъ и носятъ за шей: какъ высыхаетъ заключенный въ орѣхъ паукъ, такъ долженъ выздороветь и мучительный демонъ болѣзни. Кто убьетъ паука или змѣю, тому (по мнѣнію русскихъ поселянъ) прощается сорокъ грѣховъ; любопытно, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ не дозволяютъ класть на столъ прялку: не то «сорокъ грѣховъ наживешь!» ⁴⁾ Время, когда носится въ воздухѣ паутина, называется въ Германіи *Mädchensommer*, *Mariensommer*, *Alte weibersommer* ⁵⁾; у насъ подъ именемъ бабьяго лѣта (пол. *babielato*, чеш. *babské lato*) извѣстно время отъ Успеньяна дня (съ 15-го августа) по 1-ое сентября, или съ 1-го сентября по 8-ое, а въ иныхъ мѣстахъ такъ называютъ недѣлю, слѣдующую за праздникомъ

¹⁾ Изв. Ах. Н., IV, 333. — ²⁾ — *Beiträge zur D. Myth.*, II, 457. — ³⁾ Громанъ, 165. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846; 172; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 10. — ⁵⁾ *German. Mythen*, 639.

Покрова пресв. Богородицы ¹⁾. Это—дни, въ которые (гач Holda и немецкія бабы (эльфы) готовятъ свои воздушныя ткани.

Съ нѣмецкими эльфами родственны славянскіе кикиморы и полудницы: первые соотвѣствуютъ темнымъ эльфамъ (двергамъ), а послѣднія — свѣтлымъ, что свидѣлствуется не только соединенными съ ними повѣрьями, но и самымъ значеніемъ ихъ названій. Слова кики-мора, мора, мара, маруха указываютъ на существа мрачныя, темныя; это—духи, населяющіе воздухъ и каменные горы (=тучи); они рождаются отъ связей огненнаго змѣя съ красавицею, т. е. отъ брачнаго соитія демона-Вритры съ облачными дѣвами; вѣдьмы и кудесники учатъ ихъ мудрости, расчесываютъ имъ волосы, поятъ ихъ медвяной росой, а ноть-баюнъ (I, 649) тѣшитъ ихъ своими пѣснями. Кикиморъ представляють безобразными карликами или малютками, у которыхъ голова — съ наперстокъ, а туловище—тонкое, какъ соломинка. Дорожными людямъ случается находить брошеннаго въ полѣ, плачущаго ребенка; они кладутъ его въ сани или повозку, но лошади храпятъ, упираются и нейдутъ съ мѣста; несутъ найденыша на рукахъ, но только приблизятся къ деревьямъ—какъ онъ нырывается и съ дикимъ хохотомъ исчезаетъ съ глазъ. Кикиморы надѣлены способностію являться невидимками, быстро бѣгать и зорко видѣть на далекія пространства; они бродятъ безъ одежды и обуви, никогда не стѣсняются, нѣчто неутомимы, и какъ грозовые духи — любятъ стучать, гремѣть, свистать и шипѣть. По сродству эльфовъ съ домовыми духами, кикиморы, поселяясь въ избахъ, живутъ за печкою, и по ночамъ набегаютъ страшными стуномъ. Любимое ихъ занятіе—прать и ткать; въ тихіе

¹⁾ Маслѣ, XI, 30.

часы ночи (собственно: во время черных тучъ) лиственно слышно, какъ они тянутъ и сучать нити и сплутъ ткань ¹⁾. Въ кievской губ. извѣстны женскія мнеческія существа нитки (ночки — марухи, nachtmar), которыя въ ночное время, особенно по пятницамъ, стучать и шалать въ избахъ; бабы боятся, чтобъ онѣ не выприли весь лёнъ, и прячутъ отъ нихъ свои кудели ²⁾. Существуютъ народныя поговорки: «чу! кикимора пряжу прадеть»; «отъ кикиморы рубашки на дождемся!» ³⁾ Сказки упоминаютъ о карликахъ (маленькихъ мужичкахъ въ черномныхъ шапкахъ), прядущихъ золотыя нити, о веретенахъ, которыя сами собой прядутъ и днемъ, и ночью мѣдныя, серебряныя и золотыя кудели, и наконецъ о трехъ сестрахъ, изъ которыхъ одна можетъ прокормить цѣлое царство (т. е. отъ нея зависѣтъ земное плодородіе), другая берется напрядь и наткать столько, что на весь міръ хватить, а третья обѣщается родить сына-богатыря ⁴⁾.

Полудницы (отъ полдень — югъ, теплая, лѣтняя сторона) тождественны съ солнцеными дѣвами сербскихъ пѣсень (I, 82—85) и бѣлыми женами нѣмецкихъ сагъ, которыя въ полдень показываются у колодцевъ (=дождевыхъ источниковъ) и расчесываютъ свои длинныя косы. На Руси сохранились о полудницахъ слабыя и отрывочныя воспоминанія. Въ южной Сибири знаютъ подъ этимъ именемъ мнеческую старуху, съ густыми, всклоченными полосами, одѣтую въ лохмотья; она живетъ въ банѣ или въ кустахъ

¹⁾ Сахаров., II, 17; Ч. О. И. и Д., годъ 3-й, VIII, 104; Абев., 218—9; Москва. 1846, XI—XII, 151—2. Въ саратовской губ. шиш-коръ — привидѣніе въ видѣ бѣлаго старика — Обл. Сл., 286. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 217. — ³⁾ Послов. Дала, 1042; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 127. — ⁴⁾ Slov. robad., 106—170; Галицк., II, 146—9; Н. Р. Сл., III, 7; VI, 68.

красивы и оберегаетъ огороды отъ шаловливыхъ дѣтей¹⁾. Въ архангельской губ. полудница — охранительница полей, застѣянныхъ рожью: «полудница во ржи, покажи рубежи, куда хощь побѣжи!» Родители пугаютъ дѣтей: «не ходи въ рожь, полудница обожжетъ!» или: «ужо ты полудница съѣсть!»²⁾ Безпоповцы-старовѣры творять въ полдень молитву на изгнаніе «бѣса полуденна». Вѣчерадъ толкуетъ слово *poludnice* — *dryades, deae silvarum*. И донынѣ въ лѣсныхъ областяхъ Богеміи народъ разсказываетъ о лѣсныхъ полудницахъ (*lesní* или *divé ženy polúdnice, polednice*), которыя въ полдень летаютъ въ крутящихся вихряхъ и воруяють маленькихъ дѣтей. У лужичанъ *řřiroŋnica*, *řřezroŋnica* носятъ бѣлое платье и отъ двѣнадцати до двухъ часовъ ходятъ по нивамъ, держа въ рукѣ серпъ, почему называется *ssegryschuja*; останавливаясь неожиданно передъ тѣмъ, кто замѣшкается въ полдень на полевой работѣ, она начинаетъ подробно спрашивать: какъ обрабатывается лень и готовится пряжа и полотно? Кто не съумѣетъ отвѣчать на ея вопросы, тѣмъ свертываетъ голову или по крайней мѣрѣ наказываетъ ихъ тяжкою болѣзней. Есть поговорка: «*wona so praŋa, kaŋ řřiroŋnica!*» (она спрашиваетъ, какъ полудница). Кто въ полдень продолжаетъ работать на нивѣ, тому говорятъ: «*nebojiŝ so, so řřiroŋnica na tebe řřřndzel!*»³⁾ Въ Малороссіи подобные вопросы дѣлаются упырями, которые (какъ увидимъ въ XXVI главѣ) принадлежать также къ разряду облачныхъ и грозовыхъ духовъ. Являясь ночью къ бабѣ, упырь начинаетъ допытываться, какъ готовится сорочки, съ тѣмъ, чтобы по

¹⁾ Обл. Сл., 168. — ²⁾ Памятн. книжка архан. губ. 1864 г., 17. — ³⁾ Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 8—9; *Volkslieder der Wenden*, II, 268—9; О вл. христ. в вл. аз., 29.

отобраніи отвѣта высосать изъ нея кровь. Умная баба должна, какъ можно долѣе, продлить свой разсказъ, и потому сперва опксываетъ: какъ сѣютъ ленъ, какъ его собираютъ и вымачиваютъ, потомъ говоритъ о пряжѣ, тканѣ, бѣленіи полотень и наконецъ — о шитьѣ сорочки. Пока она успѣетъ окончить всѣ эти подробности, запоютъ пѣтухи и упырь пропадаетъ. Поивленіе полудницы на нивахъ и обычныя ея распросы о воздѣлываніи льна доказываютъ, что издревле она сама занималась пряжею и тканьемъ и что ей, какъ облачной дѣвѣ, приписывался надзоръ за полями, застѣянными льномъ и другими полезными злаками. Обходы нивъ, совершаемые полудницею, сблизжаютъ ее съ нѣмецкими *goggen* и *hse* и *kogn weib*.

Тѣже черты присвоены преданію и русалкамъ; онѣ ходятъ или совершенно-нагія, прикрываясь зелеными листьями, или въ бѣлыхъ развѣвающимся сорочкахъ, безъ пояса; эти сорочки — метафора облачнаго одѣявія, волнуемаго вѣтрами — тоже, что плащъ Одина. О русалкахъ разсказываютъ, что онѣ любятъ прять (ніевской губ.) и развѣшивать по деревьямъ прадево, похищенное ими ночью у пещелянокъ. Какъ бѣлая морскія жены и никсы германцевъ и бѣлыя панны чеховъ моютъ сорочки, развѣшиваютъ въ лѣсу и бѣлятъ ткани, такъ русалки растялаютъ возлѣ источниковъ холсты и полотна, или подобно прачкамъ, моютъ ихъ въ ключевой водѣ ¹⁾. На Троицкую недѣлю, сидя на деревьяхъ, онѣ, по свидѣтельству народныхъ пѣсень, просятъ дать имъ намитку и рубаху:

Сыдила русалка
На кривій берези,
Просыла русалка
У жиначокъ намитокъ,

¹⁾ Громаниъ, 7—8; Beiträge zur D. Myth., 285.

У дівочекъ сорочки:
„Жнички-подружки!
Дайте мни намитку;
Хоть нова худенька,
Да абы-бъ биленька!“ ¹⁾

Въ Малороссіи еще теперь въ обычаѣ вѣшать, во время русальной недѣли, на дубахъ и другихъ деревьяхъ холсты, полотенцы, сорочки и мотки нитокъ—въ даръ русалкамъ; бѣлоруссы утверждаютъ, что на Троицкой недѣлѣ ходятъ по лѣсамъ голыя женщины и дѣти (=русалки), и тотъ, кто встрѣтитъ ихъ, долженъ, для избѣжанія преждевременной смерти, бросить имъ платокъ или лоскутъ, оторванный отъ своей одежды ²⁾. Въ это-же время крестьянки носятъ льняныя сорочки—для того, чтобы уродился хорошій лѣнъ.

Жизненная дѣятельность стихійныхъ духовъ, или нравѣ—самой првроды, проявляется въ лѣтнюю половину года. Пока лёдъ оковываетъ воды — водяной покоится тихимъ ономъ, и пробуждается не прежде вскрытія рѣкъ и озеръ; лѣшіе проваливаются на зиму въ подземное царство и выходятъ оттуда на свѣтъ божій при первыхъ начаткахъ весны. Точно также и русалки исчезаютъ на все время холодной и суровой зимы. Въ Малороссіи увѣряютъ, что онѣ показываются съ четверга Страстной недѣли, какъ только разольются по лугамъ весеннія воды, распустятся вербы и зазеленѣютъ поля, и остаются въ этомъ (земномъ) мірѣ до глубокой осени ³⁾. Чет-

¹⁾ Другая пѣсня; На гнилой колодѣ, На бѣлой березѣ, Русалки сидѣли, Суки визали, Да на тыхъ сукахъ Русалки гутали. Красныя дѣвочки Шли възничковъ нити; Просили русалки У дѣвокъ сорочки: „Дѣвочки-подружки! Дайте намъ сорочку...“ — ²⁾ Иллюстр. 1845, 299; Киев. Г. В. 1845, 15; Метлиник., 308—9; Цебриков., 281—3; Терещ., VI, 126, 129—130; Шакаринъ, 265, 268; Часовникъ чешск. музея 1834, II, 189. Въ 1092 году чешскій князь Бесѣславъ II запретилъ на Троицкой недѣлѣ приносить дары источникамъ — Громаниъ, 9. — ³⁾ Терещ., VI, 124.

вергъ, какъ день, несвященный богу-громовнику, владыкѣ всѣхъ облачныхъ духовъ и дѣвъ, получилъ особенно - важное значеніе въ преданіяхъ о русалкахъ. Языческій праздникъ въ честь русалокъ совершался одновременно съ праздникомъ весны, когда лѣса уже одѣлись листьями, поля украсились цвѣтами, в лѣсахъ лѣтобными травами. Въ христіанскую эпоху онъ приуроченъ къ Троицynu и Духову днямъ, при чемъ самое названіе Духова дня наводило непросвѣщенный народъ на мысль о чествованіи стихійныхъ духовъ и душъ усопшихъ предковъ ¹⁾. Не смотря на то, народная память не изгнала стариннѣя домыслъ связываетъ праздникъ русалокъ съ Петровымъ днемъ, начиная его съ четверга предшествующей Троицѣ, такъ называемой Семицкой недѣли, которая еще въ XII-мъ вѣкѣ была известна подъ именемъ русальной. Въ Кіевской лѣтописи подъ 1170 годомъ сказано: «Володимеру бысть болѣзнь ярѣпка, ею же скончался мая въ 10-е русальное(-ныя) недѣли въ понедѣльникъ»; а Троицынъ день приходился въ томъ году 16-го мая ²⁾. На Украинѣ же четвергъ на Троицкой недѣлѣ называется русальчинъ великъ день, т. е. Свѣтлое Воскресеніе русалокъ ³⁾. Старинныя памятки не разъ упоминаютъ о русалкахъ, какъ о бѣсовскихъ, богопротивныхъ и подлежащихъ церковному запрету игрищахъ. Такъ Несторъ подъ 1067-мъ годомъ, возставаая противъ языческихъ суевѣрій, говоритъ, что дьяволъ отвлекаетъ людей отъ Бога «трубами и скоморохы, гуслями и русальи; видниъ бо игрища утолчена къ людій много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять (пусты)» ⁴⁾. Князь Туровскій въ числѣ «злыхъ и скверныхъ дѣлъ, иже же ны велитъ Христосъ отступити», называетъ: «пьясанье,

¹⁾ О связи русалокъ съ душами смотри гл. XXIV. — ²⁾ Карамз. И. Г. Р., III, примѣч. 10. — ³⁾ Рус. Бес. 1856, III, 94. — ⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 73.

бубны, сопѣли, гусли, пискове, игранья неподобныя, русалья» ¹⁾. Въ Изборникѣ XIII-го столѣтія, въ толкованіи словъ апостола Павла, сказано: «а иже дома сѣдиши, тогда играютъ роусалія, ли скомороси, ли пѣяницѣ кличють... или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тѣ часъ пребуди дома» ²⁾. Стоглавъ употребляетъ слово русалія для обозначенія народныхъ игръ, совершаемыхъ не только на Троицкой недѣлѣ, но и въ навечеріи Рождества Христова, Богоявленія, и на Ивановъ день. Въ азбуковникахъ русалія толкуются: игрища, игры скоморошскія ³⁾, и въ одномъ харатейномъ Прологѣ половины XV вѣка описаны такъ: «ови бяху въ бубны, друзіа же въ сопѣли сопяху, нѣи же возложша на лица скураты ⁴⁾ и дѣяху на глумленье челоуѣкомъ, и мнози оставявше церковь, на позоръ течаху и нарекоша игры тѣ русалья» ⁵⁾. Изъ этихъ указаній очевидно, что игрища, происходившія на русальную недѣлю, сопровождались плясками, музыкой и ряженьемъ, что (какъ было объяснено выше—I, 336, 718) служило символическимъ знаменіемъ возстающихъ съ весною и празднующихъ обновленіе жизни грозовыхъ и дожденосныхъ духовъ. Принадлежа къ разряду этихъ духовъ, русалки сами облакались въ облачныя шкуры и смѣшивались съ косматыми лѣшыми и чертами. Малорусскіе поселенцы саратовской губ. утверждаютъ, что русалки — стары и безобразны, имѣютъ острые ког-

¹⁾ Истор. Христом. Бусл., 504. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Лавровск., 22. — ³⁾ Сахаров., II, 182. — ⁴⁾ Скура = шкура. — ⁵⁾ Правосл. Собесѣдн., 1860, XI, 253. Въ Златоустѣ XVI вѣка: «да оубо о скомрасѣхъ и о русалиихъ ни покрову видѣшащу многажды и дождю вдоушоу тръпите.» Приведи это мѣсто, Восточковъ (Мат. сравн. слов., VI, 314) замѣтилъ: «словеннѣвъ заимѣвъ здѣсь чуждые ему въподромы (χιλ ἐν μὲν ὑποδρομαίς) своими скомрахахи и русалиахи». Описаніе Румян. Муз., 230, указываетъ на слово св. Исаака о русалияхъ.

ти и большое брюхо, что тѣло у нихъ покрыто косматой шерстью, а на спинѣ такой-же горбъ, какъ у нѣмецкихъ цверговъ ¹⁾. Съ тѣмъ-же двойнымъ значеніемъ: а) весенняго праздника и б) вообще народнаго игрища упоминается русалъя и въ памятникахъ другихъ славянъ. Такъ въ сербословенскихъ рукописяхъ говорится о словѣ Іоанна Златоустаго «на роусалю» (XIII в.); «въ роусалияхъ ходили» (XVI в.); «глаголетъ о вѣрныхъ, послѣдующихъ еллинскимъ обычаямъ и плесання на брацѣхъ и на стѣгноу творящихъ или роусалны или гласовомъ птичьимъ вѣреующе» (Номоканонъ XVII в.); въ актахъ Штуттинскаго евангел. собора 1591 года: «на rusadlnie swiatky podle starzeho obyčęe kráľow staweti, tanze wywázeti, do starze kožušęy se obľáčeti i gakžkolwěk se blázniti pod štraffanjm zakázáno bude». Въ толкованіяхъ Теодора Бальсамона, патриарха антиохійскаго, и Димитрія Хоматіана, митрополита болгарскаго (XIII в.), на 62-ое правило VI-го собора — ρουσάλια обозначены, какъ запрещаемый церковью праздникъ, совершавшійся послѣ Пасхи во вѣнскихъ (чуждыхъ) странахъ: такое замѣчаніе, по всей вѣроятности, вызвано празднованіемъ русалий у дунайскихъ славянъ, отъ которыхъ слово это перешло и къ румынамъ (русале, русалв). Въ современномъ сербскомъ языкѣ русалѣ, русали означаетъ праздникъ Троицы и Духовъ день; у словенъ risale — Троицынъ день, risalček, risalšček, risalščak — шѣсць май; у чеховъ и словаковъ rusadljé, rusadla и rusadlné svátky — Троицкіе Святки ²⁾. Въ вологодской губер. Семихъ

¹⁾ Терещ., VI, 127—9; Иллюстр. 1845, 299. — ²⁾ Въ словахъ rusadla, rusadljé — о вѣнскомъ, какъ и во многихъ другихъ рѣченіяхъ, наприм. mydlo, sadlo, pravidlo — Die Rusalien, ein Beitrag zur slavisch. Mythol., Миллошита, 2—7, 15; Телескопъ 1833, VIII, 524; Зап. И. А. Н., I, кн. 2, ст. Гедесона, 23; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 41.

(четвертъ сѣдьмой недѣли послѣ Пасхи) называется русалия ¹⁾; вообще жѣна Руси Семинцею недѣль теперь даютъ названіе зеленой, илечальной, а три послѣдніе ея дни и три первые дни Троицкой недѣли именуются Зелеными Святками ²⁾. Въ это время на дворахъ и на улицахъ ставятъ нарочно-срубленные молодые клѣшны, березы, липы; стѣны и окна внутри нѣбѣ украшаютъ зелеными вѣтвями и цвѣтами, а полы устилаютъ травой; хожденіе въ рощи и на рѣки, зазываніе вѣткоть, бросаніе ихъ въ воду, пляска вокругъ убранной разноцвѣтными лентами березки и пѣніе обрядовыхъ пѣсень — составляютъ донинѣ-ущающіеся остатки старинныхъ игрищъ. На Зеленыя Святки никто не осмѣливается работать, чтобы не прогнѣвать русалекъ; въ особенности женщины не должны шить и мыть бѣлье, а мужчины вить изъ лозы плетни и бѣроны — по связи этихъ занятій съ работами мненческихъ дѣвъ, которыя ткуть (вьютъ, плетутъ) облачныя покрыва и полощутъ ихъ въ дождевыхъ источникахъ ³⁾. По народному вѣрованію, русалки выходятъ тогда изъ рѣкъ, озеръ и криницъ на сушу, заводятъ по полямъ и лѣсамъ гульбища и продолжаютъ ихъ до самаго Петрова дня (29-го іюня). Май и іюнь мѣсяцы — пора полного развитія творческихъ силъ, пора явленія облачныхъ жѣнъ и дѣвъ, шлющихъ землѣ плодородіе; въ жумѣ грозы выступаютъ на небо прекрасными нимфами, начинаютъ свои легкія пляски, поютъ громкія пѣсни (= быстрый полетъ тучъ и зазываніе бури), и сочетаясь съ боготъ-громовникомъ, орошаютъ нивы благодатнымъ стѣпнемъ дождя. Отсюда возникли рассказы о пляскахъ, пѣсняхъ и брачномъ весельи русалотъ. На Зеленой или

¹⁾ Обл. Сл., 193. — ²⁾ Рус. прост. праздн., III, 127; Сахаров., II, 83. Клѣчанья — деревья, вѣтви, цвѣты, которыми убираютъ дома и церкви. — ³⁾ Терещ., VI, 132; Вост. Евр. 1818, XXII, 115—6; Шафарикъ, 269; Этн. Сб., I, 326.

русальной недѣлѣ онѣ празднуютъ свои свадьбы, плещутся въ водахъ, бѣгаютъ по дугамъ и рощамъ, бьютъ въ ладоши, аужаются, водятъ хоробы, пляшутъ и поютъ пѣсни; тихіе, ласкающіе слухъ звуки вѣтровъ принимаются за ихъ отдаленныя напѣвы, а плескъ воды приписывается ихъ пляскамъ. Крестьянскія дѣвушки, приходя въ лѣсъ, бросаютъ русалкамъ зеленые вѣнки, съ просьбою доставить имъ богатыхъ жениховъ; а по вѣнкамъ, кинутымъ въ воду, онѣ гадаютъ о замужствѣ и будущемъ своемъ житіи. И послѣ, въ продолженіе всей Петровки, русалки выходятъ по ночамъ, изъ воды, и при свѣтѣ мѣсяца предаются танцамъ на избранныхъ для того мѣстахъ, называемыхъ игравицами. Въ Малороссіи и Галиціи рассказываютъ, что тамъ, гдѣ таянцуютъ русалки и мавки, видны ва поляхъ круги и трава ще краще ростѣ и заодно якъ рута зеленѣе. Нерѣдко онѣ заанимають къ себѣ овчара (собственно: пастыри небесныхъ стадъ) съ рожкомъ или сопѣлкою, заставляютъ наигрывать во всю ночь и пляшутъ подѣ его музыку; на томъ мѣстѣ, гдѣ овчаръ бьетъ ногою тактъ, остается на землѣ ямка. Черты эти общи русалкамъ съ эльфами и феями ¹⁾. Въ великорусскихъ губерніяхъ ходитъ разсказъ о томъ, какъ русалка являлась невидимкою къ молодому промышленнику и танцевала подѣ звуки его гуслей (см. т. II, стр. 247). Также любовь къ пляскамъ приписывается и лѣснымъ женщинамъ; по разсказамъ чеховъ, онѣ охотно отдаются этому веселью въ полдень и ночью при свѣтѣ мѣсяца ²⁾. Была одна рѣзвая дѣвушка, дочь вдовы. Съ утра уходила она

¹⁾ Малазъ, XI, 52; Сахаровъ, II, 89; Терещ., VI, 132; Киев. Г. В. 1845, 15; Полтав. Г. В. 1846, 21; Ворон. Г. В. 1850, 46; Рус. Вѣст. 1856, III, ст. Максимовъ, 99—100; Киевлян. 1865, 71; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 122 (о пляшущихъ утопленникахъ на озерѣ Гонтѣ); Beiträge zur D. Myth., I, 250. — ²⁾ Ганушъ, 164.

въ лѣсъ пастѣ козье стадо, и пока козы щипали траву — пришла лѣнь. Разъ, увлекаемая своимъ веселымъ и живымъ характеромъ, стала она плясать, поднявъ надъ головою руки. Это было въ полдень; вдругъ — словно изъ земли выросла — явилась передъ ней прекрасная дѣва въ бѣлой и тонкой какъ паутина одеждѣ, съ золотыми волосами до пояса и съ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ на головѣ. Она пригласила пастушку танцовать вмѣстѣ; «мнѣ хочется тебя поучить!» прибавила красавица, в обѣ пустились выказывать свое искусство подъ чудную музыку, которая неслась съ древесныхъ вѣтвей: то были звуки соловьевъ, жаворонковъ, малиненокъ и другихъ пѣвчихъ птичекъ. Ножки пляшущей лѣсной дѣвы, какъ ноги нѣмецкихъ эльфовъ, были такъ быстры и легки, что даже не мяти травы, а становясь гнулись, будто ивовая вѣтка. Такъ плясали онѣ отъ полудня до вечера. Когда лѣсная дѣва исчезла, пастушка хватилась за свою пряжу; но было уже поздно, она не успѣла окончить своего урока и воротилась домой крѣпко-опечаленная. Надѣясь завтра наверстать потерянное время, она скрыла отъ матери то, что съ нею случилось. Но и на слѣдующій день явилась лѣсная дѣва, и онѣ опять проплясали до самаго вечера. По окончаніи танцевъ, лѣсная дѣва замѣтила печаль своей подруги и помогла ей горю: взяла лѣнь, обмотала вокругъ березы, тотчасъ спряла его въ тонкія нити, и затѣмъ исчезла — будто вѣтромъ ее спихнуло! Эта пряжа имѣла такое-же чудесное свойство, какъ и пряжа, подаренная Гольдою: сколько не сматывали ее съ веретена — запасъ нитокъ нисколько не истощался. Въ третій разъ лѣсная дѣва подарила пастушкѣ березовыхъ листьевъ, которые потѣмъ превратились въ золото ¹⁾. Завидя любопытнаго, эльфы увлекаютъ его въ свою

¹⁾ Westsl. Märch., 198—203.

воздушную пляску и кружатъ съ такою необычайною быстро-
тою, что послѣ того онъ на всю жизнь остается разслаблен-
нымъ; подобно току русалки, при встрѣчѣ съ человѣкомъ,
начинаютъ передъ нимъ страшно кривляться и дѣлать дикія
движенія, и онъ волею-неволею перенимаетъ ихъ жесты — и
съ той поры до самой смерти будетъ постоянно трястись и
кривляться, т. е. страдать болѣзней, извѣстною подъ именемъ
Витовой пляски (сравни выше: стр. 71 ¹⁾). Такимъ обра-
зомъ русалки, наравнѣ съ злыми и марами, родятся съ де-
монами, насылающими тяжкія болѣзни и скорую смерть. За-
манивая въ себѣ юношей и дѣвицъ, онѣ измучиваютъ ихъ
щекоткою, душатъ и топятъ въ рѣкахъ; дѣтская болѣзнь
донинѣ извѣстна подъ именемъ щекотухи (см. стр. 76).
Тотъ, кто ступитъ на холстъ, разостланный русалками, дѣ-
лается разслабленнымъ или хромымъ; а кто не читъ
русальной недѣли, у того онѣ портятъ домашній скотъ и
птицу (см. еще стр. 57—о связи болѣзней съ полудницами).
Въ свѣтлыя, лунныя ночи нѣмецкія ниссы и наши русалки,
выказываясь изъ водъ, поютъ чарующія пѣсни, которымъ не
въ силахъ противиться ни одинъ смертный. Когда раздадутся
ихъ звуки, странникъ бросается въ воду, увлекаемый столь-
ко-же обаяніемъ ихъ красоты, какъ и гармоніей сладостнаго
пѣнія; пловецъ спѣшитъ направить къ нимъ свою ладью и такъ
же гибнетъ въ безднѣ, гдѣ схватываютъ его водяныя дѣвы. Ве-
черомъ ниссы выходятъ изъ своихъ подводныхъ жилищъ и
принимаютъ участіе въ сельскихъ танцахъ. По шведскимъ
преданіямъ, онѣ знаютъ одиннадцать различныхъ мелодій: че-
ловѣкъ можетъ слушать безъ опасности только первыя де-
сять, и то въ значительномъ отдаленіи; но когда онѣ запоютъ
одиннадцатую, то ветхіе старики и дѣти въ люлькахъ, боль-
ные и увѣчные, даже деревья и другіе неодушевленные пред-

¹⁾ Шакарскъ, 266; Рус. прост. праздн., IV, 9.

меты — все пускается въ неудержимую пляску ¹⁾. Тѣже характеристическія черты приписываютъ литовцы своимъ ундидамъ. Эти дѣвы, выходя при свѣтѣ луны на поверхность воды и берега, поютъ и водятъ хоробы; помрачая своими пѣснями умъ юношей, онѣ схватываютъ ихъ въ объятія, и вмѣстѣ съ ними кидаются на дно озеръ, рѣкъ и источниковъ. Красота ихъ обольстительна, очи блестятъ, какъ небесныя звѣзды, а рассыпанныя по плечамъ кудри шелестятъ и звенятъ очаровательною музыкою; какъ скоро человѣкъ заслушитъ музыку ихъ кудрей, онъ впадаетъ въ непробудный сонъ, и слѣдовательно испытываетъ тоже обаяніе, какое производятъ гусли-самогуды. Только тотъ, кто достанетъ волшебный цвѣтокъ папоротника (=молинію), можетъ свободно любоваться на легкую, граціозную пляску водяныхъ красавицъ и слушать ихъ плѣнительное пѣніе; онъ даже можетъ подчинить своей власти ундины, которыя будутъ гнать въ его сѣти рыбу и орошать его поля при засухѣ ²⁾. Какъ нимфы дождевыхъ источниковъ, литовскія ундины и русскія мавки и русалки носятъ надъ нивами и полями, и съ одной стороны, напоая ихъ влагою, даютъ богатый урожай, а съ другой, посылая несвоевременныя ливни и бури, повреждаютъ зрѣющія жатвы. Выше было указано, что тамъ, гдѣ выются ихъ легкіе хоробы, трава растетъ зеленѣе и роскошнѣе. По словамъ бѣлоруссовъ и жителей Полѣсья, русалки поселяются въ житѣ; въ Малороссіи вѣрятъ, что на-

¹⁾ Моск. Наблюдат. 1837, ч. XI, 531; D. Myth., 406—1; Сказ. Грим., 181 — «Die nixe im teich»: някса увлекла на дно пруда молодого охотника; опечаленная жена его беретъ сначала гробень, потомъ елейту и наконецъ прялку, и въ полнолуіе кладетъ ихъ на берегу пруда; всякой разъ, какъ она дѣлала это, подымалась волна и уносила положенный даръ, и вслѣдъ затѣмъ показывался изъ воды несчастный утопленникъ. Всѣ три означенныя вещи составляютъ необходимыя атрибуты водяныхъ дѣвъ. — ²⁾ Семеновск., № 129; Иллюстр. 1848, № 28; Черты литов. нар., 89.

канунѣ Троицына дня овѣ собираются на нивы, и съ возгласомъ: «ухъ-ухъ, соломяный духъ!» а нерѣдко и съ пѣснями, прихлопывая въ ладъ руками, весело бѣгаютъ по колосистой ржи, или катаются по ней взадъ и впередъ, отчего рожь волнуется, какъ-бы отъ дуновенія вѣтра. О малюткахъ-мавкахъ рассказываютъ, что онѣ ежегодно приходятъ на землю въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься и можетъ служить имъ надежнымъ убѣжищемъ ¹⁾. Нѣмецкимъ крестьянамъ, въ ихъ полевыхъ работахъ, помогаютъ подземные карлики. У русиновъ (въ саноцкомъ и коломыйскомъ округахъ) во время русальныхъ Святыхъ совершается крестный ходъ на застѣнные поля, при чемъ образа и хоругви убираются вѣнками и зеленью. Обыкновенно это бываетъ на Духовъ день, и между тѣмъ, какъ священникъ и церковный причтъ творятъ по требнику обхождение полей, сопровождающія ихъ женщины поютъ обрядовыя пѣсни, текстъ которыхъ содержитъ мольбу о благораствореніи воздуху и изобиліи плодовъ земныхъ—хлѣба и винограда ²⁾. Вотъ одна изъ этихъ пѣсней:

Заваруй, Боже, горы, долины,
Горы, долины, наши царины ³⁾,
Же бы насъ тучи не заходили,
Же бы пролом не заливали,
Злыи вѣтрове не пановали;
Зароди, Боже, горы, долины,
Горы, долины, наши царины.
Наша царица пречъ ⁴⁾ поібрана,
Сребромъ-златомъ ⁵⁾ пречъ застѣна,
Стрицовымъ перомъ заволочена,
Явнымъ мечамъ обгорожена.

¹⁾ Называютъ ихъ и гречухами—отъ гречи, въ которой онѣ любятъ прятаться. — ²⁾ Семеньск., 124; Мьякъ, XV, 31—35; Сахаров., II, 85; Опытъ ист. обозрѣн. рус. слов. О. Миллера, I, 97 (примѣчан.); Die Rusalien Миклошича, 9—14. — ³⁾ Обгороженныя поля. — ⁴⁾ Уже. — ⁵⁾ Т. е. золотистымъ зерномъ.

Злые вѣтры и проломъ — дѣло русалокъ. Чтобы колосья налились, вызрѣли и дали хорошій урожай, нужна погода тихая, теплая, съ умеренными дождями; а потому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, тотчасъ по окончаніи Троицкихъ празднествъ, совершается обрядъ изгнанія или проводовъ русалокъ. Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спаскѣ рязанскомъ называется русальнымъ заговѣньемъ. На другой день, т. е. въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ готовятъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее русалку; потомъ собираютъ хороводъ, затягиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу. Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны: наступательную и оборонительную; послѣдняя состоитъ изъ защитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаютъ пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разорваніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводилъ русалокъ. Въ тульской губ. подобный обрядъ совершается на Зеленой недѣлѣ: женщины и дѣвицы идутъ толпою на засѣянные поля и ловятъ русалку, которая, по народному сказанію, воруетъ тогда хлѣбъ. Связавши изъ соломы куклу и нарядивъ ее въ женское платье, увѣряютъ, что это и есть пойманная русалка; съ пѣснями и плясками несутъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Въ уѣздахъ ефремовскомъ, епифановскомъ и новосильскомъ наканунѣ Троицы (въ «ключальную» субботу) молодежь собирается вечеромъ на полянахъ и бѣгаетъ, размахивая помелами, съ криками: «догоняй! догоняй!» Иные утверждаютъ, что собственными глазами видѣли, какъ гонимыя съ полей русалки убѣгали въ лѣсъ съ

плачемъ и вопляни. Въ Малороссіи на проводахъ русалокъ поютъ:

Проведу я русалочки до бору,
Сама я вернуся до дому!
Ой колы-жъ мы русалочки проводылы,
Щобъ до насъ часто не ходылы,
Дя нашего жытечка не ломалы,
Бо наше жытечко въ колосочку,
А наши дівочки у виночку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около того-же времени бываютъ проводы Весны, и въ соломенной куклѣ видать изображеніе именно этой дожденосной богини. Въ полетѣ весеннихъ грозъ исчезаютъ облачныя дѣвы; разметаемыя помеломъ-вихремъ, онѣ убѣгаютъ съ неба или, будучи размыканы, разорваны на части, тонуть въ дождевыхъ потокахъ, и вслѣдъ за тѣмъ наступаютъ лѣтніе жары. Выпроваживая русалокъ, земледѣльческое населеніе думало отстранить отъ своихъ нивъ опустошительныя бури и безвременныя ливни, отъ которыхъ хлѣбъ ложится наземь, ломается, мокнетъ и неполнѣ вызрѣваетъ, или уже созрѣлый осыпается и прорастаетъ безъ всякой пользы для человека ¹⁾).

Хранительницы живой воды, русалки, наравнѣ съ эльфами и ниссами, обладаютъ тѣмъ высокимъ даромъ мудрости, какой дается вдохновительнымъ напиткомъ небесныхъ источниковъ. Народная трюицкая пѣсня приписываетъ имъ загадываніе и разрѣшеніе трудныхъ загадокъ:

Ой бѣжить, бѣжить мила дѣвчинка,
А за нею да русалочка:
«Ты послухай мене, красна панночко!»

¹⁾ Сахаровъ, II, 85, 90, 94; Терещ., VI, 137; Рус. проет. праздн., IV, 11; Пассекъ, III, 189; Метлиник., 309; Опис. чернигов. напѣстичества, Шабоженскаго, 30. Показаніе Сахарова (II, 80) о проводахъ русалокъ въ черниговской губ. въ концѣ Святой недѣли — невярно.

Загадаю тобі три загадки;
 Як угадаєш — до батьки пушу,
 Коли-ж не вгадаєш — до себе возьму.
 Ой що росте без кореня?
 А що б'жить без повода?
 А що цвіте без всякого цвіту?»
 Панночка загадки не вгадала,
 Русалочка ее залоскотала ¹⁾).

Въ сербской пѣснѣ на загадочные вопросы, предлагаемые дѣвицею, отвѣчаетъ рыба, въ образѣ которой являются въ преданіяхъ водныя божества и нимфы. Сидѣла дѣвица у моря, говорила сама съ собою: «ахъ, Боже милостивый! есть ли что шире моря, пространнѣ поля, быстрѣ коня, слаще меда и дороже брата?» Провѣщала ей рыба изъ воды: «глупая, неразумная дѣвица! Шире моря — небо, пространнѣ поля — море, быстрѣ коня — очи, слаще меда — сахаръ, дороже брата — милый!» ²⁾

Русалкамъ соответствуютъ сербскія вилы и болгарскія само-вилы: это только другое прозваніе, данное облачнымъ дѣвамъ по связи ихъ съ молніями и вихрями. Въ древности оно, вѣроятно, было извѣстно и русскимъ славянамъ, но потомъ позабыто вытѣсненное болѣе употребительнымъ именемъ русалокъ, тогда какъ въ преданіяхъ сербовъ и болгаръ, наоборотъ, русалки уступили мѣсто виламъ; этимъ послѣднихъ знаютъ и словенцы, босняки, краинцы, иллирійцы ³⁾. О суевѣрномъ почитаніи вилъ упоминается въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ. Такъ въ словѣ нѣкоего христіянина читаемъ: «вѣрують въ Перуна и въ Хорса... и въ вилы, ихъ-же числомъ тридевятъ сестрѣницъ глаголють невѣгласи и мнѣть богинями, и тако покладавахуть имъ теребы (и корованъ имъ ло-

¹⁾ Малорос. пѣсни Максимовича, 162. Загадки эти разрѣшаются такъ: камень растетъ безъ корня, вода б'жить безъ повода, напороть цвѣтеть безъ цвѣту. — ²⁾ Срп. к. пјесме, I, 196. — ³⁾ Иличъ, 282.

нить), и куры имъ рѣжють и ниже: «молятся огневѣ подѣ
овиномъ я виламъ и Мокоши». Тоже свидѣтельство повторено
и въ другихъ памятникахъ, принадлежащихъ новгородской Со-
фійской библіотекѣ: «и начаша жрети молніи и грому, и солнцу
и луиѣ, а друзиѣ Перену, Хоурсу, виламъ и Мокоши, оуши-
ремъ и берегынямъ, ихъ-же нарицають тридевятъ се-
стриницъ» ¹⁾. Это напоминаетъ намъ суевѣрное преданіе
о двѣнадцати сестрахъ-трисавицахъ — эльфахъ то-
мительныхъ недуговъ (см. стр. 85). Въ древнемъ переводѣ
Георгія Амартола вины отождествляются съ свренами: «зави-
стася же ся в рѣцѣ Нилѣ солнцу вшедшу челоувѣкообразнѣдѣ
животнѣ мужъ и жена, иже и сирины нарицаются, рече
ше вины» ²⁾. Слово вила (илир. willa) образовалось отъ
глагола вить, въ ю ³⁾ — плести, скручивать, соединять пряди въ
одну нить или вервь, и указываетъ на множественную дѣву, кото-
рая прядетъ облачныя кудели и тянетъ изъ нихъ золотыя нити
молній. Въ сербской пѣснѣ говорится: «се мунѣ вију по об-
лаку» ⁴⁾; у насъ: молнія извивается — вьется огненной
нитью или змѣйкою, мелькаетъ искривленной линіей; сравни:
извилизна, ввлюга — кривизна, виламъ — извилисто, вло-
ватыѣ — извилистыѣ; глаголъ вьется прилагается и къ по-
лету птицъ, и въ народныхъ загадкахъ (русской и сербской)
ласточка, отличающаяся особенно-быстрымъ и извилистымъ
полетомъ, называется вло. Такъ какъ видимая глазомъ кривизна
наводила на понятіе нравственной кривды, хитрости и
лукавства, составляющихъ самую существенную сторону въ
характерѣ эльфовъ (стр. 4-5), то отсюда: вилавыѣ — хитрый,
лукавыѣ, вилъ — юла, челоувѣкъ увертлявыѣ — вилаящій (ви-

¹⁾ Лат. рус. лит., т. IV, отд. 3, 89—90, 94, 99, 108; Оп. Румян. Муз., 228—9. — ²⁾ Москв. 1851, V, стат. Срезневск., 63—64. —

³⁾ Какъ жила отъ жить, рыло отъ рыть, и т. д. — ⁴⁾ Серб. и. пјесме, I, 432.

лющій ¹⁾). Стремительные вихри, подымая столбомъ пыль или снѣгъ (въ ю-га, у болгаръ: вили ветерушки ²⁾), крутить ихъ словно веревку; а неся на своихъ крыльяхъ облака и тучи, завиваютъ ихъ въ кудри и сбиваютъ вѣстѣ, какъ спутанную пряжу или всклокоченные волосы. Рядомъ съ словами: куделя (ленъ, приготовленный для пряжи), кудло, кудеря, въ областномъ говорѣ употребляется глаголѣ куделитсѣ — метѣтъ въюга; вихѣръ, вихрь (чубъ, пряди волосѣ) одного происхожденія съ словомъ вихрь (вихѣрь), а пѣтлы (длинные, косматые волосы) отъ санскр. корня раt — летать ³⁾). Въ народныхъ сказаніяхъ вилы изображаются не только нимфами, управляющими полетомъ облаковъ и молній, но и вѣщими пряхами. Въ близкой связи съ южно-славянскою вилою стоитъ волошская *vilva* — ния, которымъ обозначаются духи, населяющіе облачный міръ, носящіеся по воздуху въ видѣ крылатого змѣя и посылающіе на землю дождевые ливни и плодородіе. По всему вѣроятію, преданія о вильвахъ и самое названіе ихъ заимствованы валахами отъ сѣдннихъ славянъ. Сверхъ того, нѣкоторыми учеными вила и *vilva* сближаются съ скандинавск. *vala*, *valva* или *völva* (все три формы равно употребительны и означаютъ вѣщую жену, чародѣйку); но это остается недоказаннымъ ⁴⁾).

Подобно русалкѣ, вила — существо, родственное свѣтлымъ эльфамъ, и потому данное ей ния сопровождается постояннымъ эпитетомъ бѣлая: бѣла вила. Этотъ эпитетъ, указующій на блескъ, сіяніе и красоту, также тѣсно сливается съ словомъ «вила», какъ въ нашемъ эпическомъ языкѣ прилагатель-

¹⁾ Обл. Сл., 25; Доп. обл. сл., 22; Срп. рјечник, 62; Этн. Сб., VI, 74. — ²⁾ Народна песне Македон. Бугара, Верховича, I, 2:

„Подуналъ е тихи ветеръ, три вили ветерушки“.

Доп. обл. сл., 94; Изв. Ав. Н., IV, 404, 409. — ³⁾ Шоттъ, 295-6; Germ. Mythen, 569; О вл. христ. на сл. яз., 21—23.

ное красная съ словомъ «дѣвица», и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуешь о тождествѣ виль съ бѣлыми жеңами (weisse frauen, biele ranje) германцевъ, чеховъ и моравовъ ¹⁾. Вилы представляются юными, прекрасными, блѣднолицыми дѣвами; въ тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ и съ длинными косами, распущенными по спинѣ и грудямъ; въ этихъ косахъ — ихъ сила и даже самая жизнь; тѣло у нихъ нѣжное, прозрачное, легкое какъ у птицы, очи блистаютъ подобно молнии, голосъ — пріятный, сладкозвучный. По свидѣтельству хорутанскихъ сказокъ, косы у виль золотыя, низпадающія до земли, одежда — не только бѣлая, но и золотая, съ серебрянымъ поясомъ. Бѣда человѣку, который прельстится вилою! ему опостылитъ весь міръ, и жизнь будетъ не въ радость. Хвала красоте дѣвицы, сербы и черногорцы сравниваютъ ее съ вилою: «она хороша, какъ горная вила!» Наравнѣ съ русалками, вилы обитаютъ на горныхъ вершинахъ, въ лѣсахъ и водѣ, и потому различаются на горныхъ, лѣсныхъ и водяныхъ: а) горска вила (бјелавила из горе), б) вила од планине (vila planinkinja); гора въ сербскомъ языкѣ означаетъ и mons, и silva, а планина — гору, покрытую лѣсомъ (mons silvosus, bergwald). Горныя вилы стануютъ по горамъ и устрояютъ свои «дворѣща» въ пещерахъ, пропастяхъ и ущеліяхъ; внутри жилье ихъ убрано цвѣтами и зеленью и ярко сіяетъ, какъ пресвѣтлый рай. По другимъ рассказамъ, вилы живутъ въ кристалльных палатахъ, украшенныхъ перлами, и владѣютъ богатою золотою посудой. Наконецъ в) vila vodena или povodkinja обитаетъ въ рѣкахъ, озерахъ и студенцахъ, а morskа dēvica (morskadiklica), представляемая полу-дѣвою, полу-рыбою, — въ глубинѣ моря. По словамъ Караджича, вилы поселяются «по великимъ

¹⁾ Nar. zpiewanky, I, 412—3.

планинама и по камењацима око вода; онѣ любятъ плавать, купаться, заманивать и увлекать на дно крестьянскихъ дѣвухекъ. Принадлежащіе имъ источники (вила на водица) считаются заповѣдными; юнакъ, который напьется отсюда воды или напоитъ своего коня, платитъ тяжелую дань: самъ онъ лишается очей, а конь его — ногъ ¹⁾. Не смотря на эти повѣрья, заставляющія вилъ населять землю, народъ и донынѣ не утратилъ воспоминанія, что онѣ собственно облачныя дѣвы (*vile oblakinje*), обитательницы небесныхъ горъ, дубравъ и источниковъ. Въ замѣчательной далматинской пѣснѣ вила говоритъ о себѣ:

Mene je gora rodila,
U zeleni listak povila;
Jutrenja rosa padala,
Mene je vilu dojila;
Od gore vetrić puhao,
Mene je vilu šikao:
To su mi bile dadije ²⁾.

Какъ молніеносный зльфъ, вила рождается отъ горы-тучи, и вскормленная росой (дождевою влагою) убаюкивается вѣтромъ. Поселяне убѣждены, что вилы могутъ насылать бури, дожди и градъ; подымая буйные вѣтры, онѣ ломаютъ растушія по горамъ деревья, волнуютъ пучины и топятъ лодки и пловцовъ; во время морской бури случается видѣть, какъ онѣ бѣгаютъ по верхушкамъ волнъ и своими ногами пѣнять встревоженные воды ³⁾. По свидѣтельству сербскихъ пѣсень,

¹⁾ Срп. рјечник, 61—62; Срп. н. пјесме, I, 153, 274, 571; II, 51; Arhiv za povēstnicu jugoslavensku 1851, I, стат. Кукулевича-Сакцавскаго, 87, 90, 97—104; сб. Валявца, 7—8, 18, 22, 47, 56. — ²⁾ Переводъ: меня гора родила, зеленымъ листкомъ повила; утренний роса падала, меня вилу кормила; отъ горы вѣтеръ дулъ, меня вилу убаюкивалъ: то были мои няньки. — ³⁾ Кукулевичъ, 88, 93, 104.

ялы носятся по воздуху, между небомъ и землею, собирають летучія облака и любятъся на молніи. Такъ Марку-кравеичу, когда онъ вступилъ въ единоборство съ Мусою Кеседжия, явилась на помощь вила изъ облака ¹⁾; а когда банъ Селула преслѣдовалъ вилу — она сначала побѣждала глубокими водами, потомъ — чистымъ полемъ и наконецъ, наставшая хортами, «дигне се небу подъ облаке» ²⁾. Въ одной пѣснѣ дѣвица, не желая смотрѣть на грозу, замѣчаетъ о себѣ: «нигъ самъ вила, да збиѣамъ облаке» (я — не вила, чтобы собирать облака ³⁾). Согласно съ уподобленіемъ облаковъ крѣпостнымъ башнямъ и стѣнамъ, вила, нагоняющая на небесный сводъ тучи, признается стрѣльницею воздушныхъ замковъ:

Град градила б'јела вила
 Ни на небо, ни на земл(ь)у,
 Но на грану од облака;
 На град гради троје врата:
 Једна врата сва од злата,
 Друга врата од бисера,
 Трећа врата од шкерлета ⁴⁾.

Въ третьихъ воротахъ вила

Сама сједи, погледује,
 Ће се мув(ь)а с гроном игра ⁵⁾.

Многъ о постройкѣ вилою облачныхъ городовъ, будучи низведенъ на землю, привлекъ ее къ участию въ сооруженіи твердынь, воздвигаемыхъ руками смертныхъ. Таково слѣдующее преданіе: выше Котора (Cattaro) въ каменной горѣ видна большая яма или пещера, о которой рассказываютъ, что ее выкопалъ царь Стефанъ и что именно здѣсь думалъ онъ постро-

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 409; сб. Валявца, 68. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 183. — ³⁾ Ibid., 432. — ⁴⁾ Грана — вѣтвь, отрасль; бисер — жемчугъ, шкерлет — шарляховое, красное сукно, багрець, пурпуръ. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, I, 451—2.

ить городъ; но вила посовѣтовала «да то не чини, јер му ондје у оној врлети нема ни броду пристаништа ни кежу поигришта»¹⁾, и указала на другое мѣсто у залива. Царь послушался вила и съ ея помощію построилъ градъ Которъ²⁾. Чародѣи, наученные вилами премудрости, бродятъ виѣстѣ съ ними и нечистыми духами по свѣту и водятъ за собой грозовыя тучи и бури³⁾. Вслѣдствіе этой власти надъ облачными міромъ, виламъ приписывается вліяніе на земледѣльческія работы: въ старое золотое время онѣ приходили на поля и пастбища, помогали людямъ жать нивы, косить траву, полоть гряды и оберегали ихъ стада. Въ Иллиріи убѣждены, что вила, если захочетъ, можетъ охранить ниву своего любимца отъ града, опустошающаго сосѣдніе участки. Возвращаясь съ полей въ горныя пещеры, вила оборачиваются змѣями (= молніями), и въ этомъ видѣ проскользаютъ сквозь малыя отверстія въ горы, а внутри ихъ снова преобразуются въ дѣвъ⁴⁾: преданіе, напоминающее волошскихъ вильвъ, нѣмецкихъ бѣлыхъ *schlangengjungfrauen* (= *däsaatnis*) и старинный мифъ объ Однѣ (I, 395). Какъ нимфамъ грозовыхъ тучъ, виламъ присвоены всѣ характеристическіе признаки и поэтическіе атрибуты, соединяемые съ этимъ естественнымъ явленіемъ: быстрота полетовъ, чудесныя превращенія, бросаніе молніеносныхъ стрѣлъ и искусство ковать. Онѣ также внезапно исчезаютъ, какъ и являются; пѣсни даютъ имъ крылья («полећела вила на бијела крила»⁵⁾), и бѣззлаго коня уподобляютъ вилѣ: «ал' је брза пуста бедевија, брза му је, као горска вила»⁶⁾. И

¹⁾ Переводъ: не дѣлать того, потому что на этой крутизнѣ нѣтъ ни ладьямъ пристанища, ни коню поигрища (раздолья). — ²⁾ Срп. рјечникъ, 294. — ³⁾ Ibid., 75. — ⁴⁾ Кунулевичъ, 99—100; Эрбенъ, 306. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, II, 49; Кунулевичъ, 89: черногорская пѣсня о легкокрылой вилѣ, что прилетѣла съ неба. — ⁶⁾ Переводъ: „но быстра у него дикая кобылица, быстра, какъ горная вила“ — Срп. н. пјесме, II, 399.

птица, и конь—обычныя метафоры вѣтра, молніи и облака; а потому вилы не только надѣляются крыльями и сказочными конями, но и сами оборачиваются то легкрылыми птицами, то быстроногими кобылами. Общераспространенная сказка о яблонѣ, на которой каждую ночь зрѣютъ золотыя яблоки ¹⁾, т. е. собственно — о деревѣ-тучѣ, приносящемъ живую воду дождя (см. II, 309—315), отличается въ хорутанской редакціи нѣкоторыми любопытными особенностями ²⁾. Въмѣсто жаръ-птицы, похищающей золотыя яблоки, здѣсь каждую ночь являются девять вилъ и рвутъ дорогіе плоды; добрый молодецъ подстерегаетъ ихъ и получаетъ въ подарокъ три золотыхъ яблока. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправляется искать вилъ; на пути объявилъ ему пастухъ, что въ такомъ-то студенцѣ вилы купаются въ полдень. Два раза молодецъ проспалъ полуденное время, но въ третій разъ подсмотрѣлъ, какъ онѣ кунались. Вилы взяли его къ себѣ въ дупло, держали тамъ девять лѣтъ и кормили его сахарными яствами, а при отпускѣ надѣлили богатствомъ. Тоже преданіе развиваютъ сказки сербская и болгарская ³⁾. Въ сербской приповѣдкѣ прилетаютъ за яблоками девять золотыхъ павъ. Меньшой изъ трехъ царевичей, посланный караулить яблоню, поставилъ подъ нею кроватку и легъ на постель. Ночью прилетѣли павы; восемь сѣли на дерево, а девятая пала царевичу на кровать и превратилась въ красную дѣвицу; съ тѣхъ поръ вдвоѣмъ они проводили сладостныя ночи. Но вотъ подстерегла ихъ колдунья; золотая павъ улетѣла и больше не возвращалась. Царевичъ пустился искать свою невѣсту и пришелъ къ озеру, въ которомъ она любила купаться. Три дня сряду провелъ онъ возлѣ озера, сидя на конѣ; но всякой разъ, въ урочную перу, засыпалъ непробуднымъ сномъ. Прилетая, восемь павъ бросались купаться, а девятая садилась

¹⁾ Н. Р. Сл., VII, 41, 12. — ²⁾ Сб. Валица, 31—32. — ³⁾ Срп. припов., 4; Эрбенъ, 213.

къ царевичу на коня, миловаѣла-обнимала его и не могла добудиться. Послѣ того павы не прилетали на озеро; долго-долго странствовалъ царевичъ и наконецъ нашелъ городъ золотыхъ павъ и женился на своей невѣстѣ, которая царствовала въ томъ городѣ. Другія хорутанскія сказки ¹⁾ сохранили черты, еще болѣе древнія: вила прилетаетъ къ юношѣ бѣлой лебедью, оборачивается прекрасною дѣвою, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ золотыми косами до земли, и ложится съ нимъ спать на золотомъ ложѣ; отъ блеска ея волосъ освѣщалась кругомъ вся ливада. Провѣдала про то мать добраго молодца, взяла ножницы и отрѣзала вилѣ золотыя косы: вотъ почему красавица покинула своего млада, и онъ долженъ былъ идти ее отыскивать. Итакъ вила родится съ лебединымъ и дѣвами, которыя постоянно купаются въ озерахъ и источникахъ, т. е. въ дождевыхъ потокахъ ²⁾. Приведенныя сказки передаютъ мнѣ о бракѣ облачной дѣвы съ громовникомъ; въ лѣтнюю пору она прилетаетъ къ нему на ложе, но тотчасъ-же исчезаетъ, какъ скоро злая чародѣйка (Зима) лишитъ ее золотистыхъ (сверкающихъ молніями) локоновъ; юный супругъ обрѣтаетъ ее не прежде, какъ при возвратѣ весны, когда она снова является у дождевыхъ источниковъ и когда самъ громовникъ пробуждается отъ крѣпкаго зимняго сна. Согласно съ представленіемъ тучъ то небесными родниками, то садами съ золотыми яблоками, вилы въ одно и тоже время изображаются и водаными, и лѣсными дѣвами; увлекая къ себѣ сказочныхъ героевъ, онѣ держатъ ихъ въ морѣ и лѣсахъ ³⁾, или сажаютъ въ дупло и корячь сахарными яствами, т. е. медомъ = амритою.

¹⁾ Сб. Валавца, 21—24, 29—30. — ²⁾ Греческія сирены также представлялись птицами — *Der Ursprung der Myth.*, 193. — ³⁾ Сб. Валавца, 13, 46: „a vu onom istom morju bile so vile. Vile so prijelo ovo dete... Vre je preslo pet let, kak je dete vu vodi bilo i neizmerno lepo je bilo“.

Хорутанскія сказки предлагаютъ интересныя свѣдѣнія о вилиннхъ коняхъ (вилени, вилван конь), съ попомѣнію которыхъ добрый молодецъ (=Перунъ) добываетъ себѣ златовласую красавицу. Это чудесныя кони грозовыхъ тучъ; они дышатъ пламенемъ, летаютъ по воздуху съ быстротою стрѣлы, не боятся непогоды и опасностей, и надѣлены вѣщимъ характеромъ: человѣческимъ словомъ, предвидѣніемъ, мудростью. Вмѣстѣ съ этимъ, вилантъ, наравнѣ съ зльфами, марани и домовыми, приписывается страсть заѣзжать обыкновенныхъ лошадей; у коня, на которомъ ѣздятъ вила, грива бываетъ до такой степени сбита, спутана, что расчесать ее нѣтъ никакой возможности; распутать гриву можетъ только вила и никто—богъ! Однажды герой сказки ѣхалъ на вилинномъ конѣ и нашелъ на дорогѣ три золотыхъ волоса и золотую подкову; конь даетъ совѣтъ не подымать находки, но молодецъ не послушался, взялъ золотые волосы и подкову и поступилъ на королевскую службу. Какъ скоро узналъ король про его находку, онъ приказалъ ему добыть златовласую красавицу и златоконнаго коня. Молодецъ исполняетъ приказъ: сначала привозитъ дѣву съ золотою косой, а потомъ пригоняетъ вилинныхъ кобылицъ, доитъ ихъ, и купается въ ихъ кипучемъ молокѣ, дѣлается неописаннымъ красавцемъ. Когда былъ поставленъ котелъ съ этимъ кипучимъ молокомъ (метафора весенняго дождя—I, 621-3), чудесный конь, принадлежащій сказочному герою, «*potegnul 'se one toplinjave iz mleka*», т. е. охладилъ его своимъ дыханіемъ—вѣтромъ; молодецъ окунулся «*i srećno izešel vun, rak još 'trikrat lepši postal kak prvo bil*. Онда пустил коня назад ону вгучину (жаръ), коју прво vun potegnul z lamprom». Захотѣлъ искупаться въ кобыльемъ молокѣ сынъ короля, бросился въ котелъ—и погибъ; послѣ того златовласая дѣва досталась доброму молодцу. Въ соотвѣтствующей малорусской сказкѣ дѣва эта называется морскою

пани, а вилины кобылы — морскими или водяными. По другому преданію, вила даетъ молодцу три узды: жѣдную, серебряную и золотую; стоитъ только потрясти ими, какъ въ ту же минуту представутъ три вилы на коняхъ: одна на жѣдномъ, другая — на серебряномъ, третья — на золотомъ. При содѣйствіи этихъ коней, герой женится на прекрасной царевнѣ, или на самой вилѣ. Потрясъ онъ уздою — и немедленно явилась къ нему вила: «*kaj si zmisлил?*» спросила она. — «*Ja sem si zmisлил da ti budeš moja žena... Onda su se sknp oženili, imeli su skup dvoje dece, živeli su sknp sedem let. Onda je on jedan put pozabil ključa od one ladice, gde je ona vnzda bila.*» Виланашла узду и исчезла. Подобно тому, лебединыя дѣвы и болгарскія самовилы только тогда отдаются вѣтязю и вступаютъ съ нимъ въ бракъ, когда онъ овладѣетъ ихъ крылушками или пернатою сорочкою (*schwanhemd*); но едва получаютъ обратно свои крылья или сорочку, тотчасъ-же превращаются въ птицъ и улетаютъ ¹⁾. Такимъ образомъ конская узда хорутанской приповѣдки соотвѣтствуетъ крыльямъ; съ помощію узды вила можетъ превратиться въ быстроногого коня, какъ съ помощію крыльевъ — въ птицу, и тогда ей уже легко скрыться отъ влюбленнаго вѣтязя ²⁾. По русскому повѣрью, если на вѣдьму наложить узду, она немедленно дѣлается кобылицею и съ быстротою вихря скачетъ по горамъ и доламъ. Превращеніе облачныхъ дѣвъ въ коней принадлежитъ глубочайшей древности; у индусовъ ведическаго эпохи было уже представленіе, что именно изъ этого образа дѣва бурно-несущагося грозового облака убѣгаетъ пламенныхъ объятій бога-громовника ³⁾. Про славнаго богатырскаго коня Шараца рассказываютъ, что его подарила Марку-королевичу вила, что конь этотъ пилъ вино и скакалъ такъ высоко, что могъ догнать самую вилу:

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 212; сравни съ рассказомъ о пойманной мѣрѣ — *ibid.*, 269. — ²⁾ Сб. Валавца, 5—12, 17—19, 38—42, 75; Иличъ, 281. — ³⁾ Die Götterwelt, 21.

Шарац језди посреди планине,
 Нигде вила чути ни видети.
 Кад је Шарац сагласао вилу,
 По с три копа(ъ)а у висину скаче,
 По с четири добре у вапредак,
 Брзо Шарац достигао вилу ¹⁾.

Въ старину у сербовъ совершался обрядъ, тождественный по значенію съ нашимъ ряженіемъ (хожденіемъ окрутиковъ). Наряжались трое: чороје, вила и турица. Чороје (?) одѣвался въ косматую одежду, увѣшанную лосьими и другими звѣриными хвостами, на лицо накладывалъ маску («образину»), а въ рукахъ держалъ зеленую вѣтвь или пучокъ цвѣтовъ. Вила являлась въ бѣломъ женскомъ платьѣ, опоясанная красною перевязью, на головѣ имѣла бѣлое покрывало и вѣнокъ изъ цвѣтовъ, а въ рукѣ «као лук на три угла искнѣен сав цвијеѣмъ». Тому, кто представлялъ турицу, придѣлывалась на длинной косматой шеѣ конская голова съ большими зубами, которая могла раскрывать ротъ и хлопать челюстями; ноги у турицы были косматые и внизу походили на птичьи. Вѣстѣ съ этими ряжеными шелъ человекъ съ бубномъ и ударялъ въ него. Впервые они совершали обходъ на Срѣтенье, и потомъ—на всякой праздникъ до великаго поста; «први дан су пролазили и кроз саборну цркву» ²⁾. Это обрядовое шествіе служило знаменіемъ скорого возврата дожденосныхъ облаковъ, которыя олицетворялись то бѣлыми дѣвами, то существами, одѣтыми въ звѣриныя шкуры, и даже прямо—коровами и конями. Турица своимъ названіемъ напоминаетъ намъ древнее поклоненіе Туру. Сидѣвшая старинныя представленія, народъ даетъ ей, вѣсто годовы быка или коровы, голову лошади и заставляетъ сопутствовать вилѣ. По-

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 217; Срп. рјечник, 346. — ²⁾ Срп. рјечник, 828—9.

добно тому, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи совершается слѣдующій обрядъ: въ заговѣнье передъ Петровками два или три человека, избранные представлять русалку, покрываются парусомъ, и передній держитъ передъ собой лошадиный черепъ, на который надѣта упряжная збруя; а кто-нибудь идетъ сзади и погоняетъ эту акъ называемую русалку. Въ числѣ другихъ животненныхъ образовъ, въ какихъ издревле рисовались народной фантазіи облака и тучи, встрѣчаемъ оленя и козла. О вилахъ, блуждающихъ по лѣсамъ и рошамъ, рассказываютъ, что онѣ имѣютъ козли ноги и конскія копыта ¹⁾. Вилы не всегда ѣздятъ на чудесныхъ коняхъ; иногда онѣ носятъ на быстрыхъ оленяхъ, заузанныхъ и погоняемыхъ змѣями, т. е. молніями. Такъ, по свидѣтельству одной пѣсни, вила поймала четыре змѣи и семигодовалаго оленя, «*zauzda ga zmijom, naćini od dvě zmije remenje za uzdu, a četvrtu zmiju uze mĕsto šibe* (взяла вмѣсто бича), *sedne na jelena, pa hajde i potĕru*» (и пустилась въ погоню ²⁾).

Какъ дѣвы весеннихъ грозъ, какъ существа, тождественныя эльфамъ, вилы куютъ крѣпкія сабли, ударяя которыми можно перерубать желѣзо и камень ³⁾, и пускаютъ изъ облачныхъ странъ острыя стрѣлы — молніи. Всякаго, кто раздражитъ вилу, она поражаетъ стрѣлою въ сердце, руку, ногу или другую часть тѣла и причиняетъ ему смерть или тяжкую, разслабляющую болѣзнь. Такъ подобная кара непременно постигаетъ того, кто помутитъ свѣтлыя воды вилина источника: повѣрье, въ основѣ котораго скрывается мысль о молніяхъ, видимыхъ во время грозовой бури, возмущающей небесные родники. Родители запрещаютъ своимъ дѣтямъ ходить въ такія мѣста, гдѣ по общепринятому мнѣнію могутъ поранить

¹⁾ Кукулевичъ, 90. — ²⁾ Ibid., 102—3; German. Mythen, 571.—

³⁾ Кукулевичъ, 88.

нихъ истительныхъ вилы. Если у кого заболѣетъ нога или рука — это приписывается дѣйствию вилъ ¹⁾. Такимъ образомъ эти мифическія дѣвы ставятся въ такую-же тѣсную связь съ болѣзнями, какъ и русалки, полудницы и эльфы. Слово виловникъ означаетъ у сербовъ бѣсноватаго — челоуѣка, которымъ овладѣли вилы (какъ-бы вошли внутрь его тѣла). Царь Стефанъ, построивши Которъ, созвалъ на пиръ гостей, и между прочими пригласилъ помогавшую ему вилу. За пиромъ сталъ онъ хвастаться, какой удалось ему воздвигнуть славный городъ; на это вила возразила, что безъ нея онъ ничего бы не сдѣлалъ; раздосадованный царь ударилъ вилу по лицу, «а она се на то расрдѣ, те све изворе (родники) и студенце по Котору отрује (отравила, испортила) и све гѣсти цареве полуди (и наслала на царскихъ гостей ѡдурь). Кад цар ту освету (мщеніе) види, он стане вилу молити и једва је којекако намоли те му госте поврати од лудила и очисти му од отрова само један извор иза јужнијех врата градскијех» ²⁾. Бросая что-то въ источники, или купая въ нихъ своихъ дѣтей, вилы отравляютъ воду, и тотъ, кто напьется этой воды, долженъ немедленно умереть ³⁾; сравни приведенныя выше (стр. 62, 113) повѣрья о колодцахъ и сосудахъ, отравляемыхъ демонами различныхъ недуговъ. Сербскія пѣсни даютъ виламъ лукъ и стрѣлы: ставить шатѣръ угринъ Янко у студѣныхъ водъ Савы — на вилиномъ игралиштѣ, и говорить ему бѣлая вила:

«Ход' отоле, угрин Јанко!
Не пса(ь)и ми шатор тудар ⁴⁾;
Ако запех стр'јехе моје,
Устр'јелићу тебе, Јанко.»

Еще интереснѣе свидѣтельство другой пѣсни: ѣхали два побратима Марко-кравлевичъ и повоеда Милошъ; говоритъ Марко:

¹⁾ Срп. рјечникъ, 61; Илиячъ, 279—280. — ²⁾ Срп. рјечникъ, 62, 294. — ³⁾ Купуленичъ, 101. — ⁴⁾ Не разбирая тутъ шатра.

«сильно одождвааетъ меня сонъ; запой, братъ Милошъ, и разгони мою дремоту.» Отвѣчаетъ ему Милошъ:

«Ја би тебе, брате, попевао,
Ал' сам синоћ много пио вино
У планини с вилом Равијојлом,
Пах је мене запретила вила:
Ако мене чује да попевам,
Оће мене она устрелити
И у грло и у срце живо.»

—Пој, не бойся вила, пока живъ Марко-королевичъ и есть у него вѣщій конь и золотой шестоперъ. Милошъ затануль пѣсню,

А Марку је песма омилила,
Наслони се седлу на облучје;
Марко спава, Милош попијева.
Зачула га вила Равијојла,
Па Милошу поче да отпева;
Милош пева, вила му отпева.
Лепше грло у Милоша царско,
Јесте лепше, него је у виле;
Расрди се вила Равијојла,
Пах одскочи у Мироч-планину,
Запе лука и две беле стреле,
Једна уд'ри у грло Милоша,
Друга уд'ри у срце јуначко.

—Марко, побратимъ по Богу! воскликнуль Милошъ, вила меня устрѣляла. Очнулся Марко отъ сна, припустилъ Шараци и сталъ нагонять вилу.

Бад се вила виде у невол(ъ)и,
Приу јадна ¹⁾ небу под облаке;
Потеше се буздованом Марко,
Белу вилу међ' плећи удари,
Обори је на зем(ъ)ицу чариу,
Пах је стаде бити буздованом,
Преврће је с десне на лијеву,
Пах је бије шестопером златним.

¹⁾ Принула бѣднаја.

Стала молить его вила: «пуста меня жавою! а наберу зелья и залѣчу раны у Милоша.» Отпустилъ ее Марко-королевичъ; набрала вила цѣлебныхъ травъ и залѣчила юнаку тяжелыя раны: еще лучше (==сладкозвучнѣе) стало у Милоша горло, чѣмъ было прежде. Говорила потомъ Равнѳојла между своими подругами:

«О чујете, виле-другарице!
Не стрежајте по гори јунака,
Дон је гласа краљевича Марка
И његова видовита Шарца
И његова шестопера златна.»¹⁾

Тоже преданіе разсказывается у хорутанъ въ такой формѣ: вѣдали Марко и Андрей-королевичи. На просьбу Марка спѣтъ ему пѣсню—отозвался Андрей: «ei, mili brate, ja ti ne smem, mene bi vila oblakinja prestrelila. — Ei, pa naj se bojati, ja sem ti ovdi. Poslušne Andro i zapeva tak da su 'se grane²⁾ padale. Na jeden put doleti sulica (короткое, метательное копье) v u Andra i prevali se. A Marko se ozre, odkud je to doletelo i opazi v u oblaku vilu, pograbi buzdo-vana i hiti ga v u vilu tak da ju je mam na kla hitil. Vila poč-ne kričati: pusti me, Marko, ja ti oživim Andra i dam ti ko-nja vilovitoga, kaj buš mogel po zraku leteti. Mar-ko ji dovoli i ona nabere nekakove trave pa oživi Andra; a Marko dobi konja vilovitoga»³⁾. Итакъ вилы не только на-носятъ смертельные и болѣзненные удары, но и знаютъ искусство залѣчивать раны и умѣютъ находить нужныя для этого травы. Онѣ, по народному повѣрью, слетая съ неба, учатъ людей тайнамъ врачеванія; кто окажетъ вилѣ какую-нибудь услугу, тому она становится посестримой (названною сестрою) и сообщаетъ знаніе цѣлебныхъ травъ⁴⁾. Когда однажды моло-

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 181; II, 215—9. — ²⁾ Въ вѣтан. — ³⁾ Сб. Валица, 68. — ⁴⁾ Кукулевичъ, 89—90; Иличъ, 281.

дой юнакъ сломалъ свою правую руку, для него, по словамъ сербской пѣсни ¹⁾, нашлась «л(ь)екарица, изъ горнице вила»; но раздраженная на его любовь—она отравила ему рану, и несчастный погибъ безвременной смертію. Вилени называются человѣкъ, въ котораго ударила вила стрѣлою и потомъ сама-же исцѣлила ²⁾. Чехи противъ недуговъ, которые подобно червямъ подтачиваютъ жизнь человѣка, произносятъ такой заговоръ: «*Byla ranna Maria prečistá, měla tři vlastní sestřičky* (вариантъ: *svatá Lucie tři dcery měla*): *jedna předla, druhá vila, třetí (motala i) na škravky žehnala, žehnala srdečnim, jaternim, plěním, krevním, strevním* (закликала червей въ сердцахъ, печени, легкомъ, въ крови и кишкахъ) *tě a tě osobě, aby jí masa nejedly, krve nepily, a tě osobě pokoj daly*» ³⁾. Эти три дѣвы, изъ которыхъ одна прядетъ, другая вьетъ, а третья мотаетъ, суть вилы, о сродствѣ которыхъ съ тремя вѣщими прихами (дѣвами судьбы) будетъ сказано въ главѣ XXV. Сила врачевать болѣзни принадлежитъ виламъ, какъ обладательницамъ живою, цѣлющей воды, какъ дожденоснымъ или водянымъ дѣвамъ. Нѣмецкія саги заставляютъ бѣлыхъ женъ возсѣдать около цѣлебныхъ ключей и колодцевъ (*heilquellen, gesundbrunnen*); а по шотландскому преданію, лѣкарственные знаки указала морская жена ⁴⁾. Сверхъ тѣлесной крѣпости и здравія, живая вода надѣляетъ еще даромъ предвѣщаній и высшаго вѣдѣнія, и чрезъ то необходимо становить облачныхъ нимфъ въ разрядъ вѣщихъ или мудрыхъ женъ (*weise frauen, weissagerinnen*). Всякая вила есть прорица и чародѣйка; она знаетъ будущее, и состязаясь въ мудрости, легко побѣждаетъ своихъ противниковъ: слов. *vileník* —колдунъ, *vilenístvo, vilensztvo* — колдовство ⁵⁾.

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 430. — ²⁾ Срп. рјечникъ, 62. — ³⁾ Громанъ, 152—3 — ⁴⁾ D. Myth., 1101—6. — ⁵⁾ О вл. христ. на сл. яз., 21.

Бану Секулѣ общалась вила «три била казатъ: прво бвлѣ — да ти љуба роди сина, друго — да ти с'абла сјечетурке, треће — да си стиган (честенъ) у дружину»; а Марку-королевичу она предсказала близкую смерть. Оступился Шарацъ и полился изъ глазъ его слезы; спрашиваетъ Марко королевичъ: что бы это значило? и отозвалась ему вила съ горы: «жалѣ-еть тебя добрый ковь! скоро намъ разставаться: заболѣешь ты, Мирко, и умрешь «од Бога од старог крвника». Какъ будешь ты на вершинѣ горы, посмотри справа надѣво — тамъ стоятъ двѣ тонкія ели, а межъ ними струится свѣтлый ключъ; сойди съ коня, загляни въ воду на свое лице, и узнаешь, что тебя ожидаетъ смерть.» Послушался Марко,

Наднесе се над бунар ¹⁾ над воду,
Над водом је лице огледао;
А кад Марко лице огледао —
Виђе Марко кад ће умријети ²⁾.

Этотъ горный колодезь соответствуетъ тѣмъ скандинавскимъ источникамъ мудрости и предвѣдѣнія, которые истекали изъ-подъ корней Иггдразилли, и особенно Urdhsbrunnen'у, вождѣ котораго обитали норны, опредѣлявшія теченіе жизни и смерть каждаго человека. Въ старину многіе съ боязнію смотрѣли на свой отраженный образъ. Вѣроятно, на гаданіи, съ какими издревле обращались къ воднымъ источникамъ, основывается и воднѣйшее гаданіе зеркаломъ; донныѣ дѣвушки, желая увидать своего суженаго, смотрятъ или на дно колодца, или въ зеркало.

Владѣя стрѣлами и копьями, вилы являются въ народныхъ сказаніяхъ могучими, воинственными дѣвами, подобными съвернымъ валькиріямъ. Такъ какъ въ грозѣ древній человекъ созерцалъ борьбу стихій, кровавыя битвы и дикую охоту облачныхъ духовъ; то о горныхъ вилахъ (vile gorske) расска-

¹⁾ Студенецъ; родникъ. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 182—3; II, 439—441; Путешеств. въ Черногорію А. Попова, 213—4.

зываютъ, будто онѣ, вооруженныя мѣткими стрѣлами, дѣяты ловы и сражаются между собою, при чемъ отъ нихъ неистовыхъ восклицаній и крика стонутъ горы и содрагается земля: «čela goga od krike i vike gmi i zemlja se trese» ¹⁾. Съ затемнѣніемъ основнаго смысла преданія, фантазія допустила участіе вилъ въ человѣческихъ войнахъ. Онѣ помогаютъ своимъ любимымъ героямъ и низвергаютъ вонновъ противной стороны губительными ударами; хорутанская пришевка ²⁾ упоминаетъ о ямѣ, наполненной головами людей, побитыхъ вилами («koje su vile preobladale»). Онѣ покровительствуютъ сербскимъ юнакамъ, заключаютъ съ ними побратимство (принимаютъ на себя обязанности посестримъ), дарятъ имъ крѣпкое оружіе и надѣляютъ ихъ силою и удачею въ бояхъ. Марку королевичу онѣ дали и богатырскую силу, и ратную саблю ³⁾. У хорутанъ сохранилось такое преданіе: въ дѣтствѣ своемъ Марко-королевичъ пасъ свиней и былъ такой слабой мальчикъ, что его постоянно колотили товарищи. Однажды онъ набрѣлъ на прекраснаго вилина ребенка, и видя, что дитя лежитъ на солнечномъ припѣкѣ, укрылъ его подъ тѣнь. Тутъ пришла вила и промолвила: «mili Bog! gdo je to učinil? da me prosi kaj god na svetu, ja bi mu dala». Мальчикъ попросилъ, чтобъ его не обижали товарищи. «А она mu odgovori: ajda, gda to očeš, hodi me cecat (сосать). On ju posluhne i ide cecat. Gda se je nacecal, veli mu vila: no, vezda ⁴⁾ bodi ovoga kamena drmat ⁵⁾, jel' ga buš mogel zdrmati. Kamen imel je dvanajst centov. Ide ga drmat, ali ni z mesta. Onda mu veli vila: hodi išše cecat; gda se nacecaš, hodi ga pak drmat. Ide cecat, i gda se je nacecal — ide ga drmat, ali samo malo ga je zdrmal. Onda pak ide cecat... Onda ga je vre mogel vu visinu veliku i prek gore hititi,

¹⁾ Кукулевичъ, 90. — ²⁾ Сб. Валавца, 2. — ³⁾ Кукулевичъ, 96; Иличъ, 289. — ⁴⁾ Теперь. — ⁵⁾ Трасти, поворачивать.

da ga v. ě ni bilo nigde». Такъ, по древне-поэтическому воззрѣнію на природу, сосетъ богъ-громовникъ облачную жену, и упившись ея молокомъ (= дождевою влагою), предстаетъ во всешъ своемъ грозномъ величіи — рушителемъ скалъ и камней. «Теперь, сказала вила Марку-королевичу, ступай — куда хочешь; никто тебя не одолѣетъ!» Королевичъ сковалъ себѣ огромную боевую палицу и отправился на богатырскіе подвиги. Съ этихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ въ бою; вилы постоянно помогали ему въ кровавыхъ встрѣчахъ. Нѣкогда, сражаясь съ русскимъ царемъ, онъ воскликнулъ: вила, помоги мнѣ! и вслѣдъ за тѣмъ побѣдилъ непріятельскія ратн¹⁾. Сербская пѣснь описываетъ единоборство Марка-королевича съ Мусой Кеседжія: послѣ первыхъ ударовъ, изломалось у обоихъ воинское оружіе; она соскочила съ коней и схватились руками; долго боролись витязи, кровавая пѣна капала съ нихъ на землю, но вотъ Муса осилилъ, повалилъ противника на зеленую траву и сѣлъ ему на грудь. Завопилъ королевичъ Марко:

„Ѣе си данас, посестримо вило,
Ѣе си данас? ниѢе те не било!
Еда си се криво заклини(ъ)ала
ѢегоѢ мене до невол(ъ)е буде,
да Ѣеш мене бити у невол(ъ)и?“²⁾

Явилась ему вила изъ облака и сказала: «зачѣмъ жалуешься, Марко-королевичъ! не я ли, бѣдный, тебѣ говорила чтобы, не начиналъ ссоры въ воскресенье? Срамъ нападать двумъ на одного, и развѣ нѣтъ у тебя зѣи за паухой?» Въ послѣднихъ словахъ былъ намѣкъ на острый ножъ. Заслышавъ голосъ вилы, Муса взглянулъ на облако, откуда она вѣщала; а

¹⁾ Сб. Валацка, 63—65. — ²⁾ Переводъ: „гдѣ ты нынче, посестрима вила, гдѣ ты? нигдѣ тебѣ нѣтъ! Развѣ ты неварно являлась помогать мнѣ въ бѣдѣ?“

Марко въ тоже мгновеніе выхватилъ вожь изъ-за пазухи и распоролъ Мусу отъ пояса до самаго горла ¹⁾. Другая пѣсни рассказываетъ, какъ къ тому-же герою пришло девять-десять посестримъ вила на помощь противъ бана Свилайна. Къ молодцу Новаку прилетѣла изъ горы вила и помогла ему въ битвѣ противъ Мануйла Гречича; а когда Янко былъ убитъ Пукичемъ, вила взяла его сына Нинолу Янковича, унесла въ свою пещеру и воспитывала до юношескихъ лѣтъ, потомъ дала ему славнаго вилинскаго коня и вилинское оружіе и послала мстить за смерть отца ²⁾. Враги сербовъ и черногорцевъ — враги и ихъ вилашъ. Вилы предупреждаютъ витазей этого славянскаго племени о всякой военной опасности, о всѣхъ нападеніяхъ, какія готовятъ на нихъ невѣрные турки.

Кличе вила од Кома-планине,
Дозивала вила на поле Цетине,
На Цетине на средь горе Црис
По имени и по прозвину
Петровича Данилу владыку:
О владыко, черногорска главо!
Эго на те иде сильна војска
Од оноги Отманович цара ²⁾.

Владыка спрашиваетъ вилу:

«Кажи мене, од планине вило!
Мош ли янати, колико је војске,
Од које ли земл(ь)е и крајине,
На коју ће страну окренути
И сад ко ће на нас ударити?» ⁴⁾

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 407—9. — ²⁾ Кукулевичъ, 88, 95. —
³⁾ Переводъ: кличетъ вила съ горы Комы, зоветъ вила на Цетинское поле, на Цетинское поле среди Черногорья, по имени и прозванію — владыку Данилу Петровича: «о владыка, черногорскій глава! идетъ на тебя сильное войско царя отомановъ» — ⁴⁾ «Скажи мнѣ, горная вила! знаешь ли ты — сколько войска, изъ какихъ земель и областей, на какую сторону хочетъ нападать, и кто на насъ ударитъ?»

И вѣла рассказываетъ, сколько у непріятеля войска, изъ какихъ земель оно набрано и на какія страны намѣрено ударить. По ея вѣстанію, владыка распоряжаетъ дѣйствіями своихъ полковъ и одерживаетъ надъ турками знаменитую побѣду. Точно также, по словамъ недавно-сложившейся пѣсни, вѣла извѣщала о предстоящей битвѣ храбраго Вука Лешевича и пугала его бѣдами, если онъ не послушается ея совѣта и не сообщитъ о томъ другимъ юнакамъ ¹⁾. По волошскому поверью, у каждой страны есть своя *vilva*-защитница; охраняя свои земли, вильвы часто сражаются между собой въ воздушныхъ пространствахъ, и смотря по исходу битвы—въ подвластныхъ имъ странахъ устанавливается хорошая или дурная, благоприятная или гибельная для урожаевъ погода (сравни съ сказаніями о битвахъ лѣшихъ — II, 334-5, и въдогоней — гл. XXIV). Такимъ образомъ вилы получили вполне-народный характеръ, сдѣлались защитницами политической свободы и общественныхъ интересовъ южныхъ славянъ, подобно тому, какъ въ германскихъ преданіяхъ тѣже національныя черты усвоены Одину и валькиріямъ. Чехи донынѣ видятъ въ облакахъ и тучахъ толпы небесныхъ воиновъ, и когда собирается гроза — говорятъ: вотъ опять вооружаются *nebeští vojašil* Громы и молніи принимаютъ за ихъ выстрѣлы, а сгущенные пары — за дымъ отъ огнестрѣльнаго оружія; когда небесный воинъ дастъ промахъ, то посланная имъ нуля падаетъ на землю и производитъ грозовый ударъ. Въ средѣ этихъ ратниковъ есть безголовый барабанщикъ; зашумитъ ли въ лѣсу буря — это онъ стучитъ въ свой громкій барабанъ ²⁾. Послѣ принятія христіанства, означенныя представленія были перенесены на ангеловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ создались легенды о чудесной помощи, даруемой ими

¹⁾ Путеш. въ Черногорію А. Попова, 216—9. — ²⁾ Громаниъ, 5.

христолюбивому воинству. Ипатьевская летопись, описывая битву Владимира Мономаха съ половцами, замѣчаетъ: «падаху половци предъ полкомъ Володимеровымъ, невидимо бѣеми ангеломъ, яко се видяху мнози человекѣ, и главы летяху невидимо-стигаемы ва землю. И въпросиша молодникъ (пѣльныхъ), глаголюще: како васъ толико сила и многое множество не можете ся противити, но въскорѣ побѣдите? Си же отвѣщаху, глаголюще: како можемъ битися съ вами, а друзи въздоху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ! Токмо се суть ангели, отъ Бога послани помогать хрестьяномъ» (сравни т. I, 278—9). Въ «Гисторіи объ азовскомъ взятіи» разсказывается, что казаки, стѣсненные турками, возслали къ Богу горячія молитвы, и «для той казацкой печали того-же дня возста отъ сѣверной страны туча, а изъ той тучи вышла дѣва Пречистая Богородица и съ ней множество прекрасныхъ юношей (ангеловъ и мучениковъ), и пришедъ прогна турокъ... Нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и ослѣпи очи ихъ, и между собою начали стѣчися»¹⁾. Какъ валькиріи препровождаютъ падшихъ въ бою героевъ въ блаженное царство Одина, такъ и вилы увлекаютъ прясужденныя имъ души въ свои облачныя жилища. Одна мать, у которой было девять дѣвочекъ, молила Бога, чтобы онъ даровалъ ей сына; но вмѣсто мальчика, родила дѣсатую дочь. Когда на крестинахъ спросили родильницу: какое имя дать ребенку? — она въ горькой досадѣ отвѣтила: «Яня—чортъ бы ее взялъ!» (ѣаво је одиѣјо!) Яня выросла тонка и высока, бѣлолица и румяна; разъ взяла она ведро и пошла по воду.

Бад је била кроз гору зелену²⁾,
 Ал' повинна на горице вила:
 „Ој чујеш ли, прелијена Јамо!

¹⁾ Рыбник., IV, 182-3. — ²⁾ Когда шла лѣзелымъ сонъ...

Бацц ¹⁾ ведро у зелену траву,
 Ходи н мене у гору зелену;
 Тебе ј' мајка нама поклонила,
 Још малену нуму на рукама².

И дѣвица пошла къ виламъ ³⁾. Доселѣ существуетъ клятва: «чтобъ тебя вилы унесли!» (виле те однеле! ⁴⁾). Въмѣсто выраженія: «какая смерть тебя возьметъ!» сербы говорятъ: «какія вилы тебя одолѣютъ!» ⁵⁾. На Руси дѣти, проклятыя отцомъ или матерью, дѣлаются достойніемъ водяныхъ и лѣшнихъ.

Наравнѣ съ эльфами и русалками, вилы любятъ пляски, пѣніе и музыку. Собираясь на избранныхъ мѣстахъ — въ лѣсахъ и по горамъ, онѣ водятъ коло, играютъ на свирѣляхъ и дудкахъ, поютъ, бѣгаютъ и рѣзвятся; морскія вилы выходятъ при свѣтѣ мѣсяца изъ своихъ подводныхъ жилищъ, затягиваютъ чудныя пѣсни и въ легкихъ, граціозныхъ пляскахъ носятъ по берегу или по зыбкой поверхности водъ. Вилы охотно пляшутъ и подъ звуки гуслей, на которыхъ играетъ пастухъ; онѣ такъ пристрастны къ танцамъ, что предаются имъ до совершеннаго истомленія ⁶⁾. Высока́ Ловћен-планина, говоритъ пѣсня, «виленски у њој станови, свећ' (всегда) виле танце изводе» ⁷⁾. Смертнымъ небезопасно смотрѣть на нихъ веселыя забавы; всякой, кто набредетъ на нихъ хороводъ или вечернее пиршество, всякой, кто расположится станомъ на ихъ «дивномъ игралищѣ, дивномъ пѣвалищѣ», — подвергается ищенію и стрѣламъ раздраженныхъ вилъ ⁸⁾. Иногда, завидѣвъ юношу, вилы увлекаютъ его въ свои танцы и кружатъ до тѣхъ поръ, пока онъ не испуститъ своей души ⁹⁾; но случается

¹⁾ Брось. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 560 — 1. — ³⁾ Срп. н. послов., 35. — ⁴⁾ Герман. Mythen, 571. — ⁵⁾ Кукуленичъ, 94. 101; Сб. Валава, 13, 46, 52—59. — ⁶⁾ Срп. н. пјесме, I, 190 — 1. — ⁷⁾ Ibid., 181—3; Срп. рјечникъ, 61. — ⁸⁾ Narod. zpiewanky, I, 8.

также, что, въ награду за долгую неутомимость и искусство въ пляскѣ, вилы вступаютъ съ нимъ въ побратимство и научаютъ его мудрости (дѣлаютъ вѣщимъ), какъ своего любимца. Однажды Марко-королевичъ шелъ горою мимо того мѣста, гдѣ собравшіяся вилы коло играли. Онѣ увидали королевича и пригласили его состязаться съ собой въ танцахъ — съ тѣмъ условіемъ, что если онъ будетъ побѣжденъ, то навсегда останется въ ихъ власти. Но витязъ былъ крѣпокъ ногами и одержалъ побѣду надъ всѣми вилами, которыя, не смотря на свою легкую, воздушную природу, попадали наконецъ отъ усталости на землю. Побѣжденные вилы заключили съ королевичемъ братскій союзъ, и съ той поры какъ-бы состояли у него на службѣ и помогали ему во всякой бѣдѣ. По свидѣтельству черногорской пѣсни, на Мирочѣ всѣ вилы были Марку-королевичу посестримы, кромѣ одной Равијолы, но и ту заставили подруги послѣдовать ихъ примѣру ¹⁾. Напѣвы вилъ до того обаятельны, что человѣкъ, услышавши ихъ однажды, уже не можетъ наслаждаться пѣснями земныхъ дѣвъ и всю жизнь свою томится и тоскуетъ. Любятъ вилы состязаться и въ искусствѣ пѣнія, и какъ равнодушны онѣ къ легкости и быстротѣ пляски, такъ точно равнодушны и къ звонкому, пріятному голосу. Выше мы указали преданіе, какъ вила Равијола поразила стрѣлами Милоша — за то, что въ сравненіи съ нею онъ пѣлъ и звучнѣе, и лучше. Есть еще другое преданіе, что нѣкогда вилы вступили въ состязаніе съ самонадѣяннымъ пѣвцомъ, и доказавши превосходство своихъ голосовъ, ослѣпили его ²⁾. У хорутанъ извѣстенъ слѣдующій рассказъ: у бѣдной вдовы была малютка-дочь, наученная славнымъ пѣсникомъ. По вечерамъ, когда она начинала пѣть, приходили прекрасныя вилы «z dugemi zlatnemi lasmi(воло-

¹⁾ Кукуловичъ, 87—90. — ²⁾ Ibid., 92.

сами) i zlatnemi opravamí». Незримыя никому, кромѣ одной дѣвочки, онѣ внимательно слушали ея пѣсни и всякой разъ оставляли ей какой-нибудь подарокъ. Дѣтя такъ полюбилися виламъ, что онѣ рѣшились завладѣть ими, и вотъ когда дѣвочка была похищена—бѣдная мать отправилась на поиски и нашла ее въ полѣ, «gde su vile ž njenum čerjum ¹⁾ popevale. I vile zele su mater med se i dayale nji kajkakve stvari ²⁾ da naj samo kčer pri nji' pusti, ali ona ne je štela ³⁾. Onda su nji dale lepe stvari da kči saki večer med nje dojde popevat.» Послѣ, когда мать померла, дочь ея сдѣлалась вилою («ro-stala je jedna lepa vila» ⁴⁾). Особенно интересна сербская пѣсня, изображающая хороводъ вилъ:

Ој вишњо, вишњице!
Дигни горе гране,
Испод тебе виле
Дивно коло воде.
Пред њима Радиша
Бичем росу тресе,
До две виле води,
А трећој беседи:
„Пођ' за мене, вило!
Код моје ћеш мајке
У ладу седити,
Танку свилу прести
На златно вретено.“ ⁵⁾

Дерево, подъ которымъ собрались вилы, соотвѣтствуетъ мировой ясени Иггдразилли (см. II, 279), и есть не болѣе, какъ метафора дождевой тучи; подъ ударами громоваго бича, съ

¹⁾ Съ ея дочерью. — ²⁾ Вещи, дары. — ³⁾ Не хотѣла. — ⁴⁾ Сб. Валица, 47—48. — ⁵⁾ Срп. и. пјесме, I, 111. Переводъ: Ой вишня, вишенья! подыми вверхъ вѣтви, подъ тобою вилы дивный хороводъ водятъ. Передъ ними Радиша бичемъ росу страсаетъ, двухъ вилъ водить, а третьей говорить: пойдн за меня, вила! подлѣ моей матери будешь сидѣть въ прохладѣ и прить тонкій шелкъ на золотое веретено.

вѣтвей этого дерева сотрясается роса—дождь. Такое сотрясеніе росы, сопровождающее пласку вилъ, указываетъ на ихъ стихійное значеніе и на сродство съ валькиріями, которыя въ своихъ воздушныхъ поѣздахъ также роняютъ росу. Последнія два стиха пѣсни свидѣлствуютъ, что вилы занимались пряжею. Хорутанскія приповѣдки рассказываютъ, что за услуги, оказанныя виламъ, онѣ дарятъ такой клубокъ нитокъ, изъ которыхъ можно наготовить столько полотентъ, сколько захочется. Такъ одна пастушка укрыла спящую вилу отъ жаркихъ лучей солнца, а вила подарила ей *«jedno klopko (клубокъ) i rekla: samo vezda snuj ovo klopko — i budeš imela dosti rubja (платья ¹⁾»*. Она же такъ napravila i imela je tuliko platna da si je napravila rubja dosti sebi i svojemu bratu ²⁾. Народное повѣрье утверждаетъ, что вилы шьютъ женскія одежды, и сидя на плоту, расчесываютъ свои золотистыя косы ³⁾. Цвѣтокъ *cuscuta europaea*, называемый у нѣмцевъ *flachsseide*, у сербовъ слыветъ: *вилна коса* ⁴⁾.

Одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ народномъ эпосѣ свазаній основано на мнѣіи о похищеніи облачныхъ женъ и сокрытіи дождевыхъ источниковъ злобнымъ демономъ — змѣемъ. Въ хорутанскихъ сказкахъ мнѣіе этотъ передается въ такой формѣ: царевичъ (—громовникъ) женится на прекрасной вилѣ; но приходитъ пора, и ее похищаетъ огненный король—старикъ, изъ устъ котораго исходятъ пламя; онъ уноситъ вилу на *ognjevitu gogu* или въ змѣиный городъ, и тамъ сажаетъ ее среди потока (—въ тучѣ) и оковываетъ пѣпями, т. е. зимнею стужею. Царевичъ отправляется добывать свою подругу, и чтобы достигнуть этой цѣли — долженъ слу-

¹⁾ Серб. руб, рубац = рус. рубаха. — ²⁾ Сб. Вазавца, 60—62. — ³⁾ Кукулевичъ, 99—100; Иличъ, 281. — ⁴⁾ Сри. рјеч-ниц, 62.

жить у бабы-чародѣйки и пасти быстроногихъ вилиныхъ кобылицъ, въ которыхъ обращаются ея дочери. Такой подвигъ совершается имъ при содѣйствіи Солнца, Мѣсяца и Вѣтра; затѣмъ, купаясь въ молокѣ вилиныхъ кобылицъ, онъ дѣлается сильномогучимъ богатыремъ и получаетъ за службу чудеснаго коня; на этомъ конѣ онъ увозитъ свою красавицу отъ огненнаго короля, а самому королю отсѣкаетъ мечемъ голову¹⁾, т. е. при возвратѣ весны богъ-громовникъ, купаясь въ молокѣ небесныхъ источниковъ, обрѣтаетъ свою прежнюю силу, поражаетъ демона мрачныхъ тучъ и выводитъ изъ заключенія дожденосную нимфу, какъ свою любимую супругу. Въ зимнее время, подъ вліяніемъ вьюгъ и морозовъ, царство облачныхъ дѣвъ каменѣетъ; соответственно этому поэтическому представленію, сказка, изображаетъ царство вилъ окаменѣннымъ склою злаго заклятія, но вотъ наступаетъ пора освобожденія (=весна) и сказочный герой несется туда на вилиномъ конѣ, входитъ въ церковь и начинаетъ звонить: «как on pozvoní, ali na jedenkrat vse oživi—ljudi, marha (стада) i vse kaj je predi bilo okamenjeno». Звонъ—метафора грома; шумъ грозы пробуждаетъ мертвое царство, и добрый молодецъ женится на златовласой красавицѣ, царицѣ вилъ²⁾. Какъ всѣ облачные, грозовые духи могутъ посылать и жизнь и смерть, смотря потому—несутъ ли они живую воду дождя, или холодныя, всѣоцѣняющія вьюги; такъ и вилы представляются съ тѣмъ-же двойственнымъ характеромъ: онѣ то разрушаютъ волшебныя чары и призываютъ окаменѣлыхъ героевъ къ жизни, то сами превращаютъ ихъ въ камень, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ отождествляются съ злыми чародѣйками—вѣдьмами. Царевичъ нанимается въ пастухъ къ слѣпому старику; съ гусями въ рукахъ, онъ гонитъ стадо на пастбище, располагается вблизи вилина города и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ; въ это время

¹⁾ Сб. Валинца, 1—5, 24—29. — ²⁾ Ibid., 17—19.

виламъ каменили все его стадо. Проснувшись, царевичъ пошелъ къ виламъ. «Мам, veli jedna vila, da budu ga vezda na kamen napravile, a druga veli: ne-ne, ima gusle, naj nam igra, bumo tancale. On jim igra-igra, a one, gda jim preveč tancanja bilo, kričiju: náj igrati, náj-náj! ¹⁾ On samo igra dok su opadale v re vile. Onda kričiju: náj igrati, idi raiši v ono šikarje pak si onu i onu šibu (путь, вѣтку) odreži pak vudri po sakem kamenu, 'sa bu ti nazad marha. On igra-igra. One kričiju: náj igrati, rajši otrgni onu travu tam pak namaži starcu slepomu tvojemu oči pak bu taki videl. On igra-igra, pak veliju mu vile: náj, náj igrati, idi k starcu dimo pak vudri po štali, mam bu 'se zlato i ves zlati komj i 'se bu vu štali zlato. On nikaj, igra-igra. One veliju: náj igrati, vudri doma po pivnici ²⁾, buš tam dva kupe zlata i srebra našel, samo nam pusti mira pak náj igrati» ³⁾). Царевичъ пересталъ играть и воспользовался всѣмъ, что высказали ему вилы. Эта игра на гусляхъ—метафора грозовыхъ пѣсней. Называя вой бури и раскаты грома небесною музыкою, фантазія создала басню о гусляхъ-самогудахъ, обладающихъ такимъ чародѣйнымъ свойствомъ, что пока они издають звуки—все кружится и пляшетъ; вилы поэтому и не могутъ оставить своей бѣшеной пляски, и усталыя просятъ о пощадѣ. Смыслъ преданія—елѣдующій: богъ-громовникъ, искусный музыкантъ на волшебныхъ гусляхъ, выговяетъ въ раннюю весеннюю пору свои небесныя стада, т. е. дождевыя облава; а вилы, пользуясь его отдохновеніемъ, превращаютъ ихъ суровымъ дыханіемъ стужи въ безжизненные камни. Но вотъ пробуждается громовникъ, начинаетъ наигрывать на гусляхъ, и заставляя вилъ

¹⁾ Когда вилы натапцовались, онъ закричалъ: довольно, будетъ играть! — ²⁾ Штала—конюшня, пивница—погребъ. — ³⁾ Сб. Вальца, 33—34, 54—56.

плясать, приводитъ ихъ въ совершенное истомленіе, т. е. смирять ихъ въ шумѣ бурной грозы, дѣйствіемъ которой окаменѣлыя стада его возвращаются къ жизни (ударъ вѣтки есть ударъ молніи, см. II, 388-395), золото-солнечныхъ лучей проясняется изъ-за разбитыхъ тучъ и верховному владыкѣ неба, ослѣпленному темными облаками и туманами, возвращается его зрѣніе—свѣтъ. Солнце, луна и звѣзды уподоблялись золоту, серебру и глазамъ. Тучи, закрывающія эти свѣтила, представлялись демонами, готовыми не только похитить драгоценныя сокровища, но и ослѣпить всевидящія, міровыя очи. Вилы, какъ собирательницы облаковъ, также отнимаютъ небесный свѣтъ, или выражаясь метафорически: похищаютъ зрѣніе (очи), пока могучій громовникъ не разсѣетъ сгущенныхъ тучъ и не выведетъ изъ-за нихъ яснаго солнца, или блестящихъ звѣздъ и мѣсяца. Приведенная сказка имѣетъ еще другой вариантъ ¹⁾: три вилы выкопали у стараго дѣда очи; свѣтливый пастухъ вызвался возвратитъ ему зрѣніе. Онъ приготовилъ шестнадцать клиньевъ и погналъ овцу да барана на пастбище. Вскорѣ явились туда три вилы и начали танцовать подъ музыку пастуха; онѣ танцовали до тѣхъ поръ, пока не попадали въземь. Тогда добрый молодецъ прекрѣпилъ ихъ клиньями въ землѣ, а баранъ принялся подъ бока толкать; вилы принуждены были покориться и выдали пастуху шесть коробокъ глазъ, между которыми онъ нашелъ и глаза дѣда. Пастухъ воротился къ слѣпому, вставилъ ему очи, и съ помощію цѣлебной травы, указанной вилами, возвратилъ ему потерянное зрѣніе ²⁾. Г. Максимовичъ упоминаетъ о подобной жемалорусской сказкѣ про злую русалку, которая лишила зрѣнія дѣда и бабу—за то, что онъ пасъ на овецъ на ея заповѣдномъ лугу, и носила ихъ вынутыя очи въ платкѣ за поясомъ ³⁾.

¹⁾ Ibid., 52—53. — ²⁾ Сравни у Эрбена, 27—29: „Jezinky“. — ³⁾ Рус. Бес. 1856, III, 100.

Тѣхъ-же мненческихъ дѣвъ болгары знаютъ подъ именами: а) само-вила и в) само-дива; первая преимущественно обитаетъ въ горахъ, а послѣдняя — въ рѣкахъ и колодахъ. Оба имени сопровождаются придаточнымъ само и напоминаютъ наши эпическія выраженія: коверъ-самолетъ, ска-терть-самобранка, топоръ-саморубъ и др. Самовила (самовьющая, самоприха) существенно ничѣмъ не отличается отъ сербской и словенской вилы; а самодива должна быть поставлена въ сродство съ дивами—великанами и змѣями-тучами. Какъ этимъ послѣднимъ присвоивается прозваніе юдо (II, 216, 290, 618), такъ присвоивается оно и самовиламъ («юдо-самовило!») Юды, по рассказамъ болгаръ, — жены съ длинными косами, живутъ въ глубокихъ рѣкахъ, озерахъ и водоворотахъ; выходя на берегъ, онѣ любятъ расчесывать волосы, а если завидятъ кого въ водѣ, то оплетаютъ и удавливаютъ его своими косами. Въ пѣсняхъ самовиламъ даются постоянные эпитеты: самогорска, прекуморска; у нихъ — славныя русыя косы, онѣ водятъ хороводы¹⁾, вступаютъ съ юнаками въ побратимство, помогаютъ имъ въ нуждѣ и спасаютъ ихъ отъ преждевременной смерти; подобно сербскимъ виламъ, онѣ создаютъ облачные города:

Градъ градила самовила
Ни на небо, ни на земи,
Туку така подъ облака.

Когда идетъ дождь и въ тоже время свѣтитъ солнце, тогда, по мнѣнію болгаръ, купаются самовилы²⁾, что соответствуетъ нѣмецкому и малорусскому повѣрью, что тогда чортъ—громовникъ бьетъ свою жену—вѣдьму (см. выше,

¹⁾ „Оро (коло, хороводъ) ни играле триста самовили На варѣ на планина, на рамна рудина“. Когда юды водятъ коло, то движутся самыя горы—Др. болгар. пѣсня объ Орееѣ, открыт. Верковичемъ; здѣсь же упомянуто, что юды собираютъ лѣкарственными травами. — ²⁾ Каравел., 240—1, 319; Милади., 1—7, 524.

стр. 14-15). Наравиѣ съ эльфами, лѣсными и водяными духами, самодивы признаются за падшихъ свѣтлыхъ ангеловъ; низвергнутыя съ неба, онѣ населили воды, а нныя остались въ воздухѣ и по ночамъ нарушаютъ тишину своими чудными звуками, которые слышатся то какъ отдаленная музыка, то какъ дѣвичьи пѣсни, то какъ скрипъ безчисленныхъ колесъ. Самодивы поютъ и пляшутъ по лугамъ и оставляютъ на травѣ большіе круги, состоящіе изъ узкой, убитой ихъ ногами дорожки. Если человѣкъ, заслыша ихъ пѣсню, осмѣлится приблизиться къ самодивскому хороводу, онѣ или убиваютъ его, или навсегда лишаютъ языка и памяти ¹⁾. На связь ихъ съ губительными болѣзнями указываетъ и то, что Морская дѣва причисляется болгарами къ самодивамъ и юдамъ-самовиламъ (см. стр. 104). Въ качествѣ облачныхъ нимфъ, онѣ вліяютъ на земное плодородіе: когда нивы стоятъ еще зеленныя, въ нихъ, по народному повѣрью, прячутся самодивы и орисницы; послѣднія колосья, оставляемые на поляхъ жнецами, называются божья брада и считаются достояніемъ самодивъ; кто покусится и не оставитъ для нихъ колосьевъ на своей полосѣ, у того нихри отнимутъ ноги ²⁾; когда приѣзжаютъ на мельницу съ зерновымъ хлѣбомъ, то часть смолотой изъ него муки бросаютъ въ воду самодивамъ, а муку, которая, подымаясь пылью, осаживается по стѣнамъ мельницы, называютъ дьявольски хлѣбъ ³⁾.

Самовиламъ приписывается запираніе водныхъ источниковъ и похищеніе зрѣнія. Вотъ свидѣтельство пѣсни:

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 205. — ²⁾ Въ венгерской Сербіи послѣднія колосья на нивѣ, всерѣзанныя серпомъ, перевязываются золотыми нитями и лентами и называются брадой господина Бога (сравни: I, 697—8). Изъ этой бороды выдергиваютъ нѣсколько колосьевъ и плетутъ вѣнокъ, который потомъ прикрѣпляется къ пальцѣ, поставленной посреди нивы, и носитъ названіе Среѣа (счастье) — Археолог. Вѣстникъ 1867, II, 57. Орисницы и Среѣа — дѣвы судьбы. — ³⁾ Сочет. г. Караваковичъ.

Шеталъ ¹⁾ Марко низъ гора зелена,
 Що ми шеталъ три дни а три ноця ²⁾,
 Ни можить вода да ми наидить,
 Ни запитъ, ни да съ изиетъ,
 Ни за себе, ни за барза коня.
 Паговори Марко кравевике:
 „Ворай горо, горо Динна-горо!
 Камо ти вода да съ напямъ,
 Не машъ да пямъ, ни да съ изиамъ.
 Да би ми те ветаръ исушило!
 Да би ми те сонце изгорило!“

Отвѣчаетъ Марку-королевичу Динна-гора: «гой ты, Марко-доб-
 рый юнакъ! не кляни меня, а кляни старую самовилу,

Що собрала седумдесетъ кла'енци ³⁾,
 Да иснесла на варъъ на планина,
 Да прода'ать еденъ бардакъ вода ⁴⁾
 за царни-те очи.“

Когда услышалъ это Марко-королевичъ, спрашиваетъ онъ сво-
 его добраго коня:

„Ай ти коню, мое мило добро!
 Али можишь ти да ме изнесишь,
 Да отепамъ стара самовила,
 Да растурамъ седумдесетъ кла'енци?“

Конь несетъ его на вершину горы; витязъ поражаетъ самови-
 лу, отмыкаетъ семьдесятъ колодцевъ и открываетъ ихъ во-
 дамъ свободный исходъ ⁵⁾. Точно также и сербскія вилы
 дозволяли юнакамъ пить изъ своихъ заповѣдныхъ источни-
 ковъ и понть оттуда коней — не иначе, какъ подъ условіемъ
 тяжелой дани:

На водици вила-баждарица
 Те узима тешку баждарину ⁶⁾:

¹⁾ Бродилъ. — ²⁾ Ночи. — ³⁾ Кладези. — ⁴⁾ И продаетъ
 одну кружку воды. — ⁵⁾ Миладни., 8—9. — ⁶⁾ Давъ, податъ.

Од ювака оба черна ока,
А од ков(ь)а ноге све четыре ¹⁾.

Основная мысль этих поэтических сказаний—та, что облачные духи, хранители дождевых источников, только тогда допускают пролиться на землю обильному дождю, когда заволокутъ небо тучами и потемнят его свѣтозарныя очи. Скандинавскій мнѣз говоритъ о глазѣ-солнцѣ, отданномъ нѣкогда въ закладъ Одину за глотокъ воды изъ Мимирова источника (см. I, 374). Эти черты: задержаніе дождевыхъ потоковъ и сокрытіе небеснаго свѣта — зрѣнія принадлежатъ вѣламъ наравнѣ съ драконами (см. II, 532, 556) и придаютъ имъ демоническое значеніе; отсюда объясняется и выраженіе болгарской пѣсни: *стара самовила* ²⁾. Валахская сказка ³⁾ рассказываетъ о драконахъ, похитившихъ зрѣніе у одной старушки; добрый мблodeцъ нанимается къ ней пасти стадо; звуками музыки онъ побѣждаетъ драконовъ и возвращаетъ старухѣ зрѣніе, омывши ея глазныя впадины въ молочномъ прудѣ, т. е. дождевой водою. Богатырскіе кони (кони бога-громовника), напиваясь изъ вилинхъ источниковъ, лишаются ногъ, т. е. пролитіе дождя сопровождается паденіемъ молній, ибо удары этихъ послѣднихъ фантазія древнихъ поэтовъ сравнивала съ ударами конскихъ копытъ (см. стр. 2-4). Еще яснѣе указываетъ на стихійное значеніе самовилъ другая болгарская пѣсня: *ѣхалъ мблodeцъ Иванъ Поповъ, заступила ему путь-дорогу самовила и хочетъ выпить его черныя очи*. Но богатырь не поддался, схватилъ ее за русую косу, вскинулъ на своего бѣззого коня и привезъ домой; здѣсь отобралъ у нея правое крыло, заперъ его въ ларецъ и сдѣлалъ самовилу своею женою. Прошло три года, родила она сына; на крестинахъ стали просить самовилу, чтобы показала свое искусство

¹⁾ Путеш. въ Черногорію, 216; Кукуловичъ, 89. — ²⁾ Въ пѣснѣ объ Оресѣ старая юда изображена на подобіе змѣи, съ тремя головами и хвостами.—³⁾ Шоттъ, 10.

въ пляскахъ — поиграла малу 'оро самовилско. Отвѣчала самовила: «нек' ми пущить (Ивань Поповъ) десно крыло, тако 'оро да поигра». Но только что получила она свое правое крыло, какъ тотчасъ-же улетѣла. Закричала вслѣдъ ей свекровь:

Дете плачить за леляни,
За леляни, за ципане;

кто будетъ лелѣять ребенка? кто накормитъ его грудью? И слышится отвѣтъ самовилы: какъ заплачетъ дитя «за ципане» — я воздою его частой росой, а заплачетъ «за леляне» — убаюкаю его тихимъ вѣтромъ! ¹⁾). Но если съ одной стороны вилы, сгущая облака, могли омрачать очи; то съ другой, проливая дожди, онѣ прочищали небо отъ темныхъ тучъ, выводили изъ-за нихъ ясное солнце и давали міру свѣтъ — зрѣніе. Отсюда возникло вѣрованіе, что вилы знаютъ источники, обладающіе чудесною силою исцѣлять слѣпоту. Когда великанъ-дивскій старѣйшина вынулъ у Јована оба глаза, ему помогла вила; она быстро прилетѣла съ горы, умыла его водою и сотворила ему очи ²⁾). По хорутанскому преданію, два брата ослѣпили третьего, отвели его на высокую гору и тамъ покинули. Несчастный не зналъ что дѣлать, но явились вилы и стали говорить промежъ собой: «*da bi ov človek znal da bi si zorjimum resum* (росой, падающей на зорѣ) *oči pamazal, tam bi pregledal.*» Слѣпой омочилъ свои глаза росой — и тотчасъ-же прозрѣлъ ³⁾).

Летучія облака предки наши уподобляли птицамъ; подъ вліаніемъ этого уподобленія облачнымъ дѣвамъ приписана была способность превращаться въ голубя, утку, гуся и всего чаще въ лебедя. Собственно на этихъ птицахъ фантазія оста-

¹⁾ Миладни., 1—3 — ²⁾ Срп. н. пјесме, II, 36. — ³⁾ Сб. Валице, 36—37; Срп. н. припов., стр. 106; у чеховъ въ этомъ случаѣ мѣсто нилъ заступаютъ вѣдьмы — Сказ. Грим., III, стр. 343.

новилась потому, что голубь издревле посвящался громовнику (I, 540 — 2), а гусь, утка и лебедь — птицы водяныя; облачныя же дѣвы (какъ извѣстно) признавались нимфами рѣкъ и источниковъ и постоянно плавали и купались въ ихъ водахъ. Сверхъ того, на сближеніе облачной дѣвы съ лебедемъ наводилъ самый языкъ. Выше указано, что эльфы, русалки, вилы и полудѣйцы, какъ духи, вооруженные молніеносными стрѣлами, являющіеся весною подъ легкими покрывами облаковъ, согрѣтыхъ изгаренныхъ яркими лучами солнца, представлялись существами свѣтлыми, блестящими, бѣлыми: бѣла вила, *bila rapī*. Что же касается лебедя (серб. лабуд, чеш. *labut'*, пол. *łabędź, łabęć*), то онъ получилъ присвоенное ему имя по бѣлоснѣжному цвѣту своего пера. Слово это родится съ др.- и сред.-нѣм. *albiz, alpiz, elbez*, англос. *elfet, ylfet*, скан. *álft, álp* — *cugnus*, лат. *albus* (сабин. *alpus*), *alba* — славян. лаба, лабе, и первоначально означало «бѣлую» птицу; чеш. *lebediti se* — ярко бѣлѣть. Нѣмецкіе *alp, elp, álf* образовались отъ того-же корня ¹⁾. Такъ возникли сказанія о дѣвахъ-лебедяхъ, и тѣмъ легче было сочетать эти различныя представленія, что слово лебедь въ народномъ говорѣ болѣею частію употребляется въ женскомъ родѣ; въ нѣм. *albiz, elbez* родъ

¹⁾ О инд.- христ. на сл. яз., 44—45; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 574: славянскіиъ лебедь, лабудъ отвѣчаютъ литов. баланда, баландас отъ балти—бѣлѣть. Нашъ индическій языкъ даетъ женскимъ грудямъ постоянный аппетитъ бѣлымъ, а народная загадка обозначаетъ ихъ слѣдующею метафорою: «бѣлый лебедь на блюдѣ не былъ, ножомъ не ружень, а всякъ его кушалъ» — Эти Сб., VI, 50. Санскр. *hansa, hansī* — гусь и лебедь отъ *han* (вѣсто *ghan*) — *pulsare, icere*; нѣм. *schwan* (старин. *swan*, авглос. *svan*) отъ санскр. *svan* — *sonare*; лат. *columba* — слав. голубь отъ санскр. *lamb* — *sonare* (Зап. Р. Г. О. по отд. эти., I, 574).

колеблется между мужскимъ и женскимъ, а въ скан. *álft* осиливаетъ послѣдній.

Небесныя дѣвы индузовъ — апсарасы любили смѣшивать свой человѣческій образъ съ формами, заимствованными у лебедей и утокъ ¹⁾. У германо-славянскаго племени представленіе это пустило глубокіе корни и разрослось въ многочисленныя сказанія о лебединыхъ дѣвахъ. Средство этихъ дѣвъ съ альбинами несомнѣнно; нисколько узнаются по ихъ лебединымъ или гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ ихъ длинными платьями ²⁾; подобно тому, сербскія вилы оборачиваются и прилетаютъ лебедями, а у нашихъ русалокъ, по народному повѣрью, пальцы на ногахъ соединены перепонкою, какъ у гуся, что заключаютъ по ихъ слѣдамъ, какія остаются на мокромъ песку у береговъ рѣкъ и источниковъ. Слѣды эти можно видѣть только тогда, когда, застигнутыя въ распахъ, русалки поспѣшно бросаются въ воду; обыкновенно-же онѣ прежде, чѣмъ покинуть берегъ, взметають песокъ и тщательно сглаживаютъ свои ступни ³⁾. Въ связи съ указанными повѣрьями, кажется, слѣдуетъ поставить и доселѣ-ущѣлѣвшій болгарскій обычай бросать самодивамъ въ воду кусокъ жаренаго гуся ⁴⁾. Богиня-пряха Берта представлялась съ лебединою или гусиною ногою, и эта особенность, вмѣстѣ съ перенесеніемъ преданій о Бертѣ на королеву Бертраду (мать Карла Великаго) была усвоена послѣдней, какъ доказываютъ ея старинныя изображенія во многихъ церквахъ Франціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ утверждаютъ, что Берта принимаетъ видъ лебедя, а въ Баваріи, что она является коровою ⁵⁾. У богини

¹⁾ Die Götterwelt, 54. — ²⁾ D. Myth., 407, 460. — ³⁾ Иллюстр. 1845, 299. — ⁴⁾ Москов. Газета 1866 г., стат. Каравелова; по костюмъ этого гуся гадаютъ о будущемъ. — ⁵⁾ Die Götterwelt, 296. Корова = дождевая туча. Отсюда объясняется любопытная по-

Френ была пернатая сорочка, надѣвая которую она могла совершать быстрые полеты; вмѣстѣ съ Однимъ, ей были подвластны вѣщія и воинственные валькирии (см. гл. XXV), которыя охотно проводили время на берегу моря, занимались пряжею и превращались въ лебедей. Въ англосаксонской поэзіи морю дается эпическое названіе: лебединый путь (svanpád). Въ сказаніи Эдды о Вölундрѣ находимъ слѣдующія слова: рано поутру нашли они (Вölундръ и его братья) на морскомъ берегу трехъ женъ, которыя пряли ленъ; при нихъ лежали лебединыя сорочки (álptarhamir); то были валькирии. Накидывая на себя эти сорочки, онѣ тотчасъ-же улетали лебедами, и одна изъ нихъ даже называлась Svanhvít (Schwanweiss — бѣлая лебедь) и имѣла лебединыя перья. Валькирія Kága является въ Hrómundarsaga, какъ чародѣйка; облекаясь въ лебединую сорочку, она съ звучною пѣснею носится надъ рядами сражающихся героевъ. При ея содѣйствіи, любимецъ ея Гельги всегда побѣждалъ въ бою; но случилось, что въ одномъ сраженіи онъ высоко вознесъ свой мечъ, взявшаго его по воздуху, и ранилъ валькирию ногу; она упала на землю, и съ той поры оставило его счастье. Сага о Вölундрѣ (въ томъ видѣ, какъ она изложена въ старо-нѣмецкомъ стихотвореніи) допускаетъ замѣну лебедей голубями: три голубки

дробность сказки о коровѣ-бурёнушкѣ (Н. Р. Ск., VI, 54, 55; Худяк., 56; Кулишъ, II, 23—26; Собран. стар. рус. сказокъ — «Строева дочь»; Срп. в. припов., 32; сб. Валавца, 222—3; Гальтрихъ, 17): мачиха заставляетъ падчерицу пряхъ и ткать и нарочно задаетъ ей большіе, невыполнимые уроки; дѣвица приходитъ къ бурёнушкѣ, въ которую превратилась ея мать, кладетъ ей нудель въ правое ухо, а изъ лѣваго вынимаетъ готовую пряжу; иногда сама входитъ въ одно ухо, а выходитъ въ другое съ оконченною работою: все выпрядено, соткано и выткано! Или, вмѣсто этого, корова начинаетъ жевать принесенный ленъ, а изъ рта у ней тянется тонкая, ровная нитка — только успѣвай на катушку наматывать!

прилетаютъ къ источнику, и касаясь земля — оборачиваются дѣвами; Wielant похищаетъ у нихъ платье и не прежде отдаетъ назадъ, пока одна изъ нихъ не соглашается стать его женою ¹⁾. Валькирии обладаютъ высшимъ, божественнымъ вѣдѣніемъ: Брингильда сообщила Сигурду все руны, какія только желаетъ знать человѣкъ, и научила его понимать чуждые языки и исцѣлять мазию. Въ поэмѣ о Нибелунгахъ находимъ слѣдующій рассказъ: пріѣхали бургунды на берега Дуная, рѣка была въ разливѣ, какъ переправиться на другой берегъ? Хагенъ пустился вдоль берега искать перевозчика; вдругъ слышитъ — что-то въ водѣ плещется, глянулъ — передъ нимъ купаются бѣлыя дѣвы, словно лебеди. Хагенъ подошелъ, взялъ ихъ платья, и одна изъ дѣвъ провѣщала витязю: «благородный Хагенъ! если отдашь наши платья, мы тебѣ скажемъ, чѣмъ окенчится ваше путешествіе». Вслѣдъ за тѣмъ онѣ начинаютъ предсказывать будущее, и пророчество ихъ исполняется. Этотъ даръ предвѣщаній принадлежитъ валькиріямъ, какъ обладательницамъ божественнаго напитка (живой воды), и наравнѣ съ прочими облачными дѣвами ставятъ ихъ въ разрядъ вѣстницъ судьбы. На томъ же основаніи и лебедь признанъ былъ вѣщею птицею; въ нѣмецкомъ языкѣ употребительно выраженіе *es schwant mir* — мнѣ предчувствуется. Въ водахъ небеснаго источника, у котораго обитаютъ дѣвы судьбы (норны), плавало два лебедя. Въ индѣйской поэмѣ «Налъ и Дамаянти» златоперый лебедь или гусь (*hansa* — *anser*, *gans*) вѣщаетъ человѣческимъ голосомъ ²⁾. По свидѣтельству стародавнихъ мифовъ, живая вода надѣляла не только предвѣдѣніемъ и мудростью, но и поэтическимъ вдохновеніемъ; поэтому водянымъ (облачнымъ) нимфамъ приписыва-

¹⁾ D. Myth., 398 — 400; Смирновъ, 113, 122. — ²⁾ D. Myth., 398, 400.

лось созданіе сладкозвучныхъ пѣсень, и греческія музы первоначально были не болѣе, какъ существа стихійныя, которымъ доступны вдохновительныя воды небесныхъ источниковъ. Здѣсь коренится и преданіе о чудной, восхитительной лебединой пѣснѣ; это—послѣдняя пѣснь лебедя передъ его кончиною — пѣснь, звучащая въ бурной грозѣ, которую поетъ лебедина дѣва (= туча), умирая въ пламени молній и потокахъ дождя, и которой съ трепетомъ внимаютъ вся природа (сравни съ пѣсней Феникса — I, 514). Воинственнымъ характеромъ своимъ валькирии сходятся съ сербскими вѣями; онѣ приносятъ съ собой войну и всѣ ея ужасы, что напоминаетъ намъ чудесную дѣву «Слова о полку Игоревѣ», которая плескалась на свѣтѣ морѣ лебедиными крыльями и названа Обидою: «встала Обида въ силахъ Дажьбога внука, вступилъ(а) дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на свѣтѣ море, у Дону плещущъ» ¹⁾. Названіе Обида согласуется съ тѣми собственными именами, какія приданы небеснымъ воинственнымъ дѣвамъ въ преданіяхъ грековъ и германцевъ; наприм. Распря, Побѣда и проч. (см. гл. XXV). Имена эти нельзя считать искусственною риторическою прикрасою; они произвольно, сами собой образовались изъ тѣхъ впитетовъ, какіе присвоились ратующимъ въ битвахъ, смертоноснымъ нимфамъ. Болѣе живыя воспоминанія о лебединныхъ дѣвахъ сохранились въ народныхъ сказкахъ. Особенно-интересною представляется намъ сказка о Морскомъ царѣ и его премудрой дочери ²⁾: юный Иванъ-царевичъ отправляется въ подводное царство, приходитъ къ морю и причется за кусты. На ту пору прилетѣли туда двѣнадцать голубокъ или утокъ, сбросили свои крылушки (или пѣрушки ³⁾), обер-

¹⁾ Рус. Дост., III, 92—94. — ²⁾ Н. Р. Сл., V, 23; VI, 48, 49.
— ³⁾ Ibid., VII, 22.

нулись красными дѣвцами и стали купаться: это были водяныя красавицы, дочери Морскаго царя. Иванъ-царевичъ подкрадся потихоньку и взялъ крылушки Василисы Премудрой. Дѣвцы испугались, схватили крылушки и улетѣли голубками или утками; оставалась одна Василиса Премудрая, начала упрашивать добраго мѣлодца возвратить ей крылья, и царевичъ отдаетъ ихъ подѣ условіемъ, чтобы она согласилась быть его женою. По народному повѣрью, превращеніе въ звѣря совершается набрасываніемъ на себя его мохнатой шкуры, тоже самое значеніе, какое въ данномъ случаѣ соединяется съ звѣриною шкурою, — при измѣненіи человѣческаго образа въ птичій, приписывается крыльямъ и перьямъ. По другимъ вариантамъ, вмѣсто крылушекъ, царевичъ похищаетъ сороку и кушакъ морской дѣвы ¹⁾; эта замѣна основывается на поэтическомъ представленіи облаковъ — одеждами, покровами, что въ сліяніи съ метафорою, сблизившею ихъ съ птицами, породило сказанія о пернатыхъ сорочкахъ (орлиныхъ, сокольныхъ, лебединыхъ), въ которыя рождались боги и великаны скандинавской мифологіи. Въ нѣмецкой сказкѣ ²⁾ вѣдьма накидываетъ на мальчиковъ бѣлыя сорочки (schwanenhaut) — и они превращаются въ лебедей; снимая въ урочные часы эти сорочки, лебеди снова принимаютъ человѣческія формы. Дѣвы-птицы встрѣчаются и во многихъ другихъ сказкахъ ³⁾, и вездѣ имъ равно придается вѣщее значеніе и необычайная мудрость; онѣ исполняютъ трудныя, свыше силъ

¹⁾ Ibid., VIII, 7. — ²⁾ Сказ. Грим., 49. — ³⁾ Н. Р. Сж., VII, 4, 13, 22; VIII, 7 (здѣсь онѣ названы дочерьми Ворона Вороновича, которому повѣрье приписываетъ добываніе живою водою); Срп. н. припов., 4; Нар. сл. раз., 124—130. Въ сказкѣ о Ерусалимѣ (Н. Р. Сж., VIII, стр. 401) говорится: ровно въ полдень прилетѣло великое стадо птицъ-хохотуней (хохоть — одинъ изъ существенныхъ признаковъ водяныхъ, дѣшихъ и русалокъ), слѣли кругомъ дуба и учали измѣтываться красными дѣвцами.

человѣческиѣ, задачи и заставляютъ себя подчиняться самую природу. Въ одной сказкѣ ¹⁾ эти мненческія дѣвы прилетаютъ бѣлыми лебедушками, а въ другихъ ²⁾ героиней выводится премудрая Лебедь-птица, красная дѣвица, или Лебедь-королевна такой чудной красоты, что ни око не видѣло, ни ухо не слышало; въ былинѣ о Потокѣ-Михайлѣ Ивановичѣ добрый молодецъ увидалъ на тихихъ заводяхъ бѣлую лебедушку: черезъ перо птица вся золотая, а головка у ней — краснымъ золотомъ увитая, скатымъ жемчугомъ усаженная. Вынимаетъ Потокъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, хочетъ стрѣлять по лебеди;

Провѣщится ему лебедь бѣлая:
Не стрѣлай ты мевя...
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой-красной дѣвицей,

и вышла замужъ за молодца ³⁾. Нѣмецкія саги и сказки ⁴⁾ часто упоминаютъ о плавающихъ въ прудѣ или озерѣ, прекрасныхъ лебединыхъ дѣвахъ (schwanenjungfrauen); вздумаетъ ли кто полюбоваться ими — онѣ тотчасъ-же скрываются отъ нескромныхъ взоровъ, улетая бѣлыми лебедями. Во французскихъ сагахъ это превращеніе въ лебедей приписывается феямъ; для того, чтобы задержать фею (= остановить ее полетъ), необходимо похитить у ней сорочку, — точно также, какъ болгарскіе юнаки, съ цѣлю овладѣть самовиломъ, похищаютъ ее прылушки.

Всѣ означенныя стихійныя существа: эльбины, вилы и русалки поставлены въ народныхъ преданіяхъ въ самую близкую связь съ мненческимъ представленіемъ душъ, издревле-

¹⁾ Н. Р. Сл., VIII, 3. — ²⁾ Ibid., VI, 60; Глинер., II, 61 и др. — ³⁾ Еирша Дан., 217; Рыбинск., I, 208, 215; сравни т. I Поэт. Возврѣн., 515—6. — ⁴⁾ Наприм. въ сборн. Гальтриха, 5.

уподобляемыхъ то возженному огню, то дующимъ вѣтрамъ; онѣ или сами принимаются за души усопшихъ, или смѣшиваются съ тѣми вѣщими дѣвами, которыя, присутствуя при рожденіи младенца, какъ-бы влагають въ него душу живу, а потомъ изымають ее при кончинѣ человека, и такимъ образомъ опредѣляютъ начало и конецъ человѣческой жизни. Подробному изслѣдованію этихъ важныхъ вопросовъ о связи эфирическихъ духовъ съ душами усопшихъ и дѣвами судьбы мы посвящаемъ двѣ послѣдующія главы.

XXIV.

ДУШИ УСОПШИХЪ.

Последній актъ, которымъ завершается земная жизнь чело-
вѣка, исполненъ таинственнаго значенія. Неумолимая смерть,
постоянно унося новыя жертвы, для остающихся въ живыхъ
поколѣній ничего не открываетъ о той безвѣстной странѣ, ку-
да увлекла ихъ предшественниковъ. Но чело-вѣкъ, по самому
свойству своей возвышенной природы, жаждетъ знать о томъ,
что будетъ съ нимъ за могилою. Мысль о конечномъ уничтоже-
ніи такъ враждебна инстинкту жизни, ощущаемому чело-вѣкомъ,
что она уже въ глубочайшей древности отстранялась имъ во
имени надежды въ жизнь загробную, которая составляетъ
одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ во всѣхъ религіяхъ ¹⁾.
Праздники въ честь умершихъ, приношенія и возліянія на ихъ
могилы, вѣра въ явленіе мертвецовъ и множество другихъ
преданій ярко свидѣтельствуютъ, что наряду съ другими язы-
ческими племенами и славяне были убѣждены, что тамъ—за
гробомъ начинается новая жизнь, и имѣли о ней свои доволь-
но-подробныя, хотя и не строго-опредѣлившіяся представленія.

¹⁾ Ф. Кулантъ, 9: «Какъ бы далеко мы не углублялись въ исто-
рію индоевропейскаго племени, мы не найдемъ, чтобы раса эта
когда-либо думала, будто съ настоящею жизнью все оканчивается
для чело-вѣка. Самые древнія поколѣнія, еще прежде всякихъ «я-
лососовъ», вѣрили въ загробную жизнь.»

Прежде всего отмѣтимъ тотъ многозначительный фактъ, что славяне признавали въ душѣ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, нѣмлющее свое самостоятельное бытіе. По ихъ вѣрованіямъ, согласнымъ съ вѣрованіями другихъ индоевропейскихъ народовъ, душа еще въ теченіи жизни человѣка можетъ временно разставаться съ тѣломъ и потомъ снова возвращаться въ него; такое удаленіе души обыкновенно бываетъ въ часы сна, такъ какъ сонъ и смерть—понятія родственныя. Черногорцы и сербы убѣждены, что въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ духъ, котораго они называютъ «вѣдогонъ», и что духъ этотъ можетъ покидать тѣло, объятое крѣпкимъ сномъ. Вѣдогони нерѣдко ссорятся и дерутся между собою, и тотъ человѣкъ, вѣдогонъ котораго погнѣбнетъ въ дракѣ, уже болѣе не пробуждается: его тотчасъ же постигаетъ быстрая смерть. О колдунахъ и колдуньяхъ разсказываютъ, что они, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя воздушное демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ различные образы и блуждаетъ по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, при чемъ оставленное ею тѣло лежитъ совершенно-мертвымъ. И во время обмыванья или летаргическаго сна душа, по русскому повѣрью, покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло есть какъ-бы жилище живаго духа, та временная оболочка, въ которую онъ заключается при рожденіи дитяти и которую покидаетъ при кончинѣ человѣка, когда, по словамъ стариннаго проповѣдника, «нужею страшною душа отъ тѣлеси изидеть и станетъ одержима душа зрящи на свое тѣло, яко-же бо кто изъволокся изъ ризы своея и потомъ сталъ бы зря ея» ¹⁾.

¹⁾ Памят. XII в., 94. Таже мысль поэтически развита въ народномъ стихѣ о разставаніи души съ тѣломъ — Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 209. Душа человѣка, тоскующаго въ разлукѣ по своему другу, можетъ вызвать къ себѣ душу этого послѣдняго, налѣ бы далеко онъ не былъ: душа чутка (Кіевляныкъ, I, 213).

Душа человѣческая, по древнимъ языческимъ преданіямъ, представлялась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: во 1-хъ, огнемъ. Славяне признавали въ душѣ человѣческой проявленію той-же творческой силы, безъ которой невозможна на землѣ никакая жизнь: это сила свѣта и теплоты, дѣйствующая въ пламени весеннихъ грозъ и въ живительныхъ лучахъ солнца. Душа — собственно частица, искра этого небеснаго огня, которая и сообщаетъ очамъ блескъ, крови — жаръ и всему тѣлу — внутреннюю теплоту. Различныя душевныя движенія народъ обозначаетъ уподобленіемъ огню: чувству онъ даетъ эпитеты горячее, теплое, пылкое; о любви, враждѣ и злобѣ выражается, что они возгорѣлись или погасли (I, 440); на эпическомъ языкѣ сербовъ гнѣвъ называется живымъ огнемъ, а бѣлоруссы о раздражительныхъ, вспыльчивыхъ людяхъ говорятъ: «одзигъ съ огнемъ, другой съ поломемъ» ¹⁾. Въ тѣсной связи съ указаннымъ воззрѣніемъ стоятъ мнѣя, приписывающіе богу-громовнику созданіе перваго челоуѣка и низведеніе огня на его домашній очагъ, дарованіе женамъ чадородія (=возженіе въ новорожденныхъ младенцахъ огненныхъ душъ) и устройство семейнаго союза (II, 75, 470). Еще теперь въ простомъ народѣ блуждающіе, болотные и свѣтящіеся на могилахъ, вслѣдствіе фосфорическихъ испареній, огоньки признаются за души усопшихъ; въ одномъ мѣстѣ тамбовской г., по увѣренію поселянъ, до сихъ поръ видны горящіе свѣчи, потому что тамъ хоронятъ удавленниковъ и опойцевъ; въ другомъ мѣстѣ рассказываютъ, какъ на могилѣ безвинно-повѣшеннаго теплѣлась свѣча, пока не совершили по немъ поминковъ. Въ южной приднѣпровской Руси ходятъ рассказы о синихъ огняхъ, вспыхивающихъ на могилахъ и курганахъ; огни эти разводятся русалками ¹⁾. Поминовеніе че-

¹⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограе., I, 390. — ²⁾ Москв. 1844, XII, свѣд., 28; 1848, VIII, ст. Даля, 71—72; Терещ., VI, 11, 129.

ховъ, надъ могилами летаютъ огненные душички; въ блуждающихъ огняхъ они видятъ души некрещеныхъ дѣтей, отверженныхъ грѣшниковъ или скупцовъ, оберегающихъ зарытые ими клады; всякой проклятый за грѣхи осуждается по смерти на вѣчное странствованіе въ семь міръ и показывается то въ видѣ огненного столба, то въ видѣ человека, у котораго языкъ и глаза—огненные ¹⁾. Тотъ-же взглядъ на блуждающіе огни раздѣляютъ и лужичане ²⁾. Вѣрованія эти общи славянамъ съ другими индоевропейскими народами. Для мирнопочившихъ мертвецовъ германцы имѣютъ выраженіе др.-в.-нѣм. *hiuri*, ср.-в.-нѣм. *gehiure*, ново-в.-нѣм. *geheuer*—кроткій, тихій, блаженный; противоположное же понятіе безпокойнаго, блуждающаго духа, привидѣнія они обозначаютъ *unhiuri* (*ungeheuer*)—*dirus, saevus*; *hiuri*—божественный, *unhiuri*—чортъ, чудовище—тоже, что *hold* и *unhold*. Готская форма *hiuris* родственна съ *haiuri*—горячій уголь, сканд. *hug*—огонь. Древнестѣ. *draugr*—фантомъ, духъ, окруженный пламенемъ, и *draughús*—могильный холмъ. Донынѣ во всей Германіи существуетъ повѣрье, что души, не наслѣдовавшія блаженнаго покоя—лишенные небеснаго царства, блуждаютъ ночью порою по лугамъ и полямъ огненными видѣніями. Путниковъ, которые принимаютъ ихъ за деревенскіе огни, они сбиваютъ съ настоящей дороги, и то удаляясь, то приближаясь—заводятъ въ топкія болота и трупобы. Явленіе это извѣстно подъ названіями: *irlicht*, *irwisch*, *zeusler* (*zünsler*, *zündler*, *zunselgespeust* отъ *zeuseln*, *züseln*—играть огнемъ), *feuriger mann*, нидерланд. *gloiniger* (*glühender*) *man*, датск. *lygtemand* (*leuchtemann*), *blaasmand* (*feuermand*), *dwerlicht* (*wirbelnde flamme*), *dwellicht* (отъ *dween*, *dwalen*—блуждать),

¹⁾ Иричекъ въ Часописи чешск. музея 1863, I, 5; Громианъ, 19—22. — ²⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 353.

elflicht (слово, указывающее на связь души съ эльфомъ), словен. slepogeni, чеш. swétylko, bludička, пол. błędnica, луж. bludne zwieszke, рус. блудящій огонь; теперь эти огоньки большею частію признаются за души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія и потому неудостоенныхъ блаженства ¹⁾). Когда дерево, брошенное на огонь, издаетъ трескъ, полѣшники думаютъ, что звуки эти издаются душою скупаго чловѣка ²⁾).

Если душа понималась какъ огонь, то жизнь возможна была только до тѣхъ поръ, пока горѣло это внутреннее пламя; погасало оно — и жизнь прекращалась. У насъ уцѣлѣло выраженіе: погасла жизнь; выраженіе это въ народной пѣснѣ замѣнено сравненіемъ смерти чловѣка съ погашею свѣчею (стр. 208). Неумолимая Смерть тушитъ огонь жизни, и остается одинъ холодный трупъ. Отсюда возникли разнообразныя примѣты: если у жениха или невѣсты погаснетъ подъ вѣнцомъ свѣча, то случай этотъ предвѣщаетъ ему или ей скорую смерть; у кого изъ стоящихъ подъ вѣнцомъ сгоритъ больше свѣчъ, тотъ и умереть скорѣе; яркое пламя подвѣчныхъ свѣчъ сулитъ счастливое супружество — свѣтлую жизнь, и наоборотъ, когда свѣчи эти горятъ тускло — жизнь новобрачныхъ будетъ печальная ³⁾). Погаснетъ ли сама собою поставленная въ комнатѣ свѣчка — по мнѣнію чеховъ, тотъ, кто ее зажигалъ, умереть въ продолженіи года. Если во время заговѣвъ, особенно въ воскресенье передъ великимъ постомъ, потухнетъ зажженная въ избѣ лучина, то, по русской примѣтѣ, изъ всѣхъ домочадцевъ тотъ умереть прежде другихъ, кто ближе сидѣлъ къ лучинѣ; или: если огарокъ лучины упадетъ изъ свѣтца на пелъ и тотчасъ-же погаснетъ — это знакъ, что въ

¹⁾ D. Myth., 866—870. — ²⁾ Кіевлян. 1865, 52. — ³⁾ Тѣже примѣты встрѣчаются у чеховъ и лужицанъ.

теченіи года въ домѣ непременно будетъ мертвецъ. Полаки на «Громницы» (2 февраля) зажигаютъ столько свѣчъ, сколько въ семьѣ членовъ: чья свѣча потухнетъ прежде, тотъ и умретъ скорѣе. Въ псковской губ. на Святкахъ дѣвицы гадаютъ такъ: каждая приноситъ свою восковую свѣчу, отиѣчая ее какими-нибудь значкомъ, и потомъ зажигаютъ ихъ одновременно: чья свѣча горитъ ясно и плавно, у той жизнь будетъ тихая, безмятежная; чья горитъ съ трескомъ и меркаючи, той придется испытать много безпокойствъ и горя; чья свѣча догоритъ первая, той дѣвицѣ умереть прежде всѣхъ, а чья догоритъ послѣдняя — той долго жить. Въ другихъ мѣстностяхъ гаданіе это совершается по зажженнымъ лучинкамъ, съ приѣвомъ: «жизль-быль курилка, дай померь!» Курилка (отъ глагола курить-ся — горѣть) означаетъ лучину, которая живетъ, пока горитъ, а погасая — умираетъ. У закарпатскихъ русиновъ дѣвицы гадаютъ по зажженнымъ лучинамъ въ дни Успенія (15 августа) и Покрова (1 октября). Въ Славоніи думаютъ, что свѣча, погасшая наканунѣ Рождества, предзнаменуетъ смерть одного изъ родичей; тоже повѣрье существуетъ и въ Швеціи, а въ вѣмецкихъ земляхъ оно прилагается къ кануну Нового года. По мѣстнѣю лужичавъ, если въ ночь на Рождество Христово (или на другіе большіе праздники) погаснетъ на алтарѣ свѣча — это предвѣщаетъ смерть главнаго духовнаго лица ¹⁾. Въ такихъ приѣтахъ теченіе жизни сравнивается съ горѣніемъ свѣчи или лучины: скорѣе сгоритъ свѣча,

¹⁾ Описан. олонец. губ. Дашкова, 193; Маякъ, XI, 54; Нар. сл. раз., 160; Иллюстр. 1846, 262; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 127; Терещ., IV, 103; VII, 224; Цебриков., 274; Бытъ подолянъ, II, 49, 50; Зап. Р. Г. О. по отд. вѣногр., I, 303; Volkslieder der Wenden, II, 258; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 338; Громаниъ, 120, 220; Иличъ, 95; Гандельманыъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 59; Zeitsch. für D. M., I, 456; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 5.

скорѣе окончится и жизнь, и наоборотъ. Въ старину, при произнесеніи на погибелъ врага проклятiя, почиталось необходимою принадлежностью обряда — погасить зажженную свѣчу. Въ Литвѣ ведется обычай: въ великій четвергъ, по окончаніи трапезы, хозяинъ беретъ горящую свѣчу, тушитъ ее и бросаетъ въ уголь, съ приговоромъ: «какъ погасла эта свѣча, такъ да погаснутъ очи у нашихъ враговъ и да пропадутъ они сами на вѣки!» ¹⁾ Въ настоящее время на Руси, чтобы отомстить врагу, ставятъ въ церкви передъ образомъ вабнящую или задушную свѣчку, которую нарочно зажигаютъ съ нижняго конца, или ломая ее пополамъ, затепливаютъ съ середины ²⁾. Съ тою-же цѣлью между русскимъ населеніемъ Подлясыя принято ставить свѣчу передъ иконою Божьей Матери, съ тайною мольбою: да истаетъ врагъ также, какъ эта восковая свѣча! ³⁾ Сербь клянутся: «такъ ми се крена свијећа не угасила!» — въ смыслъ: тако сви од мога рода не погари! ⁴⁾ Древніе греки изображали Смерть съ потухшимъ факеломъ: геній смерти (Θάνατος) опускалъ зажженный факелъ, потрясалъ имъ, и вѣстѣ съ тѣмъ, какъ погасало пламя, померкалъ и свѣтъ жизни. У нѣмцевъ есть прекрасная сказка о кумѣ Смерти (der gevatte Tod ⁵⁾). Жилъ-былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатый ребенокъ, онъ вышелъ на большую дорогу и рѣшился взять съ кумовья встрѣчнаго. Идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумою.» — А ты кто? «Я — Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ.» — Да, ты — правдива, ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ! — и бѣднякъ взялъ ее кумою. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однаж-

¹⁾ Сынъ Отеч. 1839, X, 120. — ²⁾ Саратов. Г. В. 1851, 29. —

³⁾ Потебн., 32. — ⁴⁾ Срп. и. послов., 304. — ⁵⁾ Сказ. Грим., 44.

ды навѣстить своего крѣстнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крѣстнаго! Я сдѣлаю изъ тебя славнаго лѣкаря. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты увидишь меня: если я буду стоять въ головахъ больного — смѣло говори, что можешь его вылѣчить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ; но если я стану у ногъ больного — онъ мой, и никакое лѣкарство въ мірѣ не спасетъ его!» Въ короткое время повсюду разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стоить только взглянуть на больного, чтобы навѣрно узнать: будетъ ли онъ снова здоровъ, или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богачемъ. Но вотъ заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь плакалъ опечаленный отецъ и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королевну, тотъ будетъ ея мужемъ и наслѣдуетъ все царство. Лѣкарь явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевны. Дивная красота больной и счастье быть ея мужемъ заставили его прибѣгнуть къ хитрости; онъ не замѣчалъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды, приподнялъ больную, положилъ ногами къ изголовью и далъ ей травы: въ ту же минуту на щекахъ ея заиграли румянцы и она выздоровѣла. Обманутая Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь настала твоя черѣда!» ухватила его своей ледяной рукою и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣтъ: и большія, и наполовину-сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновеніе одинъ изъ нихъ погасалъ, а другіе вновь зажигались, такъ что огонь при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ, казалося перелеталъ съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни; большія свѣчи принадлежатъ

дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ, но нерѣдко и дѣти и юноши надѣляются небольшими свѣчами.» Лѣкарь просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькой огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть. Устрашенный лѣкарь сталъ просить своего крѣстнаго: «зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнію, быть королемъ и нужемъ прекрасной королевы.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, чѣмъ зажечь новую, надо погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу—такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать начнетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, но переставляя старый огарокъ, нарочно его уронила: пламя погасло, и въ ту же минуту лѣкарь упалъ бездыханнымъ ¹⁾. Сказка эта извѣстна и у славянъ ²⁾. Смерть, рассказываютъ въ Малороссіи, «жила и идъ землею, здоровецка ³⁾ хата уся була освичена свичками: дѣ яки з' нихъ начиналы горити, дѣ яки догорувалы й погасалы.» Пришелъ къ ней въ гости кумъ и сталъ спрашивать про свѣчи; Смерть отвѣчала: «каждый чоловікъ, якій тилько је на свити, має тутъ свою свичку; якъ винъ тилько родыцьця—свичка запалюетця, якъ свичка гасне—винъ умерає.» — А гдѣ-жъ моя свѣчка? спросилъ кумъ. Смерть указала ему догорающій остатокъ, и когда тотъ сталъ молить, чтобы она удлинитъ его свѣчку, строго заиѣтила ему: «чи пам'ятаєшь, що ты мене узавъ за куму за то, що я живу по правда? чи уже-жъ съ той поры, якъ ты ставъ наномъ, тобі не мила правда?» Идемъ смерти и рока (fatum)

¹⁾ См. также Вольфа, 365; Zeitsch. für D. M., I, 358—360. — ²⁾ Чернигов. Г. В. 1857, 10; Быть подоланъ, II, 66—68: «Смерть за куму»; Эрбенъ, 37—39: «Smert-kmotienka»; Кульда, I, 87. — ³⁾ Огромная, большая.

въ убѣжденіяхъ арійскихъ племенъ родились и сливались между собою, почему и въ приведенной сказкѣ богиня Смерть является при рожденіи младенца дружелюбной гостьюей, возжигаетъ въ немъ свѣтъ жизни и приноситъ ему подарокъ — подобно тому, какъ при постелѣ родильницы являются дѣвы судьбы (парки, норны, суденицы), воспламеняютъ таинственный свѣточъ, съ которымъ связана нить жизни новорожденного, и надѣлаютъ его своими дарами, т. е. опредѣляютъ его будущее счастье. Такое сближеніе Смерти съ дѣвами судьбы основывается на древнѣйшемъ вѣрованіи, что вся жизнь человѣческая, начиная съ перваго дня и до кончины, была опредѣленіемъ фатума: парки не только пряли жизненную нить, но и перерѣзывали ее, не только возжигали пламя души, но и гасили его, и въ этомъ смыслѣ отождествлялись съ неушолною Смертью. Являясь во время родовъ, дѣвы судьбы воспринимали ребенка и исполняли обязанности поимвальныхъ бибокъ, что позднѣе въ эпоху христіанства заставило соединить съ ними понятіе кумъ — воспріемницы; по свидѣтельству народныхъ сказокъ, феи (=парки) приглашались въ крестовыя матери къ возрожденнымъ младенцамъ. Тоже представленіе кумы фантазія сочетала и съ богиней Смертію; любопытно, что ср.-в. нѣм. *tote* и *tōt* — смерть совпадаетъ съ др.-в.-нѣм. *to-to* — кумъ ¹⁾. По греческому сказанію, при рожденіи Мелеагра въ покой его матери Алтеи пришли три богини судьбы и бросили въ пламя очага полѣно, съ такимъ пророчествомъ: жвавъ младенецъ будетъ продолжаться дотѣхъ поръ, пока не его ритъ это полѣно. Когда богини удалились, Алтея встала съ своего ложа, выхватила изъ огня головню и немедленно спрятала ее, дабы пріостановить исполненіе пророчества. Вслѣдствіе она же бросила головню въ огонь — и въ тоже мгновеніе ну-

¹⁾ D. Myth., 612—4.

трение пламя опалило Мелеагра, и какъ только головня превратилась въ пепелъ—онъ испустилъ послѣднее дыханіе ¹⁾; подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ *Nórnagestr* (см. гл. XXV). Итакъ Смерть гаситъ огонь жизни и погружаетъ чело́вѣка во тьму небытія. Самое слово Морана (моръ, смерть) лингвистически связывается съ словомъ мракъ; глаголъ гасить донынѣ употребляется въ смыслѣ: истреблять, уничтожать, а гаснуть (черниг. губ.)—истощаться, худѣть; по-тухнуть говорится о погасшей свѣчѣ и заснувшей рыбѣ, а за-тухнуть — о боровѣ, въ значеніи: околѣть; тушить—надавать сильный, непріятный запахъ (про-тухнуть), по-тухлый—издохшій, разлагающійся, по́тухоль — начинающіе гнить съѣстные припасы; засмирить свѣчу, серб. *смирити свѣћу* (смирить—успокоить; покойникъ—мертвецъ, успокоиться — умереть) — погасить. Наоборотъ глаголъ разжигать—разводить, поддерживать огонь. Еще яснѣе связь понятій огня и жизни въ словѣ воскресать, которое образовалось отъ стариннаго кресъ—огонь (кресало, кресиво, пол. *krzesiwo*—огниво, кресать — выскать искры) и буквально означаетъ: возжечь пламя, а въ переносномъ смыслѣ: возстановить погасшую жизнь ²⁾. Весною, въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, лужичане ходятъ на Тодесбергъ съ зажженными факелами, поминуютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!»—слова, указывающія на вѣру въ возстаніе мертвыхъ вмѣстѣ съ воскресающей въ весеннюю пору природою. Славонцы ходятъ на кладбища съ зажженными свѣчами 1-го марта ³⁾.

¹⁾ German. *Mythen*, 583; Мнѣмъ класс. древности, I, 151. — ²⁾ Обл. Сл., 36, 66, 68, 92—94, 187, 241; Доп. обл. сл., 207, 272; Срп. рјечникъ, 695. — ³⁾ Иличъ, 315; Гануша: *Die Wissenschaft des slawisch. Mythus*, 408.

Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія запаливаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и возженіе свѣчъ при поминкахъ—извѣстны съ глубочайшей древности ¹⁾.

По другому представленію, Смерть не погашаетъ животворнаго огня жизни, а исторгаетъ его изъ тѣла, которое послѣ того обращается въ трупъ. Въ старинной иконописи сохранилось изображеніе, какъ пораженный ангеломъ грѣшникъ испускаетъ свою душу въ пламени, о чемъ рассказываютъ и народныя легенды; въ раскольниковъ книгѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», находимъ слѣдующее свидѣтельство: «видѣша нѣціи отъ житель столпъ огненъ отъ земли до небеси сіяющъ, и видѣвше разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отыде».

Во 2-хъ, душа представлялась звѣздою, что имѣетъ самую близкую связь съ представленіемъ ея огнемъ; ибо звѣзды первобытныи челоувѣкъ считалъ искрами огня, блистающими въ высотахъ неба (I, 177). Въ народныхъ преданіяхъ душа точно также сравнивается съ звѣздою, какъ и съ пламенемъ; а смерть уподобляется падающей звѣздѣ, которая, теряясь въ воздушныхъ пространствахъ, какъ-бы погасаетъ. Такое уподобленіе, когда позабылась его первоначальная основа, и метафора стала пониматься въ ея буквальный смыслъ, послужило источникомъ тому вѣрованію, которое связало жизнь челоувѣческую съ небесными звѣздами. Каждый челоувѣкъ получилъ на небѣ свою звѣзду, съ паденіемъ которой прѣкращается его существованіе; если-же съ одной стороны смерть

¹⁾ Черемисы, совершая поминки, за каждого покойника ставятъ по свѣчѣ; за дѣтей свѣчи бываютъ моленкія — Записки о чумахъ и черемис., 194.

означалась падениемъ звѣзды, то съ другой—рожденіе младенца должно было означаться появленіемъ или возженіемъ новой звѣзды, какъ это и засвидѣтельствовано преданіями индоевропейскихъ народовъ. Въ пермской губ. поселяне убѣждены, что на небѣ столько-же звѣздъ, сколько на землѣ людей: когда нарождается младенецъ—на небѣ является новая звѣздочка, а когда человѣкъ умираетъ—принадлежащая ему звѣзда падаетъ и исчезаетъ ¹⁾. Тоже самое утверждаютъ и чехи ²⁾. Вообще у славянъ существуетъ повѣрье, что, указывая на звѣзды пальцемъ, можно повредить живущимъ людямъ ³⁾. Древность этого воззрѣнія несомнѣнна; уже римляне, по свидѣтельству Плинія, думали, что каждый чело-вѣкъ имѣетъ свою звѣзду, которая вмѣстѣ съ нимъ рождается, и смотря по тому: озаряетъ ли его земную жизнь блескъ счастья или омрачаютъ ее бѣдствія,—свѣтится то ярко, то сумрачно, а по смерти его упадаетъ съ небеснаго свода. Падающая звѣзда почитается въ русскомъ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ или городѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» «чья-то душа покати́лась!» Повѣрье это распространено и между нѣмцами ⁴⁾. Сверхъ того, на Руси утверждаютъ, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, который летитъ за усопшею душою, или слѣдъ праведной души, поспѣвающей въ райскія обители; если успѣешь пожелать что-нибудь въ тотъ мигъ, пока еще не совсѣмъ сокрылась звѣзда, то желаніе непременно дойдетъ до Бога и будетъ имъ исполнено ⁵⁾. Народная пѣсня сравниваетъ смерть царевича съ падучею звѣздою:

¹⁾ Эпиг. Сб., VI, библи. указат., 58; Телескопъ 1833, VIII, 504. —

²⁾ Громаничъ, 31. — ³⁾ Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 47. — ⁴⁾ Сахаровъ, II, 14; Маякъ, VII, 72; Статист. опис. саратов. губ., 58; Владим. Г. В. 1844, 52; Сл. Мнѣ. Костомар., 55; D. Myth., 790. —

⁵⁾ Иллюстр. 1846, 262; Beiträge zur D. Myth. I, 248.

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
 Угасаетъ свѣча воска яраго —
 Не становится у васъ млада царевича ¹⁾.

Слово маньякъ принимается къ значенію падающихъ звѣздъ, и въ значеніи проклятыхъ душъ, блуждающихъ по смерти. Блудачіе огни, которые (какъ мы видѣли) признаются душами усопшихъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ считаются за падшія съ неба звѣзды ²⁾. Рядомъ съ представленіемъ, что звѣзда сіяетъ на небѣ, пока продолжается жизнь человѣка, и угасаетъ вмѣстѣ съ его смертію, — было другое, по которому душа въ видѣ пламенной звѣзды нисходила изъ райскихъ странъ въ ребенка въ самую минуту его зачатія или рожденія, а когда человѣка постигала смерть — покидала его тѣло, уносилась съ свое прежнее отечество и начинала блистать на небесномъ сводѣ. Что таково было вѣрованіе кельтовъ, за это свидѣтельствуешь ирландское сказаніе о св. Айданѣ, отецъ котораго увидѣлъ однажды въ снѣ, будто въ открытыя уста его жены упала сверху звѣзда; въ ту же ночь былъ зачатъ Айданъ, почему многіе и называли его сыномъ звѣзды ³⁾. По словамъ Аристотеля, душа усопшаго превращается въ звѣзду, и чѣмъ во время земной жизни бываетъ она пламеннѣе, возвышеннѣе, доступнѣе для духовной дѣятельности, тѣмъ блистательнѣе горитъ она по смерти человѣка ⁴⁾. Индусы вѣрили, что души блаженныхъ предковъ сіяютъ на небѣ звѣздами; славяне же и нѣмцы признаютъ звѣзды очами ангеловъ-хранителей, въ чемъ очевидно смѣшеніе душъ снятыхъ угодниковъ съ ангелами; въ средніе вѣка ангелы, наравнѣ съ душами усопшихъ предковъ, представлялись прекрасными малютками, подобными

¹⁾ Сахаровъ, I, 253; Терещ., I, 97. — ²⁾ Сахаровъ, II, 63; О. З. 1818, 68; Этн. Сб., I, 215; Москв. 1853, XXII, 67. — ³⁾ Zeitsch. für D. M., I, 345. — ⁴⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 270—1.

эльфамъ. Въ эпическихъ сказаніяхъ германцевъ упоминается о герояхъ, которымъ суждено по смерти блистать на небѣ яркими звѣздами ¹⁾. У насъ же есть преданіе о трехъ вѣщнихъ дѣстрахъ, которымъ, послѣ ихъ кончины, досталось весь вѣкъ горѣть тремя звѣздами возлѣ млечнаго пути — на дорогѣ, ведущей въ царство небесное; звѣзды эти называются дѣвичьи зори ²⁾. Гуцулы знаютъ летавицу — духа, который слетаетъ на землю падучей звѣздой и принимаетъ на себя человѣческій образъ — мужской или женской, но всегда юный, прекрасный, съ длинными желтыми волосами ³⁾.

3. Какъ огонь сопровождается дымомъ, какъ молніеносное пламя возгарается въ дымчатыхъ, курящихся парамъ облакахъ, такъ и душа, по нѣкоторымъ указаніямъ, исходитъ изъ тѣла дымомъ и паромъ. Въ Софійскомъ временникѣ ⁴⁾ о смерти в. кн. Василія Ивановича сказано: «и видѣ Шигона духъ его отшедше, аки дымецъ малъ». Санскр. *dhūta* движущееся курево, греч. *θύμα*, *θύος* — куреніе, «нимъ», лат. *fumus* (съ замѣною *dh* звукомъ *f*) слав. дымъ, лит. *dūmas*, др.-нѣм. *toim*, *taim* отъ снкр. *dhū* — *agitare*, *commovere* (— греч. *θύω*). Отъ того-же корня образовались слова, указывающія на душевныя способности: гр. *θυμός* — душа и движеніе страсти, слав. дума, думать, лит. *dumà*, *dumóti*, *dumti* ⁵⁾. Слово pára ⁶⁾ [пáрътъ — дѣлается душно передъ грозой и

¹⁾ Ibid., 272. — ²⁾ Сахаровъ, II, 62—63; сходный рассказъ о жентѣ и семи дочеряхъ хлѣбника см. въ D. Myth., 691—2. Въ старинныхъ назидательныхъ словахъ св. отцы метафорически называютъ звѣздами и свѣтильниками; картина „Внѣцъ Богоматери“ представляетъ Пресв. Дѣву, окруженную душами божиихъ угодниковъ — въ видѣ звѣздъ. Москв. 1853, XXII, 67: киргизы увѣрены, что души покойниковъ обитаютъ на звѣздахъ. — ³⁾ Пантеонъ 1855, V, 46. — ⁴⁾ II, 333. — ⁵⁾ Пикте, II, 242; Дяконовъ, II, 617—8. — ⁶⁾ Обл. Сл., 152—3.

дождемъ, прѣть, парунъ—зной, духота] имѣеть слѣдующія значенія: паръ, духъ и душа; па́ра вонъ т. е. душа вонъ!

4. Далѣе—душа понималась, какъ существо воздушное, подобное дующему вѣтру. Языкъ сблизилъ оба эти понятія, что наглядно свидѣтельствуется слѣдующими словами, происходящими отъ одного корня: душа, дышать, воз(ва)-дыхать, д(ы)хнуть, духъ (вѣтръ), дуть, дунуть, ду́хомъ—быстро, скоро, воз-духъ, воз-дыханіе, вз-дохъ ¹⁾). Въ другихъ языкахъ также придаются душѣ названія отъ воздуха, вѣтра, бури: отъ санскр. корня ап—дуть образовались: апа, апа—дуновеніе и дыханіе жизни, апила—вѣтръ, апи—человѣкъ, т. е. живой, одушевленный, лат. animal — животное, animus, anima, греч. *ἄνεμος*—духъ, душа, ирл. *anail*—дыханіе, дуновеніе, кимр. *anal*, армор. *épal*—дуновеніе, ирл. *apaп*, кимр. *ep*, *epaid*, *enydd*, *eneg*, *epawг*, корн. *epes*, армор. *épe*, *ipeaп*—душа, жизнь, гот. сложное *uz-apaп*—испускать дыханіе, умирать, др-нѣм. *unst*—буря, вьюга, сканд. *andi-spiritus*, *önd*—душа, перс. *âp*—душевная способность, армян. *aptsп*—умъ, душа ²⁾). Въ глубочайшей древности вѣрили, что вѣтры суть дыханіе божества (I, 285), и что Творецъ, создавая человѣка, вдунулъ въ него живую душу. Вѣтрамъ присвоилась сила призывать мертвыхъ къ жизни, одухотворять трупы и кости ³⁾). Покидая тѣло, душа возвращалась въ

¹⁾ Отъ санскр. корня *dhû*. Сравни переходъ звуковъ *у* и *ы* въ словахъ: слухъ — слыхъ, слышать („слыхомъ не слыхнать“).

²⁾ Пикте, II, 540—2; О мл. христ. на сл. яз., 67. Можно указать еще на санскр. *âtman* — дуновеніе и душа, *âtasa* — вѣтръ и душа; англ. *soul* — душа, готск. *saivala*, М Мюллеръ (Лекція о языкѣ, 291) производить отъ корня *si, siv*—колебаться; готск. *saivs*—море, т. е. волнующаяся вода. — ³⁾ Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von H. Genthe, 3—4: So zeigt eine Miniatur des zwölften Jahrhunderts einer lateinischen Bibelhandschrift zu Erlangen die Belebung des Geheimes durch den Wind Hesek. 37, 1 bis 10, bes. 9: «und er sprach zu mir: weissage zum Winde; weissage, du Menschenkind, und sprich zum Winde:

свое первобытное, стихійное состояніе. Когда вихрь сры-
ваетъ съ деревьевъ листья, и они, колеблясь, несутся
по воздуху, — виною этого, по словамъ черногорцевъ, бываютъ
борющіеся между собой вѣдогонн¹⁾; если въ трубѣ гу-
дѣтъ вѣтеръ, бѣлоруссы принимаютъ это за знакъ, что въ
хату ввѣлась душа, посланная на землю для покаянія²⁾; въ
завывавіи вѣтровъ моряки слышатъ плачь и стоны
утопленниковъ, души которыхъ осуждены пребывать на
днѣ моря. Такое представленіе души совершенно-согласно съ
тѣмъ фیزیологическимъ закономъ, по которому жизнь челове-
ка условливается вдыханіемъ въ себя воздуха. Въ южной Си-
бири грудь и легкія называются *вздухи*; простолюдныи по-
лагаютъ, что душа заключена въ дыхательномъ горлѣ, пере-
рѣзаніе котораго прекращаетъ жизнь³⁾. Глаголы *вздохнуть*
задушить, *задохнуться* означаютъ: умереть, т. е. по-
терять способность вдыхать въ себя воздухъ, безъ чего су-
ществованіе дѣлается невозможнымъ. Объ умершемъ говорятъ:
«онъ испустилъ послѣднее дыханіе» или «послѣдній духъ!»
Наоборотъ глаголъ *отдохнуть* (отдѣхнуть) употребляется
въ народной рѣчи въ смыслѣ: выздороветь, возвратиться къ
жизни. Чтобы придти къ подобнымъ заключеніямъ, предкамъ
нашимъ достаточно было простаго, для всѣхъ равно-доступна-
го наблюденія: въ ту минуту, когда человекъ умираетъ, пер-
вое, что должно было поражать окружающихъ его родичей, —
это прекращеніе въ немъ дыханія; передъ нимъ лежалъ

so spricht der Herr Herr—Wind komm herzu aus den vier Winden
und blase diese Getödteten an, dass sie wieder lebendig werden,
indem in die Todten lebendiger Odem von den vier Winden kommt,
welche in den Ecken als blasende blaue Köpfe angebracht sind.
Aehnlich blasen in einem der Münchener Bibliothek angehörenden
Evangeliarium des eilften Jahrhunderts die vier Winde bei der Aufer-
stehung der Todten als zweigehörnte blaue Köpfe aus den Wolken.

— ¹⁾ Путеш. въ Черногорію, 221. — ²⁾ Нар. сл. рая., 140. —
³⁾ Ж. М. Н. П. 1836, X, стат. Максимовича, 464.

усопшіи съ тѣми-же тѣлесными органами, какъ у живыхъ; у него оставались еще глаза, уши, ротъ, руки и ноги, но уже исчезло дыханіе, а съ нимъ вмѣстѣ исчезла и жизненная сила, которая управляла этими органами. Отсюда возникло убѣжденіе, что душа, разлучаясь съ тѣломъ, вылетаетъ въ открытыя уста, вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго. По указанію Краледворской рукописи, душа исходитъ длинною гортанью и румяными устами (см. ниже стр. 219); чешская поговорка: «už má duši na jazyku!» означаетъ: онъ еле дышитъ, умираетъ ¹⁾. Слово о полку выражается о князѣ Изяславѣ, что онъ изронилъ свою душу изъ храброго тѣла чрезъ злато ожерелье ²⁾; а народные русскіе стихи говорятъ объ изъятіи души ангеломъ смерти «въ сахарныя уста» ³⁾. Обозначая различныя душевныя свойства, мы сравниваемъ ихъ не только съ пламенемъ, но и вѣтромъ; въ языкѣ нашемъ употребительны выраженія: бурное расположеніе духа, вѣтреный человѣкъ, буйная голова (сравни: «буйный вѣтеръ»), завихрился — загулялся, отбился отъ дѣла. У вѣсѣхъ индоевропейскихъ народовъ находимъ разсказы о мертвецахъ, блуждающихъ привидѣніями, легкими какъ воздухъ, съ которыми они внезапно появляются и исчезаютъ, и также, какъ воздухъ, неуловимыми для осязанія. По смерти человѣка, тѣло его разлагается и обращается въ прахъ, и только въ сердцахъ родныхъ, знакомыхъ и друзей живетъ воспоминаніе о покойникѣ, его лицѣ, пріемахъ и привычкахъ: это тотъ безтѣлесный образъ, который творитъ сила воображенія для отсутствующихъ и умершихъ и который съ теченіемъ времени становится все блѣднѣе и блѣднѣе. Образъ умершаго хранится въ нашей памяти, которая можетъ вызывать его предъ наши внутреннія очи; но

¹⁾ Обл. Сл., 146; Громаниъ, 194. — ²⁾ Рус. Дост., III, 180. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 20.

образъ этотъ не болѣе, какъ тѣнь нѣкогда-живаго и близкаго намъ челоѣка. Вотъ основы древне-языческаго представленія усопшихъ безтѣлесными, воздушными видѣніями, легкими призраками — тѣнями. Греки и римляне думали, что друзья и родственники, по смерти своей, являются къ постели близкаго имъ челоѣка, чтобы онъ въ сновидѣніяхъ могъ проводить съ ними время. Такъ Ахиллесу явилась во снѣ тѣнь Патрокла. Одиссей, посѣтивши Андѣ, пожелалъ обнять тѣнь своей матери; три раза простиралъ къ ней объятія, и трижды она проскользала между его руками, какъ воздухъ ¹⁾. Нашъ летописецъ, рассказывая о полочанахъ, избиваемыхъ мертвецами (навѣе ²⁾), изображаетъ этихъ послѣднихъ неувольными для взора призраками ³⁾. По русскому повѣрью, кто послѣ трехъ-дневнаго поста отправится въ ночь, наканунѣ родительской (поминальной) субботы, на кладбище, тотъ увидитъ тѣни не только усопшихъ, но и тѣхъ, кому суждено умереть въ продолженіи года ⁴⁾. Слово тѣнь (= безтѣлесный образъ) употребляется и въ смыслѣ привидѣнія, и въ смыслѣ того темнаго изображенія, какое отбрасывается тѣлами и предметами, заслоняющими собою свѣтъ. Отсюда возникли примѣты и повѣрья, связующія идею смерти съ тѣнью челоѣка и съ отраженіемъ его образа въ водѣ или въ зеркалѣ. Если на сочельникѣ, когда станутъ вкушать кутью, не будетъ замѣтно чьей-либо тѣни, тотъ изъ домочадцевъ, навѣрно, умретъ въ самое непродолжительное время ⁵⁾; ибо утратить тѣнь — все равно, что сдѣлаться существомъ безтѣлеснымъ, воздушнымъ. Въ числѣ другихъ чародѣйныхъ способонъ порчи извѣстно и заклятіе на тѣнь. Если осиновымъ

¹⁾ Илиада, XXIII; Одис., XI. — ²⁾ Уже средній родъ этого слова указываетъ на что-то безличное, лишенное сущности челоѣческой природы. — ³⁾ П. С. Р. Л., I, 92. — ⁴⁾ Нар. сл. раз., 161. — ⁵⁾ Быть подоянъ, II, 19; Иллюстр. 1846, 262.

коломъ прибить къ землѣ тѣнь, падающую отъ колдуна, вѣдъмы или оборотня, то они потеряютъ свою силу и будутъ молить о пощадѣ. Существуетъ преданіе о томъ, какъ нечистая сила завладѣла тѣнью одного человѣка и какъ много онъ въ-страдалъ, пока не удалось ему возвратить своей тѣни назадъ. Многіе еще теперь не рѣшаются снять свой слугу тѣ, основываясь на суевѣрной примѣтѣ, по которой снявшій съ себя такое изображеніе долженъ умереть въ теченіи года; другіе запрещаютъ дѣтямъ смотрѣть на свою тѣнь и на свое отраженіе въ зеркалѣ: иначе сонъ ребенка будетъ безпокоенъ и можетъ легко приключиться какое-нибудь несчастіе. Когда кто умретъ въ домѣ, то всѣ зеркала занавѣшиваются, чтобы покойникъ не могъ смотрѣться въ ихъ открытыя стѣкла. Зеркало отражаетъ образъ человѣка—также, какъ и гладкая поверхность воды, а по сербскому повѣрью человѣкъ, смотрясь въ воду, можетъ увидѣть въ ней свой смертный часъ (см. выше стр. 169); по мнѣнію раскольниковъ, зеркало — вещь за-претная, созданная дьяволомъ ¹⁾).

5. Въ отдаленные вѣка язычества молніямъ придавался мнеческій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ — птицы; душа человѣческая рождалась съ тѣми и другими стихійными явленіями, и разставаясь съ тѣломъ, могла принимать тѣже образы, какіе давались грозовому пламени и дующимъ вѣтрамъ. Къ этому воззрѣнію прикнула еще слѣдующая мысль: послѣ кончины человѣка, душа его начинала новую жизнь; кромя

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 43; Иллюстр. 1845, 415; 1846, 344; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл. 10—14. Еврей въ день новаго года идуть къ рѣкѣ и смотрять въ воду; кто въ увидитъ своего отраженія, тотъ вскорѣ умретъ — Кіевлян. 1865, 69. По суевѣрному преданію, члены масонскихъ ложъ оставляли въ обществѣ свои портреты; въ случаѣ кончины своего товарища, масоны стрѣляли въ его портретъ—и онъ тотчасъ-же умиралъ, какъ-бы далеко не былъ.

естественнаго рожденія, когда человѣкъ является на свѣтъ съ живою душою, эта послѣдняя, въ таинственную минуту его смерти, какъ-бы снова, въ другой разъ, нарождалась къ иной жизни — замогильной. Оставивъ тѣлесную оболочку, она воплощалась въ новую форму; съ нею, по мнѣнію наблюдательнаго, но младенчески-неразвитаго язычника, должна была совершиться также метаморфоза, какая замѣчается въ животномъ царствѣ. Фантазія воспользовалась двумя взглядыми сравненіями: а) разъ-рожденная гусеница (червякъ), умирая, вновь воскресаетъ въ видѣ легкокрылой бабочки (мотылька) или другаго крылатаго наѣдомаго; б) птица, рождаемая первоначально въ формѣ яйца, потомъ, какъ-бы нарождаемая вторично, вылупливается изъ него цыпленкомъ. Это обстоятельство послужило поводомъ, почему птица названа въ санскритѣ дважды-рожденною (dvidža¹⁾; тотъ-же взглядъ встрѣчаемъ и въ нашихъ народныхъ загадкахъ: «двѣчи родится, а разъ помира»²⁾ или «дважды родится, ни разу не крестится» (переслав. уѣзда) — птица; «два раза родится, ни разу не крестится, а чортъ его бѣтситъ» (новгород. губ.) — пѣтухъ. Младенца же народная загадка называетъ метафорически яйцомъ: «подъ дубомъ, подъ царскимъ, два орла орлуютъ, одно яичко балуютъ» — кумъ съ кумою восприимчиваютъ ребенка отъ купели³⁾. И птица, и бабочка, и вообще крылатые наѣдомые, образующіеся изъ личинокъ, (муха, сверчокъ, пчела и пр.) дали свои образы для олицетворенія души человѣческой. Нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ считаютъ свѣтящихся червячковъ — душами кающихся грѣшниковъ⁴⁾; а чехи прививаютъ червячка, который точитъ деревянные стѣны дома, за душу покойнаго

¹⁾ О. З. 1852, XI, притяга, 36. — ²⁾ Сементов., 29; Великорус. загадки Худяк., 41. — ³⁾ Ibid., 99. — ⁴⁾ Рус. Вѣст. 1842, V-VI, 122.

предка (см. т. II, стр. 113). Это — любопытные отголоски того стариннаго вѣрованія, по которому низведенная съ неба, пламенная душа обитала въ тѣлѣ человѣческомъ свѣтящимся червемъ или личинкою (сравни стр. 73—74), а въ минуту смерти вылетала оттуда, какъ легкокрылая бабочка изъ своего кокона. Въ ярославской губ. мотылекъ называется душичка ¹⁾. Въ херсонской губ. утверждаютъ, что если не будетъ роздана заупокойная милостина, то душа умершаго является къ своимъ роднымъ въ видѣ ночной бабочки и вьется вокругъ зажженной свѣчки; почему на другой-же день послѣ такого посѣщенія загробнаго гостя родственники, для успокоенія его страждущей души, собираютъ и кормятъ нищихъ ²⁾. Бѣлоруссы думаютъ, что мотылекъ, пролетѣвшій во время поминковъ (на дзяды) мимо окна или надъ обѣденнымъ столомъ, есть посланецъ, отправленный покойниками за нихъ обрѣзанными ногтями (см. I, 120 ³⁾). По чешскому повѣрью, кто первую въ году бабочку увидитъ бѣлую, тотъ скорѣе долженъ умереть ⁴⁾. Сербь рассказываютъ, что душа вѣдьмы (вѣштицы) излетаетъ изъ нея во время сна въ видѣ бабочки или птицы, и пока душа странствуетъ—тѣло ея поконится, какъ мертвое; если въ это время перевернуть вѣдьму головою туда, гдѣ были ея ноги, то возвратившаяся душа не найдетъ входа въ свою тѣлесную обитель (=открытаго рта), и колдунья уже никогда не пробудится. Тоже самое рассказываютъ болгары о колдунахъ. Летящую ввечеру бабочку сербь принимаютъ за душу вѣштицы, стараются поймать ее и подпалить ей крылья ⁵⁾. Словен. *vesha* (вѣщая) означаетъ

¹⁾ Обл. Сл., 52. — ²⁾ Херсон. Г. В. 1852, 12. — ³⁾ Пантеонъ 1856, I, 28. — ⁴⁾ Громанъ, 85. — ⁵⁾ Срп. рјечникъ, 66—67: вѣштица се зове жена, која, ина у себи некакая ѣаволски дух, која у сну из ње изиђе и створи се у аспира, у кокош или у ћурку“ (въ бабочку, курицу или индейку).

колдунью, бабочку и блуждающій огонь ¹⁾; Слово о полку при-
даёт душѣ эпигетъ вѣщей. Въ Англіи сунеречныя бабочки,
прилетающія на пламя свѣчки, называются saules (souls), что
вполнѣ соответствуетъ нашей душѣ чкѣ. Въ Германіи извѣ-
стенъ разсказъ о спящей дѣвицѣ, которую не могли разбудить
никакія усилія—до тѣхъ поръ, пока не прилетѣлъ жукъ и не
вползъ въ ея открытый ротъ. У словенцевъ Ивановскій свѣтлѣй-
ся жуиъ—keršnica пользуется особенною любовью за то, что
леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ ко-
лыбель святаго младенца. Вѣсто выраженія: «когда я еще
родился», нѣмцы говорятъ: «когда я еще леталъ съ бабочка-
ми или съ комарами» (ich flog noch den mücken nach, ich
flog noch mit den feiffalter n — schmetterlingen ²⁾). Тоже
представленіе встрѣчаемъ и у грековъ: слово ψυχή употре-
блялось въ двойномъ смыслѣ: душа и мотылекъ. Психею они
изображали бабочкою и даже въ человѣческомъ олицетворе-
ніи надѣляли ее легкими и прозрачными крыльями этого на-
сѣкомаго. Смерть греки представляли съ погасшимъ факеломъ
и вѣнкомъ, на которомъ сидѣла бабочка: факелъ озна-
чалъ угасшую жизнь, а бабочка — душу, покинувшую тѣло.
Въ древнія времена на гробницахъ изображалась бабочка, какъ
вѣлема воскресенія въ новую жизнь ³⁾. По разсказамъ но-
выхъ грековъ, души усопшихъ въ теченіи сорока дней послѣ
Воскресенія Христова носятся надъ цвѣтущими лугами въ
видѣ бабочекъ, пчелъ и другихъ летучихъ насѣкомыхъ и
утоляютъ свою жажду изъ благоухающихъ чашечекъ весен-
нихъ цвѣтовъ ⁴⁾. Припомнимъ, что въ звѣздахъ аріійскія

¹⁾ D. Myth., 1036; Рус. Дост., III, 200. У насъ вѣщица—кол-
дунья и сорока (птица, въ которую любятъ превращаться вѣд-
ны). — ²⁾ Germ. Mythen, 367, 370—1, 729—730; Рус. Бес. 1857,
III, 117. — ³⁾ D. Myth., 789; Обзоръ мнѣній древнихъ о смер-
ти, судьбѣ и жертвоприношеніи, 9, 20. — ⁴⁾ Рус. прост. праздн., IV, 3.

племени видѣли съ одной стороны души блаженныхъ предковъ, а съ другой—рой небесныхъ пчелъ (I, 385), к потому посмертный переходъ душъ въ пчелы долженъ былъ казаться для нихъ столь-же несомнѣннымъ, какъ и переходъ въ звѣзды. Въ Малороссіи, возвращаясь съ кладбища послѣ похоронъ, старухи садятся на цѣлую ночь караулить душу усопшаго и ставятъ на столъ сыту, т. е. мѣлъ, разведенный водою; онѣ убѣждены, что душа непременно прилетитъ въ образѣ мухи и станетъ пить приготовленный для нея напитокъ ¹⁾. О вѣдьмахъ въ воронежской губъ рассказываютъ, что душа вылетаетъ изъ нихъ въ видѣ мухи, — подобно тому, какъ по сербскому преданію, она вылетаетъ въ видѣ бабочки ²⁾. По словамъ чеховъ, мара можетъ превращаться въ большую черную муху ³⁾. Въ Бѣлоруссіи существуетъ примѣта: если сверчокъ летаетъ по комнатѣ, то надо ожидать въ семьѣ покойника ⁴⁾.

6. Народный языкъ и преданія говорятъ о душахъ, какъ о существахъ летающихъ, крылатыхъ. По мнѣнію нашихъ поселянъ, душа усопшаго, послѣ разлуки своей съ тѣломъ, до шести недѣль остается подъ родною кровлею, пьетъ, ѣстъ, прислушивается къ заявленіямъ печали своихъ друзей и родичей и потомъ улетаетъ на тотъ свѣтъ. Въ кievской губъ вѣрятъ, что душа некрещенаго младенца — прежде, нежели превратится въ русалку, семь лѣтъ летаетъ надъ землею ⁵⁾. «Его душа отлетѣла въ иной міръ!» — обычное у насъ выраженіе о всякомъ покойникѣ. Краледворская рукопись свидѣлствуетъ, что, пока не будутъ сожжены трупы, души умершихъ порхаютъ по деревьямъ виѣстѣ съ птицами:

¹⁾ Этн. Сб., I, 371. — ²⁾ Ворон. Бесѣда, 193. — ³⁾ Громаничъ, 26. — ⁴⁾ Нар. сл. ряз., 166. Во владимірской губъ думаютъ: если въ домѣ заведутся сверчки, то кто-нибудь въ семействѣ тяжело заболѣетъ — Труды владим. статист. ком., VI, 85. — ⁵⁾ Киев. Г. В. 1845, 15.

Tamo i viele duš tleka
 Siemo-tamo po drevech.
 Jich bojié sie ptactvo i plachý zvier,
 Jedno sovy nebojié sie ¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ этого памятника читаемъ: «нѣтъ юноши!
 напалъ на него лютый врагъ, ударилъ въ грудь тяжелымъ
 молотомъ,

Vyrazi z juhoše dušu-dušicu!
 Sie vylotie piekným táhlým hrdlem,
 Z hrdla krásnym'a rtoma ²⁾).

Тоже сказано и о сраженномъ Влаславѣ:

Ai, a vyide duša z rúucei hybu,
 Vyletie na drvo, a po drevech
 Siemo-tamo, doniž mrtew nezžen ³⁾).

Подобные обороты и выраженія донынѣ встрѣчаются въ моравскихъ и чешскихъ пѣсняхъ: «vylečela duše z sěla, sedla na hajiček, na ten zelený travníček»; «z těla (душа) vyletěla, na zelenú luku sedla» ¹⁾). Говоря о полетѣ душъ, они намекаютъ на древнѣйшее представленіе ихъ птицами. Такой намекъ получаетъ особенную силу при положительномъ свидѣтельствѣ другихъ сохранившихся у славянъ повѣрій. Кашубы твердо убѣждены, что души усопшихъ, до погребенія оставленныхъ ими тѣлъ, сидятъ въ образѣ птицъ на дымовыхъ трубахъ и что дѣтскія души бываютъ одѣты нѣжными

¹⁾ Переводъ: Тамъ много душъ носятъ туда-сюда по деревьямъ. Боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь, только совы не боятся. —

²⁾ Исторія изъ юноши душу-душеньку! она вылетѣла прекрасною длинною гортанью, изъ гортани румяными устами. — ³⁾ Вотъ и вышла душа изъ стенищихъ устъ, взлетѣла на дерево и (порхала) по деревьямъ туда и сюда, пока не сожгли жертваго—Ж. М. Н. П. 1840, XII, ст. Сравненск., 128, 133—5. — ⁴⁾ Часопись музея чешскаго 1863, I, стат. Иречка, 4—5; Чешск. пѣсни Эрбена, 469.

пухомъ ¹⁾). Въ уѣздахъ мосальскомъ и жиздренскомъ въ теченіи шести недѣль послѣ чьей-либо смерти стелютъ на окно бѣлое полотенце, выпуская одинъ конецъ на улицу, а на полотенце кладутъ хлѣбъ, и вѣрятъ, что душа покойника есть та самая птица, которая станетъ прилетать къ окну и клевать положенный хлѣбъ ²⁾). Суевѣріе это до половины прошлаго столѣтія раздѣлялось и лицами высшихъ слоевъ русскаго общества. Заимствуемъ слѣдующую любопытную замѣтку изъ мемуаровъ того времени: въ апрѣлѣ 1754 года умеръ гофмейстеръ Чоглоковъ; въ открытое окно спальни его жены влетѣла птица и сѣла на карнизъ противъ постели; увидя птицу, Чоглокова сказала, что это прилетѣла душа ея мужа, и разубѣдить ее въ этомъ не было никакой возможности ³⁾). Г. Кулишъ записалъ прекрасный рассказъ о томъ, какъ обмирала одна старуха: «якъ пріѣшла вже минн година вмирати (передавала старуха), то Смерть и стала съ косою въ мене въ ногахъ. Якъ стала, то ноги такъ и похололи... Якъ замахне косою, то душа тилько пурхъ! такъ якъ пташка вилетѣла та-й полетѣла по хати, и сила въ кутку на образи, пидъ самою стелею. А грихи стали на порози та-й не пускають души съ хати. Отъ я бачу, що никуди вѣйти; дивлюсь, ажъ викно о(т)чинене. Я—пурхъ у викно! и пишла, пишла полемъ. Легко та люблю минн такъ, мовъ заразъ на свитъ народилась» ⁴⁾). Въ похоронныхъ и надгробныхъ причитаніяхъ слышатся такіе поэтическія обращенія къ милымъ родственному сердцу покойникамъ: «та прилизъ же ты до мене, мій братику, хотъ сивымъ голубемъ, хотъ иснымъ соколомъ, хотъ билимъ либидемъ» ⁵⁾). — «Прилетай ко мнѣ хотъ кукушечкой, проку-

¹⁾ Roggenwolf u. Roggenhund, 29. — ²⁾ Изъ матеріаловъ, собран. Русск. Географич. Обществомъ. — ³⁾ Mémoires de Catherine II, 211. — ⁴⁾ Кулишъ, I, 305—6; Москв. 1846, XI—XII, 152. — ⁵⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2.

куй мнѣ свою волюшку!» (тамбов. губ.) Невѣста-сврата, обращаясь къ умершимъ родителямъ съ обычнымъ обрядовымъ причитаніемъ, голоситъ: «возстань, кормилецъ-батюшка, распечатай свои уста сахарныя, попроси у Господа Бога златы крылушки, прилети на свадьбу, благослови!» (твер. губ.) Въ нашей старинной символикѣ райскія птицы Алконостъ и Спринъ нерѣдко означаютъ праведниковъ; въ этомъ значеніи, по словамъ гр. Уварова, встрѣчаемъ мы ту в другую птвицу на изваяніяхъ Дмитріевского собора во Владимірѣ на Клязьмѣ ¹⁾. Наравнѣ съ прочими индоевропейскими народами, славяне сохранили много трогательныхъ рассказовъ о превращеніи усопшихъ въ легкокрылыхъ птицъ, въ видѣ которыхъ они навѣщаютъ своихъ родичей. Какъ скоро душа покидаетъ тѣло, она, смотря по характеру своей земной жизни, принимаетъ образъ той или другой птвицы, преимущественно бѣлаго голубя или чернаго ворона ²⁾. Малороссіяне думаютъ, что душа покойника въ продолженіе сорока дней летаетъ съ ангеломъ въ невѣдомомъ мірѣ, являясь каждую ночь въ свой домъ, гдѣ она, въ видѣ голубки, купается въ нарочно-поставленной водѣ ³⁾. Когда діаконъ Феодоръ и трое его товарищей-расколуучителей были сожжены въ 1681 году, то по сказанію старовѣровъ — души ихъ взвились на небо въ видѣ голубей ⁴⁾. На кровлѣ бѣднаго дома, повѣствуетъ народная легенда, сидѣло три голубя; проходилъ мимо путникъ: что такое, думаетъ, сидятъ на кровлѣ три голубя и порываются къ небесамъ порхнуть? Заходитъ въ домъ и узнаетъ, что несчастная мать, не имѣя средствъ прокормить трехъ маленкихъ дѣтей, умертвила ихъ, а голуби—это три божь-

¹⁾ Древности, труды Моск. Археолог. Общ., I, 20 (матеріалы для археол. словаря). — ²⁾ Andeutungen eines Systems der Myth., 239—240. — ³⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2. — ⁴⁾ Правосл. Соборъ 1859, VII, 325; Годъ на Сѣверѣ, соч. Максимовъ, II, 61.

нхъ ангела, прилетѣвшіе за душами младенцевъ, чтобы отвести ихъ на небо ¹⁾). Моравскія сказки свидѣтельствуютъ, что душа вылетаетъ изъ устъ умирающаго и несется на небеса бѣлою голубкою ²⁾). Черногорцы душу называютъ голубицею; у западныхъ славянъ есть преданіе о сѣтующихъ на могилѣ голубяхъ. На древнихъ гробницахъ голубь изображался, какъ символъ отлетѣвшей души; лангобарды, въ память родственниковъ, умершихъ на чужбинѣ или павшихъ въ битвѣ, ставили на церковныхъ дворахъ шести съ деревяннымъ изображеніемъ голубя и обращали голову птицы въ ту сторону, гдѣ лежалъ прахъ покойника ³⁾). Польскія преданія утверждаютъ, что каждый членъ рода Гербуртъ обращался по смерти въ орла; а первородная дочь Пилецкихъ превращалась въ голубку, если умирала до брака, и въ сову, если умирала по замужствѣ. По мѣтнію чеховъ, въ сову превращается жена, невѣрная своему мужу. Есть еще легенда: разбойникъ Мадей, терзаемый ужасомъ грядущаго наказанія на томъ свѣтѣ, обрекъ себя на покаяніе; онъ воткнулъ въ землю свою палицу и преклонилъ колѣна съ обѣтомъ не сходять съ мѣста, пока милосердіе божіе не отпуститъ ему грѣховъ. Долго оплакивалъ онъ свои злодѣянія, много утекло времени — палица разрослась въ вѣтвистое дерево и стояла осыпанная яблоками. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей умолялъ святителя дать ему разрѣшеніе, и по мѣрѣ того, какъ онъ исповѣдалъ свои грѣхи и небо разрѣшало ихъ, яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимою силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и улетали на небо: эти голуби были души убитыхъ разбойникомъ. Оставалось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго за-

¹⁾ Шаповъ, 13. — ²⁾ Кульда, I, 551—3. — ³⁾ D. Myth., 788, 1068; О вл. христ. на слав. яз., 105; Вост. Евр. 1827, XIV, 148—9; Die Wissenschaft des slav. Mythus Гануша, 319.

мучилъ онъ страшнымъ образомъ. Наконецъ и оно, послѣ высказанной исповѣди, превратилось въ сизаго голубя, который тотчасъ-же исчезъ въ слѣдъ за другими ¹⁾. Въ Подолѣ извѣстна пѣсня — какъ изъ могильнаго холма выросло дубовое дерево и какъ прилеталъ и садился на его вѣтви бѣлоснѣжный голубокъ ²⁾. По чешскимъ преданіямъ, невинная душа вылетаетъ изъ тѣла бѣлымъ голубемъ, а грѣшная — темноцвѣтнымъ, или иною какою птицею ³⁾. Въ одной изъ малорусскихъ пѣсень говорится, что душа убитаго мужа прилетала къ плачущей вдовѣ въ образѣ павлина ⁴⁾; а въ другой читаемъ слѣдующіе стихи о душѣ убитаго казака:

Прелетѣла пташка, коло мене впазла:
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана;
Прелетѣла пташка-малевани крыльця:
Таки очи, таки брови, якъ у мого Гриця! ⁵⁾

По свидѣтельству великорусской сказки, душа неповинно-убитой дѣвицы прилетаетъ къ доброму молодцу соловьемъ и поетъ про свое несчастіе, словно человѣческимъ голосомъ выговариваетъ ⁶⁾. О душахъ умершихъ дѣтей разсказываютъ на Волынѣ, что весною онѣ слетаютъ съ неба, принимая видъ ласточки, конопляночки и другихъ пѣвчихъ птишекъ, и садясь по деревьямъ возлѣ отцовскихъ избъ, поютъ сладкозвучныя пѣсни, чтобы утѣшить своихъ осиротѣ-

¹⁾ Семеновск., 49, 145—8; Пов. и пред., 130—5; Шлейхеръ, 75—79; Громанъ, 194; сравни Этн. Сб., V (о кашубахъ), 93—95, 134—6; Н. Р. Лер., № 27, 28 и стр. 177—8; Худак., 101; Бытъ полянъ, II, 59—65; Шоттъ, 15; Гальтрихъ, 28, 30; Volkslieder der Wenden, I, 285; II, 176—8. Въ нѣмецкой редакціи когда раскаявшийся грѣшникъ былъ помилованъ и умеръ, то душа его воспарила на небо бѣлымъ голубемъ. О значеніи яблокъ см. выше, II, 507. — ²⁾ D. Myth., 788. — ³⁾ Иришокъ въ Часописи чешск. музея 1863, I, 5. — ⁴⁾ Костомар. Сл. Мнѣ., 66—67. — ⁵⁾ Малорус. автор. сборн., 225. — ⁶⁾ Н. Р. Сл., VII, 29.

лыхъ родителей ¹⁾. По итмецкой сказкѣ пасынокъ, убитый мачихою, оборачивается птичкою, прилетаетъ къ своему дому и поетъ: «меня мачиха убила, сестра схоронила — и я сталъ чудесною птичкою!» — слова, одинаковыя съ тѣми, которыя въ русской сказкѣ наигрываются дудкою, сдѣланною изъ тростника, что выросъ на могилѣ убитого мальчика ²⁾. Вмѣстѣ съ другими подобными свидѣтельствами, касающимися германскихъ племенъ, Я. Гриммъ приводитъ вѣрованіе, что когда тонетъ разбитый корабль, то души потонувшихъ поднимаются изъ водъ и восходятъ на небо бѣлыми голубями. Романская легенда также представляетъ душу голубкою ³⁾. У литовцевъ есть прекрасное поэтическое преданіе: пѣвецъ Дайнасъ страстно влюбился въ красавицу; напрасно онъ утромъ и вечеромъ пѣлъ передъ ея окномъ пѣлннтельныя пѣсни: суровая красавица не хотѣла отвѣчать его страсти. Дайнасъ утопился, и боги превратили его въ соловья. Только тогда почувствовала она къ нему любовь, умерла съ горести и была превращена въ столбиственную розу, которая начинаетъ цвѣсти въ то время, когда перестаетъ пѣть соловей. Существуетъ въ Литвѣ и другой рассказъ о томъ, какъ бѣдный земледѣлецъ, любившій сопровождать свою трудную работу веселыми пѣснями, былъ превращенъ по смерти въ жаворонка, который потому и вѣется и поетъ надъ колосистыми нивами ⁴⁾. Литовское преданіе о Дайнасѣ напоминаетъ «Цемеса и Галльціону» Овидія: въ этомъ стихотвореніи поэтъ сохранилъ намъ подобное-же преданіе древнихъ о превращеніи въ птицъ двухъ любовниковъ, погнбшихъ въ волнахъ коварнаго

¹⁾ Волын. Г. В. 1859, 18. — ²⁾ Сказ. Гримм., 47; сравни польскую сказку въ сборникѣ Глинск., II, 236—7. Арабы вѣрива, что изъ крови убитого зарождается птица, которая летаетъ близъ могилы и жалобно кричитъ, пока не будетъ отомщено убійство. —

³⁾ D. Myth., 638, 640, 788. — ⁴⁾ Черты литов. нар., 73.

мерл. «Одиссея» души умерших представляет летающими въ воздухѣ стаями в сравниваетъ ихъ съ летучими мышами ¹⁾. Вотъ почему птица, влетѣвшая въ комнату, (воробей, голубь, ласточка) предвѣщаетъ покойника; ту же примѣту относить и къ нетопырю. Крикъ ворона, филина и совы, прилѣтъ дятла, жолны или кукушки въ дому считаются такимъ же печальнымъ предзнаменованіемъ чьей-либо смерти ²⁾. Видѣть во снѣ, какъ улетѣла со двора кукушка или поднялся съ руки соколъ, означаетъ: смерть близкаго, любимаго человека ³⁾.

Особенно-знаменательно представленіе души въ образѣ кукушки, которое можетъ навести на смыслъ загадочнаго обряда, извѣстнаго на Руси подъ названіемъ крещеніи кукушекъ. Въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ кукушка прилетаетъ горевать надъ трупами умершихъ ⁴⁾; она—эмблема сильной сердечной печали по милымъ покойникамъ: у сербовъ и литовцевъ есть преданіе о превращеніи въ кукушку неутѣшной сестры, которая долго и горько оплакивала смерть своего брата ⁵⁾. На деревянныхъ могильныхъ крестахъ въ

¹⁾ Пѣснь XXIV. Египтяне, раздѣлившіе тоже возрѣніе на душу, изображали ее въ видѣ птицы (копчика) съ человѣческой головою—*Zeitsch. für D. M.*, IV, 245; *O. Z.* 1858, VI, 442. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 333; Статист. описаніе саратов. губ., 62; Абен., 157; Нар. сл. риз., 164; I-й т. Повт. Возар., 511—2. — ³⁾ См. народные пѣсни въ Вѣст. Евр. 1818, XXI, 50—52. — ⁴⁾ Никто, говоритъ пѣсня, не погруститъ о погибшемъ на чумбнѣ; только воронъ прилетитъ, сядетъ на трупъ, помалуетъ и перестанетъ, да „прилетитъ зозуля да-й планати стане“; къ умирающему казаку прилетаетъ кукушки, „у головахъ сидитъ, якъ рідны сестры ковалъ“ — Ж. М. Н. П. 1837, т. XIII, 42; Пассена: Путеш. Записки, Запорожск. Старина Срезневск., I, кн. 2, 80. — ⁵⁾ Срк. рѣчник., 312; Черты литон. нар., 72. Сравни малорусское преданіе: «зозуля й дятель були перше людьми, а послѣ Богъ тань давъ, що пороблявся птицими» — Кулишъ, II, 36.

Сербіи наображають столько кукушекъ, сколько родственниковъ и особенно сестеръ грустятъ по усопшему, и до сихъ поръ дѣвица, потерявшая брата, не можетъ удержаться отъ слезъ, какъ скоро заслышитъ голосъ кукушки ¹⁾). На Русь вѣрятъ, что когда эта птица кукуетъ, то изъ глазъ ея капаютъ на древесную вѣтку слезы; за эти слезы принимаютъ ячмѣки наѣдомыхъ ²⁾), облипающія древесную вѣтку и называемыя у нѣмцевъ *kukuks-spreichel*, у сербовъ кукавичја суза, у насъ кукушкины слѣзки ³⁾). Къ кукушкѣ обращаются съ вопросами о покойникахъ; такъ въ одномъ похоронномъ причитаніи надъ умершимъ отцомъ говорится:

Мій же ты таточку!
 Якъ будутъ садочки цвисты,
 И буде зозуленька куковаты,
 Я-жъ буду, мій таточку,
 Зозуленьку пытаты:
 Чи не бачила-жъ ты, зозуленько,
 Мого батьку риднаго?

Въ свадебной пѣснѣ неvěста-сирота посылаетъ кукушку за своими умершими родственниками, чтобъ они пришли съ того свѣта благословить ее на новое житье ⁴⁾).

Обрядъ крещенія кукушекъ въ разныхъ мѣстахъ совершается въ разное время — на третьей, четвертой, пятой или шестой недѣлѣ послѣ Пасхи, но преимущественно въ недѣлю Семицкую, когда поминаютъ усопшихъ. Женщины и дѣвцы собираются въ лѣсъ, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело птицы и сажаютъ на вѣтку, а подъ нею привѣшиваютъ шейные кресты; иногда, вмѣсто того, отыскиваютъ тра-

¹⁾ D. Myth., 1088. — ²⁾ Cicada spumaria, ringelspinne. — ³⁾ D. Myth., 646. — ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2; Иллюстр. 1848, № 1, иллюстр. свадьба.

ву, называемую кукушкою (*orchis latifolia* ¹⁾), и вырвавъ ее съ корнемъ, одѣвають въ сорочку, потомъ кладутъ на землю и ставятъ надъ нею крестообразно двѣ дуги, покрывая ихъ платками и вѣшая съ двухъ сторонъ по кресту. Въ орловской и тульской губ. надѣвають крестикъ на самое чучело кукушки и поютъ: «кумушки, голубушки! кумитесь, любитеся, даритесь!» Это называется кстить (крестить) кукушку или кумиться. Двѣ дѣвицы, поцѣловавшись изъ-подъ дуги, мѣняются крестами и называются кумями. Въ праздникъ Семика поселяне приходятъ въ рощу, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березы, нагибаютъ и связываютъ ихъ вѣтви разноцвѣтными лентами, платками и полотенцами въ видѣ вѣнка; надъ вѣнкомъ кладутъ означенную траву или чучело кукушки, а по сторонамъ привѣшиваютъ кресты. Двѣ дѣвицы, желающія покумиться, должны обойти вокругъ этихъ березъ — одна на встрѣчу другой, потомъ трижды поцѣловаться сквозь вѣнокъ, и сквозь вѣнокъ-же передать другъ дружкѣ желтое яйцо. Хороводъ поетъ:

Ты, кукушка рыба!
Ты кому-же кума?
Покумися, кумушки
Покумися, голубушки!

Названныя «кумушки» обмѣниваются крестами и кольцами; а кукушку раздѣляютъ на части и хранятъ у себя на память кумовства. Затѣмъ слѣдуетъ пиршество, необходимою принадлежностью котораго бываетъ яшница. Тѣ, которыя покумались въ Семикъ, ходятъ на Троицынъ день развѣшивать вѣнки или бросать ихъ въ воду, при чемъ поютъ: раскумися, кумушки! раскумися, голубушки! да ю, ю — Семикъ да и Тро-

¹⁾ Беременные женщины выкапываютъ эту траву и гадаютъ по ней: если на корнѣ будетъ два отростка—то родится дѣвочка, а если три—то мальчикъ (Вост. Р. Г. О. 1853, I, 59).

ица! Есть игра, указывающая на тотъ-же обрядъ кумовства; дѣтвицы избираютъ куму и садятся въ кружокъ, кума обходитъ ихъ и спрашиваетъ: чье это дитя?—Твое и мое.—Кому его крестить? — Тебѣ и мнѣ. Послѣ того кума и та, которую она спрашивала, разбѣгаются въ разныя стороны, и объѣзжавъ кругъ три раза, останавливаются. Кто прибѣжитъ прежде, та садится, а другая идетъ спрашивать. Сходная съ этою игра известна и въ Литвѣ ¹⁾).

Обрядъ крещенія кукушекъ получить для насъ болѣе осознательное значеніе, если мы сблизимъ его съ повѣрьюми о русалкахъ и мавкахъ, въ образѣ которыхъ (по народному повѣрью) являлись души младенцевъ мертворожденныхъ или умершихъ безъ крещенія ²⁾). Въ теченіе семи лѣтъ, до превращенія своего въ русалокъ, души эти (преимущественно на Зеленыя Святки) летаютъ по воздуху и жалобно просятъ, чтобъ ихъ окрестили; кто слышитъ ихъ грустный, умоляющій голосъ, тотъ долженъ сказать: «крещаю тебя, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Послѣ этихъ словъ онѣ возносятся на небо, какъ-бы воспринявшія крещеніе. О русалкахъ и мавкахъ рассказываютъ, что наканунѣ Троицына дня онѣ бѣгаютъ по колосистымъ нивамъ, хлопаютъ въ ладоши и приговариваютъ: «ухъ-ухъ, соломяный духъ! мене маты породыла, некрещену положила (или: схоронила) ³⁾». Любопытно, что въ черниговской губ. обрядъ зазиванія семиречныхъ вѣтнковъ называется встрѣчею русалокъ, а развиванье вѣтнковъ (на

¹⁾ Сахаров., I, 72—73; II, 86; Рус. прост. праздн., I, 163; III, 96—98; Вѣст. Евр. 1821, II, 195; Терещ., V, 42; VI, 165, 191—2; Саратов. Г. В. 1844, 6. У румыновъ на Троицкой недѣлѣ совершается праздникъ кукушекъ — Телескопъ 1833, VIII, 501—2. —

²⁾ Терещ., VI, 124, 176, 181; Рус. прост. праздн., III, 98, IV, 10; Вѣст. Евр. 1821, II, 195. — ³⁾ Терещ., VI, 125, 129; Рус. прост. праздн., IV, 10.

Петровъ день) — проводами русалокъ. Если неокрещенныя души, летая по воздуху, испрашиваютъ себѣ крещенія; если самое появленіе ихъ совпадаетъ со временемъ совершенія обряда, извѣстнаго подъ именемъ «крещенія кукушекъ»; если наконецъ душа олицетворялась въ образѣ птицы и кукушка принималась эмблемою сиротства: то, кажется, позволительно будетъ догадка, что подъ «крещеніемъ кукушекъ» должно понимать символическій обрядъ крещенія младенцевъ, умершихъ безъ этого таинства и потому осужденныхъ блуждать по свѣту. Дѣти народному уму представляются чистыми, невинными, безгрѣшными; но умирая безъ крещенія — они не могутъ войти въ царство блаженныхъ. Сострадавъ ихъ безотрадней судьбѣ, простоядникъ создалъ обрядъ посмертнаго крещенія, чтобы такимъ образомъ открыть душамъ младенцевъ вѣрный путь въ небесныя обители ¹⁾. Очевидно, что подобное воззрѣніе могло родиться только въ эпоху христіанскую, но тѣмъ не менѣе оно перешло въ обрядъ подъ сильнымъ вліяніемъ языческихъ представленій, и по всему вѣроятію описанное нами «кумовство» есть не болѣе, какъ видоизмѣненная форма древняго «побратимства» или «дружицала». За это свидѣтельство сербскій обычай: на второй день Пасхи поселяне идутъ на кладбище, раздаютъ милостину и поминаютъ усопшихъ, а потомъ дружатся между собою («дружицају се») — парни съ парнями, а дѣвицы съ дѣвицами, т. е. плетутъ изъ вербы вѣнки, цѣлуются сквозь нихъ и мѣняются красными яицами и самыми вѣнками; послѣ того, въ продолженіе цѣлаго года, мужчины называются побратими, а дѣвицы — друге ²⁾.

Представленіемъ души въ образѣ птицы легко объясняется, почему между нашими крестьянами донинѣ соблюдается обык-

¹⁾ Припоминаніе дѣтское свидѣтельство (подъ 1044 годомъ), что при Ярославѣ дѣгребомъ два князя Ярополкъ и Ольга, сына Святослава, и крестили кости ею, и положиша ѣ въ церкви свята Богородица — П. С. Р. Л., I, 67. — ²⁾ Ср. рѣчичи, 142.

новеніе: въ продолженіи шести недѣль по смерти родственника «кормить птицу небесную»; для этого каждое утро осыпаютъ могилу хлѣбными зернами ¹⁾. Въ астраханской губ., посѣщая на праздникъ Пасхи кладбище, крошатъ на могилахъ для птицъ яйца; въ другихъ мѣстахъ крошатъ для нихъ на могилы печеный хлѣбъ, а въ Москвѣ уцѣлѣлъ трогательный обычай кормить въ извѣстные дни года голубей, что совершается какою-нибудь старухою на перекресткахъ улицъ и площадяхъ; деньги на кормъ собираются съ прохожихъ. Обычай этотъ соблюдается и у западныхъ народовъ. Я. Гриммъ сообщаетъ любопытное указаніе: «man entsinnt sich dabei des vermächtnisses für die vögel auf Walthers von der vogelweide grabstein, dessen name schon pascua avium ausdrückt» ²⁾.

7. Понимая душу, какъ пламя и вѣтеръ, арійское племя должно было сроднить ее съ стихійными существами, населяющими небо и воздухъ. Такое сродство засвидѣтельствовано языкомъ: душа и духъ = *geist* (отъ *gisan* — дуть, вѣять), *ānīma* и *ā́nērmos*. По индѣйскимъ вѣрованіямъ, толпы стихійныхъ духовъ, олицетворяющихъ небесные лучи, молніи и вѣтры, (*ṛibhus*, *bṛigus*, *angirasen*, *maruts*) ничѣмъ не различались отъ *pitrīs* = *patres*, отцовъ, предковъ, т. е. отъ усопшихъ, называемыхъ у славянъ родителями и дѣдами. Веданческая религія признаетъ небо и воздушный міръ за двѣ отдѣльныя области. Въ безпредѣльныхъ пространствахъ неба пребываетъ свѣтъ, какъ вѣчная, творческая сила; между этою страной свѣта и землею простирается царство воздуха, въ которомъ плаваютъ облака и тучи, несущія живую воду дождей и преграждающія путь лучамъ солнца. Души отцовъ

¹⁾ Этв. Сб., V, о бытѣ нурскъ крестьянъ, 82. — ²⁾ D. Myth., 635.

населяютъ и ту, и другую области, и отсюда позднеѣ, когда стали разсуждать о загробномъ возмездіи за земную жизнь человека, развилось вѣрованіе о двойственной судьбѣ усопшихъ: о душахъ блаженныхъ, наследующихъ царство небесное, и отверженныхъ, осужденныхъ блуждать по воздуху и вращаться въ пеклѣ грозовыхъ тучъ. Любопытно, что въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ греч. *παράδεισος* (рай) переводится словомъ: по-рода, а *γεέννα* (адъ) словами: родъ и родство ¹⁾. Высоко, по ту сторону облачныхъ водъ; лежитъ блестящее небо (*svarga*), съ котораго солнце, луна и звѣзды посылаютъ свой свѣтъ на землю; такъ-то, на отдаленной границѣ вселенныя, живутъ отшедшіе изъ земной юдоли предки подѣ властію Варуны, наслаждаясь вѣчнымъ блаженствомъ и блистая очамъ смертныхъ яркими звѣздами. Но чтобы достигнуть этихъ райскихъ селеній, они должны шествовать черезъ воздушный океанъ, странствовать посреди дождевыхъ потоковъ и грозоваго пламени и принимать участіе въ ихъ животворной или разрушительной дѣятельности. По свидѣтельству гимновъ, отцы носятъ въ тучахъ, сверкаютъ въ молніяхъ, извлекаютъ изъ облаковъ дождь и проливаютъ его на поля своихъ потомковъ; они полагаютъ въ ночи тьму, а утромъ находятъ сокрытый свѣтъ и призываютъ къ пробужденію прекрасную Зорю, т. е. нагоняя черныя тучи, омрачаютъ небо исчеподобными покрывами, а разсѣвая ихъ въ грозѣ, выводятъ изъ мрака свѣтозарное солнце. Такимъ образомъ отжившіе предки сѣшивались и отождествлялись съ бурными и грозовыми духами. Сонмъ вѣтровъ (маруть), по мнѣнію индусовъ, постоянно пополнялся душами усопшихъ. Духи рибу (*ribhus*), стихійная природа которыхъ проявляется въ блескѣ солнечныхъ лучей

¹⁾ Описаніе славян. рукописей моск. синодал. библ., отдѣл. 2-ое, I, 12; II, 24, 27, 57, 114, 149, 261, 397—8, 428.

и сверкающих молній, признавались и за души блаженных; они стояли въ такомъ-же близкомъ отношеніи къ Индрѣ, какъ и маруты: участвовали въ полетахъ грозы, пѣли бурную пѣсню, низводили съ неба потоки, помогали земному плодородію и славились, какъ искусные кузнецы. Тоже двойное значеніе стихійныхъ духовъ и усопшихъ предковъ принадлежать и ангирасамъ, которые только тѣмъ отличаются отъ молніеносныхъ рибу, что сопутствуютъ богу Агни и вся дѣятельность ихъ ограничивается стихіей огня; но мы знаемъ, что Агни первоначально былъ богомъ грозового пламени. Ангирасы признаны предками на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ домовые пенаты были вмѣстѣ и представителями очага, и обожествленными дѣдами (см. II, 74—82). У германцевъ марутамъ соответствуютъ духи нечестоваго воинства и мары (māren), а rībhns—буквально тоже, что (свѣтлые) эльфы (см. II, 720). Маруты и мары (моря, марухи)—названія одного корня ¹⁾; послѣдніе равно известны и нѣмцамъ и славянамъ; съ одной стороны они принимались за темныхъ или ночныхъ эльфовъ, а съ другой — за души усопшихъ (II, 100-3; III, 79). Подымая вѣтры, маруты загоняютъ на небесный сводъ мрачныя тучи и сбиваютъ ихъ кудрями и космами; отъ вѣтхъ сгущенныхъ и клубившихся облаковъ отецъ марутъ Рудра назывался косматымъ, что напоминаетъ намъ опутанные волоса маръ—mārenloske ²⁾. Отсюда понятно, почему эльфы, мары и дверги сближаются народными преданіями съ тѣнями умершихъ, и почему души представлялись нѣмецко-славянскимъ племенемъ летающими

¹⁾ Маннгардтъ указываетъ на санскр. корень mṛ, mān — раздроблять, разбивать; мы же сближаемъ эти названія съ словами мракъ (морозъ) и моръ (смерть), и видимъ въ нихъ: во 1-хъ, бурныхъ духовъ, опрачающихъ небо тучами, и во 2-хъ, усопшихъ (= души, какъ дыханіе тѣхъ-же вѣтровъ). — ²⁾ German. Mythen, 41-47, 709, 721-733; Die Götterwelt, 51.

налютками, эльфо-подобными карлами. Эльфовъ считаютъ въ народѣ за выходцевъ съ того свѣта; тѣло у нихъ—не то, какое у живыхъ людей: его нельзя ни схватить, ни осязать! они всюду проникаютъ, не нуждаясь въ дверяхъ и отверстіяхъ, и также быстро исчезаютъ, какъ дувовеніе вѣтра. Въ ночные часы эльфы собираются на церковныхъ дворахъ и кладбищахъ и пляшутъ на свѣжихъ могилахъ, съ радостью и весельемъ встрѣчая новую душу, пришедшую къ нимъ изъ міра живущихъ. Усоншіе поступаютъ въ кругъ эльфовъ, и потому смерть человѣка празднуется ими, словно свадьба или прибытіе дорогаго гостя, музыкой и танцами. Финны вѣрятъ, что, когда совершается погребальная церемонія, на кладбищѣ и по дорогѣ къ нему летаютъ и кружатся маленькіе духи (*keijungaiset*), похожіе на бѣлыя снѣжки, блестящіе лучи и куколки бабочекъ; они появляются въ домъ, гдѣ есть покойникъ, и наполняютъ комнаты трупнымъ запахомъ. Какъ существа, нѣкогда сами причастныя людской жизни, эльфы стоятъ въ близкой, родственной связи съ семьями ихъ потомковъ, продолжающихъ населять землю. Всякой родъ, всякая семья имѣетъ своихъ собственныхъ эльфовъ и питаетъ къ нимъ уваженіе и преданность, какъ къ домовымъ охранительнымъ божествамъ (*пенатамъ*), и въ свой черёдъ пользуется отъ нихъ помощью и защитой въ нуждѣ. Различныя партіи эльфовъ враждуютъ и сражаются между собой въ ночное время на перекресткахъ, и только дневной разсвѣтъ прекращаетъ ихъ борьбу; битвы эти часто вызываются споромъ, какой сторонѣ должна принадлежать душа усоннаго—эльфамъ его отца или эльфамъ его матери, и на какомъ церковномъ дворѣ должно быть совершенно погребеніе ¹⁾. Такимъ образомъ битвы стихійныхъ духовъ, созерцав-

¹⁾ *Irische elfenmärch.*, XII—XIII; *D. Myth.*, 798; Вост. Евр. 1828, XIII (Налот. обычаи, повѣрья и обряды финляндцевъ), 8-9.

мыя древними племенами въ грозѣ, подѣ вліяніемъ смѣшенія эльфическихъ существъ съ душами человѣческими, получили характеръ родовыхъ усобицъ за обладаніе ново-усопшими членами. Какъ съ олицетвореніемъ души, съ эльфомъ тѣсно сочелся ея поэтическій образъ бабочки: эльфы являются въ видѣ легкокрылаго мотылька, шмеля или гусеницы, садятся на стебли и цвѣты растеній и пьютъ росу; названія *schrätteli* и *nachtvogeli* прилагаются и къ мрамъ, и къ бабочкамъ. Люди, у которыхъ срослись брови, могутъ въ случаѣ гнѣва посылать на своихъ враговъ эльфа (*alp*), который вылетаетъ изъ-подъ ихъ бровей въ видѣ маленькой бѣлой бабочки, садится на грудь спящей жертвы и начинаетъ давить ее. Этотъ эльфъ — первоначально: разящая молнія или тотъ сверкающій взоръ, который устремляется изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей облака (I, 170-2), и потомъ, въ примѣненіи къ человѣку: душа, воспламененная гнѣвомъ; въ Ааргау бабочку называютъ *donnerkeil*. Такое вынисканіе эльфа-бабочки преимущественно приписывается колдунамъ и вѣдьмамъ, ради тѣсной связи ихъ съ грозовыми явленіями природы ¹⁾. Тоже вѣрованіе распространено и между славянами: когда спитъ вѣдьма, изъ нея (по мнѣнію сербовъ и черногорцевъ) исходитъ злой духъ въ образѣ бабочки, летаетъ по избамъ, садится на сонныхъ людей и поражаетъ ихъ смертельно въ лѣвую грудь. На побережьяхъ Адриатическаго моря такіе эльфическіе духи называются вѣдогона (вѣдогона) и признаются за души, обитающія въ тѣлахъ людей и животныхъ, и въ тоже время за домовыхъ геніевъ, оберегающихъ родовое имущество и жилище. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогона; когда онъ спитъ, вѣдогонъ выходитъ изъ тѣла

¹⁾ *Irische elfenmärch.*, CVIII; *D. Myth.*, 431; *German. Mythen*, 372, 715.

и охраняетъ принадлежащее ему имущество отъ воровъ, а его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и отъ волшебныхъ чаръ. Доселѣ не позабыто ихъ стихійное значеніе: срываетъ ли вѣтеръ древесныя листья и они, колеблясь, несутся по воздуху—это (говорять) дерутся вѣдогони; въ полетѣ разрушительной бури вѣдогони отторгаютъ отъ горъ большіе камни, вырываютъ въ лѣсахъ деревья и бьются ими между собою, какъ враждующія рати. Адриатическіе славяне увѣрены, что къ нимъ прилетаютъ вѣдогони съ итальянскаго берега и сражаются съ туземными, и которые одоляютъ—тѣ уносятъ лѣтніе плоды (урожай) на свою землю (т. е. собственно перегоняютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой). Если вѣдогонъ будетъ убитъ въ дракѣ, то человѣкъ или животное, которому онъ принадлежалъ, немедленно умираетъ во снѣ. Поэтому если случится вонну умереть во снѣ, то рассказываютъ, будто вѣдогонъ его дрался съ вѣдогонями врагѣ и былъ убитъ ими ¹⁾. По чешскому повѣрью, тѣга—душа злой чародѣйкв; въ полночь, покидая тѣло, она бросается на сонныхъ людей, давитъ ихъ и сосетъ изъ груди горячую кровь (сравни съ упырями — гл. XXVI). У кого срослись брови, въ томъ обитаетъ тѣга. У итѣпцевъ существуютъ подобные-же рассказы о марахъ, обитающихъ въ людяхъ: если мара выйдетъ изъ тѣла и не воротится назадъ, то человѣкъ непременно умираетъ ²⁾. Отождествляя эльфовъ съ душами, народная фантазія надѣлила ихъ и высшими духовными способностями: хитрымъ умомъ, изобрѣтательностію и предвѣдніемъ.

Что души у славянъ представлялись существами эльфическими, карликами, наиболѣе-важное тому свидѣтельство предлагаетъ древне-русское навъ, навье. Отъ снкр. паэ—умирать произошли лат. пех—смерть, греч. νέκος, готск.

¹⁾ Срп. рјечник, 66-67, 251; Путешест. въ Черногорию, 220-1.
— ²⁾ Громаниъ, 23—25; Beiträge zur R. Myth., II, 268.

п а в с (множ. п а в е і с), п а в і с—мертвый, п а в і с т р—могила, сканд. п å—мертвое тѣло, трупъ, латыш. п а н в е—смерть, п а н в і г с—смертельный, ядовитый, п а н в е н т—убивать; въ древне-чешскомъ языкѣ п а в і т і значило: загубить, умертвить (шлатем ѣвртѣхо п а в і), а п а в, п а в а—смерть, могила, жилище усопшихъ: «Krok ide do п а в і». Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ современныхъ областныхъ говорахъ, н а в ѣ—мертвецъ: «приведе Янка митрополита Іоанна скопчичу, его-же видѣвше людье испрекоса: се н а в ѣ (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ года бо до года пребывъ умре» (Лаврент. лѣтоп.); «яко и н а в ѣ изъ гроба исходящи» (Іоаннъ, экзархъ болгарск.) «въ н а в ѣ зрѣти»—ожидать смерти (житіе муромск. князя Петра и Февроніи); въ древнихъ переводахъ библейскихъ книгъ н а в ѣ употребляется въ смыслѣ ада, тартара, какъ царства мертвыхъ; наконецъ Радунѣца (вториннѣ Оминой недѣли), когда совершаются поминки по усопшимъ, называется въ народѣ н а в і й (=мертвецкій) день и н а в ѣи проводы. Слово н а в ѣ, н а в ѣе стоитъ въ родствѣ съ скандин. п åг (п åіг, п åіпп)—мрачный карликъ, цвергъ ¹⁾. Лѣтописецъ, рассказывая о явленіи въ 1092 году незримыхъ духовъ, которые рыскали на коняхъ и поражали смертію полочанъ (см. выше стр. 80), прибавляетъ, что въ то время говорили: «яко н а в ѣе бьютъ полочаны», т. е. мертвцы караютъ народъ чумными стрѣлами (=молніями). Въ нереславскомъ спискѣ находимъ любопытный вариантъ: «они-жъ (люди) рѣша: изъ н а в ѣи дѣти насъ емлютъ» ²⁾. По мнѣнію украинцевъ, младенцы, умершіе некрещеными, являются въ лѣтній пол-

¹⁾ О влиян. христ. на сл. яз., 63—64; Мысли объ истор. рус. яз., 147—8; Матер. для исторіи письменъ, стат. Буслаев., 55; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2. 102; Иричекъ въ Часописи 1863, I, 16; Обл. Сл., 120. — ²⁾ Лѣтописецъ Пересл., 51.

день въ глухихъ чащахъ лѣсовъ и около озеръ, играютъ на солнышкѣ и причутся виѣстѣ съ его закатомъ. Они таніе «малюсинькіе», что четверо могутъ уѣстѣся на крылѣ мухи ¹⁾. Бѣлоруссы блуждающіе огоньки, признаваемые за души усопшихъ, представляютъ себѣ одноглазыми малютками. Въ старинной иконной живописи душа изображается въ видѣ младенца, который исходитъ изъ устъ покойника, виѣстѣ съ его послѣднимъ дыханіемъ, и улетаетъ на небо, или возносится туда ангелами. Подобныя изображенія встрѣчаемъ и въ миниатюрахъ, украшающихъ древнія рукописи ²⁾, и въ печатномъ изданіи Патерика Печерскаго, и на лубочныхъ картинкахъ ³⁾. Замѣчательно, что въ полтавской и другихъ южныхъ губерніяхъ мертворожденныхъ дѣтей закапываютъ подъ порогомъ избы — тамъ, гдѣ народное преданіе полагаетъ обиталище эльфовъ; теперь крестьяне объясняютъ этотъ обычай въ христіанскомъ духѣ: они говорятъ, что священникъ, идя со крестомъ, переступаетъ порогъ и тѣмъ самымъ сообщается освященіе душѣ некрещенаго младенца. Для того, чтобы благословеніе умершаго почло надъ жилищемъ его родителей, челя, при выносѣ покойника, трижды — во имя св. Троицы — прикасаются гробомъ о домашній порогъ ⁴⁾. Народныя поверья доселѣ связываютъ съ душами усопшихъ атмосферныя явленія, указывая тѣмъ самымъ на ихъ стихійный характеръ. Когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, станетъ вдругъ оттепель, русскіе поселяне выражаются объ этомъ такъ: род и теплѣ вздохнули, т. е. мертвые повѣяли (дохнули) теплымъ вѣтромъ. По мѣтнію полѣшниковъ, усопшіе родители въ день свадьбы своихъ дѣтей сходятъ на землю дождевой тучею, чтобы благословить молодую чету; вотъ что гласитъ свадебная пѣсня:

¹⁾ Степныя сказки Данилевскаго, 125-6. — ²⁾ См. рисунки въ Истор. очеркахъ Буслаева, I, 435; II, 153. — ³⁾ Таковы картины: „Смерть грѣшника“, „Молитна св. Сядору блаженному“ и др. — ⁴⁾ Громаничъ, 189.

Матинька передъ Богомъ стоить,
 У Бога ся просить:
 Спусти мене, Боже,
 Надъ село хмарою,
 У село дробнымъ дождичкомъ,
 Яснымъ сонцемъ-оконцемъ;
 Нехай-же я ся подывлю.
 Чи красно дитя убранно?

Въ бѣлорусской пѣснѣ усопшая мать просится у Бога поглядѣть на свадьбу своей дочери въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Боже, Боже!
 Пусси мене зъ неба даловъ
 Дробнымъ дождемъ,
 У поли мыглицою (иглою),
 У травъ расицою (росою!)

Болгары думаютъ, что Илья-пророкъ заставляетъ умершихъ цыганъ дѣлать изъ снѣгу градъ и пускать его лѣтомъ на поля и нивы грѣшниковъ ²⁾. Илья-пророкъ замѣняетъ здѣсь Перуна, а умершіе цыганы — темныхъ эльфовъ, злыхъ маръ. Налагая на старинныя преданія этнографическія и бытовыя черты, фантазія, подъ вліяніемъ народной непріязни къ цыганамъ и ради ихъ смуглаго цвѣта, сочетала съ этимъ племенемъ представленія, относимыя нѣкогда къ демоническимъ силамъ природы. Въ народныхъ сказкахъ — тамъ, гдѣ въ богѣ древнихъ редакцій выводится злая вѣдьма, въ позднѣйшихъ передѣлкахъ уже стоить цыганка. Литовцы вѣрятъ, что души усопшихъ носятъ верхомъ на коняхъ, съ копытами въ рукахъ, около своего прежняго жилища; по ихъ словамъ, если построить домъ на той дорогѣ, которою привыкли ѣздить мертвецы; то въ немъ — не житье: постоянно будетъ слышаться

¹⁾ Кіевлянинъ 1865, 52; Сборн. памятниковъ народн. творчества, I, 277. — ²⁾ Каравел., 240.

шумъ, вѣтеръ станеть срывать кровлю, и домъ скоро разрушится ¹⁾.

Нѣмецкимъ эльфамъ соотвѣтствуютъ у славянъ вилы и русалки—облачныя, грозовыя дѣвы, въ которыхъ, сверхъ того, видятъ и существа загробнаго міра. Такимъ образомъ душа, согласно съ грамматическимъ родомъ этого слова (чеш. duše, литов. duszia, греч. ψυχή, лат. и итал. anima, фран. âme, исп. alma, нѣм. seele), олицетворялась по преимуществу въ женскомъ полѣ, и это было до такой степени сильно, что у литовцевъ находимъ слѣдующее преданіе: въ 1279 году были замучены крестоносцами два упорныхъ язычника; одного изъ нихъ они разорвали съ помощію дерева, а другаго привязали къ коню и размыкали по полю. Душа перваго прилетала потомъ птичкою, а душа послѣдняго являлась въ образѣ дѣвы, возсѣдающей на конѣ ²⁾. Колляръ указываетъ на повѣрье (in Trentsiner comitat, in der gegend von Sillein=Žilina), что души невѣстъ, умершихъ послѣ помолвки, блуждаютъ по ночамъ, водятъ хороводы, поютъ пѣсни и называются вилами (wily ³⁾). Повѣрье это наводитъ на связь слова вила съ литов. wélės—души умершихъ и съ латышек. wels — богъ усопшихъ и потомъ чортъ, властитель ада ⁴⁾. Отсюда объясняется, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вилы, не смотря на свою неземную красоту, представляются безносыми ⁵⁾: черта, сближающая ихъ съ могильными привидѣніями и самую Смерть, изображаемыми въ видѣ скелетовъ (см. выше стр. 43). Какъ у насъ уцѣлѣло преданіе о душахъ трехъ вѣдьмъ, которыя горятъ на небѣ «дѣвичьими зорями» (= звѣздами), такъ у хорватовъ есть подобное-же преданіе о созвѣздіи Плеядъ (Vlašiće, Волосожары, Бабье со-

¹⁾ Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 42-43. — ²⁾ Ibidem. — ³⁾ Nag. zriewanku, I, 412-3. — ⁴⁾ О вилахъ христ. на сл. яз., 21. — ⁵⁾ Иличъ, 278.

звѣздіе): тамъ, говорятъ, обитають семь вилъ; давно, при началѣ свѣта, ходилъ эти вилы по землѣ, пѣли и водили хоро- воды, а потомъ покинули земной міръ и водворились на звѣз- дахъ Плеядъ, гдѣ и донынѣ каждую ночь водать коло ¹⁾). Въ сербской пѣснѣ дѣвица молить посестрину-звѣзду надѣ- лять ее красотою, и вслѣдъ затѣмъ молюба ея исполняется- вялою ²⁾). На связь вилы съ бабочкою указываетъ на- званіе этой послѣдней вилинымъ конемъ (виленски конь): какъ малютка-эльфъ или усопшая душа, вила летаетъ на крыльяхъ мотылька, ѣздитъ на немъ по воздушнымъ простран- ствамъ ³⁾. У болгаръ существуетъ повѣрье, что дѣти мерт- ворожденные или умершія безъ крещенія поступаютъ въ собо- щество воздушныхъ духовъ: мальчики дѣлаются навьями (=навами), а дѣвочки—самодивамъ; навьяки обыкновенно принимаютъ видъ лебедей, и въ шумѣ колосистыхъ нивъ поселянамъ слышится ихъ неутѣшный плачъ ⁴⁾).

Русскіе поселяне убѣждены, что русалки суть души мла- денцевъ, умершихъ некрещеными, а также утопленницъ, удав- леницъ и вообще женщинъ и дѣвицъ, самопроизвольно лишив- шихъ себя жизни, слѣдовательно души неудостоенныхъ по- гробенія. Но когда всѣ были язычники и не знали ни креще- нія, ни христіанскаго погребенія, тогда всякая душа сопри- числялась къ русалкамъ. Это древнее вѣрованіе удержано на- родною памятью за дѣтьми и утопленницами—во первыхъ пото- му, что самыя души олицетворялись малютками, а во вторыхъ потому, что русалки признавались обитательницами водъ. Дѣви- цы, бросающіяся съ горя и отчаянія въ воду, подхватываются русалками и поступаютъ въ среду этихъ водяныхъ нинѣ, по- добно тому, какъ у литовцевъ такія утопленницы превращают-

¹⁾ Arkiv za povēstnicu jugoslavensku, I, ст. Букулевича, 88. —

²⁾ Срп. в. рјесме, I, 150. — ³⁾ Срп. рјеченик, 62. — ⁴⁾ Сообще- но г. Каравеловичъ.

ся въ уаивнѣ ¹⁾). Младенцевъ мертворожденныхъ или скончавшихся безъ крещенія русалки похищаютъ изъ могильныхъ ямъ и уносятъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ порога избы. Въ теченіи семи лѣтъ въ Троицынъ и Духовъ дни души этихъ младенцевъ летаютъ по воздуху и выпрашиваютъ себя крещенія. Думаютъ, что ихъ можно спасти пронанесеніемъ словъ: «крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа!» и ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ Петровки. Если же въ семилѣтній срокъ онѣ не будутъ искуплены молитвами и не услышатъ ни отъ кого приведенной формулы, то навсегда остаются въ обществѣ русалокъ. Таже судьба ожидаетъ вѣтъ несчастныхъ младенцевъ, которыхъ проклинають матери еще въ утробѣ или до совершенія надъ ними таинства крещенія; они исчезаютъ изъ дому и становятся русалками. Эта порода русалокъ-дѣтей представляется народной фантазіи въ видѣ дѣвочекъ-семилѣтокъ съ русыми, кудрявыми волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ — безъ пояса. Въ Малороссіи и Галиціи называютъ ихъ мавками (малками, майками). По мнѣнію нашихъ изслѣдователей, мавка — тоже, что мавка (уменьшительное отъ мавъ), т. е. мертвушка. Какъ ни соблазнительно такое объясненіе, но мы не рѣшаемся принять его, потому что малоруссы доселѣ употребляютъ слова мавы, мавскій, не допуская измѣненія начальнаго звука. Справедливѣе производить это названіе отъ малъ, малый; въ областныхъ говорахъ малко — ребенокъ (мальчикъ, малышъ), малка — малорослая женщина или корова ²⁾; звукъ л въ малорусскомъ нарѣчій переходитъ въ в, какъ и во многихъ другихъ рѣченіяхъ: русавка вмѣсто русалка, вовкъ — волкъ, мовчать — молчать, и т. дал. Такимъ образомъ жавка означаетъ малютку, каравка — существо, подобное лу-

¹⁾ Черты литов. нар., 89. — ²⁾ Обл. Сл., 110; Доп. обл. сл., 109.

жицкимъ людкамъ. Мавки сопутствуютъ русалкамъ и стараются мстить живымъ людямъ за то, что допустили ихъ умереть некрещеными и лишили небеснаго царства. Въ лѣтнее время онѣ плаваютъ въ ночные часы на поверхности рѣкъ, источниковъ и озеръ и плещутся водою, а въ Зеленую или русальную недѣлю бѣгаютъ по полямъ и нивамъ, съ печальнымъ возгласомъ: «мене маты породила, некрещену схоронила!» Тѣ изъ нихъ, которыя тотчасъ послѣ рожденія были потоплены своими невѣнчанными матерями (дѣвицами), любятъ колыхаться на берегахъ, причитывая:

Новыи бильця,
Нове барыльце; ¹⁾
Мене маты не колыкала, ²⁾
Да въ воду пускала!

Тамъ, гдѣ танцуютъ мавки, трава растетъ зеленѣе и гуще — точно также, какъ и на мѣстахъ хороводовъ, водяныхъ эльфовъ ³⁾. Есть повѣрье, что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не должно бросать въ воду, не раздавивши напередъ; а то русалки построятъ себѣ изъ этой скорлупы корабликъ и будутъ на немъ плавать ⁴⁾: любопытный отголосокъ древняго преданія о переправѣ усопшихъ въ надземный міръ — по волнамъ воздушнаго океана; русалки, какъ эльфы-души, представляются здѣсь такими малютками, что яичная скорлупа можетъ служить для нихъ кораблемъ. Олицетворяя собою души, ли-

¹⁾ Било—колотушка, бирило—боченокъ. — ²⁾ Не баюкала въ колыбели. — ³⁾ Рус. Бес. 1836, III, ст. Максимовича, 96—97; Киев. Г. В. 1845, 15; Ворон. Г. В. 1850, 16; Шафарикъ въ статьѣ о русалкахъ—въ Часописи чешск. музея, 271; Терещ., VI, 124—5; Пасекъ, III, 189. По разсказамъ гуцуловъ, майки—прекрасны, стройны и рѣзвы, носятъ тонкія, прозрачныя платья и убираютъ свои длинныя, распущенныя по плечамъ косы весенними цвѣтами. Онѣ заботятся о благосостояніи полей и стадъ, и какъ только растаютъ снѣга—являются въ горы и долины, заставляютъ травы и даруютъ урожай. Онѣ воруютъ по ночамъ ленъ, прядутъ кудели, ткутъ и бѣлятъ полотна, и выютъ вѣнки—Пантеонъ 1855, V, 49. — ⁴⁾ Терещ., VI, 126; Иллюстр. 1846, 171.

шенныя доступа въ райскія обители и потому осужденныя вѣчно блуждать, эльфы съ тоскливымъ чувствомъ сомнѣнія ожидаютъ помилованія на страшномъ судѣ и спрашиваютъ у встрѣчныхъ: могутъ ли они надѣяться на спасеніе при кончинѣ міра? Подобно тому въ астраханской губ. рассказываютъ о морскихъ русалкахъ, что онѣ vyplываютъ на поверхность воды и допрашиваютъ мореходцевъ: скоро ли будетъ свѣтопреставленіе? ¹⁾ Сверхъ того, и многія другія черты указываютъ на отождествленіе русалокъ съ душами усопшихъ. Одна изъ пѣсень, которую поютъ на Троицкой недѣлѣ, называетъ ихъ земляночками, т. е. обитательницами подземнаго міра мертвыхъ:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забялися ²⁾.

Мы знаемъ, что душа носится по смерти блуждающимъ огнемъ; въ приднѣпровской Руси о блуждающихъ огняхъ, особенно о тѣхъ, которые свѣтятся по ночамъ на могилахъ и курганахъ, утверждаютъ, будто они разводятся русалками съ цѣлю приманить къ себѣ путника ³⁾. Приношенія, дѣлаемыя русалкамъ, напоминаютъ покормы мертвыхъ. Какъ душа покойника, до удаленія своего изъ-подъ роднаго крова, питается паромъ поминальныхъ блиновъ; такъ для русалокъ кладутъ на окна горячіе хлѣбъ, думая, что онѣ насыщаются его паромъ ⁴⁾. На русальной недѣлѣ, поминая утопленниковъ и удавленниковъ, родичи, за упокой души этихъ несчастныхъ, бьютъ на ихъ могилахъ красныя яйца и призываютъ русалку:

Русалка-царица,
Красная дѣвица!
Не загуби душики,
Не дай удавиться;
А мы тебѣ кланяемся.

¹⁾ Собр. 1852, I, 123. — ²⁾ Рус. Бес. 1856, III, 100. — ³⁾ Терещ., VI, 129; Пассекъ, III, 190. — ⁴⁾ Терещ., VI, 126.

Часть поминальных блиновъ оставляется на могилѣ въ жертву русалкѣ ¹⁾. Кто на русальной недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому истязать русалка ²⁾. При отправленіи обрядовыхъ проводовъ русалокъ, женщины провозносятъ похоронныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, «какъ-бы къ могиламъ» ³⁾.

Въ бурномъ полетѣ тучъ, разбрасывающихъ молніеносныя стрѣлы въ какъ-бы погоняющихъ одна другую, древніе германцы видѣли битвы неистоваго воинства или дикую охоту грозовыхъ духовъ. Въ этихъ битвахъ и охотѣ принимаютъ участіе и души усопшихъ; разставаясь съ земною жизнію, онѣ возвращаются къ стихійнымъ элементамъ, и какъ вѣяніе вѣтра (=дыханіе) и летучее пламя (нѣкогда согрѣвавшее тѣло внутренней теплотой) несутся въ грозѣ, устремляясь въ блаженное царство свѣта. Въ развѣхъ мѣстностяхъ Германіи неистовое воинство извѣстно подъ названіями: *nachtvolk*, *toten(toden)volk*, *totenschar*. Въ Валлисѣ появленіе его считается предвѣстіемъ чьей-либо близящейся кончины. Въ его быстромъ воздушномъ поѣздѣ, при звукахъ грозовой пѣсни (*sturmlied*), съ шумомъ мчатся тѣни умершихъ всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ, и сама костлявая Смерть выступаетъ впереди со скрипкою въ рукахъ, или, сидя на совѣ, она заключаетъ шествіе. Воданъ, предводитель дикаго сборища, также представляется чародѣйнымъ музыкантомъ, который игрою своею приманиваетъ къ себѣ дѣтей (=души, олицетворяемыя малютками, карлами), побуждаетъ всѣхъ къ оживленной пляскѣ, и потомъ, вѣстѣ съ увлеченными дѣтьми и со всею свѣтою, скрывается въ горы в озера, т. е. въ дождевыя облака. Какъ двкой охотникъ, онъ гонится за душами усопшихъ, за-

¹⁾ Ibid., 134; Рус. прост. праздн., IV, 13; Моск. Вѣст. 1827, VI, 358. — ²⁾ Сахаров., II, 83. — ³⁾ Ibid., 94.

хватываетъ ихъ, какъ свою добычу, и въ этомъ смыслѣ отождествляется съ адскимъ ловчимъ — сатаной (*infernalis venator*), который въ сопровожденіи чертей охотится за христіанскими душами. Сага рассказываетъ о двухъ дѣтяхъ, которыя лежали на перекресткѣ; одно изъ нихъ поконилось крѣпкимъ сномъ. Вдругъ послышался шумъ приближающейся толпы: это былъ *nachtvolk*. «Надо разбудить ребенка!» кричалъ одинъ голосъ. — Нѣтъ! отвѣчалъ другой голосъ, онъ и такъ скоро за нами послѣдуетъ. И дѣйствительно дитя вскорѣ умерло. Въ Норвегіи предводителемъ неистоваго воинства является Торъ. Подобно тому, по индѣйскимъ вѣрованіямъ, души усопшихъ участвовали въ воздушныхъ поѣздахъ Рудры и Индры; по сказанію же древнихъ грековъ, онѣ сопровождались чрезъ воздушныя пространства Гермесомъ, и еще нынѣ народное греческое повѣрье заставляетъ Харона вести тѣни умершихъ въ полетѣ облаковъ. Блаженные герои, поступающіе по смерти въ сообщество Одина, продолжаютъ въ небесной вальгалѣ воинственныя игры. Они состязаются въ битвахъ и поражаютъ другъ друга; падшихъ воскрешаетъ валькирія *Hildur*, и они снова вступаютъ въ борьбу, и такъ должны они сражаться во все дни до разрушенія вселенной. Въ Турингіи есть народная сага о битвѣ между кроатами и шведами: однажды въ году въ полночь пробуждаются отъ смертнаго сна нѣкогда-убитые и погребенные ратники и сражаются до тѣхъ поръ, пока не пробьетъ часъ; съ ударомъ колокола они погружаются въ нѣдра земли и цѣлый годъ лежатъ въ невозмутимомъ покоѣ. Донны солдаты, вѣсто: «умереть», говорятъ: *zug glosseu агшее gehen*. Въ Литвѣ существуетъ много рассказовъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ старину происходили кровавыя побоища, въ нынѣшнее время показываются вооруженные всадники, выезжающіе на коняхъ изъ своихъ вѣковыхъ могилъ. У латговъ привидѣнія, загробные духи (*johdi* и *murgi*) изображаются

добрые, и злые; первые являлись спутниками боговъ и пополняли толпы сопровождающих ихъ духовъ (рибу и марутъ), а послѣдніе примыкали къ полчищамъ стихійныхъ демоновъ (великановъ, драконовъ, черговъ) и вмѣстѣ съ ними творили ночную тьму, посылали стужу, непогоду, градъ, разрушительныя бури и отымали у земли плодородіе. Такъ и благодатныя, и вредоносныя силы природы приписывались дѣятельности блуждающихъ душъ ¹⁾. Позднѣе, преимущественно уже въ эпоху христіанства, участіе въ неистовомъ воинствѣ было ограничено душами некрещеныхъ младенцевъ и нераскаленныхъ грѣшниковъ: опойцевъ, самоубійцъ, притѣснителей, забіякъ, завистниковъ и лжецовъ. Некрещенныя дѣти вступаютъ сюда, какъ неосвященныя христіанскимъ таинствомъ и потому остающіяся подѣ властью языческихъ боговъ; самоубійцы, грабители, охотники до есорь и дракъ стоятъ въ связи съ представленіемъ бурныхъ и грозовыхъ духовъ существами буйными, неистовыми, склонными ко всегдашнимъ битвамъ и насиліямъ, — точно также, какъ опойцы намекаютъ на ту жадность, съ какою эти духи опиваются небеснымъ виномъ — дождевою влагою. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи существуютъ повѣрья: если три дня сряду дуютъ сильныя, непрерывныя вѣтры — это вѣрный знакъ, что кто-нибудь повѣсился; какъ скоро повѣсятъ преступника, тотчасъ-же возникаетъ буря, т. е. душа-вѣтръ, исторгнутая изъ тѣла чрезъ задушеніе, устремляется въ бурномъ полетѣ въ небесныя пространства. Этотъ родъ смерти былъ посвященъ Одину: кто вѣшался, тотъ по собственному произволу предавалъ себя Одину, поступалъ въ его воздушную свиту ²⁾. Русскіе поселяне и чехи утверждаютъ, что вѣздъ за тѣмъ, какъ человѣкъ повѣсится, удушится или утопится, начинаются грозы, вихри и не-

¹⁾ German. Mythen, 167, 719, 727. — ²⁾ Ibid., 270; Die Windgottheiten bei indogerman. Völkern, 5.

погода; самоубійцѣ нѣтъ покоя въ могилѣ, онъ осужденъ носиться въ бурѣ и терзать мѣки отъ злыхъ демоновъ ¹⁾). Когда возникало много дѣлъ по преступленіямъ, которые карались смертію, галлы (по свидѣтельству Страбона) были убѣждены, что земля дастъ богатый урожай; это потому, что значительное число казней увеличивало свиту бога Тейтота (= кельтскаго Одина), которая составлялась изъ тѣней усопшихъ, и летая въ грозовыхъ тучахъ, орошала землю дождями ²⁾). Дантъ въ своей «Божественной комедіи» заставляетъ злодѣевъ вращаться въ бурномъ, стремительномъ вихрѣ. По нѣмецкимъ сагамъ, въ дикой охотѣ осуждены носиться души тѣхъ, которые во время земной своей жизни охотились въ воскресные дни и въ бѣшенномъ удовольствіи не щадили ни застѣнныхъ полей, ни имущества поселенъ. У чеховъ употребительна клятва: «ani v hrobě pokoje míli nebude!» ³⁾). Вообще мертвецы у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ представляются блуждающими ночными привидѣніями, которыя съ такою же быстротою и легкостью появляются, какъ и исчезаютъ. На Руси много преданій о мертвецахъ-полуночникахъ; ночью, когда все поконится крѣпкимъ сномъ, они встаютъ изъ могилъ, и свободно проникая сквозь затворенныя двери, посѣщаютъ свои прежнія жилища, показываются своимъ неутѣшнымъ вдовамъ и невѣстамъ ⁴⁾), распоряжаются въ домахъ, словно хозяева, и становятся въ двойныя отношенія къ живымъ людямъ: съ одной стороны они и за гробомъ сочувствуютъ и помогаютъ интересамъ своихъ родичей, а съ другой завидуютъ ихъ наслажденіямъ, пугаютъ запоздалыхъ путниковъ и вредятъ домашнему хозяйству. Въ опустѣлыхъ комнатахъ нечистыхъ домовъ слышится шарканье усопшихъ владѣльцевъ. Рассказываются трогательныя повѣсти, какъ умершія матери

¹⁾ Греманиъ, 35—36. — ²⁾ Галлы, соч. Георгіевскаго, 109. —

³⁾ Иричегъ въ Часописи чешскаго музея 1863, I, 6.—⁴⁾ Казан. Г. В.

приходили по ночамъ къ своимъ осиротѣлымъ дѣтямъ, мыли и чесали имъ головы, перемѣняли бѣлье в кормили ихъ грудью ¹⁾. Закопанные выходцы могутъ оставаться въ землѣ только до предразсвѣтнаго крика пѣтуховъ, а какъ скоро онъ раздастся—тотчасъ-же исчезаютъ и прячутся въ гробахъ. Рядній крестьянинъ согласится пойти на кладбище послѣ солнечнаго заката. Такому тревожному блужданію предаются мертвецы особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда беззаботные потомки не совершаютъ посмертныхъ тризнъ (поминокъ), необходимыхъ для поддержанія ихъ стихійнаго существованія (см. т. II, стр. 77), или когда усопшіе бываютъ лишены погребальныхъ обрядовъ, долженствующихъ напутствовать ихъ въ страну блаженнаго успокоенія. Греки и римляне вѣрили, что мертвецы, лишенные погребенія или жертвенныхъ приношеній, скитаются въ видѣ призраковъ (ларвъ) и наказываютъ своихъ потомковъ неурожаемъ и болѣзнями; въ ночной тишинѣ можно слышать ихъ страдальческіе вопли ²⁾. Въ качествѣ грозвыхъ духовъ, эльфы, цверги и мары выступаютъ въ то время, когда наплывающія на небесный сводъ облака и тучи превращаютъ свѣтлый день въ непроглядную ночь. Мракъ, производимый сгущенными облаками, сближался съ ночью; а эта послѣдняя была отождествляема съ понятіемъ Смерти, увлекающей души въ темныя области подземнаго (—облачнаго) авда. Отсюда объясняется: во первыхъ — ситшеніе мертвецовъ съ нечастою силою плача, а во вторыхъ—вѣрованіе, что ночь есть обычная пора ихъ странствованій; вмѣстѣ съ этимъ а луна, какъ «царица ночи», окруженная частыми звѣз-

1850, 7; Сепенск., 36—37. — ¹⁾ Русск. Преданія, I, 79; Н. Р. Сл., VI, 65, f; Киевлян. 1865, 52. По мнѣнію чеховъ, мать, умершая послѣ родовъ, въ продолженіи шести недѣль приходитъ въ полночь и кормитъ грудью своего ребенка — Гронивъ, 118.—²⁾ Куланъ, 13, 22.

дами (въ которыхъ предки наши видѣли души усопшихъ), признана была за свѣтило, озаряющее загробный міръ. Греки считали Гекату (луну) богиней аида, и давали ей эпитетъ подземной (χθονία). По русскому народному выраженію, мѣсяцъ есть солнце русалокъ и утопленниковъ; выходя ночью изъ глубокихъ водъ, они грѣютъ свои прозябнувшіе члены при помощи его блѣдныхъ лучей; дневное же свѣтило слишкомъ для нихъ жарко ¹⁾. Эльфы, нисы и русалки любятъ ночную тишину и безмолвіе кладбищъ, к охотно танцуютъ при лунномъ свѣтѣ; первыхъ вазываютъ *stille volk* (сравни наше: покойники). Въ томской губ. существуетъ повѣрье, что на мѣсяцъ не слѣдуетъ смотрѣть долго; не то—онъ утащитъ къ себѣ, т. е. человека постигнетъ смерть ²⁾. По мнѣнію чеховъ, если мѣсяцъ свѣтитъ на спящаго, то сдѣлаетъ его лунатикомъ, т. е. бродячимъ въ лунныя ночи привидѣніемъ, или увлечетъ его на тотъ свѣтъ; при лунномъ затишніи кто нибудь увлекается въ загробный міръ. Звѣзда, усмотрѣнная около мѣсяца, и на Руси (въ кольскомъ уездѣ) и въ Богеміи принимается за предвѣстіе чьей-либо смерти ³⁾: примѣта, указывающая на водвореніе новой души въ томъ загробномъ царствѣ, гдѣ властвуетъ Геката. Индусы были убѣждены, что мѣсяцъ съ лучами мѣсяца и звѣздъ заглядываютъ въ ихъ окна блаженные предки. Въ пятнахъ луны народная фантазія видитъ тѣни снѣтыхъ или грѣшниковъ, увлеченныхъ этимъ свѣтиломъ въ свой таинственный міръ. Древне-скандинавское преданіе свидѣтельствуетъ, что Máni (мѣсяцъ), примѣтивъ на землѣ двухъ дѣтей (Bil и Hiuki), которыя несли на шеѣ ведро воды, взялъ ихъ къ себѣ, и что они-то и видны на мѣсяцѣ. Шведы до сихъ поръ узнаютъ въ

¹⁾ Шафарикъ въ Часописи чешск. музея 1833, III, 271; Подпѣшникъ, альманахъ 1829 г., 92. — ²⁾ Этн. Сб., VI, 118. —

³⁾ Громовъ, 31.

лунныхъ пятнахъ двѣ человѣческія фигуры, несущія на палкѣ большое ведро ¹⁾). Въ Германіи разсказываютъ, что въ мѣсяцѣ иждѣи воръ, который на Свѣтлое Воскресенье рубилъ въ чужомъ лѣсу дрова, и въ наказаніе за это нечестивое дѣло попалъ на луну, гдѣ и донынѣ стовтъ съ топоромъ за спиною и съ вязанкою хворосту въ рукахъ; въ другихъ мѣстностяхъ, вмѣсто вора, усматриваютъ тамъ человѣка, который въ воскресный день вязалъ вѣтники или раскидывалъ навозъ: въ первомъ случаѣ его представляютъ съ вѣтникомъ, а въ послѣднемъ — съ лопатою. Сюда примѣшиваются и библейскія сказанія: въ пятнахъ луны видятъ Канна съ вязанкою терновника за плечами, которую онъ несъ Богу, какъ самый худшій даръ отъ своего поля, или Исааха, обреченнаго на закланіе и несущаго беремя дровъ для собственнаго жертвеннаго костра ²⁾). По словамъ чеховъ, на мѣсяцѣ сидитъ святой Давидъ, играющій на гуслихъ, или человѣкъ съ охапкою хворосту, украденнаго наказуиъ Святотъ, или наконецъ воръ, выходившій въ лунную ночь похищать горохъ ³⁾). Русскіе поселяне думаютъ, что на лунѣ иждѣи Каннъ, осужденный за убійство Авеля стоятъ тамъ до скончанія вѣка и трястись надъ его неповинною кровію, или по другому разсказу: было иѣкогда два брата; «старшій братъ на Великій день, коли ще добри люде на утрени стояли, пошовъ иидкинуть воламъ сина, та заиисецъ сина протквувъ вилами меньшого брата; такъ ихъ Богъ такъ и поставивъ укупица на мисацѣ — на видъ усему хрищеному міру, щобъ бачили, що и скотини грихъ јести у такіи великій празникъ, поки пасокъ

¹⁾ D. Myth., 679—680. Подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ Запискахъ Веніанинова объ алеутахъ и колошахъ (стр. 86): разъ двое дѣтей, идучи за водою съ недрами, отыгивались съ неуваженіемъ о лунѣ; луна разгнѣвалась, сошла долу и схватила ихъ, отчего и видны на ней пятна. — ²⁾ D. Myth., 680—3; Die Götterwelt, 105. — ³⁾ Громаниъ, 28—29.

не посвящать.» Разсказъ этотъ варьируется и такъ: братья, отправившись за сѣномъ, поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ поднялъ другаго на вилы ¹⁾. Болгары въ пятинахъ луны различаютъ черты лица недавно-скончавшагося на селѣ старика ²⁾. Вѣроятно, подъ влияніемъ указаннаго воззрѣнія на луну, какъ на свѣтило темныхъ странъ анда, посвященный ей день — понедѣльникъ (*dies lunae, manendach, montag*) стали считать тяжелымъ, несчастнымъ ³⁾, тогда какъ наоборотъ воскресенье — день, посвященный дневному свѣтилу, признается легкимъ и счастливымъ.

Кромѣ Одина, во главѣ венстоваго воинства носится, по народнымъ сказаніямъ, облачная богиня Гольда и Берта (*Berchta, Pegahta*): и та, и другая представляются окруженными душами нерожденныхъ или усопшихъ людей. Гора, внутри которой—въ ярко-блистающей пещерѣ обитаетъ Гольда съ своимъ воинствомъ и малютками-душами, есть метафора грозового облака. Другое поэтическое представленіе ея живща — колодець (источникъ, прудъ или озеро — дождевая туча), подъ водами котораго она владѣетъ чудеснымъ садомъ, устланымъ роскошными цвѣтами, преисполненнымъ сочныхъ и вкусныхъ плодовъ. По свидѣтельству вѣнецкой сказки, колодець Гольды ведетъ вверхъ — на небо, а не внизъ; когда черевъ этотъ колодець явилась къ ней дѣвица и Гольда за-

¹⁾ Статист. описаніе саратов. губ., I, 57; Ж. М. Н. П. 1851, X, 3; Манкъ, XII, 21; Иллюстр. 1846, 345; Основа 1862, IX, 26 („Назаръ Стодола“). Ипатьевская лѣтопись, описывая лунное затмѣніе 1161 года (П. С. Р. Л., II, 90), говоритъ: „идаше бо луна... и посреда ея яко два ратьная съкушеса меча, и одному нию провъ идаше нъзъ главы, а другому было азы нъско течаше.“ —

²⁾ Миладни., 525. — ³⁾ Въ понедѣльникъ не должно начинать дѣла и выѣзжать изъ дорогу. „Посѣй въ понедѣльникъ, будешь безхлѣбникъ!“ говорятъ крестьяне — Рязан. Г. В. 1847, 48; D. Myth., 1092.

ставила ее перетряхивать свою постель, то вмѣсто перьевъ посыпался на нее снѣгъ. Подводный садъ есть вѣчно цвѣтущій, пресвѣтлый рай — весеннее голубое небо, лежащее за дождевыми источниками (Gimill, Lichtland, Engelland, сказочный Glasberg ¹⁾), страна, гдѣ растутъ облачныя деревья, цвѣтутъ розы зори и яркіе цвѣты молній, и зрѣютъ золотыя, молодежавыя яблони. У гревовъ — это элизій (см. т. II, стр. 140), у нидусовъ — блестящее небо Индры, въ которомъ возвышался его царскій замокъ (=валгалла) и цвѣлъ неувядаемый садъ; тамъ, подъ стѣною деревьевъ, пребываютъ души блаженныхъ, питаея живительной амритой; тамъ сіяетъ свѣтъ безъ конца, тамъ невѣдомы ни зима, ни печали, а живетъ вѣчная радость и счастье, и всякое желаніе находитъ немедленное удовлетвореніе. Вмѣсто сада упоминается и одно большое, густолиственное дерево, подъ которымъ (по свидѣтельству Ведъ) возсѣдаетъ Яшья съ усопшими предками; царь блаженныхъ, онъ отождествляется въ гимнахъ съ богомъ Агни или Индрою и есть прародитель человѣческаго рода (см. II, 471). Смертные не иначе достигаютъ въ райскія селенія Гольды, какъ черезъ глубокій колодезь; сюда принимаетъ она души усопшихъ и отсюда же посылаетъ на землю младенческія души вновь-рождающимся дѣтямъ. Въ этихъ индусскихъ представленіяхъ кроется основа вѣрованія, что души новорожденныхъ приносятся изъ родни ковъ и колодезевъ. Почти въ каждой деревнѣ въ Германіи указываютъ kinderbrunnen, изъ котораго являются въ семьѣ маленькіе братцы и сестрицы. Замѣчательны названія, даваемыя этимъ источникамъ: Hollenteich, brunnen der Spilla-

¹⁾ Engelland=England, Albion—страна альбовъ (эльфовъ), въ позднѣйшемъ, подновленномъ смыслѣ: ангеловъ; срѣвни преданіи объ островѣ Буянѣ и рассказъ о перевозѣ душъ на островъ Britia (I, 575).

holle (=Spinde-Holda ¹⁾), Gütchenteich ¹⁾); во Фленсбургѣ думаютъ, что младенцы, до появленія своего на свѣтъ божій, плаваютъ въ колодцахъ какъ маленькія рыбки. Въ Ольденбургѣ и Фрисландѣ увѣряютъ, что дѣти приносятся изъ прудовъ, болотъ к морю. Такъ какъ души представлялись птицами и бабочками, то естественно было возникнуть убѣжденію, что именно при посредствѣ птицъ или бабочекъ прилетаютъ онѣ изъ небесныхъ странъ и вселяются въ тѣла новорожденныхъ, а покончивъ земную жизнь—на ихъ-же легкихъ крыльяхъ возносятся въ свое прежнее отечество. Нѣмцы считаютъ приносителями младенческихъ душъ: во 1-хъ, бѣлаго мотылька (miller-maler) и во 2-хъ, аиста, какъ птицу, поставленную въ самую близкую связь съ миромъ о низведеніи съ неба грозового пламени (1, 494). Своими длинными клювомъ аистъ достаетъ изъ колодца малютку-душу и приноситъ ее въ домъ, гдѣ долженъ родиться младенецъ. По рассказамъ чеховъ, новорожденныхъ младенцевъ приносятъ аистъ, ворона, сорока и коршунъ (luňak); если ворона летаетъ возлѣ оконъ, это принимается за предвѣстіе, что въ скоромъ времени въ домѣ будетъ беременная женщина; этой-же птицѣ приписывается и похищеніе маленькихъ дѣтей. Вмѣсто глагола «умереть» чехи употребляютъ выраженіе: «svět s divokými husami hlidati». На Руси утверждаютъ, что душа убитаго ребенка возносится на небо голубями. Въ нѣмецкой мифологіи обязанность сопровождать въ загробную души убитыхъ героев возлагается на лебединыхъ дѣвъ—валькирій, и самый лебедь изображается въ народныхъ сказаніяхъ — то какъ приноситель дѣтей, то какъ проводникъ усопшихъ на тотъ свѣтъ; такъ въ одномъ старинномъ романѣ онъ влечетъ ладью съ мертвыми рыцарями. Сходно съ этимъ, поляки рассказываютъ о прекрасной

¹⁾ Gütchen, gütetel=guoten, holden.

дѣвъ-канѣ (коршунѣ), которая является по вечерамъ въ сѣла, приманиваетъ дѣтей лакомствами, одѣваетъ ихъ облакомъ и увлекаетъ съ собою. Кромѣ птицъ, роль душеприносителей исполняютъ у чеховъ лисица, а у нѣмцевъ заяцъ — зооморфическія олицетворенія грозовыхъ силъ природы. Эльфы и кобольды нерѣдко появляются въ видѣ трехмогихъ зайцевъ, съ блестящими, огненными глазами. Въ Обергарцѣ указываютъ Hasenteich, въ водахъ котораго сидятъ нерожденные дѣти; а въ Швабін увѣряютъ, что дѣти достаются изъ заячьихъ гнѣздъ. Рядомъ съ этими данными, заяцъ принимается за воплощеніе духа, предвѣщающаго смерть, и въ народныхъ причитаніяхъ выступаетъ, какъ путеводитель въ блаженное царство Engelland'a. Другія нѣмецкія преданія говорятъ о цвѣтушихъ лугахъ и садахъ внутри горы, гдѣ играютъ и рѣзвятся нерожденные души, питаются медомъ изъ чашечекъ цвѣтовъ и сплетая для себя прекрасные вѣнки; оттуда, въ мигъ разрѣшенія родильницы, выносятъ избранную душу позивальная бабушка (= богиня родовъ и судьбы — см. гл. XXV), и туда-же возвращаетъ ее, какъ скоро человекъ постыгаетъ смерть. Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи — на вопросы дѣтей, откуда явились ихъ новорожденные братцы и сестрицы? — принято отвѣчать, что они принесены изъ дупла стараго дерева (kinderbaum), у корней котораго бьетъ свѣтлый ключъ; если приложить тамъ ухо къ землѣ, то можно услышать радостные клики дѣтей, обитающихъ въ подземномъ мірѣ. На Руси, въ случаѣ подобныхъ-же распросовъ, говорятъ, что ребенка сняли съ дерева, словно сорѣзанный ва немъ плодъ. Въ памятникѣ XVI вѣка упоминается «Grau w Holten baum». Это дерево, служащее мѣстопребываніемъ душъ, есть Иггдразилъ, а бьющій возлѣ него источникъ — Urdharbrunnen. Объ эльфахъ извѣстно, что они живутъ не только въ горахъ и подземельяхъ, но и въ

стволахъ деревьевъ, и выглядываютъ сквозь нихъ дунастыя отверстія, т. е. зоркими молніями и солнечными лучами прорѣзываютъ пракъ облачныхъ лѣсовъ. Въ царствѣ подземныхъ карликовъ есть большой прекрасный садъ, гдѣ солнце сіяетъ еще ярче, чѣмъ на этомъ свѣтѣ, а деревья даютъ золотые цвѣты и золотые плоды; это — тотъ-же небесный садъ, что растетъ на Glasberg'ѣ и состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ деревьевъ. У одной женщывы, говоритъ нѣмецкая сказка, былъ дочь да падчерица: первая — злая, вторая — кроткая и услужливая. Разъ падчерица, работая у колодца, уронила въ него веретено; по приказу матушки, она бросилась за веретеномъ въ колодезь — и очутилась подъ водою на цвѣтущемъ лугу, пришла къ Frau Holle и поступила къ ней въ услуженіе. Богиня помѣстила ее къ золото-прахамъ (gold-spinnepinne), вѣстѣ съ ними давала ей ѣсть жареную свинину, пила пивомъ и медомъ, а когда отпускала отъ себя — выводила ее изъ золотыя ворота (Goldtor) и оросила дождемъ, такъ что ова поротилась домой вся озолоченная, блестящая. Вслѣдъ за тѣмъ и завистливая дочь матушки спустилась на дво колодца, но за свой злобный нравъ была помѣщена вѣстѣ съ змѣями и жабами, не пила тамъ, не ѣла и не знала покоя ни днемъ, ни ночью; отпускала ее черезъ смоляныя ворота (Pechtor), Гольда мыла и нанея котелъ смолы и сѣры, и матушкина дочь стала dreckiges mädchen. Основа сказки — та, что въ загробное царство Гольды, лежащее за дождевыми источниками, являются двѣ души добрая и злая: первая водворяется въ блаженной области свѣта (рай = ясное, весеннее небо) и становится золотою — осіянною солнечнымъ блескомъ, а послѣдняя поступаетъ въ туманное жилище демоническихъ змѣй (Nebelwohnung = адъ) и осуждается пребывать среди постышной иглы и ненастья. Свинина — яства блаженныхъ геро-

евъ, обитающихъ въ валгаллѣ, а медъ — ихъ безсмертныя напитки; золотыя пряжи — вѣщія норны, дѣвы судьбы. Варианты приведенной сказки вмѣсто золотыхъ воротъ ставятъ прямо небо, а вмѣсто смоляныхъ воротъ — адъ или пекло; у доброй сестры (точно также, какъ у самой богини Зори) падаютъ изо рта куски золота, слезы катятся перлами, а подъ стопами ея вырастаютъ свѣжія розы, т. е. блаженная душа вселяется въ ту райскую обитель, откуда восходитъ Солнце, и сливается съ его золотвстыми лучами и розовыми красками дневнаго разсвѣта; слезы-перлы означаютъ утреннюю росу. Напомнимъ, что и Goldlog есть не болѣе, какъ поэтическая метафора солнечнаго восхода: это — тѣ небесныя врата, которыя каждый день отворяетъ въ востокъ богиня Зоря и въ которыя выѣзжаетъ свѣтозарная колесница Солнца. Напротивъ у злой сестры падаютъ изо рта змѣи и жабы, т. е. градъ, снѣгъ и дождь (сравни гл. XXVI). Такимъ образомъ и за гробомъ души удерживаютъ присущій имъ характеръ: добрый или злой, и снѣшиваясь съ стихійными силами природы, заявляютъ себя то какъ существа божественныя, свѣтлыя, то какъ темные демоны. Позднѣе, подъ вліяніемъ нравственныхъ началъ, это представленіе породило вѣру, что души усопшихъ въ царствѣ Гольды получаютъ награду и наказаніе за свою земную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и сама Гольда стала изображаться съ двойственнымъ характеромъ: то какъ дружелюбная богиня, дарующая счастье и блаженство, то какъ злая, карающая вѣдма (Смерть); она увлекаетъ къ себѣ живыхъ людей, и преимущественно добычею ея становятся дѣти (— малютки-души). Позади колодца Гольды тѣни усопшихъ ищутъ вѣчно-цвѣтущихъ луговъ и вѣчно-зеленаго сада, но достигаютъ туда только одни добродѣтельные. Этотъ небесный садъ (— рай) прелесполненъ роскошными цвѣтами и плодами даже въ ту пору, когда на землѣ бываетъ всемертвящая, холодная зима.

Народная сага рассказываетъ, какъ однажды зимою поѣхали крестьяне въ лѣсъ за дровами и взяли съ собою ребенка; покончивъ работу, они примѣтили, что дитя куда-то скрылось, и долго не могли найти его; наконецъ ребенокъ приближалъ къ нимъ, неся въ рукахъ цвѣты и ягоды, которые дала ему бѣлая дѣва изъ своего чудеснаго сада, чѣмъ стоялъ въ полномъ цвѣтѣ, не смотря на суровое время года. Съ той поры ребенокъ томился непрестаннымъ желаніемъ посѣтить бѣлую дѣву и вскорѣ умеръ. Другая сага упоминаетъ о матери, которая, отыскивая своего ребенка, вошла въ пещеру, гдѣ блисталъ яркой свѣтъ и было множество дѣтей; посреди нихъ сидѣла прекрасная бѣлая жена, она держала на колѣнахъ потеряннаго мальчика, и возвращая его матери, дала ему цѣлую горсть вишенъ. Всегда-зеленѣющіе и цвѣтущіе луга, по свидѣтельству Эдды, находятся возлѣ Асгарда; въ Швеціи донинѣ рассказываютъ о зачарованныхъ садахъ эльфовъ: сорокъ лѣтъ жизни, проведенной въ этихъ садахъ, кажутся не болѣе часа. Соотвѣтственно тому, у кельтовъ найдимъ преданіе о «странѣ вѣчной юности», проживая въ которой никто не старѣется; эта страна (— царство блаженныхъ) населена эльфическими духами и лежитъ подъ водою; тамъ вѣчно сіяетъ солнце, вѣчно зеленѣютъ и цвѣтутъ луга и деревья; оттуда приносятся весною раствѣтлыя сѣмена на землю и тамъ сберегаются они во все продолженіе зимы. Люди, которые попадали съ страну юности и пребывали тамъ многіе годы, думаютъ, что они насладились счастливою жизнію въ болѣе быстролѣтнаго мгновенія; триста лѣтъ проходятъ тамъ, какъ единый день. При восходѣ солнца, оттуда прилетаютъ сѣлфы (— души) и пляшутъ на поверхности водъ, которыя остаются недвижными подъ ихъ легкими ногами. Души некрещеныхъ младенцевъ, по народному повѣрью, возвращаются къ Гольдѣ, а въ полетѣ неистоваго вош-

ства ее сопровождаютъ тѣни усопшихъ—не только дѣтей, во и взрослыхъ. Норвежскія и датскія саги знаютъ лѣсную или горную жену Hulla, Huldra, которая является иногда юною и прекрасною, а иногда старою и безобразною, съ длиннымъ хвостомъ, т. е. принимаетъ демоническій типъ Смерти или злобной, враждебной всему живому вѣдьмы: она забираетъ и уноситъ некрещенныхъ дѣтей, и нерѣдко выступаетъ, какъ королева горныхъ духовъ (—подземныхъ эльфовъ), называемыхъ Huldrefolk (исланд. Huldafólk, Huldumenn). Въ Норвегii думаютъ, что души людей, несовершившихъ настолько добраго, чтобы удостоиться рая, и настолько злаго, чтобы попасть въ адъ, осуждены до конца міра носиться по воздуху, и во главѣ ихъ ѣдетъ Gurogysse или Reisa-rova (guro, guggi, сканд. gíff—великанка), съ длиннымъ хвостомъ. Съ Гольдой родственна Perahla, кроткая царица карликовъ — königin der heimchen. Въ то время, когда люди начинаютъ пахать землю сверху, она пашетъ ее своимъ плугомъ съ исподу, т. е. занимается тою-же благословенною работою въ своемъ подземномъ царствѣ, или проще: съ возвратомъ весны она бороздитъ громовымъ плугомъ облачныя подземелья. Когда поселяне заѣваютъ поля, Перата разсыпаетъ на землю лучшія сѣмена, т. е. орошаетъ землю сѣменемъ дождя и возвращаетъ ей тѣ плодоносныя зерна, которыя въ теченіи зимы хранятся въ садахъ рая. По ея приказу, карлики (heimchen) увлажняютъ поля и нивы, при засухѣ изводятъ изъ-подъ корней деревьевъ журчащіе ключи и даютъ плодородіе; они же коуютъ подъ землею серебро и золото, и отъ жара ихъ кузнечныхъ горновъ вырастаютъ и зрѣютъ на земной поверхности роскошныя золотистыя колосья, т. е. урожай хлѣба есть плодъ весеннихъ грозъ, въ пламени которыхъ древній человекъ усматривалъ ковку небесныхъ металловъ. Съ удаленіемъ цверговъ (зимой или во время засухъ)

хлѣбъ не родится; но гдѣ только покажутся они, согрѣютъ землю подземнымъ огнемъ и откроютъ ея водныя жилы—тамъ почва становится урожайною. Ператѣ достаются дѣти, умершія безъ крещенія; она шествуетъ окруженная плачушими малютками и перевозитъ ихъ съ собою въ ладѣ—въ иной міръ ¹⁾. Нѣкогда у молодой женщины умерло единственное дитя; глубокое горе овладѣло сердцемъ матери, каждую ночь она приходила на могилу и такъ горько плакала, что казалось — самые камни могли бы тронуться ея печалью. Въ ночь передъ праздникомъ Трехъ королей она увидѣла шествующую съ дѣтми Перату; одинъ ребенокъ былъ въ мокрой сорочкѣ и нѣсъ въ рукахъ полную кружку воды; усталый, онъ не въ силахъ былъ поспѣвать за прочими, и невольно остановился у ограды, черезъ которую направила свой путь Перата. Мать узнала въ немъ собственное дѣтище, поспѣшила къ нему на помощь, подняла и пересадила его на другую сторону. «Ахъ, какъ жарки материнскія объятія! воскликнулъ ребенокъ ²⁾; но прошу тебя — не плачь такъ много: я долженъ собирать твои слезы въ мою кружку, видишь — какая она полная и тяжелая, да и рубашка на мнѣ вся смочена твоими слезами!» ³⁾. Въ южной Россіи рассказываютъ о бѣдной матери, которая, схоронивъ своего

¹⁾ D. Myth., 246—254, 260, 282, 872, 884—5, 897—8; Die Götterwelt, 280—290; German. Mythen, 238—9, 321—343, 406—472, 667—670, 728—733; Beiträge zur D. Myth., I, 163—7, 171; Романъ, 234; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 96—99, 107; Н. Р. Сл., VI, 56; Slov. pohad., 250—262. — ²⁾ Въ загробномъ мірѣ, у цверговъ, его касались только холодныя руки мертвецовъ. — ³⁾ Въ сказкахъ, собранныхъ братьями Гриммами, встрѣчаемъ одну („Das todtenhemdchen“) слѣдующаго содержанія: умеръ прекрасный, семилѣтній мальчикъ; опечаленная мать плакала по немъ дни и ночи, и вотъ въ ночное время явился онъ въ бѣломъ саванѣ и сказалъ ей: «ахъ, мама! перестань плакать; мой саванъ не высыхаетъ отъ твоихъ слезъ, и я не знаю покоя въ могилѣ».

любимаго сына, долго убивалась по немъ и неутѣшно плакала; въ полночь увидала она толпу мертвецовъ, шедшихъ съ кладбища; между ними былъ и ея сынъ: мальчикъ несъ полное ведро слезъ, наплаканныхъ его матерью. «Синови, по мнѣнію поселянъ, тяжело, якъ мати по ёму тужить; а матери весело лежать, якъ дити плачуть по јій» ¹⁾). Въ другихъ мѣстностяхъ русскаго царства утверждаютъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ много плакать по мертвому; иначе затопишь его слезами, и ему тяжело будетъ на томъ свѣтѣ. Чехи убѣждены, что слезы, роняемыя надъ усопшимъ, жгутъ его; сколько упадетъ на покойника слезъ, столько же прольется на него капель кипучаго масла, когда онъ явится въ пекло. Однажды, когда вдова пришла на могилу своего мужа, онъ провѣщалъ ей изъ-подъ земли: «ступай домой и прикажи дѣтямъ не плакать по мнѣ; пусть не дѣлаютъ мнѣ тяготы!» ²⁾ На древнѣйшемъ метафорическомъ языкѣ дождь уподоблялся горючимъ слезамъ и кипятку, приготовляемому на грозовомъ пламени. Если во время похоронъ идетъ дождь — это, по словамъ чеховъ, ангелы плачутъ о кончинѣ человека ³⁾. Поступая по смерти въ число стихійныхъ духовъ, вращаясь вмѣстѣ съ ними въ вертепахъ дожденосныхъ, громовыхъ тучъ (— въ пеклѣ), тѣни усопшихъ облакаются въ мокрые облачные покровы, безпокойно блуждаютъ среди мглы и тумановъ и обливаются кипучими слезами дождя. Загробныя страданія, испытуемая усопшими отъ паденія этихъ небесныхъ слезъ, позднѣе—при забвеніи смысла старинныхъ метафоръ—стали объясняться, какъ послѣдствіе неутѣшнаго плача осиротѣлыхъ родичей; рядомъ съ этимъ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи проливаютъ на землю потоки дождя, получили значеніе погребальныхъ слезницъ.

¹⁾ Кулишъ, II, 42—44. — ²⁾ Громницъ, 192; Иричекъ въ Часописи чешск. муз. 1863, I, 8; сравни Beiträge zur D. Myth., I, 215. — ³⁾ Громницъ, 189.

Тѣже преданія о загробномъ царствѣ душъ и ихъ свѣтлой парицѣ встрѣчаемъ и у племенъ славянскихъ. Въ словѣ Кирилла Туровскаго сказано, что Христось, освобода души усопшихъ изъ ада, водворилъ ихъ въ странахъ адемскихъ: «всѣхъ же языкъ душа(и) въ своемъ свѣтѣ на водахъ покойныхъ усели» ¹⁾, что соотвѣтствуетъ блаженному царству Гольды, лежащему за облачнымъ колодезѣмъ. Чехи рассказываютъ о колодезѣ, гдѣ непремѣнно каждый годъ топится хотя одна дѣвица, которую призываетъ къ себѣ бѣлая пани; эта бѣлая пани показывается взрослымъ женщинамъ передъ ихъ кончиною ²⁾. Сверхъ того, души утопленниковъ (по мнѣнію чеховъ) поступаютъ къ водяному, который держитъ ихъ подъ водою въ опрокинутыхъ горшкахъ (=дождевыхъ урнахъ); когда душа ускользнетъ изъ заключенія — она, какъ существо воздушное, выходитъ изъ воды въ видѣ пузыря. И по нѣмецкому повѣрью, души заключены въ горшкахъ въ жилищѣ wassermann'a. Въ Гамбургѣ, сидя подъ мостомъ, водяной таскаетъ мотыкою дѣтей въ воду и сажаетъ ихъ подъ старыя горшки. Только по субботамъ, отъ двѣнадцати до часу, могутъ выходить эти малютки и играть на берегу, но водяной зорко сторожитъ ихъ и снова гонитъ въ темницу. Сказанія о заклятыхъ или осужденныхъ духахъ (элефахъ, кобольдахъ), заточенныхъ въ сосудахъ, откуда раздаются ихъ жалобные голоса, извѣстны почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ ³⁾. Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о колодезномъ срубѣ, заглядывая въ который дѣвица, рѣшившаяся раздѣлить съ умершимъ княземъ его погребальное ложе, видѣла по ея словамъ прекрасный зеленый рай, а въ раю своихъ покойныхъ предковъ; въ ихъ средѣ видѣла она и недавно-скончавшагося князя, который призывалъ ее къ себѣ ⁴⁾. По чешскимъ преданіямъ

¹⁾ Памят. XII в., 66—67. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148. —

³⁾ Громанъ, 12; Beiträge zur D. Myth., II, 293, 297. — ⁴⁾ Стр. 17.

пав—страна усопшихъ есть *zelena louka*; этотъ «зеленой лугъ» въ моравскихъ пѣсняхъ представляется, какъ обиталище добродѣтельныхъ душъ. Враги народа были въ тоже время и врагами его національныхъ боговъ; поэтому они, а равно и всѣ злые люди, нарушившіе святость семейныхъ узъ, не принимались въ райскіе луга, а шлв въ черную ночь, т. е. въ адскіе вертепы черныхъ тучъ, облегающихъ свѣтлое небо ¹⁾. По свидѣтельству народныхъ легендъ, мѣста будущей жизни, приуготованныя для добродѣтельныхъ в грѣшныхъ, находятся у колодцевъ. Для посмертнаго пребыванія первыхъ предназначены студенцы съ чистой ключевой водою, при которыхъ растутъ благоухающіе цвѣты, зрѣютъ на деревьяхъ вкусные плоды и поютъ райскія птицы; а грѣшники будутъ ввержены въ колодцы, наполненные змѣями, жабами, лягушками и другими гадами. Итакъ одинъ в тотъ-же поэтический образъ, только съ различною обстановкою, прилагается и къ раю—вирию, и къ аду—пеклу ²⁾. Праведныхъ ожидаетъ у райскихъ источниковъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ будетъ пролетать, какъ единый неуловимый мигъ, а триста лѣтъ покажутся за три счастливыя минуты. Такую нечувствительность къ полету времени, по указанію валахской сказки, испытываетъ дѣвочка, водворенная въ раю у пресв. Богородицы ³⁾. На одну

¹⁾ Громанъ, 193. — ²⁾ Н. Р. Лег., 3, 21 и стр. 124, 128. Райскому колодцу соответствуетъ *Urdharbrunnen*, адскому—*Uvergelmir* (Germ. Myth., 550). По словамъ гуцуловъ, мавки обитаютъ въ пещерахъ, гдѣ журчатъ прозрачные источники и растутъ чудные сады и виноградники—Пант. 1855, V, 49. — ³⁾ Св. Дѣва взяла съ собой дѣвочку и спрашиваетъ ее однажды: гдѣ ты была? — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчала дѣвочка. „Не одинъ день, а цѣлый годъ!“ возразила Богородица. Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: гдѣ ты была?—Я пробыла одинъ часъ въ раю. „Не часъ, а три человѣческихъ жизни!“ Въ третій разъ на слова дѣвочки: „я на одно мгновеніе побывала на небѣ“ — Пресв.

изъ лубочныхъ картинъ занесено преданіе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобы даровалъ ему извѣдать сладость будущаго блаженства; Богъ исполнилъ его желаніе: разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички, слушалъ-слушалъ, и триста лѣтъ пронеслись для него, какъ три часа ¹⁾. Наоборотъ муки адскія такъ ужасны, что грѣшнику, который имъ подвергается, одинъ день казни кажется цѣлымъ тысячелѣтіемъ ²⁾. Преданія о древней богинѣ, паридѣ малютокъ-душъ, въ среднія вѣка были перенесены на Пречистую Дѣву, а души блаженныхъ (свѣтлые эльфы) стали представляться ангельчиками. Божія Матерь собираетъ къ себѣ души нерожденныхъ, которыя въ видѣ дѣтей возсѣдаютъ на ея колѣнахъ, и души усопшихъ, которыя слѣдуютъ за нею въ царство небесное, въ вѣчно-зеленые сады рая. Въ Кельнѣ разсказываютъ, что новорожденныхъ младенцевъ приносятъ изъ колодца, находящагося у церкви св. Куниберты; тамъ, до своего рожденія, сидятъ они вокругъ Богоматери, которая кормитъ ихъ кашею и забавляетъ играми; въ этомъ колодцѣ свѣтло, какъ въ ясный день ³⁾. Чехи убѣждены, что когда умереть некрещеное дитя—его принимаетъ Пречистая Дѣва и уноситъ въ свою небесную обитель, что на томъ свѣтѣ — въ райскихъ садахъ она раздаетъ усопшимъ дѣтямъ яблоки, вишни и землянику. Если оставшаяся въ живыхъ мать вкушаетъ эти плоды до Иванова (или Успеньева) дня, то Богородица одѣлаетъ ея умершихъ дѣтей ⁴⁾. Тоже повѣрье извѣстно и нѣмцамъ: на Ивановъ день Богородица ведетъ усопшихъ дѣточекъ въ рай угощать земляникою, а тѣмъ, чья мать уже вкусила ягодъ, приказываетъ:

Дѣва замѣчаетъ: „ошибаешься, дитя! не мгновеніе, а полувѣкомъ провела ты въ жилищѣ блаженныхъ“. Сличн Сри. припов., 113—4.

—¹⁾ У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустынникѣ, который заслушавшись въ лѣсу соловьи, впалъ въ сладкое забытіе на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся—все въ этомъ мірѣ было для него ново и незнакомо. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 109. —

з) Die Götterwelt, 280. — ⁴⁾ Громаниъ, 106, 113; День 1864, 43.

«воротитесь назадъ! ваша доля уже съѣдена вашей лакомой матерью.» ¹⁾ По русскому повѣрью, младенцы, какъ совершенно-безгрѣшные, идутъ по смерти въ рай, и въ простомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что души ихъ гуляютъ по небеснымъ вертоградомъ и питаются гроздіями спѣлаго винограда и золотыми яблоками; неслѣдуетъ, говорятъ, хоронить умершихъ дѣтей неподпоясанными, чтобы они могли собирать за пазуху райскіе плоды ²⁾. Мать, у которой умеръ ребенокъ, не должна ѣсть яблокъ до второго Спаса; не то Богородица не дастъ ей ребенку золотого яблочка, какими дарить она на Спасовъ день всѣхъ водворенныхъ въ рай малютокъ. Въ дополненіе къ выше-приведенной сказкѣ о двухъ сестрахъ доброй и злой и ихъ пребываніи въ царствѣ Гольды, должно указать на слѣдующую, въ высшей степени любопытную варіацію того-же мифа. Была мать, говоритъ словацкая сказка ³⁾; у ней было двѣ дочери: одна — родная, а другая — падчерица. Собственную дочь она очень любила, а падчерицу просто не могла видѣть, потому что послѣдняя, Марушка, была гораздо красивѣе, чѣмъ ея Голена. Добрая Марушка не знала о своей красотѣ и не могла объяснить себѣ, почему мачиха такъ злилась, какъ скоро она попадалась ей на глаза. Она должна была отправлять всѣ работы: убирать комнаты, варить, шить, пряхъ, ткать, приносить траву и заботиться о коровѣ; а Голена только наряжалась и оставалась постоянно къ праздности. Марушка трудилась охотно, и терпѣливо, словно овечка, переносила ругательства и проклятія мачихи и сестры. Но это не помогало; день ото дня онѣ становились злѣе, потому что чѣмъ далѣе, тѣмъ Марушка дѣлалась прекраснѣе, а Голена дурнѣе. Вздумалось матери: «зачѣмъ я должна терпѣть въ

¹⁾ German. Mythen, 428. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 332. — ³⁾ Westsl. Märch., 20—26; Slov. pohad., 296—306; сравни у Эрбена, 293; въ сборн. Ваяльца, 221—2.

моемъ домѣ красивую падчерицу, если моя родная дочь далеко не красавица? Прійдутъ парни свататься, Марушка станетъ имъ нравиться, и они не захотятъ Голены». Съ той минуты мачиха съ дочкою искали случая, какъ-бы извести бѣдную Марушку; мучили ее голодомъ, били ее, но она все терпѣла и день ото дня становилась прекраснѣе. Однажды — это было въ срединѣ зимы — захотѣлось Голентѣ имѣть фіалки: «ступай, Марушка, принеси мнѣ изъ лѣсу пучокъ фіалокъ! я хочу заткнуть цвѣты за поясъ и обонять ихъ запахъ.» — Ахъ, Боже! что тебѣ вздумалось, шилая сестрица? я никогда не слыхала, чтобы фіалки росли между снѣгами, отвѣчала бѣдная дѣвушка. «Ты смѣешь спорить, негодная тварь, жаба! когда я приказываю. Если ты не пойдешь въ лѣсъ и не принесешь фіалокъ, то я убью тебя до смерти!» угрожала Голена. Мачиха схватила Марушку, вытолкнула ее вонъ и заперла за нею двери. Горько плача, пошла дѣвица въ лѣсъ. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видать было слѣдовъ ноги. Долго блуждала бѣдная; она чувствовала и холодъ и голодъ, и молила Бога, чтобы онъ излѣлъ ее лучше со свѣта. Замѣтивъ вдали огонь, она пошла на его блескъ и поднялась на вершину горы. На горѣ пылалъ большой костѣръ, а кругомъ огня на двѣнадцати камняхъ сидѣли двѣнадцать мужей: трое — старые, съ сѣдыми бородами, трое — неинного помоложе, еще трое — возмужалыхъ лѣтъ, и наконецъ трое — самые юные и красивые. Они молчали и тихо смотрѣли на огонь. Это были двѣнадцать Мѣсяцевъ. Ледяной Мѣсяцъ (Ледень — генварь) сидѣлъ встѣхъ выше на первомъ мѣстѣ; волосы и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ; въ рукахъ держалъ онъ жезлъ — символъ власти. Нѣсколько времени Марушка стояла въ изумленіи, но потомъ собралась съ духомъ, приблизилась и стала просить: «добрые люди! позвольте мнѣ обогрѣться у огня; я вся дрожу отъ холоду!» Ледяной Мѣсяцъ кивнулъ головою и спросилъ: «какъ ты, дѣвица,

сюда зашла? и чего ищешь?» — Я ищу фиалокъ, отвѣчала Марушка. «Теперь не время искать фиалокъ! вездѣ снѣгъ лежитъ», сказала Ледяной Мѣсяцъ. — Я сама это хорошо знаю, отвѣчала печально Марушка; но моя мачиха и сестра Голена приказали мнѣ принести лѣсныхъ фиалокъ; если я не принесу, онѣ убьютъ меня до смерти. Государи пастухи! умоляю васъ, укажите — не могу ли я гдѣ-нибудь отыскать фиалокъ? Тогда Ледяной Мѣсяцъ поднялся съ камня, подошелъ къ самому юному Мѣсяцу, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Мартъ! сядь на первое мѣсто.» Мѣсяцъ Мартъ занялъ мѣсто выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ-же мигъ огонь запылалъ сильнѣе, снѣгъ началъ таять, на вѣткахъ стали показываться почки, подъ деревьями зазеленѣла трава, цвѣты пустили свои ростки — и вотъ наступила весна. Межъ кустарниковъ зацвѣли фиалки — ихъ было такъ много, такъ много, словно кто голубой коверъ разостлалъ. «Скорѣе!» сказалъ Мѣсяцъ Мартъ Марушкѣ. Она съ радостью набрала большой букетъ, поблагодарила двѣнадцать Мѣсяцевъ и поспѣшила домой. Какъ удивились Голена и мачиха, когда увидѣли, что Марушка несетъ имъ букетъ фиалокъ; отворили ей двери — она вошла и запахъ разлился по всему дому. «Гдѣ ты ихъ набрала?» спросила сердито Голена. — На высокой горѣ; тамъ ихъ много растетъ подъ кустами. Голена взяла цвѣты, заткнула за поясъ, нюхала сама и матери давала нюхать, а сестрѣ ни разу не промолвила: «попюхай и ты!» Послѣ того Голена и мачиха выгнали Марушку за землянкой. Подчерница опять приходитъ къ Мѣсяцанъ и встрѣчаетъ у нихъ тотъ-же радушный пріемъ. Узнавши — въ чемъ дѣло, Ледяной Мѣсяцъ всталъ съ камня, подошелъ къ тому Мѣсяцу, что сидѣлъ какъ разъ противъ него, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Юнь! сядь на первое мѣсто.» Прекрасный Юнь сѣлъ выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ

тотъ-же мигъ пламя поднялось высоко, свѣтъ быстро растаялъ, земля одѣлась травой, деревья листьями, птицы начали свои пѣсни, разнообразныя цвѣты зацвѣли въ лѣсу, и вотъ наступило лѣто. Въ травѣ замелькали бѣленькія звѣздочки, какъ-будто ихъ нарочно настѣяли; быстро, на глазахъ, эти бѣлыя звѣздочки переходятъ въ земляники и тотчасъ-же созрѣваютъ ягоды. Не успѣла Марушка оглянуться, какъ ихъ много-много высыпало на зеленомъ лугу, словно кто обагривъ его каплями крови. Марушка набрала земляники и отнесла Голентѣ; та кушала ягоды и матери давала полакомиться, но ни разу не сказала Марушкѣ: «покушай и ты, сестрица!» Въ третій разъ захотѣлось Голентѣ красныхъ яблочекъ. и она послала за ними Марушку. По глубокому снѣгу пришла бѣдняжка къ Мѣсяцамъ. Ледяной Мѣсяцъ передалъ свою власть брату Сентябрю. Сентябрь сѣлъ на первое мѣсто, махнулъ жезломъ поверхъ костра — огонь запылалъ ярче, снѣгъ пропалъ, и вскорѣ природа приняла грустный осенній видъ; листья падали съ деревьевъ одинъ за другимъ, и свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ туда и сюда по сухой, пожелтѣлой травѣ. Марушка уже не видѣла разнообразныхъ цвѣтовъ, за то нашла яблоню съ сочными плодами; потрясла ее — упало одно красное яблочко, потрясла еще — упало другое. «Теперь скорѣе домой!» сказалъ Мѣсяцъ Сентябрь; дѣвушка послушалась и принесла домой два яблока. Удивилась Голена, удивилась и мамка. «Гдѣ ты сорвала яблоки?» — На высокой горѣ; тамъ еще много ихъ осталось. «Зачѣмъ-же ты не принесла больше? закричала со злобой Голена; вѣрно, сама поѣла дорѣдую?» — Ахъ, милая сестрица! я ни одного яблочка не попробовала. Я потрясла дерево разъ — упало одно яблочко, потрясла еще — упало другое; а больше трусить мнѣ не позволили, приказали домой идти. «Чтобъ тебя громомъ убило!» кляла Марушку Голена и хотѣла ее бить. Бѣдняжка заплакала и убѣжала на кухню.

Голена принялась за яблоко, которое показалось ей необыкновенно-вкусным; съѣла, и говоритъ матери: «дай-ка мою шубу, я сама пойду въ лѣсъ; а то эта негодная тварь пожалуй опять все съѣстъ дорогою. Я обтрясу всѣ яблоки—хоть позволять мнѣ, хоть нѣтъ!» Накинула шубу, платокъ на голову, и пошла изъ дому. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видно было слѣдовъ ногъ человѣческой. Долго она блуждала, наконецъ пришла къ Мѣсяцамъ; не спрашивая позволенія, Голена прямо пошла къ костру и стала грѣть свои руки. «Чего ты ищешь? зачѣмъ сюда пришла?» строго спросилъ Ледяной Мѣсяцъ.—А ты что за спросъ, старый дуракъ! зачѣмъ тебѣ знать, куда я иду? отвѣчала Голена и повернула въ лѣсъ. Ледяной Мѣсяцъ наморщилъ лобъ и поднялъ жезлъ надъ головою: въ тотъ же мигъ огонь сталъ горѣть слабѣе, небо помрачилось, снѣгъ повалилъ такими хлопьями, словно кто перину вытрясалъ; въ лѣсу засвисталъ рѣзкій, всеобщепеняющій вѣтеръ. На одинъ шагъ впередъ собою уже Голена ни зги не видала; она взяла въ снѣгу, проклинала Марушку и чувствовала, что члены ея коченѣютъ. Поджидая ее домой, мать смотрѣла въ окно, выбѣгала за ворота; но часы проходили одинъ за другимъ, а Голены не было. «Вѣрно, яблоки ей такъ понравились, что она отстать отъ нихъ не можетъ, подумала мать; пойду-ка я сама посмотрю.» Тотчасъ надѣла шубу и пустилась искать дочку. Между тѣмъ время шло да шло; Марушка приготовила кушанье, убрала корову, а мачиха в Голена не ворочалась. «Гдѣ онѣ остаются такъ долго?» думала Марушка и устала за прялку. Уже вправа готова, на дворѣ смерклось, а ихъ все нѣтъ. «Ахъ, Боже мой! что съ ними приключалось?» сказала добрая дѣвушка; посмотрѣла въ окно—небо сіяло звѣздами, земля блистала снѣгомъ, но изъ людей никого не было видно. На другой день ждала ихъ Марушка къ завтраку, ждала къ обѣду, но понапрасну—обѣ онѣ замерзли въ лѣсу. Такъ глубоко

ко проникнута жизнью природы чистая, неподдельная народная поэзия! она слышитъ, какъ прозябають травы, какъ шелестятъ лепестки распускающихся цвѣтовъ, и сочувственно отзывается на каждое, повидимому незамѣтное и едва уловимое, проявленіе жизненныхъ силъ. Другая сказка ¹⁾ рассказываетъ о бѣднякѣ, который отъ зимняго холода вздумалъ идти на стеклянную гору, гдѣ всегда огонь горитъ, и тамъ согрѣть свои прозябшіе члены. На горѣ пылалъ костеръ (vatra), а вокругъ него сидѣли двѣнадцать мужей — sluhove krale pad časem (слуги, подвластные царю времени); въ теченіи года они двѣнадцать разъ мѣнялись своими мѣстами по порядку, такъ что по окончаніи голичнаго періода каждый изъ нихъ занималъ свое первоначальное мѣсто. Стеклянная гора (Glasherg) есть свѣтлое небо = Асгардъ, а костеръ, около котораго возсѣдаютъ Мѣсяцы, — метафора солнца, которое свѣтитъ то ярче (лѣтомъ), то блѣднѣе (зимой), и вмѣстѣ съ тѣмъ то животворитъ, то слабѣе вліяетъ на производительность земли. На это верховное свѣтило указываетъ и возженіе костровъ на празднествахъ солнечныхъ поворотовъ. Марушка и Голена — двѣ души добрая и злая — ищутъ на небесной горѣ вѣчно-цвѣтущаго, плодоноснаго сада, скрытаго за снѣжными, зимними облаками; первая протѣсняется сквозь нихъ туманное царство и обрѣтаетъ райскіе цвѣты и плоды, а послѣдняя погибаетъ на пути отъ суровой стужи Niflheimr'a, т. е. дѣлается добычею ада (см. выше стр. 25 — 28). Въ Скандинавіи и Германіи сохраняется вѣрованіе, что души усопшихъ обитаютъ на горѣ, вмѣстѣ съ громовникомъ Торомъ, и выраженіе: «in den berg gehen» до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ: умереть ²⁾. Что цвѣтущія подъ снѣгами фіалки и зрѣющія въ зимнюю пору яблоки въ земляника принадлежатъ небесному царству праведныхъ, замкнутому отовсюду демонами зимы, — осязательное

¹⁾ Slov. pohad., 19 — 28. — ²⁾ German. Mythen, 240.

доказательство тому находимъ въ старинной сагѣ у Саксона: одинъ король пожелалъ узнать, гдѣ лежитъ та благословенная страна, въ которой даже зимою растенія красуются свѣжею, неувядаемою зеленью, и обрѣлъ ее тамъ, куда по смерти должна будетъ явиться его собственная душа ¹⁾. По свидѣтельству Краледворской рукописи: души усопшихъ порхаютъ по деревьямъ, а по словамъ русской обрядовой пѣсни: «русалочки-земляночки на дубъ лѣзли, кору грызли», т. е. пролагая себѣ путь въ царство блаженныхъ, онѣ грызутъ облачныя деревья острыми зубами молніи. Ясно, что всѣ эти преданія говорятъ собственно о цвѣтущемъ раѣ — виріи или островѣ Буяѣ, откуда при началѣ весны приносятся на землю разнообразныя растительныя сѣмена (II, 137—141). Выше было указано на связь имени Буяна съ мѣстами загробнаго упокоенія умершихъ; на этотъ святой островъ устремлялись души, по исхождѣ ихъ изъ тѣлесной оболочки, и потому, вмѣстѣ съ творческими силами природы, тамъ возсѣдала и грозная птица-Смерть (I, 528). Вкушая въ райскихъ садахъ золотыя — молоджавыя яблоки и гроздія винограда (= вино-нектаръ), блаженные обрѣтаютъ неувядаемую молодость и живутъ, не вѣдая ни старости, ни болѣзней; тѣмъ-же благами надѣляя ихъ и живая вода небесныхъ источниковъ (jungbrunnen). Преданіе о странѣ вѣчной юности сохранилось и между славянами. Замѣчательная малорусская сказка о чловѣкѣ, искавшемъ «безсмертной земли», ²⁾ повѣствуетъ, что онъ пришелъ къ волку, который «пилъ ³⁾ хвостомъ дуба». «Куды ты, члововиче, йдешъ? питае вовкъ. — Иду, каже, такой земли шукати, щобъ не старитця и ве умираю. — Оставайсь зо мною! — А ты-жь покы будешъ жити, вовче? — Поты буду жити, покы сѣго дуба хвостомъ не перепиляю. — А потымъ умрешъ? — Умиру.» Че-

¹⁾ Ibid., 440—1. — ²⁾ Изъ непечатныхъ матеріаловъ, собранныхъ редакціей журнала „Основа“. — ³⁾ Сваливаетъ.

ловѣкъ отправился дальше: «иде, колы бачыть—ажъ стоять хатка, а въ тѣй хатци панночки сидятъ и передъ ними скрынѣки поввисеньки гѣлокъ.—Живи у насъ!—А вы-жъ помы будете жить?—Поты будемъ жить, помы уся гѣлки въ викахъ поломаемо» ¹⁾). Человѣкъ пошелъ къ Мѣсяцу; «а ты долго ли проживешь?» спрашиваетъ его.—«Я, каже, такъ: якъ мисяць у неби старый, то и я старый, а якъ винъ молодой, то и я молодой.» Остался человѣкъ у Мѣсяца, прожилъ лѣтъ сто и больше, «а тымъ часомъ Смерть усе шукае чловека», пришла съ запросами сперва къ волку, потомъ къ панночкамъ, и добралась наконецъ до Мѣсяца. «Чого ты прійшла? питаеця Мѣсяць.— За своєю душою.—То не твоя душа! — Ни, моя!—Ни, не твоя! Возьми, каже Мисяць, ты сѣго чловека за ноги, а я за голову, тай розвихаймо: колы у гѣру полетыть—иіі, а колы внизъ, то твѣіі! Узялы и розвихалы, такъ винъ у гѣру и полетивъ, да и ставъ зиркою, що коло мисяця у неби видно» (сравни выше стр. 250). Варіантъ этой сказки, напечатанный въ нашемъ сборникѣ ²⁾), сообщаетъ нѣсколько другихъ, не менѣе важныхъ подробностей: спасаясь отъ зубастой вѣдьмы, пожирающей живой людъ, Иванъ-царевичъ пріѣзжаетъ къ старымъ швеямъ и проситъ у нихъ пристанища. «Рады бы принять тебя, отвѣчали старухи, да намъ самимъ недолго жить; вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ—тогчасъ и смерть прійдетъ!» Заплакалъ царевичъ и потѣхалъ дальше; на дорогѣ минуетъ онъ Вертодуба и Вертогора: первый долженъ умереть, какъ скоро повыдергиваетъ всѣ дубы съ кореньями, а послѣдній—когда перевернетъ всѣ горы. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, пріѣзжаетъ царевичъ къ Солнцевой сестрѣ; она его приняла, кормила-

¹⁾ Пока поломаемъ всѣ иголки въ корзинкахъ. — ²⁾ Н. Р. Сл., VI, 57.

поила, давала ему моложавыя яблоки. Сгрустнулось однажды царевичу, захотѣлось побывать дома; прибылъ онъ на родину, но тамъ уже все было съѣдено—оставались однѣ голыя стѣны а злая вѣдьма точила на него свои острые зубы. Иванъ-царевичъ обратился въ бѣгство. На пути старыя швен подарили ему хусточку, и какъ только царевичъ махнулъ ею—позади его стало широкое озеро; а когда проѣхалъ онъ мимо Вертодуба и Вертогора, эти богатыри заложили дорогу грудами вѣковыхъ дубовъ и высокими горами. Вѣдьма переплыла озеро, продралась черезъ лѣса и горы, и уже стала нагонять царевича, какъ онъ прискакалъ къ теремамъ Солнцевой сестры и закричалъ: Солнце, Солнце! отвори оконце. Солнцева сестра отворила оконце, и царевичъ вскочилъ въ него виѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма требуетъ выдачи царевича и вступаетъ въ споръ съ Солнцевой сестрою. «Пусть же, говоритъ она, Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы; кто кого перетянетъ!» Пошли на вѣсы; на одной сторонѣ сталъ царевичъ, а на другую полѣзла вѣдьма: только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ такою силою, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема; а вѣдьма-змѣя осталась ва землѣ ¹⁾. Вертодубъ или ишеническій волкъ, пиляющій хвостомъ дубы, и Вертогоръ—великаны, рушители облачныхъ лѣсовъ и горъ; старыя швен—небесныя пряхи, дѣвы судьбы, которыя обитаютъ при источникахъ райскаго древа и ткнутъ облачныя покровы; подаренная ими хустка—туча, проливающая дождевое озеро. Въ страну безсмертія, въ этотъ пресвѣтлый рай или царство Солнца, душа человѣка несется черезъ воздушныя пространства, занятыя облаками и тучами; а за нею гонится поѣдучая вѣдьма-Смерть,

¹⁾ Сходная сказка есть у грековъ (Ганъ, 65); здѣсь вѣдьма прилѣтаетъ въ видѣ облака и душитъ лошадей; но преданіе значительно сокращено и лишено старинныхъ красокъ.

царица мрачнаго ада (= Гелла), стараясь захватить ее и увлечь въ свои вертепы. Если душа обременена тяжкими преступленіями и грѣхами—ей не избѣгнуть пѣна; праведная же достигаетъ небесныхъ теремовъ (Асгарда), гдѣ властвуетъ богиня утренней зори и всеобновляющей, вѣчно-юной весны (Солнцева сестра — Фрея, Гольда, Лада; отворяемое ею окно—метафора дневнаго разсвѣта, Goldtor—см. I, 158-162), и вселяясь въ царство блаженныхъ, блескитъ оттуда яркою звѣздою. Вѣсы указываютъ на загробный судъ, ожидающій человека по смерти, когда взвѣшиваются его добрыя и злыя дѣла, и смотря по тому, какая сторона перетянетъ, душа его идетъ или въ рай, или въ пекло (см. гл. XXV). По указанной выше связи царства усопшихъ съ ночью и мѣсяцемъ, богиня, управляющая этимъ царствомъ, представляется возсѣдающею на лунѣ; а какъ создательница облачныхъ и ночныхъ покрововъ, помрачающихъ небесный сводъ, она признается пряхою (см. выше стр. 129—о Фрей-пряхѣ). Въ нѣмецкихъ земляхъ крестьяне усматриваютъ въ пятнахъ луны изображеніе пряжи съ веретеномъ въ рукахъ, которая попала туда за то, что пряла въ воскресенье при лунномъ сіяніи; иные же отождествляютъ лулу съ ликомъ Маріи Магдалины (вѣсто Пречистой Дѣвы) и въ пятнахъ этого свѣтила узнаютъ слѣды ея покаянныхъ слезъ. Въ Альтмаркѣ думаютъ, что Marienfäden (sommerfäden—летучая осенняя паутина—пряжа, изготовляемая эльфами) выдѣлываются искусными пряжами, обитающими на мѣсяцѣ; въ другихъ-же мѣстностяхъ ихъ считаютъ за остатки гробоваго савана, который сбросила съ себя Божія Матерь при своемъ вознесеніи на небо. Въ періодъ Бабьего лѣта, при ясномъ сіяніи солнца, шествуетъ по горамъ и лугамъ Св. Марія (= Гольда, Фрея), въ сопровожденіи многочисленныхъ дѣвъ-эльфовъ (т. е. душъ усопшихъ); впереди каждой дѣвы летитъ ангелъ съ золотомъ

прялкою, тянетъ серебристо-шелковыя нити и разстиляетъ надъ землею небесную пряжу ¹⁾). Тоже преданіе уцѣлѣло у лубургскихъ славянъ; по ихъ словамъ, на мѣсяцъ сидитъ пряжа, вертитъ колесо и прядетъ тонкія бѣлоснѣжныя нити, которыя при самомъ концѣ лѣта падаютъ на землю легкою паутиною; пряжу эту можно видѣть во время полнолунія ²⁾). Облака-ткани приготавливаются богинею загробнаго (=небеснаго) царства и сопровождающими ее грозowymi геніями; какъ существа стихійныя, какъ цверги и мары, души усопшихъ принимаютъ участіе въ этой работѣ и сами облакаются въ изготовленныя ткани. Длинные, бѣлыя, развивающіяся по вѣтру сорочки небесныхъ дѣвъ и эльфовъ — ничто иное, какъ метафора облачныхъ одѣяній, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Въ примѣненіи къ тѣнямъ блуждающихъ мертвецовъ одѣянія эти получили значеніе гробовыхъ савановъ. Наши русалки, показываясь на Троицкой недѣлѣ, выпрашиваютъ себѣ при встрѣчѣ съ бабами и дѣвками бѣлыхъ рубахъ и намитокъ, и донныя крестьянки вѣшаютъ для нихъ по деревьямъ мотки нитокъ, полотенца и сорочки. Едва ли не подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній возникъ обычай окутывать усопшихъ длинными бѣлыми саванами, постилать внутри гроба бѣлую пелену и самого покойника обматывать холстомъ (сравни въ гл. XXV — сказанія о сорочкѣ, которую прядутъ и ткутъ парки для каждаго человѣка и которая приносится покойникомъ на тотъ свѣтъ, какъ исторія его земной жизни, представляемая на судъ боговъ). Сродство усопшихъ съ эльфами и богиней-пряхою свидѣтельствуется еще слѣдующими повѣрьями: въ воронежской губ. считаютъ за грѣхъ шныкать шнычки и прядь кудели въ пятницу, ибо чрезъ это оскорбляются покойные родители, такъ какъ шелуха и кострика легко могутъ

¹⁾ German. Mythen, 40; Die Götterwelt, 304. — ²⁾ Галуша: Дѣдъ и Баба, 48.

засорить ихъ свѣтлыя очи ¹⁾; въ курской губ. крестьянки вичего не шьютъ въ поминальные дни: по ихъ мнѣнію, кто шьетъ въ эти дни, тотъ своею иглою колетъ покойникамъ глаза ²⁾. Означенныя повѣрья первоначально относились къ тѣмъ облачнымъ тканямъ, изготовленіе которыхъ помрачаетъ ясныя звѣзды — эти очи блаженныхъ предковъ, кротко-взирающихъ на землю изъ своихъ небесныхъ обителей. Тѣ же домашнія работы (прясть, ткать и шить) воспрещаются по пятницамъ, чтобы не исколотъ иглами и веретенами мненческой Пятницы и не запорошить ее пречистыхъ глазъ; Пятница же соотвѣтствуетъ Фреѣ (I, 226-242) и Гольдѣ, богинямъ, въ свѣтъ которыхъ тѣни усопшихъ шествуютъ въ загробный міръ. Облачная ткань (покровъ, одѣяніе, коверъ-самолѣтъ) есть именно та пелена, на которой душа, по смерти человѣка, возносится въ царство блаженныхъ. По свидѣтельству народныхъ стиховъ, ангелы, являясь за праведною душою, принимаютъ ее на пелену и несутъ на небо (см. стр. 55); подблюдная святочная пѣсня: «по городу хожу, полотенцемъ стелю» предвѣщаетъ смерть ³⁾, т. е. указываетъ на путь въ загробное царство, такъ какъ всякая дорога, ведущая въ дальнюю сторону, на метафорическомъ языкѣ сравнивалась съ разостланнымъ полотномъ (см. I, 40). Моравскія пѣсни приписываютъ вознесеніе праведныхъ душъ на небо Пречистой Богородицѣ или св. Аннѣ; являясь къ одру умирающаго, онѣ изрекаютъ: «chyc' se, dušo, meho plašča, rŭjdžemu před Pana Krista», или: «chyt' se, duše, meho křídla (крыло — по кровъ), poletíme v rajské sídla» ⁴⁾. Въ тверской губ. каждому покойнику даютъ въ руки

¹⁾ Этно. Сб., I, 215; Послов. Даля, 1031. — ²⁾ Этно. Сб., V, 82. —

³⁾ Ворон. Г. В. 1850, 17. — ⁴⁾ Гануша: Дѣдъ и Баба, 48. Переводъ: Ухватись, душа, за мой плащъ (за мое крыло), пойдемъ передъ Господа Христа, или полетимъ въ райскія селенія.

полотенце; въ другихъ мѣстностяхъ когда везутъ умершаго въ церковь, то гробъ его покрывается бѣлою пеленою, а дуга, возжи и повода объявляются холстомъ. Гробъ принято опускать въ могилу на холстахъ или ручникахъ, которые потомъ достаются священнику и дьякону; къ могильному кресту прикрѣпляютъ кусокъ полотна или бѣлый платъ; тотчасъ по кончинѣ кого-либо изъ членовъ семейства поселяне вывѣшиваютъ полотенце изъ окна избы на улицу, которое и остается здѣсь до истеченія шести недѣль, т. е. до того времени, пока душа не отлетитъ изъ сего міра на тотъ свѣтъ; послѣ шести-недѣльнаго срока полотенце это отдають нищимъ. Когда совершаются годовые поминки въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, незримо-присутствующихъ при этомъ обрядѣ,—хозяинъ, по окончаніи трапезы, открывавтъ окно, распускаетъ на улицу холстъ и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по разостланному полотну: «ступайте съ Богомъ! вотъ тутъ будетъ вамъ помягче!» Въ день годовщины усопшаго, при совершеніи литіи, могилу его покрываютъ холстиною ¹⁾.

Выше объяснено (I, 182; II, 134—141), что востокъ, какъ страна воскресающаго солнца, былъ признанъ за блаженное царство весны, и что именно тамъ арійское племя полагало вѣчно-цвѣтущій, пресвѣтлый рай—обиталище всещедрыхъ боговъ и блаженныхъ предковъ. По литовскому преданію, въ этомъ солнечномъ царствѣ, на востокѣ, пребываютъ души, пока не будутъ посланы на землю въ тѣла новорожденныхъ младенцевъ, и потомъ, по окончаніи земной жизни, снова возвращаются въ свое первобытное отечество ²⁾. По свидѣтельству малорусской сказки, душа добродѣтельнаго, пришедшая въ «беа-

¹⁾ Черниг. Г. В. 1842, 37; Сынъ Отеч. 1839, VIII, 85; Вѣст. Р. Г. О 1853, II, 92; III, 5; Ворон. Г. В. 1851, 2; Записки Авдѣев., 122; Этн. Сб., I, 266. — ²⁾ Черты литов. нар., 75.

смертную страну», пріемлется въ окно терема Солицевой сестры, т. е. въ то свѣтлое окно небеснаго чертога, которое раннимъ утромъ отворяется на востокъ богиней Зорею; этимъ же путемъ нисходитъ душа усопшей матери на свадьбу своей милой дочери (см. выше стр. 238). Въ Галиціи сохраняется преданіе, что далеко на восходѣ солнца, за черными морями (т. е. дожденосными тучами), обитаетъ счастливый народъ рахмане; они ведутъ святую жизнь, содержатъ постоянный строгій постъ ¹⁾ и только однажды въ году разрѣшаютъ на мясо — на Великъ день рахманскій, который приходится тогда, когда скорлупа освященнаго краснаго яйца доплываетъ къ нимъ отъ насъ черезъ широкое море. Въ южной Руси народъ этотъ называютъ навь, а празднуемый ими Великъ день — навьскій или русальныѣ. На Святой недѣлѣ малоруссы бросаютъ въ воду скорлупу отъ крашеныхъ яицъ, чтобы она донесла покойникамъ радостную вѣсть о наступившемъ праздникѣ Воскресенія Христова ²⁾. Въ Польшѣ обращаются къ солнцу съ такою пѣсней:

Swieć, swieć, słońeczko!
 Dam ci jajeczko,
 Jak kureczka zniesie
 Na dębowem lesie.
 Wezmie jajo do raju,
 Wszystkie dusze radują ³⁾.

Слово рахманыѣ (рахманныѣ) доселѣ употребительно въ народныхъ говорахъ — въ слѣдующихъ значеніяхъ: а) веселый, щедрый, хлѣбосольный, угостительный, б) тихій, кроткій, воздержный, в) вялый, слабоумный, скучный — точно также,

¹⁾ Существуетъ поговорка: „постимо, якъ рахмане“. — ²⁾ Мажакъ, VIII, 24; XI, 19; Рус. Ист. Сб., III, ст. Ходаковск., 146—7; VII, 370. — ³⁾ Письмо проф. Буслаева — въ Истор. Россіи Соловьева, II, 21.

какъ слово блаженный (кроме общезвѣстнаго своего смысла) употребляется еще въ значеніи: полоумный, разслабленный, дряхлый, блажой; блажь—дурь, юродство ¹⁾). Такимъ образомъ съ этими эпитетами сочетались различныя понятія, съ одной стороны указывающія на призванныхъ къ вѣчному довольству и покою, а съ другой — на людей, отшельниковъ рукою Смерти: болѣзненныхъ, разслабленныхъ, тоскливыхъ, безумныхъ, словомъ—подобныхъ тѣмъ, которыми овладѣваютъ злыя (см. выше стр. 77—78). Въ костромской губ. о человѣкѣ, убитомъ горемъ, всхудавшемъ, дурно-одѣтомъ и нечесанномъ отзываются: «онъ ходитъ, какъ рахманы!» Собственно рахмане суть «брахманы» (брамины), о счастливой, безмятежной жизни которыхъ на Макарійскихъ островахъ, подъ самымъ востокомъ солнца, извѣстно суевѣрное сказаніе, занесенное въ рукописные сборники средневѣковой литературы ²⁾; но сказаніе это, перейдя черезъ посредство означенныхъ памятниковъ къ славянамъ, связалось съ ихъ національными вѣрованіями въ навовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ слово «рахманы» получило въ устахъ нашихъ поселанъ тѣ самыя значенія, на какія наводили ихъ старинныя представленія о душахъ усопшихъ.

Когда человѣкъ умираетъ, душѣ его предстоить далекое и многотрудное странствованіе; чтобы достигнуть свѣтлаго неба (Gimli) и водвориться тамъ въ блаженныхъ селеніяхъ, она должна перенестись черезъ широкія, необозримыя пространства воздушной области, которая отдѣляетъ міръ людей отъ царства боговъ и предковъ (pitris). По скандинавскимъ преданіямъ, Одинъ и подвластныя ему валькирии являлись на своихъ быстрыхъ коняхъ на поле битвы, забирали души падшихъ героевъ, увозили ихъ въ валгаллу и зачисляли въ сонмъ

¹⁾ Обл. Сл., 10, 190; Доп. обл. сл., 230. — ²⁾ Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, А. Пыпина, 49.

небесныхъ ратниковъ, подобно тому, какъ, по мѣтнію инду-совъ, души сраженныхъ воиновъ шли въ небо Индры. Обще-извѣстныя на сѣверѣ выраженія: *zu Odhinn fahren, bei Odhinn zu gast sein, Odhinn heimsuchen* означаютъ: умереть; въ христіанскую эпоху выраженія эти частію обра-тились въ проклятія: *fag þú til Odhins! Odhinn eigi þik!* частію стали замѣняться другими: *zu Gott gehen, zu Gott heimkehren* ¹⁾. Вмѣсто глагола «умереть» чехи упо-требляютъ выраженіе: *na daleka cestu se strojiti* ²⁾, а на Руси говорятъ: отойди къ Богу, къ отцамъ или предкамъ, и даже просто: отойди, что указываетъ на тотъ дальній путь, въ который пускается усопшій; канонъ, читаемый надъ умирающимъ, вазываютъ отходною. Если больному придутъ на мысль лошади, если къ дому его бу-детъ протоптана новая дорожка—то и другое принимается нашими простолюдинами за предвѣстіе его скорой кончины ³⁾; если первою встрѣчею на пути будетъ бѣлый конь, чехи видятъ въ этомъ предзнаменованіе смерти ⁴⁾: примѣта, наме-кающая на бѣлаго коня, на которомъ ѣздятъ Одинъ. Согласно съ представленіемъ воздушной области всесвѣтнымъ моремъ или рѣкою, обтекающею со всѣхъ сторонъ землю, души усоп-шихъ должны были переправляться на тотъ свѣтъ черезъ обширныя и глубокія воды ⁵⁾; такая переправа совершалась на кораблѣ или ладѣ, какъ древнѣйшей метафорѣ ходячаго по воздушному океану облака (I, 574—9). Для уплаты за этотъ перевозъ, греки, германцы и славяне давали покойнику нѣ-сколько мелкихъ монетъ. Какъ громоносный Индра обладалъ кораблемъ и плавалъ по воздушному океану вмѣстѣ съ мару-

¹⁾ D. Myth., 132. — ²⁾ Гануша: Дядь и Баба, 63. — ³⁾ Сл. нар. раз., 137, 151. — ⁴⁾ Громанъ, 53. — ⁵⁾ Подобное вѣрова-ніе встрѣчаемъ и у племенъ сѣверо-американскихъ—Der Ursprung der Myth., 275.

тами; такъ объ Одиѣ сохранилось преданіе, что онъ отвозилъ души усопшихъ въ валгаллу на золотомъ кораблѣ ¹⁾. По свидѣтельству Льва-діакона, руссы, погребая убитыхъ воиновъ, задушали въ волнахъ рѣки пѣтуховъ и младенцевъ, какъ жертвы, обреченныя сопутствовать умершимъ въ ихъ загробномъ странствованіи. До сихъ поръ стружки, оставшіяся отъ подѣлки гроба, принято на Руси пускать въ проточную воду; туда же пускаютъ и скорлупу красныхъ яицъ, чтобы извѣстить навовъ о праздникѣ Пасхи, а по другому повѣрью: скорлупа яйца, брошенная въ потокъ, служить кораблемъ, на которомъ русалки уплываютъ въ свое подводное (=заоблачное, небесное) царство. Сербы раздвигаютъ яичныя скорлупы, «да се не би вјѣштице (вѣдьмы-эльфы, души-мотыльки) у ѣмъа могле возити преко вода» ²⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что эльфы, мары и вѣдьмы плаваютъ въ челнокѣ или яичной скорлупѣ въ блаженную страну душъ (Engelland, Elbenreich). Народная загадка, означающая яйцо, выражается о немъ такъ: «es kommt ein schiff aus Engelland, hat kein bügel und kein band, und doch zweierlei bier» (= бѣлокъ и желтокъ). Гладкое, искусно-созданное яйцо, безъ швовъ и связей, такъ что въ немъ не видно ни начала, ни конца, разсматривалось, какъ хитрая работа кузнецовъ-эльфовъ ³⁾. На страшномъ судѣ души — прежде, чѣмъ вселятся въ райскія обители, должны будутъ перейти черезъ огненную рѣку (= объятая грозовымъ пламенемъ тучи) и очиститься отъ своихъ прошлыхъ грѣховъ въ ея бурныхъ, клочущихъ волнахъ (см. стр. 22).

¹⁾ Germ. Mythen, 147—8, 356.—²⁾ Срп. рјечник, 67, 367; въ заговорѣ противъ моры высказывается желаніе, чтобы она „ушла у јајску л(ъ)усву, утопила се у морску пучину“. — ³⁾ Germ. Mythen, 346, 415-8; Beiträge zur D. Myth., II, 273.

Млечный путь и мостъ-радуга въ поэтическихъ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ представлялись священными дорогами, по которымъ боги сходили съ высокаго неба на землю; тѣмъ же дорогами слѣдовали и души усопшихъ, устремляясь въ пресвѣтлый рай. Въ веданческихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается о дорогѣ, шествію которою — боги нисходятъ къ воспринятію приносимыхъ имъ жертвъ; въ Ригъ-Ведѣ возглашатель гимна обращается къ божественнымъ напутамъ съ мольбою не допустить его странствовать по пути Ямы, т. е. не обрекать его смерти, а если уже такая судьба неизбежна, то защитить отъ владычицы ада — Nirrti. «Иди, возглашалось усопшему, по тому пути, какимъ прежде шествовали наши предки; ты долженъ узрѣть высокихъ властителей Яму и Варуну». Путь Ямы раздѣлялся нѣдвое: одна дорога вела внизъ—въ адскіе вертепы (=въ мрачныя пещеры тучъ), а другая вверхъ — въ свѣтлое небо. Двѣ четырехглазые собаки оберегаютъ дорогу, ведущую къ жилищу Ямы, гдѣ души праведныхъ успокоиваются отъ своего блужданія; сходно съ этимъ греческій андъ охранялся трехглавымъ Церберомъ. По указанію другихъ гимновъ, собака, какъ воплощеніе вихря или грозового облака, сопровождаетъ души въ царство блаженныхъ предковъ; отсюда объясняется и слѣдующій суевѣрный обрядъ, къ которому донинѣ прибѣгаютъ на Руси: когда умирающій страдаетъ отъ долгой агоніи, крестьяне наши—съ цѣлію ускорить исходъ души изъ тѣла, разбираютъ надъ его головою потолокъ и крышу и сквозь сдѣланное отверстіе протаскиваютъ изъ хаты на дворъ черную собаку. Сверхъ того, индусы вѣрили, что душа, шествующая въ царство отцовъ, перевозится черезъ бурный потокъ (Vaitarani) и мостъ смерти облачною коровою. Такое вѣрованіе опредѣлило самую обстановку похороннаго обряда: корова влекла трупъ усопшаго къ костру; позади печальной колесницы де

мѣста погребенія вели черную корову, которая потомъ была убиваема; мясо ея возлагалось на костеръ вмѣстѣ съ покойникомъ, покрывалось снятою кожею, и все это предавалось огню. Думали, что убитая и сожженная корова явится на томъ свѣтѣ, что усопшій схватится за ея хвостъ и что животное это перенесетъ его черезъ глубокий потокъ. Тоже значеніе придавалось первоначально и сожженію съ трупомъ мертвеца коней, собакъ и кошекъ — обычай, соблюдаемый нѣкогда и славянами (см. гл. XXIX). Путь Ямы, эта «божья дорога и тропа блаженныхъ», есть путь млечный, который у разныхъ народовъ получилъ названіе «дороги» — по тому впечатлѣнію, какое производитъ на глазъ зрителя его длинная, тянущаяся по всему небесному своду полоса. У германцевъ извѣстны для млечнаго пути слѣдующія названія: а) Iringes wēe или strāza (Iringsweg, Iringstrasze, Euringsstrasze, Ermingstraet). Irinc, Irmin (древнѣйшая форма должна быть: Irimo или Arimo) признавался божественнымъ героемъ, родоначальникомъ нѣмецкаго племени. Въ Ведахъ млечный путь называется дорогою Ариамы (Aryamaṇa mahān patha), кроткаго властителя въ странѣ усопшихъ предковъ, съ именемъ котораго въ несомнѣнномъ родствѣ стоитъ національное прозваніе аріевъ. Какъ въ санскритѣ агуа, въ зендѣ aīrua означаетъ: лучший, почетный, господинъ, такъ въ ирл. ег — герой, великій, благородный, въ армян. aḡi — храбрый ¹⁾. б) Helweg — путь, ведущій въ загробное царство Геллы, и в) нижненѣм. kappat, kuhpfad — сакр. gōpatha — коровій путь, т. е. дорога, по которой умершіе слѣдуютъ за небесной коровою. Этимъ послед-

¹⁾ „Die Kelten (замѣчаетъ Маннгардтъ) haben in alter zeit denselben stammgott unter dem namen Erimon, Eirimon verehrt, nach ihm führte das grüne Erin (Irland) und das volk der Iren den namen.“

нимъ названіемъ поясняется и словенское *māvga*, *māvrgiza* (пестрая, съ черными пятнами корова)—слово, употребляемое для обозначенія млечнаго пути и радуги; у чеховъ есть поговорка: «*čegna kráva tu na nohn šlápla*»¹⁾. Як. Гриммъ приводитъ указанія, свидѣтельствующія, что въ млечномъ пути видѣли дорогу Одина: *Wuotanes wec*, *Wuotanes strāza*²⁾; созвѣздіе Большой Медвѣдицы, въ которомъ издревле усматривали колесницу, называлось *Irmineswagen* и *Woonswaghen* (*Woenswaghen* = *wagen des Wōdan*), а въ Голландіи оно слыветъ *Helwaghen* (*wagen des totenreichs*): ясное доказательство, что на это созвѣздіе было перенесено старинное преданіе о небесной колесницѣ, на которой души усопшихъ перевозились въ царство Одина³⁾. Литовцы называютъ млечный путь *raukscziū kielės*, т. е. птичья дорога (тоже означаетъ и финское *linpungata*); потому что души, возносящіяся по этой дорогѣ на небо, представлялись легкокрылыми птицами⁴⁾. Еще до сихъ поръ литовцы, когда умретъ кто-нибудь въ семействѣ, увѣряютъ, что они видѣли покойника — какъ онъ пронесся на бѣрзномъ конѣ по птичьей дорогѣ (млечному пути), съ тремя звѣздами въ рукѣ, и вступилъ въ селенія вѣчнаго блаженства⁵⁾. Въ нашихъ областныхъ говорахъ млечному пути даются названія: а) въ нижегородской губ. *мышинны тропки* (мышинная тропа), что указываетъ на древнѣйшее представленіе душъ мы-

¹⁾ Zeitschrift für vergleichen. Sprachforschung 1852, IV, 311; Die Götterwelt, 34, 52, 59, 70, 265—7; Germ. Mythen, 731—4; D. Myth., 330—5, 695, 899; Andent. eines Systems der Myth., 239—240; Пянте, II, 583—4; Гануша: Дѣдъ и Баба, 6, 60. — ²⁾ D. Myth., 138, 263. — ³⁾ Die Götterwelt, 132. — ⁴⁾ D. Myth., 331; Die Wissenschaft des slawisch. Mythos, 272; Черты литов. нар., 69. — ⁵⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск. 36. У киргизовъ млечный путь также называется птичьей дорогою — Москв. 1853, XXII, 73.

шамъ (см. ниже стр. 299); b) въ тульской губ. становище — мѣсто для отдыха дорожныхъ людей, странниковъ; c) въ пермской губ. путь въ Іерусалимъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ поселяне убѣждены, что бѣлѣющая полоса млечнаго пути указываетъ дорогу въ этотъ святой городъ, т. е. собственно это — путь, ведущій въ божій градъ, въ небесный Іерусалимъ или рай. Въ Германіи есть преданіе, что Вуотанъ ѣздитъ ночью въ Іерусалимъ и забираетъ съ собою въ колесницу своихъ храбрыхъ ратниковъ. d) Въ тамбовской и тульской губ. млечный путь извѣстенъ подъ именемъ Батыевой дороги; рассказываютъ, что дорога эта идетъ отъ желѣзныхъ горъ, въ которыхъ заключены татары, т. е. она примыкаетъ къ тѣмъ адскимъ вертепамъ облачныхъ горъ, гдѣ мучатся «дивніе народы» — великаны разрушительныхъ бурь и грозъ. Мифическія сказанія объ этихъ послѣднихъ въ средніе вѣка были перенесены на суровыхъ, дикихъ почвенниковъ, безпощадно-опустошавшихъ русскую землю и названныхъ потому «бичемъ божіимъ». Въ ярославской же губ. между раскольниками сохраняется преданіе о священномъ городѣ, скрытомъ подъ глубокими водами и населенномъ благочестивыми старцами; въ этотъ городъ, напоминающій заоблачное царство «отцевъ», ведетъ Батыева дорога ¹⁾).

Въ скандинавской мифологіи радуга — чудесный мостъ, перекинутый черезъ воздушное море; Геймдалль, сынъ Одна, стоитъ на немъ безсѣннымъ стражемъ и оберегаетъ путь въ свѣтлое небо. Подобное представленіе у насъ соединяется съ головой млечнаго пути, которую въ тульской губ. называютъ носаръ; увѣряютъ, что тамъ стоятъ на стражѣ четыре коса-

¹⁾ Обл. Сл., 8, 118, 214; Доп. обл. сл., 222, Владим. Г. В. 1844, 52; Сахаров., II, 62—63; Рус. въ св. посл., IV, 43; Beiträge zur D. Myth., 158.

ря и рубить всякого, кто вздумает пройти этою заповѣдною дорогою; коса — эмблема и орудіе богини Смерти. Индусы и персы думали, что души усопшихъ должны переходить черезъ мостъ испытанія, что праведные легко совершаютъ этотъ переходъ, а грѣшныя низвергаются съ моста въ огненную рѣку. По народному повѣрью германцевъ, души праведныхъ ведутся на небо черезъ воздушный мостъ-радугу ангелами-хранителями. Негмбдиръ, посланный къ усопшему Балдуру, долженъ былъ перейти по блестящему золотомъ мосту, перекинутому черезъ шумный потокъ; замѣчательны слова, обращенныя къ нему оберегательницею этого пути: «подъ тобою звучитъ мостъ сильнѣе, чѣмъ звучалъ онъ подъ пятою толпы усопшихъ, которые вчера переѣхали на ту сторону.» Тяжелая поступь живыхъ противопоставляется въ этихъ словахъ едва-слышной поступи мертвыхъ; какъ существа воздушныя, какъ неувимыя тѣни, усопшіе также легки на ногу, какъ и родственные имъ эльфы. Въ нѣкоторыхъ сагахъ разсказывается о переходѣ цверговъ черезъ узкій мостъ; каждый изъ нихъ, вступая на мостъ, бросаетъ въ нарочно поставленный сосудъ пошлину, что соответствуетъ платѣ, вносимой душами за перевозъ ихъ черезъ всесвѣтное море или рѣку. Никто изъ живыхъ не можетъ безнаказанно присутствовать при этомъ переходѣ цверговъ; когда они движутся по мосту, то производятъ такой-же шумъ, какъ-бы переходило по вѣмъ стадо овецъ ¹⁾. Снаряжая покойника въ далекій заморскій путь, нѣмцы клали ему въ гробъ странническій посохъ и новую обувь (todtenschuh ²⁾); наши крестьяне надѣваютъ ему новыя лапти, чтобъ они долѣе носились на томъ свѣтѣ (нижегород. губ.).

¹⁾ D. Myth., 335—6, 696, 794—5; Доп. обл. сл., 90; Сахаровъ, II, 63; Germ. Mythen, 363. — ²⁾ D. Myth., 795; Ч. О. И. и Д. 1860, IV, ст. Вейнгольда: „Разн. роды погребенія у нормановъ“, 348.

Вступая въ средѣ стихійныхъ духовъ, тѣни усопшихъ раздѣляютъ и ихъ судьбу. Въ анимій періодъ года окованныя стужей и морозами—онѣ повергаются въ тоже опѣшеніе, въ тотъ-же долгій сонъ, какъ и всѣ творческія силы природы, и пребываютъ печальными узниками, заключенными въ мрачныхъ подземельяхъ тумановъ и снѣжныхъ тучъ—въ этомъ холодномъ царствѣ Зимы, которая издревле отождествлялась съ богиней смерти и ада. Весною же, вмѣстѣ съ возрожденіемъ солнца и бога-громовника, души пробуждаются (воскресаютъ) для новой жизни, заявляютъ свою дѣятельность въ шумныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ и открываютъ ясное небо, или выражаясь мифическимъ языкомъ: обрѣтаютъ источникъ живой воды и пресвѣтлый рай. По вѣмецкимъ сказаніямъ, злые демоны захватываютъ Гольду и подвластныя ей души и держатъ ихъ въ плѣну въ продолженіи семи зимнихъ мѣсяцевъ; окутывая небо снѣжными облаками, они запираютъ Engelland, т. е. скрываютъ эту блаженную страну отъ людскихъ взоровъ, и ломаютъ ключъ, которымъ она заперта. Только на короткое время Рождественскихъ Святковъ, когда народившееся солнце оророчитъ о грядущей веснѣ, открывается небо и души-эльфы спѣшать посѣтить жилищъ своихъ родичей; въ эти святые дни домохозяева накрываютъ для нихъ столы и готовятъ жертвенныя яствы. Полное освобожденіе Гольды и вѣфовъ совершается весною и тогда-же наступаетъ обычная пора сношеній между усопшими и живыми ¹⁾. Въ русскомъ народѣ ходитъ сказаніе, что гдѣ-то далѣко есть царство, въ которомъ люди умираютъ на зиму и воскресаютъ на вешній Юрьевъ день (23-го апрѣля), т. е. на праздникъ бога-громовника, пробудившагося отъ зимняго сна ²⁾. Во время зимы, по народному повѣрью, покойни-

¹⁾ Germ. Mythen, 491—523, 725—7. — ²⁾ Цебриков., 280; Сл. Мнѣ., 81.

ки испытываютъ холодъ, мракъ и тоску; наканунѣ Рождества Христова и Крещенія поселане жгутъ посреди дворовъ навозъ, чтобы родители (усоншіе) могли согрѣться на томъ свѣтѣ ¹⁾. Встрѣчая весну, славяне прогоняли изъ своихъ селъ Марану, богиню зимы и смерти; ибо съ возвратомъ теплаго солнца свѣтъ побѣждаетъ нечистую силу мрака и холода, жизнь торжествуетъ надъ смертію. Съ наступленіемъ марта у всѣхъ славянъ начинаются обрядовыя посѣщенія кладбищъ; въ первый девъ этого мѣсяца, передъ самымъ восходомъ солнца, лужичане, чехи и поляки ходятъ на кладбища съ зажженными факелами, служатъ тамъ панихиды и оставляютъ на могилахъ разные яства; они думаютъ, что вмѣстѣ съ обновляющейся природою мертвецы чуютъ духъ жизни и обрѣтаютъ утраченныя силы. Лужичане возглашаютъ при этомъ слѣдующія знаменательныя слова: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!» ²⁾ На Руси, по свидѣтельству Стоглава, рано въ четвергъ (день, посвященный громовнику, рукою котораго возжигается пламя жизни) на седьмой недѣлѣ великаго поста жгли солому и кликали мертвыхъ. Отсюда объясняется обычай полагать умирающаго на солому ³⁾ и давать ему въ руки зажженную свѣчу, какъ знаменіе будущаго воскресенія. Въ апрѣль-мѣсяцѣ покойники, по мнѣнію поселанъ, скорбятъ о прежней жизни и

¹⁾ Послов. Далъ, 1003; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 8—9. У русиновъ существуетъ обычай жечь послѣ Коледы солому, что называется у нихъ сожженіемъ дѣда (Пантеонъ 1855, V, 47). — ²⁾ Терещ., III, 119—120; V, 3. — ³⁾ Какъ скоро у больного начинается предсмертная агонія, его перекладываютъ съ перины на солому; если не сдѣлать этого, душа будетъ мучиться и отдастъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ за каждое перушко въ постели—Сынъ Отец. 1839, VIII, 84; Иллюстр. 1846, 172. Если соломинка пристанетъ къ хвосту курицы — въ домѣ будетъ покойникъ (Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 12).

жаждутъ свиданія съ своими родственниками; чтобы утѣшить ихъ, старухи выходятъ раннямъ утромъ на могилы и окликаютъ родителей, причитывая: «ужъ ты, солнце, солнце некое! ты взойди-взойди со полуночи, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, ни съ бѣдой горевать, ни съ тоской вѣковать. Ужъ ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди-взойди со вечера, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужъ ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! ты возвѣй-возвѣй со полуночи, принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушились» ¹⁾). При началѣ весны, когда языческій культъ чествовалъ обновленную природу и пробудившихся отъ зимняго сна «предковъ», христіанская церковь установила праздники Лазарева воскресенія (въ субботу на шестой недѣлѣ великаго поста) и Пасхи или Свѣтло-Христова Воскресенія, съ которыми нераздѣльна мысль о несомнѣнной побѣдѣ жизни надъ смертію. Къ этому времени главнѣйшимъ образомъ относится и поминовеніе мертвыхъ. На первый день Пасхи отпирается небо, и въ продолженіи всей Свѣтлой недѣли души усопшихъ постоянно обращаются между живыми, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, пьютъ, ѣдятъ и радуются вмѣстѣ съ ними ²⁾); а скончавшіеся въ эту седмицу вступаютъ, по народному повѣрью, въ отверстыя врата райа. Точно также, по мнѣнію чеховъ, кто умретъ въ страстную пятницу, страстную субботу, или въ Зеленый четвергъ, тому прощаются всѣ содѣянные имъ грѣхи ³⁾). На

¹⁾ Сахаровъ, II, 23. — ²⁾ Ibid., 83; Чернигов. Г. В. 1853, 23.
— ³⁾ Громякъ, 189.

Свѣтлый праздникъ, Красную Горку и Радунницу (на Оминой недѣлѣ) красятъ яйца и ходятъ съ ними на кладбище христосоваться съ покойными родителями и родственниками. Обращаясь къ усопшимъ, произносятъ обычные слова: «Христосъ воскрес!» Затѣмъ катаютъ съ могильныхъ пригорковъ красныя яйца и тутъ-же зарываютъ ихъ въ землю. Яйцо у всѣхъ языческихъ народовъ служило символическимъ знакомъ возрожденія къ новой жизни. Какъ на востокѣ (у персовъ) весеннее пробужденіе природы чествовалось красными яйцами, такъ и у насъ принято на Красную Горку закладывать весну съ краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и вообще красныя и желтыя яйца считаются необходимою принадлежностью праздничныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ дни Пасхи, Радунницы, Семика и Троицы. Всякому, кто умираетъ на Святой недѣлѣ, даютъ въ руки красное яйцо, съ которымъ и опускаютъ его въ могилу, дабы на томъ свѣтѣ онъ могъ похристосоваться съ своими родичами ¹⁾. Въ Малороссіи, какъ было уже замѣчено, бросаютъ въ воду скорлупу крашенныхъ яицъ, чтобъ она донесла усопшимъ вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, извѣстномъ въ южной Руси подъ именемъ Велика дня. Вѣсть эта доходитъ къ нимъ въ четвергъ русальной недѣли, въ который и празднуется на томъ свѣтѣ навскій (мертвецкій) Великъ день или Великъ день русалокъ, а на землѣ совершаются семипкїе обряды въ честь умершихъ предковъ. По другимъ преданіямъ, навскій Великъ день празднуется въ четвергъ пасхальной недѣли, или вслѣдъ за масленицею — въ первый понедѣльникъ великаго поста, или (какъ думаютъ въ Галиціи) на Преполовеніе, т. е. въ среду четвертой недѣли

¹⁾ Сахаровъ, II, 75, 81, 85; Отв. Сб., I, 192, 226; Записки Авдѣев., 121; Вѣст. Евр. 1818, ХХІ, 112; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Иличъ, 123.

по Пасхѣ ¹⁾: очевидно, это — праздникъ воскресенія мертвыхъ, время котораго древле совпадало съ началомъ весны. Ночью на мертвецкій Великъ день покойники встаютъ изъ гробовъ, оставляютъ деревенское кладбище, и одѣтые въ бѣлые саваны собираются въ приходскую церковь; давно-умершіе попы облачаются въ ризы, освѣщаютъ церковь и совершаютъ торжественную службу, по окончаніи которой всѣ предстоящіе христосуются (харьков. губ.). На Семицкой недѣлѣ въ поляхъ и рощахъ показываются русалки и мавки; крестьяне ходятъ тогда на кладбища, творятъ поминки, опахиваютъ (обметають вѣтками) могилы и катаютъ по нимъ красныя и желтыя яйца. Какъ на Пасху крошатъ на могилахъ яйца для птицъ, такъ на Семицъ бьютъ ихъ и кладутъ на могилы для покойниковъ, которые, по мнѣнію народа, охотно принимаютъ и вкушаютъ это приношеніе. Въ день Семика и на Троицу крестьянки готовятъ яишницу и несутъ въ дѣсь, при пѣніи обрядовыхъ пѣсень:

Радуйтесь, бѣлая березоньки!
Идутъ къ вамъ дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яишницу.
Ю, ю, Семицъ да Троица! ²⁾

При обрядѣ крещенія кукушекъ также употребляются крашенныя яйца. Выше (стр. 142) мы привели свидѣтельства, что въ старину, празднуя «русальи», было въ обычаѣ наряжаться въ звѣринныя шкуры, что служило символическимъ знаменіемъ тѣхъ облачныхъ покрововъ, въ которыхъ являются стихійные духи; эти «ряженые» заводили шумныя игры, пѣсни и пляски — подобно тому, какъ пробужденные отъ зимняго

¹⁾ Рус. Ист. Сб., III, 146—7; Полтав. Г. В. 1845, 22; Волын. Г. В. 1866, стр. 356—7; Прост. рус. праздн., IV, 9. — ²⁾ Сахаров., II, 83—84; Вост. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Терещ., VI, 146, 152, 163—5, 175—6.

сна духи кружатся въ буйной пляскѣ вихрей и запѣвають дикую грозовую пѣсню. Древніе чехи, при совершеніи поминокъ по мертвымъ, бѣгали нарядные въ шутовскія (ско-моршны) одежды и личины и предавались неистовому веселью ¹⁾. Понятно, что поминальные празднества должны были получить двойственный характеръ: съ одной стороны оставшіеся въ живыхъ горевали по своимъ покойнымъ родичамъ, лили о нихъ слезы и сожалѣли о вѣчной съ ними разлукѣ; а съ другой, признавая усопшихъ за существа стихійныя, они считали религіознымъ долгомъ участвовать въ ихъ шумной радости при весеннемъ пробужденіи природы. Такой двойственный характеръ древней тризны и донынѣ остается любопытною чертою народныхъ поминокъ (см. гл. XXIX).

Стихійныя явленія природы рисовались фантазіи древняго человѣка въ различныхъ образахъ, воплощались въ тѣ или другія животныя формы и даже принимали на себя подобіе нѣкоторыхъ неодушевленныхъ предметовъ. Согласно съ этимъ, душамъ-эльфамъ была приписана чудесная сила превращеній. Мы знаемъ, что душа, по мнѣнію нашихъ предковъ, излетала изъ человѣческаго тѣла птичкою, мотылькомъ или другимъ крылатымъ наѣкомымъ, и въ этомъ видѣ возносилась въ царство блаженныхъ. Подъ вліяніемъ такого возрѣнія, въ исчезновеніи наѣкомыхъ и отлетѣ птицъ осенью стали усматривать удаленіе душъ въ небесныя области, гдѣ во все продолженіе зимы осуждены онѣ пребывать въ плѣну, подъ крѣпкими запорами демоническихъ силъ; наоборотъ въ появленіи наѣкомыхъ и прилетѣ птицъ весной почерпалось твердое убѣжденіе, что настала пора освобожденія, что небо отверзло свои врата и души поспѣшаютъ посѣтить землю. Нѣ-

¹⁾ Терещ., III, 79; Ч. О. И. и Д., годъ 2, II, ст. Мацѣвскаго „Очеркъ исторіи письменности и просвѣщен. слав. нар. до XIV вѣка“, 31.

мецкія преданія представляют анста, лебедя, бабочку и жука то проводниками усопшихъ въ блаженный Engelland, то приносителями младенческихъ душъ, посылаемыхъ Гольдомъ на поприще земной жизни, то наконецъ видятъ въ нихъ самыя души. Осенью, когда птицы улетаютъ въ теплыя страны, анстъ возвращается въ свое небесное отечество — Engelland, сбрасываетъ съ себя пернатую одежду и получаетъ человѣческій обликъ, а въ весеннюю пору снова спускается на землю легкрылой птицею и гнѣздится на домовой кровлѣ, въ сосѣдствѣ дружественныхъ ему людей ¹⁾. По нашимъ повѣртіямъ, весеннія птицы прилетаютъ изъ вѣрія, приносятъ золотыя ключи и отпираютъ свѣтлое небо и дождевыя источники: «прилетѣлъ куликъ изъ заморья, принёсъ весну изъ неволя» (сравни II, стр. 138, 450). Въ Германіи думаютъ, что ключъ отъ Glasberg'a (т. е. небеснаго свода) обрѣтается лебедемъ ²⁾. Поэтому русскіе поселяне встрѣчаютъ этихъ птицъ, какъ долго-жданныхъ и пріятныхъ гостей, и нарочно рассыпаютъ для нихъ въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ льняное и конопляное сѣмя по своимъ дворамъ ³⁾. При началѣ весны, особенно 25-го марта—въ день благой вѣсти о воплощеніи «праведнаго солнца» Христа — и на праздникъ его Свѣтлаго Воскресенія, существуетъ обычай выпускатъ птицъ на волю изъ клѣтокъ ⁴⁾: символическій обрядъ, знаменующій освобожденіе стихійныхъ геніевъ и душъ изъ той неволи, въ какой томились они—заключенные злыми демонами зимы. Первый прилетѣвшій анстъ, первая ласточка или кукушка почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ привѣтствуются, какъ вѣстники благодатной весны; съ ихъ прилетомъ связываютъ начало теплой и ясной погоды. Стрѣлять въ этихъ птицъ и ра-

¹⁾ Germ. Mythen, 371—4, 397—400, 523. — ²⁾ Рус. въ св. посл., IV, 26. — ³⁾ Сахаровъ, II, 18, 26. — ⁴⁾ Терещ., VI, 97—98.

зорять ихъ гнѣзда считается за величайшій грѣхъ. Французы и нѣмцы называютъ ласточку «птицей Господа Бога»; на Руси она почитается святою, а у чеховъ — птичкою Богородицы ¹⁾; кукушка, по указанію старинной польской хроники, была посвящена Живѣ, богинѣ міровой жизни (= весны), плодородія и любви, и принималась за ея воплощеніе (см. гл. XXVIII). Прилетая изъ вѣрія, изъ той заоблачной страны, откуда нисходятъ души новорожденныхъ, куда удаляются усопшіе и гдѣ пребываютъ дѣвы судьбы (парки, норны, роженницы), кукушка вѣдаетъ часы рожденія, брака и смерти. Дочери замужнія женщины спрашиваютъ кукушку, сколько будетъ у нихъ дѣтей, а дѣвцы — скоро ли будутъ сосватаны и какъ долго проживутъ въ брачномъ союзѣ? Сколько разъ прокукуетъ кукушка, столько лѣтъ суждено оставаться въ дѣвкахъ, или столько лѣтъ быть за мужемъ. Точно также, заслышавъ впервые весенней порою кукушку, обращаются къ ней съ вопросомъ: сколько лѣтъ остается жить на бѣломъ свѣтѣ? Отвѣты ея признаются за пророчество, посылаемое свыше: по выраженію малорусскихъ пѣсень, «що вона ковала — промижъ святыхъ чувала», т. е. слышала на томъ свѣтѣ, въ царствѣ блаженныхъ; «що вона ковала — тому стати й бути!» ²⁾ Если ласточки и голуби летаютъ около дома во время свадебнаго пиршества, это предвѣщаетъ молодымъ счастье въ супружествѣ; вьется ли ласточка возлѣ оконъ — въ томъ домѣ, по народной примѣтѣ, скорѣй просватаютъ невесту ³⁾. Маленькой жучокъ — *coccinella septempunctata* назы-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 432; Громницъ, 70. — ²⁾ Сборн. украин. пѣсень, 56. — ³⁾ Кто носитъ при себѣ сердце ласточки, тотъ (утверждаютъ нѣмцы) будетъ любимъ всѣмъ свѣтомъ; по французскому повѣрью: чтобы обрѣсти любовь дѣвцы, должно подарить ей золотое кольцо, которое девять дней лежало въ гнѣздѣ ласточки. На Руси берутъ корень травы, называемой «кукушкинымъ

вался ииудеями Indra-gôpa; литовцы называютъ его Dev-o-zys (ozelis) или Perkuno-o-zys—небесная или Перунова козочка, нѣмцы—Gotteskühein, Gotteskalb, Herrgottsvöglein, Marienkäfer, Marienvöglein, Marienhenne, Frauenkuh, sonnenkäfer, sonnenkalb, русскіе — божья коровка и солнышко (солнечко), чехи—boží kravička, sluníčko, slunečnice, полаки—babin-ka, сербы — бабе. Исчисленные нами названія, а равно и причитанія, съ какими обращаются къ этому наѣскомуу, (такъ называемыя «sonnenlieder») свидѣлствуютъ, что оно было посвящено Фреѣ или Гольдѣ, нѣсто которыхъ въ христіанское время стали разумѣть Дѣву Марію; у славянъ это — богиня Лада, прекрасная дѣва зорь, дарующая дневной снѣтъ и цвѣтущую весну. Отчизна «божьей коровки» есть пресвѣтлый рай—Engelland или небесный колодець, откуда и прилетаетъ она къ намъ весеннимъ гостемъ. Вотъ свидѣтельства народныхъ причитаній:

- a) Marienwürmken flig furt,
Flig furt nach Engelland!
Engelland ist zugeschlossen,
Schlüssel davon abgebrochen.
- b) Herrgottspferdchen fliege,
Vater ¹⁾ ist im kriege,
Mutter ²⁾ ist in Engelland,
Engelland ist abgebrannt.
- c) Herrgottspferdchen fliege weg,
Dein häuschen brennt,
Dein kähnenchen schwimmt,
De ne kinderchen schreien nach butterbrod,

сезны» (orchis maculata или latifolia), топять его въ водѣ, и при-
готовленный отваръ даютъ пить молодой чегѣ, чтобы она жила
согласно и любовно; по этому-же корню гадаютъ — кого родить
замужняя женщина: сына или дочь?—Beiträge zur D. Myth., I, 247;
О. З. 1848, V, ст. Харитонов., 15, Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 59.—

¹⁾ Небесный владыка, отецъ боговъ и людей. — ²⁾ Фрея или Гольда.

или: deine kinder weinen alle mit einander. Въ другихъ пѣсняхъ говорится: flieg in den himmel, flieg in's Herrgottsgärtchen, т. е. лети въ небесное царство, въ сады блаженныхъ — Engelland; это царство, которое до сего времени было замкнуто зимнею стужей и омрачено сплошными тучами, уже загорѣлось пожаромъ весенней грозы и владыка его (= богъ-громовникъ) вступилъ въ борьбу съ демонами. Жунъ представляется здѣсь, какъ проводникъ малютокъ душъ; посѣщая въ райскія области, онѣ переплываютъ воздушный океанъ въ легкой ладѣ или переносятся черезъ него на крыльяхъ солнечнаго жука, почему этотъ послѣдній и называется божьимъ конемъ. По основному представленію, Marienkäfer самъ есть воплощеніе души = мары (mārkäfer); на сѣверѣ coccinella извѣстна подъ именемъ marihoene. Подобно тому бабочку называютъ въ Норвегii marihoena, murihoene; мотыльку libelle въ Германіи даютъ названіе Gottespferd, а на шведскихъ островахъ — hogsho-māga = pferdemār; точно также сербы именуютъ бабочку вилинымъ конемъ, а къ жуку coccinella обращаются съ названіемъ: маро! Комары, мухи и другія наѣкомыя, привлекающія весною по словамъ русскихъ поселянъ изъ вѣрія, по нѣмецкому повѣрью приплываютъ на кораблѣ изъ царства эльфовъ (Elbenreich). При заревѣ небснаго пожара, объемлющаго это царство, дѣти = мары плачутъ и просятъ хлѣба, т. е. лютъ дожди и призываютъ на землю плодородіе. Вслѣдъ за пронесшеюся грозой и пролившимися дождями, небо просвѣтляется и ясное солнце выходитъ изъ-за темныхъ тучъ, или выражаясь поэтическимъ языкомъ народныхъ причитаній — Маринъ жукъ выводитъ весеннее солнце изъ облачныхъ колодезь:

a) Käfer!, käfer!
 flieg nach Mariabrunn
 und bring uns a schöne sunn.

b) Goldhennel lass die sonne scheinen, die regenwolke, den wolkenfleck lass den wind vertreiben, klar auf im süden, die wolken gehn nieder im norden.» Поэтому Маринна жука называютъ *sunpenschienken*, и утврѣаютъ, что если убить его, то на другой день не будетъ солнца, т. е. жукъ не полетитъ на небо и не принесетъ хорошей погоды Въ Швабін его величаютъ *sonnenkind* (= рус. солнышко); кто его убьетъ, тотъ попадетъ въ адъ ¹⁾. Чтобы освободить дневное свѣтило, дать просторъ его лучамъ, жукъ отпираетъ небо золотымъ ключемъ—молніей. Маленькихъ золотистыхъ жуковъ шведы называютъ *Jungfrau Maria's schlüsselmagd*; въ числѣ другихъ воззваній, обращаемыхъ къ *Marienkäfer'u*, встрѣчаемъ и слѣдующее: «*flieg auf, flieg mir in den himmel n'auf, bring a goldis schlüssela runder und a goldis wickelkinda drunder.*» Вмѣстѣ съ солнечными лучами, обрѣтаютъ свободу и души-зѣлы, полоненные демонами зимы и мрака. По свидѣтельству одной саги, жукъ вырылъ изъ-подъ земли ключъ, съ помощію котораго были отворены двери горы(=тучи) и освобождены заключенныя тамъ дѣти. На близкія отношенія рогатаго жука къ молніеносному пламени указываютъ придаваемые ему названія: *donner-gueg, donner-puppe, feuerschröter, fürböter* (feueranzünder), *haus-bröppner*; народное повѣрье утверждаетъ, будто онъ носитъ на своихъ рогахъ горячіе уголья и, въ случаѣ причиненной ему обиды, бросаетъ ихъ на кровлю дома и производитъ пожаръ; присутствіе такого жука въ жилищѣ зданіи привлекаетъ туда грозовыі ударъ. Повѣрья эти стоятъ въ несомнѣнной связи съ баснею объ анстѣ-приносителѣ небеснаго огня и съ представленіемъ молній летучими наѣкомыми (пчелами). Кобольды нерѣдко принимаютъ образъ жука или

¹⁾ Наоборотъ, кто поставитъ навознаго жука, лежащаго на спинѣ, на ноги—тотъ очищается отъ семи грѣховъ.

шмеля. Наравнѣ съ пѣнцами, славяне обращаются къбожьей коровкѣ съ тѣми-желюбопытными причитаніями. Чехи и моравы, сажая это настѣкомое на руку, проносятъ: а) «sluničko, sluničko! kam poletíš—do nebe, neb do rekla?» (словенцы: «pověz ty ma, kde sa vydám, či hore, či dolú, či k milemu Bohu?») б) «let' do nebes (или: na zlate okénko — къ солнечному восходу, на окно богини Зори), pověz mi—v yjde li sluničko dnes?» («bude li zitra svitit sluněčko?»¹⁾) в) «Sluničko boží! tvůj domek hoří, dej pozor, ať ti neshoří» (сравни т. I, 242-3 — съ преданіемъ о Середѣ). Въ народной русской сказкѣ навозный жукъ заставляеть разсмѣяться печальную Несмѣяну-царевну, т. е. вызываетъ на небо румяную зорю (см. I, 601-2). Убить «божью коровку» считается за великій грѣхъ, влекущій за собою разные несчастія. Какъ кукушка повѣдаетъ о грядущемъ супружествѣ и долготѣ жизни, такъ тѣже предвѣщанія даетъ и Marienkäfer; посланникъ богини любви и жилецъ загробнаго царства, онъ знаетъ, когда человѣку суждено вступить въ брачный союзъ и когда наступитъ часъ его смерти. Въ Германіи дѣти сажаютъ Маринна жука на ладонь и начинаютъ считать: разъ, два, три, и такъ далѣе по порядку — до тѣхъ поръ, пока онъ не улетитъ; сколько успѣешь насчитать, настолько годовъ и продлится жизнь. Съ той стороны, куда направить онъ свой полетъ, дѣвицы ожидаютъ жениха. Въ Малороссіи, Сербіи и Богеміи допрашиваютъ это настѣкомое: откуда ожидать сватовъ; «кажи, маро, (говорятъ сербскія дѣвойки) откуда ће сватови доћи?»²⁾

¹⁾ Переводъ: лети на небо и повѣдай мнѣ — выйдетъ ли сегодня солнце, будетъ ли свѣтитъ оно завтра? — ²⁾ German. Mythen, 242—253, 346—356, 369—371; Beiträge zur D. Myth., II, 448—9; D. Myth., 656—8; Sonne, Mond u. Sterne, 69; Ганушъ: Дядь и Баба, 43—44; Дѣва, златовласая богиня, 15; Чешск. пѣсни Ёрбена, 78; Срп рјечник, 9.

Душа является не только птичкою или крылатымъ насекомымъ; она, по свидѣтельству нѣмецкихъ сагъ, можетъ исходить изъ открытыхъ устъ челоѣка змѣею, мышью, кошкою и звѣрькомъ ласточкою. Однажды король Guntham заснулъ въ лѣсу на колѣнахъ своего вѣрнаго слуги; пока онъ спалъ изъ рта его выползла змѣя, приблизилась къ ручью и стала пытаться какъ-бы переправиться на другую сторону. Чтобы помочь ей, слуга положилъ черезъ ручей свой мечъ; змѣя скользнула по немъ, и перейдя на противоположный берегъ, исчезла въ горѣ. Спустя нѣсколько времени, она возвратилась тѣмъ-же путемъ назадъ и вошла въ спящаго короля. Вскорѣ затѣмъ король проснулся и рассказалъ, что ему видѣлось во снѣ, будто онъ переправлялся черезъ желѣзный мостъ въ гору, наполненную золотомъ. Объ одномъ мельникѣ рассказываютъ, что онъ рубилъ дрова на Шварцвальдѣ, и утомленный работою заснулъ; изъ него выползла мышь, пустилась бѣжать, и такъ какъ болѣе она не возвращалась, то мельника нашли мертвымъ. Другія саги повѣствуютъ: о ратникѣ, изъ котораго выходила ласточка (wiesel); о чортовой невѣстѣ (вѣдьмѣ), изъ открытаго рта которой выползла кошка или красная мышь, при чемъ оставленное таинственнымъ звѣрькомъ тѣло впадало въ сонное оцѣпенѣнiе. Въ поминальные дни, когда тѣни усопшихъ приходятъ на землю, въ Германiи считается непозволительнымъ убивать жабъ и лягушекъ, потому что въ нихъ видѣ являются души ¹⁾. Малорусская легенда передаетъ видѣнiе старца: въ глубокую полночь собрался онъ въ путь, входитъ въ одну комору — тамъ «два свички стоятъ и два голуби цилуютця», входитъ въ другую комору — «и тамъ два свички горятъ и два гадюки кусаютця». Въ первой комнатѣ спали мужъ съ женою, жившіе между собой въ постоянной любви и согласiи,

¹⁾ D. Myth., 789, 1036; Germ. Mythen, 723.

а въ другой поклонясь сномъ несогласная, враждующая чета ¹⁾). По чешскому повѣрью, если человѣкъ во время сна почувствуетъ сильную жажду—душа его выползаетъ въ открытыя уста въ видѣ маленькой змѣйки или бѣлой мыши и спѣшитъ напиться; если въ это время перевернуть спящаго въ другую сторону, то душа не найдетъ дороги въ покинутое ею тѣло—и человѣкъ умираетъ ²⁾). Преданія о змѣяхъ, воплощающихся въ сонныхъ людей черезъ ихъ разинутые рты, известны и между русскими поселянами (см. т. II, стр. 560). Змѣи, какъ воплощеніе небеснаго пламени молній, признаны были за родовыхъ пенатовъ, за духовъ-представителей усопшихъ предковъ и охранителей семейнаго счастья, за одинъ изъ главнѣйшихъ образовъ души человеческой. Въ каждой избѣ, по мнѣнію чеховъ, обитаетъ гадъ - господарикъ (=домовой цмокъ), вмѣстѣ съ смертію котораго умираетъ и хозяинъ дома. У этого гада есть самка и дѣтеныши, съ жизнью которыхъ связано существованіе хозяйки и остальныхъ членовъ семьи (см. II, 539-540). Тоже суевѣріе уцѣлѣло и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи; въ нѣмецкихъ и славянскихъ сагахъ змѣи нерѣдко изображаются, какъ гении, охраняющіе колыбели младенцевъ; какъ скоро будетъ убита такая змѣя, тотчасъ-же умираетъ и младенецъ ³⁾). Любопытно, что слово *шуръ*—предокъ (II, 93) въ памятникахъ старинной письменности означаетъ кузнечика, а въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ смыслѣ ужа и крысы ⁴⁾, подобно тому, какъ нѣм. *heimchen* означаетъ и сверчка, и душу-эльфа. Въ литовскомъ и волынскомъ Полѣсьи утверждаютъ, что усопшія вѣдьмы выходятъ по ночамъ изъ могилъ, выползая оттуда, сквозь узкія отверстія, въ ви-

¹⁾ Основа 1862, VI, 45—46. — ²⁾ Громанъ, 60. — ³⁾ *Beiträge zur D. Myth.*, II, 443—4; Труды Археолог. Общ., в. II, стр. 174. —

⁴⁾ Лавровскаго: Корен. значеніе названій родства у славянъ, 35.

дѣ мышей и ящерицъ ¹⁾). Встрѣчая въ саду мышъ, чехи принимаютъ это за предвѣстіе близкой смерти кого-либо изъ своихъ родичей ²⁾). Выше было объяснено, что грызуны: мышъ, крыса и заяцъ служили для обозначенія разнѣхъ молній; вмѣстѣ съ этимъ они сроднились съ представленіемъ души, и Гомеръ, какъ мы видѣли, изображаетъ тѣни усопшихъ летучими мышами. Подобныя-же сближенія заставили олицетворять душу быстро-скользящею ящерицею, проворною ласточкою и сверкающею очами кошкою. Наконецъ жабы и лягушки приняты были за воплощеніе душъ (по преимуществу отверженныхъ, грѣшныхъ) на томъ основаніи, что въ этихъ гадахъ олицетворялись демоны разрушительной бури, ливней и града; какъ существа, замирающія на зиму и оживающія весною, какъ обитатели водъ и суши, жабы и лягушки были отождествляемы съ душами, о которыхъ общее вѣрованіе утверждало, что онѣ при началѣ весны освобождаются изъ темницъ Смерти и нисходятъ на землю изъ (облачныхъ) источниковъ и колодцевъ. Покидая тѣло, душа принимаетъ тѣ различныя образы, какіе фантазія соединяла съ стихійною природою боговъ и демоновъ грозы, вихрей, облаковъ и другихъ воздушныхъ явленій. По свидѣтельству скандинавскаго мѣа, въ то самое время, какъ тѣло Одина лежало недвижимое, оцѣпенѣнное сномъ или смертію, духъ этого верховнаго бога быстро переносился въ отдаленныя страны, оборачиваясь птицею, звѣремъ, рыбою или змѣею ³⁾). Съ этимъ свидѣтельствомъ вполне совпадаетъ указаніе старинной статьи о запретныхъ книгахъ, которая въ числѣ другихъ чародѣйствъ упоминаетъ опрометныя лица звѣриныя и птичіи: «тѣло свое хранить мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, и совою, рыщутъ

¹⁾ Киевлянинъ 1865, 71. — ²⁾ Громанъ, 229. — ³⁾ D. Myth., 1037.

лютѣмъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ змѣмъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ¹⁾. И донинѣ народъ, убѣжденный въ близкой, неразрывной связи колдуновъ и вѣдьмъ съ нечистою силою, рассказываетъ, что какъ скоро они предаются сну или обмираютъ—души ихъ освобождаются отъ тѣлесныхъ узъ, подвергаются различнымъ превращеніямъ и участвуютъ въ воздушномъ полетѣ демоновъ. Здѣсь коренится основа ученія о метемпсихозѣ или переселеніи душъ по смерти изъ одного тѣла въ другое. Украинцы думаютъ, что усопшіи бываетъ поочередно муравьемъ (наѣткомымъ), птицей, звѣремъ, рыбою, и потомъ снова возрождается человекомъ²⁾; въ литовскомъ и волинскомъ Полѣсьи существуетъ вѣрованіе, что иногда, наказуя за грѣхи, Богъ облекаетъ душу человека въ тѣло того или другаго животнаго³⁾. О дѣтяхъ, приспанныхъ матерями, говорятъ, что они превращаются въ животныхъ, и вообще оборотень признается нашими поселянами за душу младенца, умершаго некрещенымъ, или за душу чародѣя и вѣроотступника, осужденную вѣчно блуждать и не вѣдать покоя. Оборотень обыкновенно показывается въ сумерки и ночью; съ дикимъ воемъ и неудержимою быстротою мчится онъ, перекидываясь въ кошку, собаку, сову, пѣтуха или камень, бросается подъ ноги путнику и перебѣгаетъ ему дорогу; нерѣдко онъ подкапывается клубкомъ, снѣжною глыбою, копною сѣна, а въ лѣсу встрѣчаютъ его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ⁴⁾. По нѣмецкимъ преданіямъ, души усопшихъ могутъ принимать образы зайца, собаки, свиньи, теленка, коровы, козла, овцы или барана; мары, проникая внутрь домовъ сквозь замочныя скважины, превращаются въ кошекъ,

¹⁾ Іоаннъ, императоръ болгар., 211; Лѣтописи занятій Археогр. ком., I, 42—43. — ²⁾ Москв. 1846, XI—XII, 152. — ³⁾ Кіевлянинъ 1865, 52. — ⁴⁾ Иллюстр. 1845, 299; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 6.

ласточекъ, мышей, кунницъ, въ пухъ или перья, клочъ волосъ, соломѣ и колосья ¹⁾). Звѣринные образы, принимаемые покойниками, указываютъ на тѣ облачныя одежды, въ какія облакаются они въ качествѣ стихійныхъ духовъ; превращеніе въ перо и камень стоитъ въ связи съ преданіями о громовой стрѣлкѣ, превращеніе въ соломѣ и колосья — съ преданіями о переходѣ душъ въ растенія и злаки (II, 508), а превращеніе въ клубокъ нитокъ и волоса — съ представленіемъ облаковъ небесною пряжею и руномъ. Такъ какъ мара съ одной стороны признавалась пряхой, а съ другой — отождествлялась съ облачною коровою; то отсюда объясняется, почему въ народной сказкѣ мать, превратившаяся по смерти въ корову-бурѣнушку, прядетъ для своей дочери ленъ ²⁾). Въ русскихъ легендахъ, изображающихъ загробную жизнь и шѣки грѣшниковъ, души усопшихъ представляются въ звѣринныхъ образахъ: «идемо (читаемъ въ повѣсти о странствованіи по тому свѣту), коли-жъ гризутца два собаки надъ шляхонъ — такъ гризутца, такъ гризутца! А дядъ и каже: се не собаками, се два брати, щѣ погризлись та-ѣ поблизь, идучи степомъ; то Богъ и сказавъ: коли вже-ѣ ридни брати бѣютца, то дѣ-жъ буде те добро инжъ людми? Нехай-же, каже, стануть вони собаки и гризутца. Идемo, ажъ ходять волі въ такому спину, що-ѣ ригъ не видно съ травы, а сами худі-худі, якъ дошка. А билі ихъ ходять волі по самій землі — ни травини нидѣ ногани нема, да жиръ ажъ по землі тилипаецца. Отъ дядъ и каже: оцѣ, що худіи волі, то то богати люде, щѣ жили сами въ роскоши, а біднимъ не помагали; а ситіи волі, то то бідни люде, щѣ одъ свого рта однійшали та старцямъ (вищимъ) изъ послѣднѣго давали; отъ-же вони теперъ и сити ѣ

¹⁾ Germ. Mythen, 483, 490, 730; Beiträge zur D. Myth., II, 267—8; Поэт. Возвр., II, 103. — ²⁾ Н. Р. Сл., VI, 54, 55; VIII, стр. 515—6.

напоеви, а тѣи по роги въ спашу — та худѣ, якъ дошка» ¹⁾). Въ другой легендѣ мальчикъ-сирота ѣдетъ къ Богу спрашивать, зачѣмъ онъ взялъ къ себѣ его мать? На пути въ небесное царство мальчикъ увидѣлъ поле: на полѣ трава сочная, высокая, по колѣно лошадямъ будетъ, а кони ходять по ней худые, только кости да кожа! Увидѣлъ потомъ и другое поле — совсѣмъ голое, нѣтъ ни былинки, а кони гуляютъ добре рыжны и тучны. И повѣдалъ ему Господь: «худые кони, что пасутся въ густой травѣ по колѣно, — это нѣкогда были скупые богачи, незнавшіе состраданія къ бѣднымъ, а кони тучные — милосердые бѣдники, которые и послѣднимъ кускомъ охотно дѣлились съ нищими.» Тѣже образы встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ литовцевъ и сербовъ ²⁾). Души несогласныхъ братьевъ сербская легенда олицетворяетъ боровами, осужденными на вѣчную ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Поэтическое представленіе скупыхъ богачей тощими конями, а бѣдняковъ, довольныхъ своимъ состояніемъ, — конями сытыми, тучными занесено и въ апокрифъ, извѣстный въ рукописяхъ XVIII-го вѣка подъ названіемъ «Бесѣды трехъ святителей», гдѣ означенная мысль выражена въ любимой формѣ загадокъ: «Вопросъ: что есть — стоитъ конь на гумнѣ, а трава у него по самое чрево, а на траву зря изѣтъ (изсохъ)? Толкъ: «богатый челоувѣкъ въ великомъ богатствѣ живетъ, а на богатство зря изсохъ. Вопросъ: что есть — стоитъ конь на гумнѣ, не имѣя ни травы, ни жита, а всегда сытъ? Толкъ: «нищій челоувѣкъ, не имѣя у себя ничего, а Бога славить — «всегда сытъ бываетъ» ³⁾). Въ старинномъ поучительномъ словѣ, приписанномъ Іоанну Златоусту, встрѣчаемъ сравненіе праведныхъ съ овцами и волами: «и будутъ въ лузѣ огради овецъ. Лугъ наречется рай, а огради — райская жѣ-

¹⁾ Кулишъ, I, 306. — ²⁾ Шлейхеръ, 72—74; Срп. н. припов., 111—4. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер., III, 156.

ста, а онѣ — вѣрніи людіе. И добрь Охорьсна въ покои во
лемъ. Добрь есть вышнѣго Ерусалима-пажитъ, а воло-
ва — кротціи епископи к мопове, иже ходять по церковному
ученію и нѣхъ добрь учаше¹⁾. Чехи убѣждены, что ду-
ша самоубійцы въ продолженіе всего времени, какое бы про-
жилъ онъ, еслибъ не прекратилъ своей жизни самовольно,
блуждаетъ въ образѣ чернаго пса; въ нѣхъ суевѣрныхъ ска-
заніяхъ души усопшихъ представляются стадамъ безголо-
выхъ овецъ, бѣлыми конями, кошками, зайцами и
бѣлыми курами²⁾.

Малютки-души, расставаясь съ земною жизнію, поступа-
ють въ среду стихійныхъ духовъ — эльфовъ и карловъ — ста-
новятся ихъ добычею и увлекаются ими въ загроб-
ный міръ. Отсюда возникли повѣрья, что духи эти причина-
ють людямъ тяжкіи, неизлѣчимыи болѣзни и смерть (см. стр.
71—80), и что сверхъ того они похищаютъ дѣтей, т. е.
собственно забираютъ къ себѣ человѣческія души. Эльфы,
кверги, мары и ниссы воруютъ у матерей младенцевъ или
подмѣниваютъ ихъ на своихъ собственныхъ — безобразныхъ,
съ большой головою и выупленными очами; иногда на мѣсто
похищеннаго младенца, эльфъ, вилсъ или карлякъ ложится
въ колыбель самъ въ видѣ уродливаго и болѣзненнаго ребенка.
Такой подмѣнышъ (wechselbalg) отличается злыми свой-
ствами кверговъ: онъ коваренъ, дикъ, необыкновенно-силенъ,
прожорливъ и крикливъ, радуется всякой бѣдѣ, не произне-
ситъ ни слова — пока не будетъ вынужденъ къ тому какою-
либо угрозою или хитростію, и тогда голосъ его звучитъ какъ
у старика. Гдѣ онъ поселится, тому дому приносить несча-
стіи: снотъ заболѣваетъ, жилье ветшаетъ и разваливается,
предпріятія не удаются. Онъ сохраняетъ общую эльфамъ склон-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезневск., 100. — ²⁾ Гро-
мантъ, 197.

ность къ музыкѣ, что обнаруживается и быстрыми успѣхами его въ втомъ искусствѣ, и чудесною силою его игры: когда *wechselbalg* играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ, то все — и люди, и животныя, и даже неодушевленные вещи предаются неудержимой пляскѣ. Чтобы узнать, дѣйствительно ли ребенокъ подмѣненъ эльфомъ, надо развести огонь и кипятить воду въ яичной скорлупѣ; тогда *wechselbalg* невольно восклицаетъ: «я старъ, какъ древній лѣсъ ¹⁾», а не выдалъ еще, чтобъ варили въ скорлупѣ яйца!» — и влѣдъ затѣмъ исчезаетъ. Бывали случаи, что подмѣненный, когда весли его по мосту черезъ потокъ или рѣку, вырывался изъ рукъ, прыгалъ въ воду и возвращался въ царство духовъ ²⁾. Такъ какъ падучая, параличъ, бѣшенство и другія болѣзни, сопровождаемыя слабоуміемъ, приписывались влиянію эльфовъ; то поэтому всякой ребенокъ, родившійся съ физическими и душевными недостатками, въ глазахъ суевѣрнаго народа былъ существо, въ которомъ поселился нечистый духъ, или прямо признавался за злаго эльфа, которымъ подмѣнено настоящее дитя при самомъ его рожденіи. Вотъ почему, вмѣстѣ съ обычными свойствами эльфовъ, *wechselbalg* соединяетъ всѣ признаки болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія: уродливость, тупоуміе, неспособность къ человѣческой рѣчи, дикость и жадность. Тановы и бываютъ ндіоты и безумцы, страдающіе надутыми припадками. Эльфы, по указанію древняго мѣна, были созданы прежде людей, и потому нисходя съ заоблачныхъ странъ и вселяясь въ тѣла новорожденныхъ, сами о себѣ свидѣлствуютъ, что они старѣе вѣковыхъ лѣсовъ ³⁾. Яичная скорлупа, какъ мы видѣли, служитъ для эльфовъ, маръ и русалонъ ладью, на которой уплываютъ они въ загробное цар-

¹⁾ «Ich bin so alt, als der greise wald!» — ²⁾ *Irish eelfen-märch.*, XIV; *D. Myth.*, 437, 798; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 304—6, 321—3. — ³⁾ *Germ. Mythen*, 716.

ство; неслась по воздушному океану, среди тучъ,жигаемыхъ грозовымъ пламенемъ, ладья эта подвергается опасности потонуть въ бурливыхъ потокахъ дождя. Отъ того какъ скороличная скорлупа наполняется кипучей водою, *wechselbalg* чувствуетъ невольный страхъ и тотчасъ-же исчезаетъ. По свидѣтельству другихъ сагъ, его прогоняють ударами бича или розги (= *blitzespeitsche* ¹⁾). Литовцы убѣждены, что маленькихъ дѣтей воруютъ лаумы, о тождествѣ которыхъ съэльфыи смотри въ главѣ XXV-й. Въ замѣнѣ похищенныхъ младенцевъ, лаумы оставляютъ своихъ собственныхъ, или дѣлаютъ изъ соломы и прутьевъ куклы, еообщаютъ имъ чудеснымъ образомъ жизнь и кладутъ въ колыбели. Это повѣрье легко объясняется изъ той близкой связи, въ какую поставлены эльфическія существа по отношенію къ зеленымъ и живымъ и вообще растительному царству. По нѣмецкимъ сказаніямъ, эльфъ, проникая въ избу, то превращается въ солому или колосья, то снова дѣлается неугомоннымъ малюткою; въ Саксоніи и другихъ мѣстностяхъ Германіи матери не позволяютъ дѣтямъ забѣгать далеко въ рожь, опасаясь, чтобы ихъ не унесли *koggenpel* и *koggenstuhne* ²⁾). Однажды поздною ночью вошли въ домъ двѣ лаумы, подкрались потихоньку къ спящей матери, взяли у ней новорожденнаго ребенка и понесли въ кухню; тамъ окутали его своимъ покрываломъ, а въ дѣтскія пеленки повили голикъ, и затѣмъ заспорили между собою, кому изъ нихъ отнести подмѣныша и положить въ люльку. Чтобы прекратить споръ, онѣ рѣшились отнести голикъ вѣстѣ; настоящій ребенокъ былъ оставленъ ими въ кухнѣ. Все это случилось подсмотреть работнику; онъ взялъ ребенка и спряталъ его въ своей постели. Когда лаумы воротились назадъ, онѣ не нашли младенца и начали

¹⁾ Der heut. Volksglaube, 116. — ²⁾ Beiträge zur D. Myth., 246, 275.

ссориться: «ты во всемъ виновата!» говорила одна. — Нѣтъ ты! возражала другая. Вдругъ зашѣлъ пѣтухъ, и лаумы исчезли. Съ большимъ усиленіемъ растолкалъ работникъ хозяйку; такъ глубоко былъ ея сонъ, насланный лаумами. Пробудившись, она не хотѣла вѣрить разсказу работника; но скорѣ убѣдилась въ истинѣ его словъ, увидя двухъ ребенокъ, изъ которыхъ одинъ былъ похожъ на помело. Приходскій священникъ, къ которому обратились за совѣтомъ, приказалъ отрубить подмышную голову, и притомъ сдѣлать это въ теченіи того-же дня, пока голыкъ не обратился въ совершенно-живое существо. Тѣмчасъ взяли за топоръ, отсѣкли у подмышнаго голову — и что-же? внутри его оказались соломенные стебли, изъ которыхъ сочилась кровь. По мнѣнію литовцевъ, подмышныя животы не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ, постоянно остаются недоросткомъ (карликомъ) и имѣютъ огромную голову, которую не въ состояніи держать прямо. У одной женщины было подмышѣнное дитя; оно достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, но ни разу не промолвило ни словечка и было такъ слабо, что его надо было носить на рукахъ. По совѣту опытныхъ людей, мать взяла куриное яйцо, выпустила изъ него бѣлокъ и желтокъ, и наполнивъ скорлупу водою, повѣсила ее надъ разведеннымъ огнемъ, точно маленькой котелокъ. «Мама! неожиданно проговорило дитя, что ты хочешь дѣлать?» — Хочу варить алузь ¹⁾. «Боже милостивой! я очень старъ, я былъ на свѣтѣ прежде, чѣмъ были застѣяны лѣса, которые потомъ разрослись въ громадные, нынѣ уже истребленные деревья, а такого дива не видывалъ.» Послѣ того дитя захворало и умерло. Пока ребенокъ не окрещенъ, литвинки, опасаясь подмышна, держатъ по ночамъ, при постели родильницы, зажженный огонь ²⁾. Чаше всего лаумы являются и похищаютъ дѣ-

¹⁾ Родъ домашнего пива. — ²⁾ Сравни Beiträge zur D. Myth., II, 303.

тей по четвергамъ, и потому въ этотъ день нужно съ особенною заботливостью оберегать новорожденныхъ младенцевъ¹⁾. Подобныя же повѣрья существуютъ и между славянами. Мары и домовые наваливаются на сонныхъ людей, давятъ и душатъ ихъ; русалки и лѣшіе схватываютъ запоздалыхъ или заплутавшихся путниковъ и защекочиваютъ ихъ до смерти; вилы своими мѣткими стрѣлами наносятъ смертельныя раны; навь поражаютъ населеніе моровою язвою и увлекаютъ души въ загробный міръ; наконецъ всѣ утопленники считаются жертвами водныхъ и русалокъ, что вполне соответствуетъ нѣмецкимъ сказаніямъ о ниссахъ²⁾. Отъ нападенія русалокъ предохраняютъ полынь и зоря; потому прежде, чѣмъ станешь купаться, надо набросать этихъ травъ въ воду, а отправляясь въ лѣсъ—вплетать ихъ въ вѣтки и подвязывать подъ мышки. При встрѣчѣ русалка спрашиваетъ: что у тебя—полынь, мята или петрушка? Если ей скажутъ: «полынь», она сердито отзывается: «цуръ тобі, сгинь!» и тотчасъ-же убѣгаетъ; а если будутъ названы мята или петрушка, то схватываетъ встрѣчнаго и начинаетъ его щекотать, причитывая: «тутъ твоя й хата!» — «ты-жъ моя душка!» На Украинѣ приписываютъ русалкамъ еще слѣдующее восклицаніе: «дайте мени волосинку заризати дитинку!»³⁾ При договорахъ съ лѣшнимъ, онъ обязуется помогать тому, кто вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку, но въ уплату за свои услуги требуетъ его души⁴⁾. Эти-же коварные духи похищаютъ и новорожденныхъ младенцевъ. Едва родится дитя, какъ они уже изыскиваютъ средства овладѣть имъ; поэтому надо, какъ можно скорѣе, освятить его крещеніемъ. Въ противномъ случаѣ того и смотри, что некрещеный ребенокъ пропадетъ изъ дому: дѣвочка обратится

¹⁾ Шлейхеръ: *Lituanica*, 31—36, и сказки, 91—93. — ²⁾ *Beiträge zur D. Myth.*, II, 301. — ³⁾ Полтав. Г. В. 1845, 24; 1846, 21; Киев. Г. В. 1845, 15; *Номис.*, 6. — ⁴⁾ О. З. 1848, IV, 137.

въ русалку, а мальчикъ въ лѣшаго ¹⁾. Выше (т. II, 243, и въ этомъ томѣ, стр. 262) мы видали, что водяной примааниваетъ къ себѣ дѣтей и запираетъ ихъ въ глубокихъ ому-тахъ; по мнѣнію чеховъ, всякая мать, если вскорѣ послѣ родовъ случится ей переходить по мосту, должна бросить въ воду какую-нибудь монету, дабы водяной не унёсъ ея ребенка ²⁾. Въ новгородской губ. похищеніе младенцевъ приписывается домовымъ духамъ, проживающимъ въ баняхъ, куда обыкновенно водятъ обмывать родильницу ³⁾. Сербскія вилы, подобно эльфамъ, пляшутъ на могилѣ убитаго, держа въ рукахъ зажженные лучины; дѣтей, проклинаемыхъ родителями, онѣ уводятъ въ свою среду (см. стр. 174), а собственныхъ малютокъ подкидываютъ къ замужнимъ поселянкамъ ⁴⁾. Въ подмѣнѣ новорожденныхъ младенцевъ обвиняются также дикія жены (пол. *dziwożony*, чешск. *divé ženu*, нѣм. *die wilden frauen*), сродство которыхъ съ русалками подтверждается уже тѣмъ, что и тѣ, и другія представляются обитательницами лѣсовъ. По словамъ Сѣменьскаго ⁵⁾, «*najwięcej cierpią od nich położnice*»). *Dziwożony szpiegują* ⁶⁾ *takie kobiety*, а *upatrzyszwy porę, kradną nowonarodzone dziecko, а swoje na miejscu skradzionego zostawiają, które są zwykle szpetne, garbate i koszlawe* ⁷⁾. *Podrzucone* ⁸⁾ *dziecię wyłożą zwykle na śmietnik, gdzie smagają je rozgą, параваяją wodą se skorupki jaja i wołają: odbierz swoje, oddaj moje!* *Dziwożona litując się* ⁹⁾ *над cierpieniem swego*

¹⁾ Ж. М. Вн. Д. 1848, ч. XXII, 130. По лужицкому повѣрью, ребенокъ, неокрещенный до шести недѣль, непременно будетъ подмѣненъ — *Neues Lausitz. Magazin* 1843, III—IV, 332. — ²⁾ Громанинъ, 115. — ³⁾ Новгород. сборн. 1865, I, 284. — ⁴⁾ Статья Кукулевича, 91, 100. — ⁵⁾ Стр. 121—2; Пантеонъ 1855, V, стат. Ваглевича о гуцулахъ, 50. — ⁶⁾ Родильницы. — ⁷⁾ Высматриваютъ. — ⁸⁾ Безобразное, горбатое и кривоногое. — ⁹⁾ Подкинутое. — ¹⁰⁾ Сжалась.

dziecka oddaje ukradzione, a swoje zbiega. Poruwają ¹⁾ niekiedy i dorosłe dziewczęta.» Дзивожины боятся цвѣтовъ, называемыхъ колокольчиками (dzwonkami), т. е. собственно обнаруживаютъ страхъ передъ огненнымъ Перуновымъ цвѣтомъ, распускание котораго сопровождается всепотрясающимъ звономъ грома. По чешскому повѣрью, divé ženy и věšti-се подмѣниваютъ некрещеныхъ младенцевъ и вредятъ родильницамъ; чтобы противодѣйствовать ихъ замысламъ, подъ подушку родильницы кладутъ ножъ—символъ разищей молніи. Если ребенокъ явится на свѣтъ мертвымъ, въ этомъ виноваты дивьи жены; старинный обычай требуетъ, чтобы отецъ отрезалъ у него голову и бросилъ ее въ воду. Не менѣе опасно считается у чеховъ полудница (polednice)—лѣсная жена, которая бродитъ по нивамъ въ полуденное время, и маленькихъ дѣтей, оставляемыхъ крестьянками безъ присмотра, подмѣниваетъ на своихъ собственныхъ. Смотря по тому, какъ обходятся въ семьѣ съ подмѣнышемъ, точно также хорошо или худо бываетъ и похищенному полудницей ребенку. Когда дитя начинаетъ кричать, суевѣрная мать унимаетъ его угрозою: «вотъ придетъ полудница и возьметъ тебя!» ²⁾. На Руси преданія о похищеніи и подмѣнѣ дѣтей связываются съ лѣшими. Какъ нѣмецкій erlkönig (лѣсной царь), такъ и наши лѣсовики воруютъ некрещеныхъ младенцевъ и уносятъ малолѣтнихъ дѣтей, отсулѣнныхъ имъ родителями и даже просто-заблудившихся въ лѣсу: Отцы и матери пуще всего остерегаются, чтобы не обмолвиться въ сердцахъ и не сказать своему сыну или дочери: «лѣшій бы те унесъ!» «лѣшій те поберетъ!» Слова эти, вылетая изъ устъ родителей, обладаютъ пагубною силою; отсулѣнные дѣти забираются лѣсовиками и поступаютъ къ нимъ въ кабалу. Тоже приписываютъ и воданымъ: они уво-

¹⁾ Похищаютъ. — ²⁾ Громовишъ, 13—14, 114; Beiträge zur D. Myth., II, 245.

дять проклятыхъ въ свои подводныя жилища. Въ замѣтъ похищеннаго младенца, лѣшіе кладутъ нѣ колыбель связку соломѣ или полѣно, превращая ту и другое въ живаго ребенка ¹⁾); иногда же оставляютъ свое родное дѣтище—безобразное, глупое и обжорливое. До одиннадцати лѣтъ подѣшныи только ѣсть, пьютъ, спятъ и оглашаютъ избу пронзительнымъ крикомъ, не обваруживая никакихъ признаковъ ума; но за то бываетъ силенъ, какъ добрый конь. Когда ему исполнится одиннадцать лѣтъ, онъ обыкновенно убѣгаетъ въ лѣса; если же и послѣ того остается между людьми, то дѣлается страшнымъ колдуномъ и губителемъ христіанскихъ душъ. Малорусскій разсказъ ²⁾ даетъ подѣшному черты, отождествляющія его съ зѣфами: «з' однобю жинкою було ось яке привидѣніе. Що «пійде въ поле жать, або братъ конопли, да поставитъ у печи «страву, дакъ хтось новіймае а' печи горшки да-й повијдае «все чисто. Думала-думала, щобъ воно значило?—никакъ не «збагнула. Прийде—двери позамиканѣ, а въ хатѣ тільки й «ставалась що мала дитинна, може въ пивъ года, у колесни, и не смотря на то, всѣ кущанья съѣдены. Бросилась къ знахаркѣ; эта послала ее въ поле, а сама спряталась въ хатѣ и «смотреть: «коли-жъ дитина скыкъ изъ колески! Гляне, ажъ то вже не дитина, а дидъ-самъ низенькій, а борода от- «такѣ лезна!» Повывивмалъ изъ печи горшки, поѣлъ всѣ яствы и снова сдѣлался ребенкомъ. «Тоди знахарка за ѣго; поставила «на деркачъ (голикъ, вѣшивъ) и почала обрубовать дер- «начь пидъ ногами. Воно кричить, а вона рубаетъ; воно кри- «читъ, а вона рубаетъ. Дали бачитъ, що попавсь у добри руки, «зробивсь изновъ дидомъ да-й каже: вже я, бабусю, переки- «давсь неразъ да-й не два; бувъ я спершу рибою, потимъ «изробивсь птахомъ, мурашкою, змирукою, и се ще по-

¹⁾ Сравни съ сказаніями о происхожденіи человека изъ обрубка дерева—т. II, 470—485. — ²⁾ Кулишъ, II, 34.

«пробувавъ быть чоловікомъ. Такъ нема лучше, якъ жить «нижъ мурешками, а нижъ людьми — нема гірше!» Захватывая дѣвей, лѣшіе уносятъ ихъ въ густыя дебри или скрываютъ въ подземныхъ пещерахъ, гдѣ они ставоватся таинни-же лѣсонинами, если не будутъ освобождены во время; взрослые дѣвицы принимаются лѣшнимъ въ жены. Чтобы освободить этихъ несчастныхъ — единственное средство служить молебны (попѣрье, возникшее уже въ христіанскую эпоху); такое средство дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если они, во все время пребыванія своего между лѣшыми, ни разу не отиѣдаютъ ихъ пищи. Только тогда выдаютъ лѣшіе своихъ плѣнниковъ, и выносятъ ихъ на то самое мѣсто, откуда похитили; но и воротясь въ людской міръ, эти невольные соучастники нной жизни между духами надолго сохраняютъ слѣды ихъ роковаго вліянія: подобно тѣмъ, которыми овладѣваютъ эльфы, они бываютъ дикі, угрюмы, слабоумны и насилу привыкають къ человеческой рѣчи ¹⁾. По указанію хорутанской приповѣдки, дятя, которому случилось погостить у виля («vi rušini»), долго потѣмъ носило на себѣ вилинскій духъ ²⁾. Такъ какъ стихійные духи постоянно смѣшиваются съ нечистою силою, то рядомъ съ приведенными повѣртіями существуетъ убѣжденіе, что и самые черти похищаютъ и подмѣниваютъ младенцевъ. Убѣжденіе это, общее всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, послужило источникомъ многихъ сказокъ, въ которыхъ нечистый духъ, являясь къ отцу, невѣдающему о беременности своей жены, вызывается помочь ему въ нуждѣ, если онъ отдастъ ему то, чего не знаетъ дѣма ³⁾. Черти уносятъ

¹⁾ Памят. книжка архангел. губ. 1864, 52—53; Абен., 234; Совр. 1856, XI, смѣсь, 28, 33, 38; О. З. 1848, IV, смѣсь, 138; Рус. Дневникъ 1859, 37; Н. Р. Ск., VII, 33. — ²⁾ Сб. Валявца, 60—62. —

³⁾ Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49; Н. Р. Лег., стр. 177—180; сб.

дѣтей—или еще-неокрещенныхъ, или приспанныхъ матерями, или пораженныхъ родительскимъ проклятіемъ. Рассказываютъ даже, что если обрядъ крещенія будетъ почему-либо не законченъ или совершенъ пьянымъ попомъ, то ребенокъ дѣлается полоняникомъ «чернородныхъ демоновъ» ¹⁾. Приспанный (задавленный во снѣ) младенецъ достается нечистымъ; чтобы освободить его, мать должна простоять три ночи въ церкви—въ кругу, очерченномъ рукою священника, и тогда въ третью ночь, какъ только пропоютъ пѣтухи, черти отдадутъ ей мертвого ребенка ²⁾. О проклятыхъ, отверженныхъ родителями, въ нашемъ простонародьи ходитъ много рассказовъ. какъ они пропадали и потомъ были освобождаемы. Жилъ въ Заонежѣ старикъ со старухою, кормился охотою, и была у него собака—цѣны ей нѣтъ! Разъ попался ему на встрѣчу хорошо-одѣтый человекъ: «продай, говоритъ, собаку, а за расчетомъ приходи завтра вечеромъ на Мянъ-гору.» Старикъ отдалъ собаку, а на другой день отправился на верхъ горы и очутился въ большомъ городѣ, гдѣ живутъ лембон (черти); отыскавъ домъ своего должника: тутъ гости накормили, напоили, въ банѣ выпарили. Парилъ его молодецъ, а покончивъ дѣло, палъ ему въ ноги: «не бери, дѣдушка, за собаку денегъ, а выпроси меня!» Дѣдъ послушался: «отдай, говоритъ, мнѣ добра молодца: замѣсто сына у меня будетъ.»—Много просишь, старикъ! да дѣлать нечего, надо дать. По возвращеніи въ село, рассказываетъ молодецъ старику: «ступай ты въ Новгородъ, отыщи на улицѣ Рогатицѣ такого-то купца.» Старикъ пошелъ въ Новгородъ, попросился къ купцу ночевать и сталъ его спра-

Вяляца, 193; Семеньск., 33—34; Иллюстр. 1848, № 27 (лигонскій рассказъ о Гумшисѣ); Нар. сл. раз., 78—79; Гальтрихъ, 26; Вольфъ, 199; Ск. норвеж., I, 9. — ¹⁾ Шаповъ, 32, 36—37; Ж. М. Н. П. 1840, XI, 81. — ²⁾ Абев., 197; Иллюстр. 1846, 332.

живать: «была-ль у тебя дѣти?»—Былъ одинъ сынъ, да мать въ сердцахъ крикнула на него: лембой те возьми! Лембой и унёсъ его. «А что дашь, я тебѣ ворочу его?» Оказалось, что добрый молодецъ, котораго вывелъ старикъ отъ лембоевъ, и былъ тотъ самый купеческій сынъ. Купецъ обрадовался и принялъ старика со старухой къ себѣ въ домъ ¹⁾. Одна мать прокляла свою дочь на Свѣтло-Христово Воскресенье, и нечистая сила похитила дѣвушку. Случилось какъ-то бѣдному солдату раздуматься о своемъ житьѣ-бытьѣ: «эхъ, сказалъ онъ, плохое житье! хоть бы чертовка за меня замужъ пошла!» И явилась къ нему ночью эта самая дѣвица; онъ сейчасъ крестъ ей на шею и повелъ ее въ церковь. Нечистые начали пугать солдата разными страхами; видѣлось ему, будто горы на него катились, провалы разверзались, кругомъ все пожаромъ охватывало, да онъ не убоился—шелъ себѣ бодро, привелъ дѣвицу въ церковь в раннимъ утроемъ обвѣнчался съ нею. Вотъ еще любопытный разсказъ, записанный во владимірской губерніи: жилъ старикъ со старухой, и былъ у нихъ сынъ, котораго мать прокляла еще во чревѣ. Сынъ выросъ большой и женился; вскорѣ послѣ того онъ пропалъ безъ вѣсти. Искали его, молебствовали объ немъ, а пропащій не находился. Недалеко въ дремучемъ лѣсу стояла сторожка; зашелъ туда ночевать старичокъ-нищій и улегся на печкѣ. Спусти немного слышится ему, что пріѣхалъ къ тому мѣсту незнакомый человекъ, слѣзъ съ коня, вошелъ въ сторожку и всю ночь молился да приговаривалъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Утромъ пришелъ нищій въ деревню и прямо попалъ къ старику со старухой на дворъ. «Что, дѣдушка! спрашиваетъ его старуха, ты человекъ мирской, завсегда ходишь по міру, не слыхалъ ли чего про наше-

¹⁾ День 1862, № 52, стр. 14.

го прошащаго сына? Ищемъ его, нелиши о немъ, а все не объявляется.» Нищій разсказалъ — что ему въ ночи почудилось: «не вѣшь ли это сынокъ?» Къ вечеру собрался старикъ, отправился въ лѣсъ и спрятался въ сторожкѣ за печкою. Вотъ пріѣхалъ ночью молодецъ, молится Богу да причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревъ!» Старикъ узналъ сына, выскочилъ изъ-за печки и говоритъ: «ахъ, сынокъ! наслау тебя отыскалъ; ужъ теперь отъ тебя не отстану!»—Иди за мной! отвѣчалъ сынъ, вышелъ изъ сторожки, сѣлъ на коня и поѣхалъ; а отецъ вслѣдъ за нимъ идетъ. Пріѣхалъ молодецъ къ пролуби и прямо туда съ конемъ—такъ и пропалъ! Старикъ постоялъ-постоялъ возлѣ пролуби, вернулся домой и рассказываетъ женѣ: «сына-то сыскалъ, да выручить трудно; вѣдь онъ въ водѣ живетъ!» На другую ночь пошла къ лѣсу старуха, и тоже ничего добраго не сдѣлала; а на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего мужа, вошла въ сторожку и спряталась за печкою. Пріѣзжаетъ молодецъ, молится и причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревъ!» Молодуха выскочила: «другъ мой сердечной, законъ неразлучной! теперь я отъ тебя не отстану!»—Иди за мной! отвѣчалъ мужъ и привелъ ее къ пролуби. «Ты въ воду, и я за тобой!» говоритъ жена. —Коли такъ, сними съ себя крестъ. Она сняла крестъ, бухъ въ пролубь—и очутилась въ большихъ палатахъ. Сидитъ тамъ сатана на стулѣ; увидалъ молодуху и спрашиваетъ ея мужа: «кого привелъ!»—Это мой законъ! «Ну, коли это твой законъ, такъ ступай съ нимъ вонъ отсюда! закона разлучать нельзя.» Выручила жена мужа и вывела его отъ чертей на вольный свѣтъ ¹⁾. Если мы сравнимъ эти сказанія съ народными преданіями о стихійныхъ духахъ, поддающихся въ земную

¹⁾ См. подобныя-же разказы въ Н. Р. Сл., V, 48; VIII, 19.

пору заколдованію или проклятію и до возврата весны томящихся въ царствѣ нечистой силы (въ облачныхъ горахъ и источникахъ); то необходимо должны прійти къ заключенію, что тѣ и другія имѣютъ одинаковыя мѣстеческія основы. По русскому повѣрью, младенцы, проклятые родителями или умившіе некрещеными, захватываются демонами и обращаются въ кикиморъ. Въ ихъ сообщество поступаетъ также игоша—мертворожденный ребенокъ, недоносокъ, выкидышъ, уродецъ безъ рукъ и безъ ногъ, который поселяется въ избѣ и тревожить домохозяевъ своими проказами (II, 101—2).

¹⁾ Абба., 218; Пузан., 126; Иллюстр. 1845, 298.

ДѢВЫ СУДЬБЫ.

Облачныя дѣвы, какъ хранительницы живой воды, надѣляющей мудростью и предвѣдѣніемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя съ одной стороны приносить на землю младенческія души, а съ другой — увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. Согласно съ этимъ, древнія племена присвоивали имъ эпитеты, обозначающіе ихъ вѣщій характеръ и вліяніе на рожденіе, смерть и вообще на всю жизнь человѣка. Такіе эпитеты впоследствии стали употребляться, какъ имена нарицательныя, и мало по малу приняты были за прозванія особеннаго разряда божественныхъ существъ. Тѣмъ не менѣе преданія и донинѣ удерживаютъ многія черты первоначальнаго сродства ихъ съ облачными и грозowymi нифами. У славянъ дѣвы эти назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на божій свѣтъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на свидѣтельства азбуковниковъ и Паксѣвскаго сборника (XIV вѣка). Въ послѣднемъ памятникѣ находимъ «Слово св. Григорія о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клани»; въ этомъ словѣ читаемъ:

«навыкоша елени класти требы Атремиду и Артемидѣ, рекше Роду и рожаницѣ; тацѣи же игуptione. Також и до словѣнъ доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и рожаницамъ» ¹⁾). Желая указать на языческое происхождение вѣры въ Родъ и рожаницу, проповѣдники сближаютъ ихъ съ подобными-же именческими представленіями у другихъ народовъ. По его мнѣнію, Родъ и рожаница значили у славянъ тоже, что у грековъ Артемиды; для полнаго соответствія онъ придаетъ ей имени и мужское окончаніе: Артемидъ ²⁾), и противопоставляетъ это новое имя—Роду, божеству мужескаго пола. Одно изъ главнѣйшихъ свойствъ, приписанныхъ Артемидѣ, касалось дѣторожденія. Она считалась покровительницею женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ была доброю пряхою, какъ-бы одною изъ паркъ. Греки давали ей названіе Εἰλεθυῖα — рожаница ³⁾); Гомеръ же знаетъ не одну, а многихъ εἰλεθυῖαι, и видитъ въ нихъ дочерей Геры ⁴⁾). Съ Артемидою сродна латинская богиня Natio (Nascio), которая, по свидѣтельству Цицерона, названа такъ потому, что ея попеченію ввѣрены роды женъ (partus matronarum ⁵⁾). Хотя Артемидъ, о которомъ упоминается въ Писаревскомъ сборникѣ, и не существовалъ

¹⁾ Поэзия въ Карилло-Бзловскѣ монастырѣ, Шевыревъ, II, 33—34; Москв. 1851, V, ст. Срезневск., 52—64; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 64—65. — ²⁾ «Атремиду» поставлено, конечно, по ошибкѣ писца вмѣсто: «Артемиду». — ³⁾ Рожденная прежде своего брата-близнеца (Аполлона), Артемиды тотчасъ-же исполнила въ отношеніи къ нему обязанности повивальной бабки—Der Umrangung der Myth., 115 — ⁴⁾ Илиада, XI, 270; XIX, 119. — ⁵⁾ Басни до сихъ поръ вѣрятъ въ богиню судьбы (Sorsaina — отъ sors, sortio), какъ въ «esprit qui préside à la naissance des enfans»—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 111.

въ греческой мѣтологіи; но за то греки призывали эпитеты рождающихъ, производящихъ и Зевсу, и Посейдону. Также творческая, призывающая къ жизни сила принадлежала Роду и режаньцамъ, на чтѣ указываютъ самыя названія ихъ, относящіяся къ одному корню съ словами: рожать или рожать, родитель, родильница, родной, рожденный, родина, роды, на-родъ, за-родышъ, урожай, по-рода, родни и ин. др. Роже(а)ница въ словарь Памвы Беринды опредѣлена такъ: «матица, породѣла, пороженница». Слово родъ въ древнихъ памятникахъ означаютъ: родотвенники и потомки, земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ нарожденіе ¹⁾; отъ тѣснѣйшаго смысла слово это восходило къ болѣе широкому, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ отъ тѣсныхъ, исключительно-семейныхъ и родовыхъ связей переходилъ къ связямъ и отношеніямъ болѣе широкимъ — племеннымъ и общиннымъ. Но всѣ эти понятія, усвоенныя роду, вытекли изъ того первоначальнаго, основнаго его значенія, по которому подъ нимъ разумѣлась производящая сила природы вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе: «земля принялась за свой родъ» ²⁾.

По указанію старинныхъ азбуковниковъ, рожаньцами «елланьстѣи звѣдословцы наричють семь звѣздъ, глаголемыхъ планеты, и кто въ кую планету родится — и по той планетѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца, или къ комъ похотемъ естествомъ уклонителейъ будетъ. И того ради рождышагось, якоже они мнятъ, въ планету Арисъ предглаголють тяжела быти нравомъ, яра же и гнѣзлива и дерз(к)а во бранѣхъ; а въ планету Аеродиту рождышагось сластолюбива предглаголють быти и удобна на блудное смѣшеніе; сиче же и въ прочая планеты

¹⁾ Тюринг: Обществ. жизнь и земскія отнош. въ др. Русы, 26—27; Сахаровъ, II, 89. — ²⁾ Обл. Сл., 192.

рождавшихся предглаголють нравы, а не хотятъ окояніи бни звѣздамъ-законницы равумѣти, яко не по естеству въ челоуѣцѣхъ лежить злое, но по произволенію.» Названія «планнты» и «зодій» такъ объяснены въ азбуковникахъ: «планнты суть семь звѣздъ, нжъ на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ: 1) Арисъ (Марсъ), 2) Ерисъ (Меркурій), 3) Завесъ (Юпитеръ), 4) солнце, 5) Аеродита (Венера), 6) Кронъ (Сатурнъ), 7) Ккати (Ехатъ)¹⁾, еже есть луна. Сими звѣздами окояніи звѣздословцы мнѣть ся угадывати челоуѣческіе нравы и счастье». «Зодіями наричють звѣздословцы дванадесѣть звѣздъ, нхъ-же глаголють суца на седмомъ поясѣ аерномъ (слѣдуютъ названія знаковъ зодіака). Сими звѣздами умовредни астрологи мнѣтся угадывати счастья и добродѣйственное и злоденственное житіе челоуѣкомъ»¹⁾.

Приведенныя нами свидѣтельства, приписывая рожаницамъ вліяніе на рожденіе, характеръ и счастье челоуѣка, вывѣтъ съ тѣмъ указываютъ, что эти мифическія дѣвы стояли въ таинственной связи съ звѣздами. Простой, непросвѣтленный наукою взглядъ наблюдателя не различаетъ планетъ отъ звѣздъ, и если рожаницами названы въ азбуковникѣ собственно планеты, то такое ограниченіе было слѣдствіемъ того средневѣковаго астрологическаго ученія, которое перешло къ намъ сравнительно уже въ позднѣйшее время—въ переводныхъ книгахъ, извѣстныхъ, подъ названіями: Астрономія, Зодій и др. Не какъ самое астрологическое ученіе возникло изъ древ-

¹⁾ Мы пользовались рукописными азбуковниками изъ хранилища г. Погодина; слѣхи съ текстомъ, напечатаннымъ у Сахарова, II, 159, 177—8, 182, и въ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, стат. Срезнев., 105: «рожденици—вумири елленестин, нхъ-же погани влѣшеіемъ рожденіа нарицаху быти»; «рожденици—свато дни рожденіа младенца; въ вой-же днь кто родится, той нравъ и осудъ (судьбу) приѣмлетъ».

нѣйшихъ народныхъ вѣрованій, общихъ всѣмъ племенамъ и востока и запада, — въ вѣрованіи, утверждающихъ зависимость жизни человѣческой отъ сіянія звѣздъ; то понятно, почему оно всюду такъ легко было принимаемо и всюду пользовалось сочувствіемъ массы. Оно ничего не говорило такого, что бы противорѣчило національнымъ преданіямъ. Этими объясняются и тѣ постоянные протесты, съ которыми вынуждена была выступать церковь противъ такъ называемаго «звѣздословія». Древній переводчикъ хроники Григорія Амартола употребляетъ выраженіе: рождественное волшебіе — въ смыслѣ искусства предсказывать судьбу по звѣздамъ. «Немвродъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), персомъ старѣйшина бывъ, наочивъ тѣхъ звѣздочтию и звѣздословью... Отъ нихъ же еллини рождественное вльшвеніе навъкъше, ячешъ рождаемыхъ подъ звѣзднымъ двизаніемъ принашатк, не бо звѣздочтіе и звѣздословіе же и вльшеніе отъ магоусей (маговъ) илі перстѣнъ начета быс» ¹⁾. Тоже значеніе придавалось словамъ: родословіе, роженіе и рождество. Въ старинномъ индексѣ, между книгами «отреченными», упоминаются книги: а) Звѣздочетецъ, въ которой «безумніи ищутъ дни рожденія своего, саповъ полученіе и урока житію и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ» и б) Рожденикъ, въ которой указаны добрые и злые дни и часы и вліяніе ихъ на судьбу нарождающихся младенцевъ ²⁾. Кормчая книга (по рязанскому списку 1284 г.) заноситъ на свои страницы запрещеніе 6-го вселенскаго собора (правило 61), направленное противъ тѣхъ, «иже въ получаніи вѣруютъ и въ родословіе, рекъше въ рожданица» ³⁾. Подобные запреты и осужденія повторялись

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 106. — ²⁾ Іоаннъ, вѣзархъ болгарск., 211; Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 109. — ³⁾ Лѣтопись званій Археиграф. Коммис. 1861, I, 29.

въ различныхъ памативкахъ допетровской Русв. Іосифъ Волоцкій, въ обвиненіяхъ своихъ противъ жидовствующихъ, говоритъ: «и баснословіа нѣкаа и звѣдозаконіа оучахоу и по звѣздамъ смотрити и строатя роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто-же суще» ¹⁾. Максиму Греку принадлежать «слово о томъ, яко пронысломъ божіимъ, а не звѣздами и колесомъ счастія вся человѣческая устроются» и другое «противу тщасныхъ звѣдозрѣніемъ предрицати о будущихъ» ²⁾. Поученіе митрополита Даніила между другими, подлежащими церковному осужденію, суетвѣріямъ упоминаетъ: «случай, полученіе и роженіе по звѣдословію» ³⁾. Авторъ Домостроя упрекаетъ своихъ современниковъ: «въ получая вѣрують, и въ родословіи, рекше въ рожанницы, нѣвъ обаяніе по звѣдословію» ⁴⁾. Въ одномъ поучительномъ словѣ конца XVI-го или начала XVII вѣка читаемъ: «неразумніи человѣцы несвершенымъ своимъ разумомъ увѣряють себе въ переходныя звѣзды, рекше въ зодѣйныя, и въ томъ звѣздномъ хоженіи мнутъ и гадаіе творять по сему, понеже безумніи людіе вѣрують въ дванадесять переходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ большихъ планидъ: въ нѣхъ-же невѣгласи вѣрують и волхвуютъ, понеже ищуть дней роженіи своихъ и сановъ полученіе, въ нѣхъ-же ищуть рока житію и бѣдныхъ напастей и разлчныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ куплехъ и въ ремеслехъ и в'ьныхъ строеніяхъ» ⁵⁾. По древне-арійскому воззрѣнію, душа представлялась искрою небснаго огня или звѣздою, зажигаемою при самомъ рожденіи младенца; какъ скоро звѣзда эта погасала, вмѣстѣ съ нею погасала и жизнь человѣка, а пока

¹⁾ Привосл. Собесѣд. 1455 („Просвѣтитель“, 60). — ²⁾ Ibid., 1860, IV, 399; Описан. рукоп. синодальной бібліот., II, отд. II, 562.—

³⁾ Пам. стар. рус. латер., IV, 202. — ⁴⁾ Времен., I, 42—43.—

⁵⁾ Лѣт. рус. лѣт., т. V, отд. 3, 100.

она горѣла — ея блескомъ и мерцаніемъ условливались всѣ его житейскія радости и печали (— его свѣтлые и черные дни). И донныя народныя повѣрья связываютъ зарожденіе младенца и его будущую судьбу съ звѣздами. Надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ (по мнѣнію поселянъ) дѣвица утратила дѣвственность — сдѣлалась беременною. Въ одной пѣснѣ сынъ, жалующь на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи-скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня счастьемъ надѣляла?

Богатырь Добрыня упрекаетъ мать, что породила его несчастливаго, а та отвѣчаетъ:

Видно ты, чадо мое милое,
Зародился ты въ ту звѣзду,
Въ ту минуту несчастную, не въ таланную!

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: «не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую»¹⁾. Въ-ра въ таинственную связь рожденія съ звѣздами, въ благое или враждебное дѣйствіе этихъ послѣднихъ на участь отдельныхъ людей, была распространена у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; думали, что звѣзды, сіявшія при рожденіи человека, берутъ его подъ свою охрану и что рожденные подъ благопріятнымъ вліяніемъ этихъ свѣтилъ должны быть непременно-счастливы, и наоборотъ. До сихъ поръ въ русскомъ языкѣ сохранились выраженія: «онъ родился въ добрый, счастливый часъ, подъ счастливой звѣздой (планетой)» или «въ недобрый часъ, подъ злую, лихую годину, подъ несчастной звѣздой»; сравни нѣм. «zu

¹⁾ Сахаров., I, 205; Собраніе Канновыхъ пѣсенъ, 416; Рыбник., III, 85; Рус. сказки Сахарова, 246.

glücklicher, guter stunde geboren werden», «unter einem guten, glücklichen stern geboren werden». Выражения: «прости, моя звѣзда!» «закатилась моя звѣзда!» употребляются въ томъ-же смыслѣ, какъ я выраженіе: «закатилось мое счастье!» ¹⁾ Простолюдныны убѣждены, что въ теченіи дня или года бываютъ такія минуты, когда всякое высказанное желаніе, всякое благословеніе и проклятiе мгновенно исполняются; почему, передавая собесѣдникамъ о какомъ либо несчастiи, они спѣшатъ оговориться: «въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать!» — «дай Боже! у добрый часъ говориць, у благи маучаць!» — «нехай не въ пору буде сказано!» — «на задніе (прошлые) дни нехай будзець помянуто!» ²⁾ Сербск. «добре часе давати» означаетъ: желать счастья. На Украинѣ рассказываютъ о бабѣ, которая, разсердившись на теленка, крикнула на него въ одну изъ роковыхъ минутъ: «о чтобъ ты пропадь!» — и теленокъ тотчасъ-же нadoхъ. Баба бросилась къ окну и отиѣтила углемъ тѣнь, какую въ то время дѣлало солнце. Въ слѣдующіе дни, какъ скоро солнце доходило до намѣченной черты, она начинала проклинать своихъ недруговъ, и такимъ образомъ многихъ сгубила. Другой рассказъ: пришелъ жидъ въ лату къ мужику. Хозяйка работала, а дѣти шумно рѣзвились и мѣшали матери. «Скажи, чтобъ у нихъ глаза повывѣзли!» молвилъ жидъ. — Пусть лучше у тебя повывѣзутъ! возразила съ гнѣвомъ хозяйка. И что же? какъ только сказала, очн у жида въ ту же минуту выскочили вонъ ³⁾. Точно также различаются и дни: счастливые слывутъ легкими, несчастные — тяжелыми и черными: «береги денежку про черныи день»; у древнихъ были свои dies atrі и dies albi: первые отиѣчались въ кален-

¹⁾ Псков. Дзгя, 28—29. — ²⁾ Приб. къ Изв. Ал. Н., II, 179; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 351; Киевлян. 1865, 52. — ³⁾ Lud Ukrain, II, 88, 108; Срп. рјечник, 125; D. Myth., 684. ●

даряхъ черными знаками, какъ дни несчастій и неудачъ, а послѣдніе — бѣлыми ¹⁾). «Отреченныя» сочиненія, наполненныя толками «о добрыхъ и злыхъ частяхъ», «о рожденіи человечествъ» — въ которую звѣзду или часъ: добръ или золь», постоянно подновляли и укрѣпляли въ народѣ эти суевѣрные мнѣнія. По расположенію звѣздъ при рожденіи младенца астрологи предсказывали его судьбу, будетъ ли онъ добръ или злобенъ, ожидаетъ ли его долгая жизнь или краткая, богатство или нищета, и т. дал. Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Цигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ женами не спи: еще родится сынъ, ино будетъ курчя и безплоденъ» ²⁾. Въ чешской думѣ о битвѣ христіанъ съ татарами упоминаются знахарь-звѣздочеты (hwezdari); ихъ обыкновенно называли *rodowestnik*, *rodowestec* — тотъ, который «*šťastny aneb nešťastny rod z hwezd hada*»; польск. *rodowieszczek* — звѣздочетъ, астрологъ ³⁾).

Представленіе души звѣздою заставило нашихъ предковъ вѣрить, что рожденіе и смерть каждаго человѣка обусловливаются появленіемъ и паденіемъ принадлежащей ему небесной звѣзды. Вѣрованіе это народная фантазія связала съ тѣми божественными дѣвами, которыя являлись съ своимъ свѣточемъ возжигать жизненное пламя въ новорожденномъ младенцѣ и потѣмъ тушили его на одрѣ смерти, которымъ вѣрila она начало и конецъ человѣческаго бытія. Хорутане убѣждены, что всякой человѣкъ, какъ только родится,

¹⁾ Совр. 1852, V, 4. На Руси не совѣтують отнимать дѣтей отъ груди въ дни, посвященные св. мученикамъ; иначе ребенокъ будетъ томиться, мучиться. — ²⁾ Очеркъ домашн. жизни великор. нар.. 186; Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозер. монастырь, II, 22; Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 106; Оп. Руян. муз., 15. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу; эта послѣдняя опредѣляетъ и предсказываетъ его судьбу ¹⁾. У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что всякой человѣкъ имѣетъ свою Зирку, которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранникѣ. Собственно зирка значить: звѣзда; но въ народѣ подъ этимъ именемъ слыветъ богиня счастья. Есть поговорка: «что изъ него будетъ, коли онъ не въ милости у Зирки!» Зирка, по мѣтнію поселянъ, является на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и назначается для его охраны ²⁾. Вотъ почему въ азбучовникахъ слово «рожаница» истолковано звѣздою (планетою). Подобныя вѣрованія находимъ и у другихъ народовъ. Я. Гриммъ ³⁾ приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного поучительнаго слова XI вѣка: *cavete, fratres, ab eis, qui mentiuntur, quod quando quisque nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur, sumentes in erroris sui argumentum, quod hic in scriptura sacra dicitur «stella ejus»* ⁴⁾. Съ паденіемъ язычества, въ замѣнъ миѣическихъ дѣвъ, выступаютъ ангелы: каждая звѣз-

¹⁾ Срезнев., 7. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 12. — ³⁾ D. Myth., 820. — ⁴⁾ Переводъ: Остерегайтесь, братія, тѣхъ, которые думаютъ, что когда кто родится, то съ нимъ нарождается и его звѣзда, устроившая его судьбу, принимая за доказательство своего заблужденія сказанное въ священномъ писаніи: «звѣзда его», т. е. ссылаясь на появленіе новой звѣзды, предвозвѣстившей рожденіе Спасителя. До сихъ поръ на Руси наканунѣ Рождества Христова не вкушаютъ до восхода первой звѣзды, а въ самый день праздника носятъ по домамъ «вертепъ» и «звѣзду». Въ вертепѣ представляются событія, какими сопровождалось рожденіе Спасителя; звѣзда дѣлается изъ бумаги, укрѣпляется на шестъ—такъ, чтобы она могла обращаться, и освѣщается внутри зажженной свѣчю—Москва. 1852, VI, 82; Шафонскаго: Черниговск. наѣстничества топографич. описаніе, 28; Этн. Сб., I, 320; Херсон. Г. В. 1844, 52.

да (по народному повѣрью, общему у русскихъ съ нѣмцами) имѣеть своего ангела, который назначаетъ ей мѣсто и направляетъ ея путь; на Руси звѣзды почитаются очами ангеловъ-хранителей, зорко-наблюдающихъ за дѣяніями людей, а въ блескѣ падающей звѣзды усматриваютъ слѣдъ, оставляемый аягеломъ при полетѣ его за душою усопшаго ¹⁾). У румыновъ мѣсто богини Зирки занимаетъ духъ Арминдьяя, обитающій на той звѣздѣ, подъ которою родится его кліентъ. Эта родная звѣзда имѣеть непосредственное вліяніе на всю жизнь человѣка: отъ нея зависятъ всѣ счастливыя и несчастныя приключенія, и румынъ въ пѣсняхъ своихъ и въ бесѣдахъ то благословляетъ, то клянетъ ее ²⁾).

По литовскому преданію, какъ скоро родится младенецъ, тотчасъ-же Верпея (Wegreja — приха, отъ wegrju — пряду), возстающая на небесномъ сводѣ, начинаетъ прастъ нить его жизни; конецъ этой нити она прикрѣпляетъ къ новой звѣздѣ которая непременно является въ минуту рожденія человѣка. Когда-же наступаетъ его послѣдній часъ, Верпея перерѣзываетъ нитку: звѣзда упадаетъ, гаснетъ въ воздухѣ, и человѣкъ умираетъ: поэтому въ каждой изъ падающихъ звѣздъ видитъ знаменіе чьей-либо смерти ³⁾). Здѣсь слиты во едино два мнѣшескія представленія: а) возженіе пламенной, звѣздо-подобной души и б) пряденіе жизненной нити. Народившійся младенецъ только тогда вступаетъ въ ереду живущихъ, когда его пуповина будетъ перевязана, или выражаясь пластически: когда онъ будетъ привязанъ къ жизни выпряденною ниткою, что у славянъ обозначается словомъ по-

¹⁾ Т. I Поэт. Восср., 161, 177, т. III, 207; D. Myth., 684. — ²⁾ Телескопъ 1833, VIII, 503—4. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, стат. Боричевск., 11; D. Myth., 685; Die Wissenschaft des slawisch. Mythus Гануша, 272.

вить (повой, повитуха, повивальная бабка; сравни выше стр. 153). Облачные дѣвы, какъ мы видѣли, признавались пряхами; являясь при родахъ, влагая въ ребенка «душѣ живѣ», онѣ въ народныхъ вѣрованіяхъ получили характеръ повивальныхъ бабокъ и помощницъ при разрѣшеніи беременныхъ женъ. Какъ своими свѣточемъ онѣ таинственно возжигали въ ребенкѣ огонь жизни, такъ своею пряжею, незримо для смертныхъ, привязывали его къ бытію, и пока связь эта оставалась крѣпкою — душа не могла отрѣшиться отъ тѣла; но едва Смерть или дѣвы судьбы разрывали ее, человѣкъ немедленно умиралъ — точно также, какъ умиралъ онъ вмѣстѣ съ угасшимъ пламенемъ души: это двѣ различныя метафоры, выражавшія одну и ту же идею. Отсюда, во 1-хъ, теченіе человеческой жизни стали уподоблять тянущейся нити, а затрудненія, ожидающія человѣка на жизненномъ пути, представлять узлами, которые надо распутывать (завязка и развязка событія). Выраженіе «нить жизни» пользуется гражданствомъ почти во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ; счастливый ходъ жизни соответствуетъ ровной, гладкой нити, и наоборотъ жизнь, исполненная страданій и бѣдствій, тянется суровою, узловатою нитью, опутываетъ человѣка словно сѣтями и налегаетъ на него тяжелой обузою. Во 2-хъ, образовалось убѣжденіе, что дѣвы судьбы суть вѣчно-работающія пряхи; своими руками онѣ прядутъ жизненную нить и вплетаютъ въ нее все, что должно совершиться съ человѣкомъ во время его земнаго существованія. Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, повой младенца получилъ религіозный характеръ; дѣло это поступило въ руки вѣщихъ женъ, служительницъ боговъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ отдаленной древности оно сопровождалось священными обрядами; существовавшее бабка нѣтъ при себѣ глаголъ бабка тѣ — нашептывать, ворожить; въ одной болгарской рукопи-

ся осуждаются жены, «кои завезують деца малечки» ¹⁾. Кроме указанного преланія о мненческой пряхѣ, литовцы рассказываютъ еще о семи богиняхъ (*dejwes walditojes*), изъ которыхъ первая (=Верпея) прадеть человѣку жизнь изъ кудели, данной верховнымъ божествомъ; другая мотаеъ выпряденныя нити и дѣлаеъ изъ нихъ основу; третья ткѣтъ холстъ; четвертая стараеъ пѣснями и рассказами обворожить своихъ сестеръ, и когда онѣ заслушиваются — портитъ ихъ работу, отчего тотчасъ же постигаютъ смертнаго неудачи, бѣдъ, ссоры и прочія бѣды; пятая ей противодѣйствуетъ, не даеъ портить холстъ и побуждаеъ сестеръ къ труду: когда ея усилія не остаются напрасными и работа идетъ безъ помѣхи, то жизнь человѣка бываеъ исполнена спокойствія, радостей, здоровья и счастья; шестая отрѣзываетъ холстъ—и человѣкъ умираеъ; наконецъ седьмая моетъ изготовленную ткань и вручаеъ ее верховному богу. Изъ этой ткани дѣлаеъ рубашка, которую и долженъ носить усопшій на томъ свѣтѣ; такимъ образомъ онъ постоянно имѣеъ передъ собою полную исторію земной своей жизни, всѣхъ ея радостей и горя ²⁾. По основному значенію мѣла, посмертная рубашка, изготовляемая богинями судьбы, есть та облачная ткань, въ которую одѣваются стихійные духи и родственныя съ ними тѣни усопшихъ ³⁾; въ погребальномъ обрядѣ ей соответствуетъ бѣлый саванъ. (стр. 275—6). Въ настоящемъ случаѣ

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, стат. Бусл., 41. Въ Малороссіи умершей повивальной бабѣ кладутъ въ гробъ палку и привязываютъ къ поясу платокъ съ макомъ; на томъ свѣтѣ, говорятъ, навадутъ на нее дѣти (= души усопшихъ) за то, что помогая имъ родиться для горестей земной жизни, и если она не успеетъ отбиться полною, то разсыпаетъ макъ; дѣти бросаются подбирать макъ, а повивальная бабка тѣмъ временемъ сплзнить отъ маку удалиться—Буляшъ, II, 44. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1839. т. XXII, 14—16; Черты литов. нар., 68, 90; D. Myth., 121—6. — ³⁾ Оссианъ, I, 324: «онъ видитъ облакъ, долженствующій принять тѣнь его;

это представление о посмертной сорочкѣ смѣшивается съ другимъ, не менѣе древнимъ, представленіемъ о тѣлесной одеждѣ, облакающей душу со дня рожденія по день смерти человека (см. ниже).

Пряха Верпея и мненческія ткачихи стоятъ въ несомнѣнной связи съ лаумами, что прямо свидѣтельствуешь за нихъ первоначальное тождество съ облачными нимфами. На участіе лаумы въ грозovýchъ явленіяхъ природы указываютъ названія: громовой стрѣлки — ея сосцеиъ, радуги — ея поясомъ (I, 359) и воды (т. е. дождя) — ея потоиъ; вмѣстѣ съ этимъ, ей приписывается и вліяніе на земное плодородіе: она предвѣщаетъ урожай и голодъ, помогаетъ воздѣлывать нивы и собирать жатвы. Какъ сербскія вилы и наши русалки, лаумы живутъ въ лѣсахъ, поляхъ и въ водѣ, и наравнѣ съ ними характеристическими своими признаками напоминаютъ германскихъ эльфовъ. Онѣ крадутъ и подмѣниваютъ новорожденных младенцевъ (см. выше стр. 307), налегаютъ на сонныхъ людей, давятъ ихъ въ грудь или животъ ¹⁾, и любятъ заниматься пряжею и тканьемъ. Въ четвергъ, какъ въ день, посвященный громовнику, лаумы являются по ночамъ въ избы, и гдѣ найдутъ неубранную прялку—сидятся за работу и пря-

онъ видитъ туманъ, изъ котораго должна быть соткана его (посмертная) одежда. — ¹⁾ *Laume gul ant skilvio*—лаума лежитъ на животѣ—давить. Въ одну избу, сквозь небольшое отверстіе въ стѣнѣ, прокрадывалась по ночамъ лаума и душила молодого парня, такъ что онъ совсѣмъ извелся. Знающіе люди научили его, какъ изловить лауму; слѣдуя ихъ совѣту, онъ приготовилъ дубовый клинъ, и когда явилась ночная гостья—тотчасъ-же заколотилъ отверстіе. Цѣлую ночь слышалъ онъ, что кто-то возится и царапаетъ въ углу, а поутру увидѣлъ передъ собою прекрасную, но печальную дѣву. Молодецъ женился на лаумѣ и прижилъ съ нею двухъ дѣтей. Впослѣдствіи, уступая ея просьбамъ, онъ вынулъ дубовый клинъ — и вслѣдъ за тѣмъ лаума исчезла и болѣе не возвращалась къ мужу; только въ продолженіи года каждый четвергъ приносила она своимъ малюткамъ по бѣлой сорочкѣ (сравни стр. 185—съ преданіемъ о вилѣ).

дутъ до пѣтуховъ; готовую же пражу уносятъ съ собою. Поэтому вечеромъ, наканунѣ четверга, литвинки на за что не станутъ прастъ и тщательно скрываютъ свои нудели ¹⁾). Также охотно садятся лаумы и за ткацкой станокъ. Одной сироткѣ подарили онѣ много кусковъ полотна, но съ условіемъ, чтобы она ихъ не шѣрила; дѣвочка нарушила запретъ, и въ ту же ночь полотно исчезло изъ ея клѣти. Какъ ни искусно прадутъ и тнутъ лаумы, сами онѣ не умѣютъ ни начать, ни закончить своей работы, — чѣмъ существенно и отличается ихъ механическій, безцѣльный (свойственный стихійнымъ силамъ) трудъ отъ разумнаго труда человека. Сверхъ того, подобно нѣмецкимъ вѣдьмамъ, онѣ моютъ свое бѣлье — по четвергамъ, послѣ солнечнаго заката, и сильный стукъ отъ ихъ вальновъ далеко разносится по окрестностямъ: повѣрье, указывающее на поэтическую картину грозы, когда небесныя дѣвы, при звукахъ громовыхъ ударовъ, полощутъ въ дождевыхъ ливняхъ свои облачныя ткани (см. гл. XXVI). Только удары плети (— молніи) могутъ разогнать лаумъ и остановить ихъ шумную работу. Какъ мненческія прихи, лаумы поступаютъ въ разрядъ вѣщихъ дѣвъ, заведующихъ рожденіемъ и смертію, а слѣдовательно и судьбою человека. Въ старинномъ словарѣ *laime* (*laime*) объясняется словомъ *fortune* (доля, счастье), а *laime* (множ. число *laimes*) толкуется: *Lucina, dea partus* — богиня родовъ; *lemti* — судить, опредѣлять, назначать. Съ одной стороны — лаумы помогаютъ родильницамъ, заботливо ухаживаютъ за грудными младенцами, купаютъ ихъ, баюкаютъ и укачиваютъ въ колыбели, почему и присвоивается имъ прозваніе *mašina* (мать). До сихъ поръ въ Литвѣ свято соблюдается обычай «обмывать новорожденнаго въ поту лаумы»,

¹⁾ Латышскія *swethas jumprawas* представляются съ приликомъ въ рукахъ — Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

т. е. въ холодной водѣ ¹⁾). Съ другой стороны — какъ дѣвы, опредѣляющія не только начало, но и конецъ жизни, лаумы похищаютъ дѣтей (— увлекаютъ души въ свой таинственный міръ) и поражаютъ родъ людской внезапными смертельными ударами: когда лаума показывается въ зеленой одеждѣ — это знакъ будущаго урожая; если же она облекается въ красное платье, то предвѣщаетъ кровавую, губительную войну, а если въ черное, то сулитъ всеобщій голодъ и моръ; въ послѣднемъ случаѣ ее называютъ моровою дѣвою ²⁾). Какъ предвѣстница войны, она сближается съ германскими валькириями, на которыхъ возлагалась печальная обязанность забирать души убитыхъ воиновъ. Если ребенокъ расплачется ночью, то литвины совѣтуютъ класть его за спиною матери — въ полной увѣренности, что невидимая покровительница дѣтей накормитъ и усыпитъ его; но какъ скоро дитя успокоится, сейчасъ-же слѣдуетъ переложить его въ люльку; иначе оно можетъ заспаться до смерти ³⁾). Соответственне характеру облачныхъ дѣвъ, то дарующихъ живую воду дождя и пробуждающихъ природу къ жизни, то насылающихъ разрушительныя бури, градъ и стужу, съ ними необходимо сочетались противоположныя идеи рожденія и смерти. Опираясь на эти различныя воззрѣнія, народные преданія представляютъ лаумъ то благотворными юными красавицами, то злобыми и безобразными старухами (см. II, 781-3).

Собственно о рожаницахъ мы не встрѣчаемъ свидѣтельствъ, чтобы онѣ прали жизненную нить; думаемъ однако, что и съ ними въ старину соединялось подобное-же представленіе и только позабыто въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ. На эту

¹⁾ Шлейхеръ, 91—97; Lituanica, II, 24, 31—37; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, ст. Мянцки., 555; Рус. Сл. 1860, V, 19, 82; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 258; D. Myth., 387—8, 832. — ²⁾ Москва, 1846, XI—XII, 249. — ³⁾ Черты литов. нар., 95.

мысль наводятъ васъ хорутанскія сказки, отождествляющія рожаницъ съ вилами. Едва народится младенецъ (разсказываютъ хорутане), какъ тотчасъ же — Богъ знаетъ откуда и какъ — являются въ избу три сестры-роженницы (gojenice), садятся за столъ и въ краткихъ изрѣченіяхъ опредѣляютъ судьбу новорожденнаго; произнеся свои предсказанія, онѣ тихо удаляются, и если на ту пору свѣтитъ сквозь окно мѣсяцъ, то озаренные его лучами — бываютъ видны ихъ легкіе, воздушные образы и радужные покровы. Въ верхней Краинѣ ихъ называютъ чисте, беле деклице и жене (чистыя, бѣлыя дѣвы и жены), въ Каринтіи — желкнине, желне жене, отъ глагола желети (желать, заботиться), подобно тому, какъ валькиріямъ давалось прозваніе «wunschnädchen»; въ другихъ мѣстностяхъ — живицы, суженицы и судицы (snjenice = sojenice, sudice = sodice), т. е. дѣвы жизни и судьбы. Последнее имя извѣстно также лужичанамъ (sud zick e), словакамъ и чехамъ (sudice, sudičk y). По повѣрью, уцѣлѣвшему между истрианъ, роженницы обитаютъ въ горныхъ пещерахъ (= въ нѣдрахъ облаковъ); поселяне донинѣ носятъ имъ хлѣбъ и кладутъ его у входа въ пещеру ¹⁾. Въ сборникѣ Валявца ²⁾ находимъ цѣлый рядъ любопытныхъ приповѣдокъ о роженницахъ, являющихся «sudit deteta», т. е. опредѣлять новорожденному его будущую судьбу. Одѣтыя въ бѣлыя одежды («vu beleh orgavan oblečene»), онѣ подходятъ къ постели только что разрѣшившейся матери; каждая изъ нихъ держитъ въ рукахъ по горящей свѣчѣ — знаменіе того свѣточа, которымъ возжигается въ ребенкѣ пламя жизни (душа), почему и называютъ ихъ кресницами (возжигательницами, отъ кресъ — огонь ³⁾). Чтобы облегчить страданія родильницы и скорѣе

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 107—8 — ²⁾ Стр. 76—91. — ³⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 107.

призвать въ сей міръ новую душу, на Руси принято во время родовъ зажигать вѣнчальную свѣчку ¹⁾. Совѣщаніе роженицъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточивается на опредѣленіи той смерти, какою нѣкогда долженъ скончаться новорожденный, или какъ выражаются хорутане: «to su ove babe, koje sudiju sako dete s kakvum smrtjnm prejde iz ovoga sveta». Отсюда объясняется общезвѣстная у насъ и въ Германіи примѣта, что три зажженные свѣчи предвѣщаютъ чью-либо смерть въ домѣ ²⁾; отсюда-же становится понятнымъ, почему самая Смерть является въ преданіяхъ съ характеромъ богини судьбы. Подобно роженицамъ, она, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, воспринимаетъ новорожденныхъ младенцевъ, и какъ тѣ называются у чеховъ кумами (k motřičku), такъ тоже названіе кумы присвоится и Смерти; въ своихъ пещерахъ она хранитъ свѣтильники человеческой жизни и опредѣляетъ срокъ ихъ горѣнія (см. выше стр. 201—4). Изъ трехъ сестеръ-роженицъ, устанавливающихъ судьбу младенца, мѣніе послѣдней постоянно принимается за окончательное рѣшеніе; она есть дѣйствительная владычица смертнаго часа, и потому соотвѣтствуетъ злой паркѣ, перерѣзывающей жизненную нить человека, или Смерти, погашающей огонь его души. То, что присуждено роженицами, нельзя не измѣнить, не устранить никакими силами: это приговоръ всемогущаго, непреложнаго рока! Чтò бы ни дѣлалъ человекъ, какихъ бы предосторожностей ни принималъ, онъ не можетъ воспрепятствовать божьей волѣ — «božji jakosti zargebiti». Предрекутъ ли вѣщія жены смерть отъ волка —

¹⁾ Труды владимір. губ. статист. комит., VI, 86; Повѣст. Возвр., II, 12. — ²⁾ Записки Авдѣев., 142—3; Владим. Г. В. 1844, 49; Пузин., 159; Beiträge zur P. Myth., I, 214; D. Myth., 1028: въ той комнатѣ, гдѣ горятъ три свѣчи, вѣдьмы могутъ творить злые дѣла.

звѣрь этотъ явится въ урочный часъ изъ своей жертвѣ, хотя бы она скрывалась за каменными стѣнами; присудятъ ли человѣку погибнуть въ водѣ, и хотя бы кругомъ на далекое разстояніе не было ни единого источника — онъ задохнется въ лужѣ. Одной царевнѣ было предсказано, что она умретъ отъ укушенія змѣи. Царь устроилъ стеклянный теремъ, куда даже и муравей не могъ пробраться; заключилъ тамъ свою дочь и приказалъ не выпускать ее изъ терема. Когда наступилъ «суѣнъ данъ», царевна пожелала винограду; слуга принесъ ей большую кисть, въ которой скрывалась малая ядовитая змѣйка, — в предсказаніе исполнилось! ¹⁾). Подобные рассказы существуютъ и въ нашемъ народѣ, хотя древнія краски въ нихъ болѣе или менѣе уже стерлись. Такова, напримеръ, сказка про Марка Богатаго ²⁾). Жилъ-былъ Марко Богатый; такъ вездѣ прозывался онъ, потому что у него было несмѣтное богатство. И Марко тѣмъ весьма величался, и былъ непомярно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и на яву ему грезилось только его богатство. Однажды, стоя въ церкви, Марко сказалъ своему сосѣду: «что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хоть бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!» — Чтожъ, отвѣчалъ сосѣдъ, приготовься получше, и Господь посѣтитъ тебя своею благодатію. Сосѣдъ разумѣлъ по христіански, а Марко понялъ по своему: изготовилъ роскошный обѣдъ, пышно разубралъ свой домъ, устлалъ всю дорогу отъ воротъ до церкви парчами и бархатами, и сталъ дожидаться гостя. Прошла обѣденная пора, а Марко все ждетъ... Вотъ и солнце стало садиться; Марко не выдержалъ и приказалъ слугамъ своимъ собирать парчи и бархаты. Въ это время приходитъ на его дворъ сѣденькой старичокъ и

¹⁾ Срп. рјечникъ, 724; Knjževnik 1866, вып. II, 249. — ²⁾ Н. Р. Сж., I, 13; II, 35; Н. Р. Дог., стр. XXVI; Деница 1834, 5—21.

просить ночлега. «Не до тебя мнѣ! сказалъ ему съ сердцемъ Марко. — Ради Бога, Марко Богатый! укрой меня отъ темноты ночной». И Марко, чтобъ только отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при смерти хворая тетка. На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая. «Какъ это тебя угораздило?» спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Ахъ, Марко Богатый! отвѣчала тетка знаешь ли что? Видѣлось мнѣ, будто самъ Господь ночевалъ въ моей избушкѣ, и будто прилеталъ къ нему ангелъ съ вѣстію, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца, а другой у крестьянина, третій у нищаго, и спрашивалъ: какой таланъ присудишь имъ, Господи? И Господь провѣщалъ: купеческому сыну обладать отцовскимъ таланомъ, крестьянскому сыну обладать землепашествомъ, а бѣднякову сыну — Марковымъ богатствомъ. «А еще что?» спросилъ Марко. — Да вотъ еще какая благодать: какъ проснулась я, то встала совсѣмъ здоровая! «Ладно, сказалъ Марко; только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!» По другому варианту, Господь приходитъ въ видѣ убогаго старца, въ худомъ рубищѣ, и ночуетъ въ скотной избѣ. Въ ту пору, когда надо быть заутренѣ, затеплилась у иконы сама собой свѣчка; Господь всталъ, облекся въ ризы и началъ совершать службу. Прилетаетъ ангелъ: «Господи! въ такомъ-то селѣ, у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему повелишь нареши имя и какиимъ надѣлишь его счастіемъ?» — Имя ему, отвѣчалъ Господь, нарицаю Василій, прозвание — Безсчастный, а награждаю его богатствомъ Марка Богатаго. Не желая покориться божьему суду, Марко покупаетъ бѣднякова сына и бросаетъ его въ открытомъ полѣ въ сугробъ снѣгу; но въ тотъ-же день проѣзжали мимо купцы, запримѣтили, что изъ сугроба паръ подымается, подошли и видятъ: посреди снѣговъ проталинка, на проталинкѣ

травы зеленѣютъ и цвѣты красуются, а въ цвѣтахъ лежить младенецъ и кротно улыбается. Купцы взяли его и увезли съ собою; когда узналъ про то Марко, онъ въ другой разъ купилъ ребенка, перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящикъ и пустилъ пою водою. Волны привели ящикъ къ берегу, на которомъ стоялъ монастырь; монахи достали ребенка, заживили его рану, вскормили его и поспитали. Случилось Марку Богатому лѣтъ черезъ пятнадцать захватить въ тотъ монастырь; свѣдалъ онъ про Ивана Безсчастнаго, уговорилъ его поступить къ себѣ въ услуженіе и послалъ съ письмомъ къ женѣ, а въ письмѣ отдалъ приказъ, чтобы затравили его собаками (или сварили въ кипящемъ котлѣ). На полдорогѣ утомленный юноша заснулъ; въ то время прилетѣлъ ангелъ-хранитель, взялъ у него Марково письмо и замѣнилъ другимъ, въ которомъ тою-же рукою было написано, что Марко нашелъ жениха для своей единственной дочери и велитъ тотчасъ-же выдать ее за Ивана Безсчастнаго. Свадьба была сыграна, и послѣ того что ни дѣлалъ Марко, а богатство его все-таки досталось бѣднякову сыну. Сказка о Маркѣ Богатомъ, не смотря на то, что многія подробности въ ней переработаны въ христіанскомъ духѣ, несомнѣнно принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ. Она основана на древнѣйшемъ вѣрованіи въ предопредѣленіе Судьбы, которая при самомъ рожденіи младенца уже напередъ рѣшаетъ его будущность и притомъ такъ окончательно, что рѣшенія этого не въ состояніи измѣнить никакія человѣческія усилія. Вопросы, обращенные къ Богу: какиимъ счастьемъ надѣлать онъ новорожденнаго?—въ другихъ народныхъ разсказахъ обращаются къ самой Судьбѣ (см. ниже). Древность означенной сказки подтверждается и ея повсемѣстнымъ распространеніемъ у различныхъ индоевропейскихъ народовъ ¹⁾. Наиболѣе важ-

¹⁾ Н. Р. Сл., I, примѣч. къ № 13.

ными представляются намъ редакціи: хорутанская ¹⁾, въ которой будущую участь ребенка предсказываютъ «*tri belo oblečene ženske, rak saka je imela v roki svečo, a to so bile sojenice*», и чешская ²⁾, въ которой выведены *sudičky* — «*tri stare babičky, celé bílé, každá měla v ruce svíci rozsvícenou*»; онѣ-то и поджигиваютъ письмо, написанное съ цѣлю погубить ихъ любимца. Въ норвежской редакціи ³⁾ вѣщія дѣвы замѣнены звѣздочетами — ради той связи, въ какую народныя вѣрованія ставятъ судьбу человека съ расположеніемъ звѣздъ при его рожденіи; а въ русской — онѣ уступили свое мѣсто христіанскому Богу и ангелу-хранителю. По рассказамъ чеховъ, судички — три бѣлыя жены; въ полночный часъ являются онѣ подъ окно избы или въ самую комнату, гдѣ лежитъ новорожденное дитя, и совѣщаются о его будущей судьбѣ; при ихъ приближеніи все, что обитаетъ въ домѣ, погружается въ глубокій сонъ. Онѣ держатъ въ рукахъ зажженные свѣчи и тушатъ ихъ все прежде, какъ произнесъ свой непреложный приговоръ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что судички садятся ночью на кровлѣ дома, возлѣ дымовой трубы, и предсказываютъ судьбу младенца по звѣздамъ ⁴⁾. Хорутанскія приповѣдки смѣшиваютъ роженницъ съ вилами. Однажды убогой пришелъ въ избу, гдѣ только что разрѣшилась хозяйка отъ бремени, и сѣлъ возлѣ нечки. На ту пору явились три *sojenice*: «*bile so čisto belo oblečene, imele so na glavi bele velike robce, a okoli vrata grole samih demantov, zlata i srebra, lica bile so okrogloga, velekrasne žene kakti vile*». Подошли къ столу и ушли около него съ разныхъ сторонъ. Первая изрекла: «пусти, когда сравняется новорожденному семнадцать лѣтъ, станетъ онъ зимою рубить дрова, и въ то время набѣжитъ зѣбрь и рас-

¹⁾ Сб. Валянца, 87—89. — ²⁾ Эрбенъ, 1—7. — ³⁾ I, 5. — ⁴⁾ Громанъ, 7.

терзаетъ его». — Нѣтъ! возразила другая, пускай будетъ солдатомъ и умретъ на службѣ. — Не такъ! сказала третья, пусть онъ утонетъ на двѣнадцатомъ году. Убогой все выслушалъ и передалъ матери, и какъ та ни оберегала своего сына, а приговоръ совершился. Когда наступилъ роковой часъ, мальчикъ «*miništrual (vu cirkvo), stane se ide doli gde je bila blagoslovljena voda rak razine noter glavo i tak vumre*» ¹⁾. И такъ роженицы столь же прекрасны и носятъ такую же бѣлую одежду, какъ и вилы. Изъ одной приповѣдки можно заключать, что онѣ, подобно виламъ, владѣли смертоносными стрѣлами; такъ однажды присудили онѣ младенцу, что когда исполнится ему 13 лѣтъ, 13 дней, 13 часовъ и 13 минутъ — ударить съ яснаго неба стрѣла и поразить его смертію ²⁾. Но этого мало; мы имѣемъ прямые указанія, что вилы заступали мѣсто роженицъ и играли ту же самую роль вѣщихъ дѣвъ, опредѣляющихъ судьбу человѣка. При рожденіи одной знатнаго рода дѣвочки, рассказываетъ хорутанская приповѣдка ³⁾, позваны были на пиръ вилы. Онѣ явились въ золотыхъ одеждахъ, съ серебряными поясами; чудные золотые волосы ихъ ниспадали до самой земли; каждая изъ нихъ одарила новорожденную дорогимъ даромъ (— добрымъ предвѣстіемъ будущаго), а одна «злочеста» дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. И вотъ, когда дѣвочка выросла и наступило время выдавать ее замужъ, злая вила прѣшла въ зѣмонъ, ударила ее волшебнымъ прутомъ (— молніеносной стрѣлою), и въ тотъ же мигъ красавица окаменѣла, т. е. сдѣлалась жертвою смерти. Съ тѣмъ же значеніемъ выступаютъ вилы въ переводной съ латинскаго сказкѣ, писанной на сербо-болгарскомъ нарѣчій

¹⁾ Сб. Валявца, 85—86. Переводъ: прислуживалъ въ церкви, подошелъ туда, гдѣ стояла освященная вода, опустился въ нее головою и умеръ. — ²⁾ Ibid., 81—82. — ³⁾ Ibid., 56—57.

(XIV-го вѣка), отрывокъ которой напечатанъ покойнымъ Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Руиницковаго музеума» ¹⁾: «оувѣдѣше то (брачное торжество короля Пелея) три вилы-пророчицѣ, коѣ бѣхѣ наидѣпшѣя въ морскыихъ отозѣхъ, и доидошѣ на оно веселіе, развѣ единѣ, ѣж нева, зане бѣше свадлива, ишенемъ Диевошькордиа; где идѣше — все свадѣ строаше, за то не хотѣхъ я звати». Эта свадливая вила, оскорбленная тѣмъ, что ее не позвали на пиръ, даетъ злое предвѣщаніе, и есть Discordia, о которой говорится въ древней повѣсти о Пелеѣ. Въ сербскихъ пѣсняхъ вилы являются пророчицами ²⁾ и указываютъ смертнымъ присужденную имъ долю:

Јунак ми ков(ъ)а јеждаше,
Предрагу срећу искаше;
Виле ми н(ъ)ега виђеше,
Јунака сташе дозиват':
„Овамо свраћај, јуначе!
Твоја се срећа родила,
Сунчаном ждраком повила,
Мјесецем сјајним гојила,
Звјездама сјајним росила“ ³⁾.

Марку-королевичу вила предвозвѣстила его смертный часъ, и въ подтвержденіе словъ своихъ послала его къ горному источнику, заглянувъ въ который, королевичъ тотчасъ-же прочиталъ на своемъ лицѣ близкую кончину (см. выше стр. 168 — 9). Чехи до сихъ поръ убѣждены, что, глядясь въ колодцы на «щедрыи» вечеръ, можно угадать свое будущее; они ходятъ къ источникамъ, прудамъ или рѣкамъ, бросаютъ

¹⁾ Стр. 385—7. — ²⁾ Кувулевичъ, 91, 94. — ³⁾ Срп. н. пјесе, I, 191. Переводъ: ѣздилъ юнакъ на конѣ, искалъ дорожную долю; увидѣли его вилы, стали звать юнака: «поворачивай сюда, молодецъ! твоя доля родилась — солнечнымъ лучемъ спеленалась, яснымъ мѣсяцемъ восхорплена, ясными звѣздами воспоена».

въ вѣхъ куски праздничныхъ яствъ, плоды, орѣхи, в причитываютъ: «studánko! pověz ty miě pravdu» (II, 192, 209 ¹⁾). Обитая въ облачномъ небѣ, вилы — роженницы обладали живою водою райскихъ ключей, черпали изъ нихъ напитокъ мудрости и становились въ разрядъ вѣщихъ женъ, опредѣляющихъ грядущія судьбы. Самое названіе вилы указываетъ въ ней пряжу (отъ слова вить), т. е. дѣву, прядущую нить жизни, и вѣстѣ повитуху (повивальную бабу), присутствующую и помогающую при родахъ; свидетельства о ея прядильныхъ работахъ приведены выше (стр. 177—8). Ганка упоминаетъ о мненческихъ пряхахъ—lichoplezi (=плетущія лихо, т. е. жизненные бѣды и смерть), соответствующихъ паркамъ ²⁾; болгары знаютъ злату бабу, которая научила женщинъ прясть и ткать ³⁾; а въ преданіяхъ словацкихъ еще не забытъ золотой сплетѣнный шнуръ, тождественный съ золотою веревкою германскихъ норнъ ⁴⁾. На Руси существуетъ нѣсколько повѣрій, поставляющихъ занятія пряжею и тканьемъ въ связъ съ родами и смертію: во всѣ святочные вечера не вьютъ веревокъ, опасаясь, чтобы беременная женщина не родила уродъ ⁵⁾; гдѣ на Рождество плетутъ лапти, въ томъ домѣ родится кривой ребенокъ ⁶⁾; если предъ Благовѣщеньемъ или страстною недѣлею будетъ вывѣшенъ новый холстъ и подъ него подойдетъ звѣрь, то сейчасъ околѣетъ ⁷⁾, что напоминаетъ намъ по-смертную сорочку, изготавливаемую литовскими парками.

Болгары вѣрятъ, что ко всякому новорожденному являются трѣ (вногда двѣ и четыре) чудесныя дѣвы и присуждаютъ ему счастливую или несчастную долю; одна изъ нихъ — старшая, которой и принадлежитъ окончательно-рѣшающій го-

¹⁾ Рус. Вѣст. 1862, I, 352. — ²⁾ D. Myth., 407. — ³⁾ Показалець Раковского, I, 3. — ⁴⁾ Ганушъ, 206. — ⁵⁾ Могил. Г. В. 1852, 4. — ⁶⁾ Нар. сл. раз., 162. — ⁷⁾ Ibid., 164.

лестъ. Дѣвъ этихъ они называютъ: а) уриснищи или уриснивици и б) наржчници. Первое названіе: урис(з)нищи имѣетъ при себѣ въ болгарскомъ языкѣ выраженіе: «тѣмъ му было урисано», т. е. предопредѣлено ¹⁾, и ризикъ = рисни—счастіе, судьба ²⁾. Наржчници—тѣ, «ков наржчатъ колку и како ке живять родено-то, и що ке наржчатъ третья-та, това ке бидить» ³⁾. Въ первую ночь послѣ родовъ приходятъ уриснищи въ домъ разрѣшившейся матери и предвѣщаютъ ея младенцу: сколько лѣтъ онъ проживетъ, какова будетъ его жизнь — счастливая или бѣдственная, съ кѣмъ вступить онъ въ брачный союзъ, какими болѣзнями будетъ страдать и какою смертію умереть. Рассказываютъ еще, что есть три уриснищи добрыя и три злыя, что тѣ и другія никогда не бываютъ согласны и ведутъ между собою вѣчную борьбу. Изъ трехъ добрыхъ урисницъ первая даетъ младенцу умъ и знаніе грамоты, вторая надѣляетъ здоровьемъ, красотою и даромъ слова, а послѣдняя руководитъ его въ продолженіи всей жизни, учитъ ремесламъ и доставляетъ случаи разбогатѣть ⁴⁾. Показываясь взрослому человѣку, онѣ предостерегаютъ его отъ угрожающаго несчастія. Всѣхъ урисницъ много; онѣ всегда юны и прекрасны и живутъ на небѣ ⁵⁾; по свидѣтельству народной пѣсни ⁶⁾, онѣ нисходятъ за душой умирающаго человѣка въ туманахъ (иглаѣ) и вихрихъ:

Задале съ силни-це вѣтро'и,
Задале съ мжги и пра'о'и,
По нимъ идѣтъ силни віулици,

¹⁾ Каравел., 140. — ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, стат. Срезнев., 108; Germ. Mythen, 582: ризикъ, рисни = новогр. ριζιχ6, итал. rischio, исп. riesgo, отъ др.-греч. ριζω — termino, desegno, statuo. — ³⁾ Миладин., 525. Переводъ: которые навѣщаютъ (изрекаютъ), сколько и какъ жить новорожденному; что изречетъ третья, то и сбудется. — ⁴⁾ Каравел., 171. — ⁵⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезн., 108. — ⁶⁾ Миладин., 16—18.

Большую частію урисницы являются въ дома невидимо; но ннымъ удавалось и видѣть, и слышать ихъ. Такъ однажды какой-то путешественникъ остановился ночевать въ домѣ, гдѣ хозяйка родила дѣвочку. Въ полночь — когда всѣ уснули, только не спалъ пріѣзжій — явились урисницы; первая сказала, что дѣвочка должна прожить 50 лѣтъ; вторая — что она будетъ терпѣть бѣдность; третья — что на тридцатомъ году она сильно заболѣетъ, но черезъ четыре мѣсяца выздоровѣетъ; наконецъ четвертая сказала, что она выйдетъ замужъ за этого самого путешественника, которому тогда уже было тридцать лѣтъ отъ роду. Услышавъ такое предсказаніе, онъ подумалъ съ горечью: «я и такъ оставался неженатымъ до тридцати лѣтъ; неужели еще буду ждать, пока вырастетъ эта дѣвочка?» Въ досадѣ схватилъ ребенка, выбросилъ вонъ и потихоньку удалился изъ дому. Поутру нашли окровавленную дѣвочку у забора; жизнь ея была спасена, но остался небольшой знакъ на спинѣ. Прошло двадцать лѣтъ; тотъ-же путешественникъ, проживая въ другомъ городѣ, пріискалъ себѣ невѣсту, сосватался и повѣнчался; замѣтивъ у жены знакъ на спинѣ, онъ спросилъ ее — и узналъ, что судьбы своей не минуешь ¹⁾). Нѣкоторыя женщины въ Болгаріи и Македоніи увѣряютъ, что онѣ, послѣ родовъ, видѣли урисницъ при своей постели и что одна изъ нихъ мѣрjala нить, а другая отрывала ее ²⁾), т. е. первая отмѣривала нить человеческой жизни, назначала ея продолженіе (=долготу земнаго существованія), а вторая пересѣкала ее — опредѣляла минуту смерти. Англосаксонское имя богини судьбы было *Meten* (*mettena* = *die abmessende*), т. е. измѣряющая; тонкія нити паутины, развѣвающіяся осенью (въ Бабье лѣто) по заборамъ и кустамъ, признаются за работу искусно-прядущихъ эльфовъ и дѣвъ

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210—1. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезн., 108.

судьбы и въ нижней Саксоніи называются *metten*, *metjen*, *sommet metjes*, *mettkensommet*; въ Дитмархъ говорить про нихъ: «*de Metten hebt spinnen*». Если такая паутина повиснетъ на чьемъ-либо платьѣ—это принимается за предвѣстіе счастья ¹⁾).

Славянскіе рожаницы соответствуютъ греческія мѣны, римскія парки, романскія феи и германскія норны. Такъ какъ главная, существенная обязанность дѣвъ судьбы состояла въ опредѣленіи начала и конца человѣческой жизни, т. е. рожденія и смерти; то отсюда и самыя названія, придавныя имъ, указываютъ на одинъ изъ этихъ пунктовъ, ограничивающихъ земное существованіе челоѣка. У славянъ, какъ мы видѣли, осиливаетъ мысль о началѣ жизненнаго поприща. Напротивъ греч. *моіра* образовалось изъ *мѣриа*, отъ корня *мог*, шаг, снскр. *мг* — рмирать, и значить: умерщвляющая, убивающая; сходно съ этимъ, и римлянинъ первоначально называлъ свою парку *морта*. Такое значеніе слова *моіра* было позабыто уже въ глубокой древности, и изъ понятія могучей смерти возникло общее представленіе судьбы—точно также, какъ *мѣрос* (*могс*, моръ— не только смерть вообще, но и соединенная съ насиліемъ) у Гомера употребляется въ смыслѣ «жребія жизни», предназначеннаго челоѣку со дня рожденія; почему и понадобилось дополнять означенныя рѣченія приставкою слова *θάνατος*: «*θάνατος καὶ μοῖρα χραταή*», «*θάνατος τε мѣрос те*». Въ поэтическихъ сказаніяхъ *моіра* является, какъ олицетвореніе

¹⁾ Germ. *Mythen*, 638—640. Въ нашихъ заговорахъ упоминаются какія-то загадочныя жены — метницы: „сохрани мене, Господи, отъ вѣдуновъ и полувѣдуновъ, отъ тридцать колдуновъ и полуколдуновъ, отъ еретиковъ и полуеретиковъ, отъ метницъ и полуметницъ“ — Эти. Сб., VI, библиогр. указ., 5. Въ арханг. губ. метнице — сѣтчатый рыболовный снарядъ (Обл. Сл., 113); серб. метница = *прежа*, *das garn*, *netz* (Срп. рјечникъ, 355).

губительной смерти: она участвует въ битвахъ, нападаетъ на человѣка, душитъ и убиваетъ его, схватываетъ его рунами, повергаетъ наземь, опутываетъ крѣпкими узами ¹⁾ и застигаетъ ему очи безысходнымъ мракомъ Танимъ образомъ смерть принималась за непреложный законъ природы, за требованіе неумолимаго рока, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — за жребій, выпавшій по волѣ враждебной богини. Древнѣйшее народное вѣрованіе знало многихъ прадушихъ (*kataklōthes*) и разящихъ смертію (*moirai*) женъ судьбы; наряду съ мойрами выступали и убійственныя керы; и тѣхъ, и другихъ, по свидѣтельству Гезіода, породила черная Ночь. Число мойръ у него ограничено тремя: первая *Κλωθώ* (*die spinnerin*) прядетъ жизненную нить, вторая *Λάχαις* (*lossung*) бросаетъ жребій, рѣшающій направленіе и исходъ грядущихъ событій, а третья *Ἄτροπος* (*die unabwendbare*), старѣйшая и ничѣмъ неотвратимая, перерѣзываетъ выпряденную нить и прекращаетъ біеніе жизни; она выражаетъ собою неизбѣжный конецъ, ожидающій каждаго человѣка, заводитъ его смертнымъ часомъ, и потому *Ἄτροπος* есть мойра по преимуществу, въ первоначальномъ значеніи этого слова ²⁾. По указанію Платона (*de republ.*), три мойры — дочери Судьбы (*Ἀνάγκη*); онѣ возстаютъ въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнцахъ, и подъ жужжаніе вертящагося веретена поютъ свои предвѣщанія ³⁾. Всякая — и счастливая, и печальная участь человѣка опредѣляется ими при самомъ его рожденіи, и все, чтó ни случается съ смертнымъ, уже напередъ вплетено въ

¹⁾ Индѣйцы давали богу усопшихъ (Ямѣ) веревки и путы, которыми онъ и его послы связывали людей; тѣже атрибуты приписываетъ Смерти и древне-нѣмецкій поэтъ — *Germ. Mythen*, 580; сравни выше стр. 44. — ²⁾ *Germ. Mythen*, 579—583; *Griech. Myth.* Преллера, I, 414. — ³⁾ *D. Myth.*, 386.

его жизненную нить пряхою Κλωθώ ¹⁾. Тѣже вѣрованія у римлянъ прилагались къ паркамъ; рагса заключаетъ въ себѣ понятіе пряжи (=вилы) — отъ санскр. рагá (смѣшивать, связывать; гр. πλέχω, лат. плесто, слав. плету ²⁾). У новыхъ грековъ Міга, Тісhі и Ріsіkо (ἡ Μοῖρα, ἡ Τύχη, τὸ Ροῖζικόν) признаются за существа, тождественныя тремъ паркамъ: а въ албанскихъ сказкахъ мѣры являются вѣщими старухами, опредѣляющими человѣческую судьбу ³⁾.

Съ той поры, какъ на историческую сцену выступили романскія народности, названіе рагса было позабыто и въ замѣну его создано новое: отъ существительнаго среднего рода *fatum* (судьба, рокъ) образовались итал. *fata*, испан. *hada*, прованс. *fa da*, фран. *fee* (подобно тому, какъ пѣе отъ *pata*). Какъ рано употребительно было такое названіе въ Италіи, указываютъ Авзоній и Прокопій (*de bello goth.*). Эти мионческія жены — феи болѣею частію представлялись въ тройственномъ числѣ; во встрѣчается также и число семь или тринадцать. *Tre fate*, странствуя по свѣту, являются къ родильницѣ, предсказываютъ судьбу новорожденного младенца, прилагаютъ его къ своей груди и оказываютъ ему нѣжную заботливость, какъ попечительныя матери (*matres*, *matronae*), почему французы называютъ ихъ повивальны-

¹⁾ Илиада, XX, 127—8; XXIV, 209—210; Одис., VII, 197—8; XIX, 145—6. По приказу Аполлона, мойры должны были присутствовать при рожденіи Эвадее; а при рожденіи Геракла, посланныя ревнивою Герою, онѣ продолжили мученія матери его—Алкмены. — ²⁾ Курциусъ: *Grundzüge der griech. etymologie*, 134—5. Г. Срезневскій сблизаетъ лат. рагса съ словами рагіо (рождѣю) и рагс (часть), греч. моіра съ μέρος, а слав. часть производитъ отъ корня ча=чън=кън, отъ котораго образовались и глаголы чати (за-чати), и существит. чадъ, чадю—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 113—4. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, парка означаетъ тоже, что и рожаница; во какъ ни соблазнительно такое производство, принять его нѣтъ достаточныхъ основаній. — ³⁾ Germ. Mythen, 582.

ни бабками—*obstétrices, ventrières*; двѣ фаты напутствуютъ ребенка въ жизнь добрыми пожеланіями, а третья даетъ зловѣщее предсказаніе. Есть такой разсказъ: было въ одной странѣ семь фей; шесть изъ нихъ были приглашены въ кумы и на родильномъ пиру посажены на почетныя мѣста за столомъ; о седьмой-же забыли, но она явилась и непрошенная, и между тѣмъ, какъ приглашенныя феи одарили ребенка различными благами, эта послѣдняя изрекла ему проклятіе ¹⁾. Феи живутъ въ ущеліяхъ скалъ и въ лѣсахъ, возлѣ озеръ и источниковъ; въ славномъ лѣсу у ключа de Begeuton народное воображеніе видѣло *dames faées*, облаченныхъ въ бѣлыя одежды: онѣ надѣляли дѣтей дарами счастья, и только одна изъ нихъ, недобрая и завистливая, дарила бѣдствіями. Эти скалы, лѣса и источники первоначально усматривались на небѣ — въ темныхъ грядѣхъ дождевыхъ облаковъ. О паркахъ также думали, что онѣ обитаютъ въ горахъ. Когда наступаетъ жатва, феи показываются на деревенскихъ празднествахъ и награждаютъ прилежныхъ пряхъ. Ихъ нерѣдко представляютъ съ «рогомъ изобилія» въ рукахъ, что намекаетъ на ниспосланіе имъ земнаго плодородія. По французскимъ сказаніямъ, онѣ, подобно нѣмецкимъ великанкамъ, носятъ на головѣ или въ передникѣ огромные куски скалъ, а свободною рукою въ тоже самое время кружатъ веретено; въ крестьянскія избы онѣ являютъ черезъ дымовыя трубы — путь, которымъ пользуются и наши вѣдьмы ²⁾.

¹⁾ Феи явились въ ночь рожденія Огера Датскаго и каждая дала ему особенный даръ; онѣ же присутствовали при рожденіи Оберона и надѣлили его всевозможными жизненными благами, кромѣ одной, которую позабыли пригласить и которая, въ отищеніе за свою обиду, осудила его на ростъ карлика—Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Срезнев., 118. — ²⁾ D. Myth., 382—8, 401—3, 1102.

Тождество дѣвъ судьбы съ облачными вимфами съ особенною наглядностію обнаруживается въ скандинавскихъ преданіяхъ о норнахъ. Nôgn означаетъ тоже самое, что мойра, т. е. «умерщвляющая»; корень этого слова—пак (снкр. паc, лат. нес-аге), откуда лат. пес-s, греч. νέχο-ς, νεκ-ρός, гот. паh v-s, скан. паг, лвт. паh wi—умереть, паh we—смерть, слав. навѣти—убивать и навѣе. Западная отрасль арійскаго племени знала демоническую жену Nac̃us, которая поражала людей смертію и бросалась на ихъ трупы ¹⁾. Эдда говоритъ о трехъ норнахъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое собственное имя: Urdhr (die gewordene ²⁾), Verdhandi (die werdende ³⁾), Skuld (die werden sollende ⁴⁾), ротск. Vaurps, Vairpandei, Skulds, др.-в.-нѣм. Wurt, Werdandi, Scult. Имена эти означаютъ: минувшее, совершающееся и долженствующее быть, или прошлое, настоящее и будущее, и такимъ образомъ характеризуютъ намъ германскихъ паркъ въ присвоенныхъ имъ занятіяхъ: первая знаетъ все бывшее, вторая завѣдываетъ текущими минутами жизни, а послѣдняя опредѣляетъ грядущія событія; «sie legten loosse, bestimmten das leben der menschengeschlechter, schicksal zu ordnen» ⁵⁾. Подобныя представленія соединялись и съ мойрами: Лахезисъ вѣдала τὰ γέγονότα, Клото—τὰ ὄντα, Атропосъ—τὰ μέλλοντα; латинскіе писатели распредѣляютъ эти обязанности нѣсколько иначе: у Апулея Clotho заботится о настоящемъ, Atropos вѣдаетъ прошедшее, а Lachesis устрояетъ будущее. По имени норны Urdhr названъ колодезь, бьющій изъ-подъ небеснаго корня мировой ясени—Urdharbrunnr; возлѣ этого источника, въ прекрасномъ залѣ, обитаютъ норны; изъ него черпаютъ онѣ воду, и окропляя вѣтви священнаго

¹⁾ Germ. Myth., 584—5. — ²⁾ Von verdha—werden aus dem plur. praeter. urdhum gebildet. — ³⁾ Fem part. praes. von verdha. — ⁴⁾ Part. praet. von skula. — ⁵⁾ Симрохъ, 5—6.

дерева, посылають ее на землю росю; вода эта все мелодить и оживляетъ, слѣдовательно обладаетъ тѣми-же свойствами, что и благодатный jungbrunnen Идуны. Тутъ-же у источника Урды собираются боги творить свой праведный судъ и давать законы вселенной. Три норны суть дѣвы вѣщія, опредѣляющія каждому человѣку продолжительность и всѣ обстоятельства его жизни; обязанныя изрекать непреложные приговоры (=судницы), онѣ возсѣдаютъ на судейскихъ креслахъ. Приближаясь къ колыбели новорожденного, норны прорицаютъ ему судьбу и собственными руками прядутъ его жизненную нить. Когда родился герой Гельги (Helgi), ночью явились въ замокъ норны, свили нити его судьбы и протянули посреди неба (unter dem Mondessaal) золотой шнуръ (gullinsimi—goldseil); одна норна скрyla конецъ шнура на востокъ, другая — на западъ, а третья schwester des Neri) прикрѣпила нить къ сѣверу:

Westlich und östlich
die Enden bagen sie —
in der Mitte lag
des Königs Land.
Einen Faden nordwärts
warf Neris Schwester,
ewig zu halten
hiess sie diess Band.

Вся область между концами протянутого шнура, отъ востока до запада, должна современемъ подчиниться власти героя, быть ареною его подвиговъ. У одного средневековаго поэта сказано:

Zwô schepfer flähten mir ein seil,
dâ bi diu dritte saz;
diu zebrachz: daz was min unheil.¹⁾

¹⁾ Переводъ: двѣ творческія жены плели мнѣ веревку; тутъ-же сидѣла третья и разрывала: то было мое несчастіе. — Какъ отголосокъ стариннаго преданія о норнѣ, разрывающей нить жизни, до-

Эта послѣдняя, рвущая пряжу и тѣмъ самымъ творящая бѣды, соответствуетъ третьей норнѣ, что бросаетъ сдерживающую привязь въ сѣверъ — въ печальную страну ночи, зимы и смерти. *Nöfnagestsaga* рассказываетъ о вѣщихъ женахъ (*völur, þórnir*), которыя странствовали по свѣту, стучались въ дома и предсказывали смертнымъ будущее. Люди приглашали ихъ въ свои жилища, угощали и чествовали дарами. Однажды явились онѣ къ отцу Норнагеста; дитя лежало въ колыбели, а возлѣ горѣло двѣ свѣчи. Первыя двѣ вѣщуньи благословили ребенка счастьемъ; но третья, младшая норна была раздражена: ей досталось сѣдалище такое тѣсное, что она упала съ него, и подымаясь — она воскликнула: «*ich schaffe, dass das kind nicht länger leben soll, als die neben ihm angezündete kerze brennt!*» ¹⁾ Въ ту же минуту старшая *völva* схватила свѣчу, погасила и отдала матери, советуя не прежде зажечь ее, какъ въ послѣдній, предсмертный часъ ея сына, который потому и получилъ имя Норнагестъ (*Nöfnagestr, Nörnengast*). Онъ прожилъ до глубокой старости, и когда наскучила ему жизнь — зажгетъ роковую свѣчу и предастся смерти. Эта любопытная сага указываетъ на тождественное значеніе словъ: *völva* и *þórnir*; изъ нея очевидно, что норны опредѣляли новорожденному его грядущую судьбу, что онѣ создавали (*sie schaffen*) его счастье и несчастье: выраженіе, свидѣтельствующее за ихъ божественную, творческую силу (срав. ниже сагу о Старкадрѣ). Съ Норнагест-сагою родственно греческое сказаніе о Мелеагрѣ; при его рожденіи предвѣщали три мойры, и Атропосъ назначила ему жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ положенное

сезъ существуетъ примѣта, что встрѣча съ прихою предвѣщаетъ неудачу — D. Myth., 1078. — ¹⁾ Переводъ: «я творю (=присуждаю), что дитя должно жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ зажженная при немъ свѣча».

на очагъ полѣно; встревоженная такимъ предсказаніемъ, мать ребенка — Алтея тотчасъ-же вызватила полѣно въ пламени, погасила его и спрятала (см. выше стр. 204). Дѣвы судьбы, какъ мы знаемъ, возжигали въ новорожденномъ пламя жизни и гасили его при кончинѣ человѣка; фантазія воспользовалась этимъ мифическимъ представленіемъ и заставила ихъ опредѣлять долготу жизни по времени горѣнія свѣчи или обрубка дерева. Сверхъ того, обязанность зажигать и тушить огонь жизни народныхъ сказки возлагаютъ и на богиню Смерть, ради тѣсной связи ея съ третьей паркою, разрывающею жизненную нить (стр. 203). Саксонъ-грамматикъ называетъ норнъ сестрами и для обозначенія ихъ употребляетъ слова: рагса и пушра. Изъ трехъ сестеръ двѣ первыя благосклонны къ ребенку, а третья, младшая — Skuld враждебна; она-то и назначаетъ срокъ жизни и опредѣляетъ, какою именно смертію долженъ погибнуть человѣкъ. Эдада говоритъ, что между норнами есть добрыя и злыя, и хотя по имени называетъ только трехъ; но допускаетъ и большее число; добрыя норны происходятъ отъ боговъ (асовъ) и свѣтлыхъ эльфовъ, злыя — отъ мрачныхъ, подземныхъ карликовъ (цверговъ); первыя создаютъ людское счастье, а послѣднія стараются имъ противодѣйствовать и посылаютъ горести и страданія ¹⁾. Преданіе о вѣщихъ женахъ, странствующихъ по землѣ и надѣляющихъ человѣка, при самомъ его рожденіи, благами и бѣдствіями, было сильно распространено въ средніе вѣка и донынѣ повторяется въ народныхъ сказкахъ и сагахъ. Такъ сказка про царевну «Dornröschen» (II, 423) упоминаетъ о тринадцати вѣщихъ женахъ (weise frauen); изъ нихъ двѣнадцать одарили дѣвочку красотой, богатствомъ и всевозможными добродѣ-

¹⁾ D. Myth., 377—381, 385—7; Beiträge zur D. Myth., II, 167, 183, 195—6; Germ. Mythen, 542—4, 554—6, 568—9, 674; Смирновъ: Эдада, 128. Вѣщія жены völur произошли отъ великановъ.

ляни, а тринадцатая, которую не хотѣли пригласить на родильное пиришество, являясь незванная и нарекла ей проклятіе: въ пятнадцать лѣтъ, сказала она, царевна уколется веретеномъ и падетъ мертвая! Предсказаніе сбылось вполнѣ. Въ роковой день царевна взомшла на старую башню, гдѣ сидѣла старуха и прядла кудель; дотронулась до веретена, уколола нѣмецъ и тотчасъ-же погрузилась въ долготнѣй, непробудный сонъ. Выше приведены подобныя-же сказанія о феяхъ и вилахъ. Какъ вила ударомъ волшебнаго прута окаменяетъ красавицу, такъ вѣщая жена посылаетъ на нее смертельный сонъ уколомъ веретена. Въ Баваріи рассказываютъ о трехъ представительницахъ судьбы, называемыхъ heilgätinnen (т. е. присуждающія людямъ счастье). Двѣ изъ нихъ—добрыя: одна—бѣла что снѣгъ, а другая (сходно съ литовскою лаумой) носить бѣлую и красную одежды; третья же—злая и даннымъ ей именемъ (Held) родится съ Геллою; какъ эта послѣдняя, она представляется или совершенно-черною, или на половину-бѣлою, на половину-черною; изъ страшнаго, сумрачнаго лица ея блистаютъ два огненныхъ глаза. Добрыя сестры прядутъ спасительную пряжу и готовятъ холстъ, который подстилаютъ родильницамъ для скорѣйшаго и благополучнаго разрѣшенія отъ бремени. Такимъ образомъ онѣ сходятся съ мненческими помощницами при родахъ—греческими εἰλεθούσαι и съ богиней Гольдою или Бертою, которая въ бѣлоснѣжной одеждѣ приходитъ въ домъ, качаетъ и баюкаетъ дѣтей, если спать ихъ мамки, и о которой (по справедливому замѣчанію Я. Гримма) трудно сказать, что въ ней перевѣшиваетъ: характеръ ли богини, или вѣщей жены. Злая сестра Held плететъ веревку, которою связываетъ смертныхъ и увлекаетъ къ себѣ — на тотъ свѣтъ. Чтобы унять шаловливыхъ дѣтей, имъ говорятъ: «будьте смирны; не то придетъ злая (die böse) и

связаеъ васъ веревкою!» Въ другихъ мѣстностяхъ удѣльныя рассказы о трехъ таинственныхъ дѣвахъ, вѣщія пѣсни которыхъ раздаются при родинахъ (крещеніи), свадьбѣ ¹⁾ и похоронахъ; пѣсни двухъ первыхъ сулятъ новорожденному и новобрачнымъ счастье, третья же поетъ о житейскихъ невзгодахъ и смерти. У каждой изъ нихъ висѣтъ съ боку прилака со льномъ, а въ рукахъ веретено. Онѣ прядутъ веревку (seil), протягивая ее съ одной горы на другую, и разбрасываютъ по воздуху прекрасныя ткани, которыя, вися въ поднебесья, предвѣщаютъ хорошую погоду ²⁾. Въ этомъ повѣртіи съ особенною наглядностію выластается ихъ близкая связь съ облачными и водяными (дождевыми) нимфами. О нихъ же рассказываютъ, что онѣ, выходя изъ воды, являются къ родильницамъ, помогаютъ имъ разрѣшенію, предвѣщаютъ будущее, прядутъ ленъ и въ ясные дни просушиваютъ свое бѣлье; въ народныхъ сагахъ нѣкій духъ или святой угодникъ бросаетъ на воздухъ одежды и полотна и оставляетъ ихъ висѣть на солнечныхъ лучахъ. Эти бѣлыя ткани, висящія въ воздухѣ и обѣщающія вѣдро, суть поэтическое представленіе облаковъ, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Небесныя дѣвы ткуть ихъ изъ паровъ и тумановъ, вышиваютъ золотомъ (=разцвѣчиваютъ солнечными лучами) и моютъ въ дождевыхъ потокахъ. Въ южной Германіи существуетъ поговорка: «so wollte ich ja lieber mit den hexen auf dem Schwarzwald nebel spinnen». По лужиц-

¹⁾ Нѣмецкая сказка говорить о трехъ старыхъ прикахъ, которыми помогаютъ дѣвушкамъ пряхъ и требуютъ за то позвать ихъ на свою свадьбу; по литовскому преданію, это были лаумы, по итальянскому — феи (См. Гримм., 14; Норвеж. сл., I, 13; Шлейхеръ, 12; Germ. Mythen, 671—2). Мойры также присутствовали при свадьбахъ, и невѣсты чествовали ихъ жертвенными приношеніями — Germ. Myth., 583. — ²⁾ „Jetzt wird es schönes wetter, die frauen haben ihre wäsche aufgehängt“ говорить носелыяе.

кому повѣрю, если wóðna ðona разстилаетъ по берегу свое бѣлье, то должно ожидать дождливой погоды (см. гл. XXVI). По указанію дѣтскихъ причитаній, одна изъ трехъ дѣвъ судьбы отираетъ небо — да воззрѣть оттуда свѣтлое солнце или сама Пречистая Марія (=Фрея или Гольда); она прядетъ чистое золото, шьетъ красную одежду для Господа Бога и выводитъ дневное свѣтло, т. е. ей приписывается творческая дѣятельность богини Зори, открывающей на востокъ райскія врата, устилающей путь восходящему солнцу розовою, золотистою пеленою и дарующей міру ясные дни — благодатное, плодородящее лѣто. Heilrätin-пеп чествуются въ Баваріи, какъ подательницы урожаявъ, и во время жатвы имъ оставляютъ въ даръ три хлѣбныхъ колоса. Съ бѣлыми лѣтними облаками издревле соединялись идеи плодородія, зачатія и брака (I, 237); наоборотъ — съ черными тучами, насущими опустошительныя бури, связывались представленія о злыхъ демонахъ ночи и смерти (см. гл. XXII). Въ силу этихъ воззрѣній облачныя дѣвы стали за-вѣдывать рожденіемъ, бракосочетаніемъ и кончиною чело-вѣка, что все вмѣстѣ и опредѣлило понятіе о могучей судьбѣ, властвующей надъ смертными въ предѣлахъ ихъ земнаго существованія — отъ колыбели и до могилы. Согласно съ тройкими обязанностями, возложенными на облачныхъ дѣвъ, изъ толпы ихъ выдѣлились три богини судьбы, изъ которыхъ на долю каждой выпалъ особый трудъ. Изъ нихъ двѣ — представительницы бѣлоснѣжныхъ облаковъ: одна распоряжалась родами, другая — брачными союзами; а третья — дѣва черной, молніеносной тучи разила смертію. Впослѣдствіи, съ забвеніемъ стихійныхъ, натуралистическихъ основъ, на которыхъ возникло означенное вѣрованіе, цвѣта эти приняты были за символы нравственныхъ понятій: бѣлый цвѣтъ сдѣлался знаменіемъ благихъ, дружелюбныхъ чувствъ, одушевляющихъ

богиню счастья, а черный — знаменіемъ злобы и коварства богини Смерти. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ преданія говорятъ о трехъ дѣвахъ судьбы; число это одинаково прилагается къ мойрамъ, наркамъ, феямъ, норнамъ и роже-ницамъ. Рожденіе, свадьба и смерть, колыбель, брачное ложе и смертный одръ или могила наводили мысль на соотвѣтственные въ понатія дѣтства, юности и старости — утра, полдня и вечера или заката человѣческой жизни. Когда человѣкъ мужалъ и задумывался о могуществѣ всеміянаго рока, его рожденіе и первые годы дѣтства были уже прошлыми, а смерть ожидала его въ будущемъ, и потому съ тремя дѣвами судьбы она necessarily сочетала представленіе о трехъ составномъ времени: одна изъ нихъ должна была вѣдать прошедшее, другая — настоящее, третья — будущее (вчера, сегодня и завтра). Богиня прошлаго Wurt признавалась старѣйшею изъ норнъ; она возрастаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и стоитъ передъ нами съ открытымъ и яснымъ лицомъ: это богатая опытомъ, кроткая и добродушная старушка, которая являлась у колыбели младенца и привѣтствовала улыбкою его первое утро. Другая Verdhandi (настоящее) также дружелюбна и откровенна, какъ и сестра ея Wurt; вмѣстѣ съ человекомъ она радуется его счастью, печалится о его горѣ, и вмѣстѣ съ нимъ борется противъ житейскихъ бѣдъ; ей принадлежитъ текущій мигъ и сфера ея дѣятельности единымъ волоскомъ отдѣляется отъ того, что подвластно прошедшему и будущему. Наконецъ Sculd — юная, но обманчивая и враждебная норна: это — темное будущее; никто не вѣдаетъ, чего она хочетъ и что таитъ подъ своимъ непроницаемымъ покровомъ. Минувшее и настоящее человека могутъ быть счастливы, какъ внезапно является она, разбиваетъ всѣ надежды и отнимаетъ самую жизнь. Ежедневно выѣзжаетъ она на поля бит-

вы «todeswahl zu halten». Есть, впрочемъ, указанія, что и другія сестры (согласно съ кореннымъ значеніемъ слова «норва») обладаютъ тою-же роковою, влекущею въ загробный міръ силою. Всѣ три нисходятъ онѣ на землю, чтобы возбудить распри и убійства; всѣ три стоятъ въ несомнѣнной связи съ темною ночью. Такъ въ ночное время приступали онѣ къ колыбели Гельги и протянули его жизненные нити по небу, озаренному мѣсяцемъ (mondessaal); въ Sturlunga saga норна Urdhr прилетаетъ черною птицею — тула, гдѣ луна свѣтитъ на поле усопшихъ. Преданія славянскія говорятъ о трехъ кугахъ и холерахъ, а новогреческія — о трехъ моровыхъ дѣвахъ, изъ которыхъ одна, подобно паркѣ, держитъ въ рукахъ ножницы, а другая — свитокъ съ именами тѣхъ, кому назначено умереть (см. выше стр. 114). Какъ небесныя пряхи, дѣвы судьбы, исполняя свои обязанности въ отношеніи къ тремъ главнѣйшимъ пунктамъ человѣческой жизни, прядутъ тѣ невидимыя нити (связи), какими поводится младенецъ и скрѣпляется брачный союзъ юноши, и ту страшную веревку, какою удушается человѣкъ въ минуту смерти. Дѣтская пѣсня гласитъ:

Sonne, Sonne, schein!
 Fahr über den Rhein,
 Fahr über goldene Haus,
 Da schauen drei alte Jungfrauen heraus.
 Eine spinnt Seiden,
 Die andre wickelt Weiden,
 Die dritte geht an's Brünchen,
 Findet ein goldenes Kindchen. ¹⁾

Золотое дитя, пребывающее въ колодцахъ, есть пламенная, чистая младенческая душа; дѣвы судьбы изъѣмлютъ ее изъ облачнаго источника Гольды и выпряденной нитью связываютъ

¹⁾ Илл: Die dritte spinnt das klare gold, die vierte ist meinem bublein hold.

оъ тѣлоу новорожденнаго; когда враждебная парка перерѣзываетъ эту нить своими ножницами — душа отторгается отъ тѣла и человѣкъ умираетъ. Нѣмецкія преданія упомываютъ о золотой связи, изготовляемой въ блаженномъ царствѣ Engelland'a, кторою обвивается младенецъ. Черезъ посредство этой связи опредѣляются и душевныя свойства человѣка и его счастье. Отсюда возникъ обрядъ — при повиваньи ребенка, завязывать ему въ пеленки хлѣбъ-соль, сыръ и деньги—эмблемы довольства и богатства. Въ разныхъ областяхъ Германіи подарокъ, даваемый крестнику, называется *eingebinde, einbund, gebindnis, strick, strecke, einstrickete* (отъ *einstricken—mit dem seil festbinden*). Вѣроятно, въ старину подарокъ этотъ привязывался къ тѣлу новорожденнаго нитью или тесемкою. Донынѣ соблюдается обычай привязывать няининнику приносимые ему подарки. Дары въ дни рожденія, няининъ, при крещеніи и свадьбахъ называются *angebunde, die helseta* или *wörgeta* (отъ *helsen, würgen — ein band um den hals drehen*). Тоже обыкновеніе соблюдалось и славянами. Народная легенда рассказываетъ, что Христосъ и св. Петръ, приглашенные бѣднымъ крестьяниномъ въ кумовья, совѣщались между собою: «so mu (ребенку) budou vázati». У чеховъ употребительны выраженія: «ditěti při křtu ¹⁾ zavázati», «kmotři ²⁾ dávají na povíjau», а самый подарокъ называется *závinek*. Одна изъ трехъ дѣлъ судьбы *dreht, flicht* или *wickelt weiden. Weide* (*wide*, отъ гот. *vīpan—fesseln*, откуда и сканд. *vidja—оковы, vadgr—веревка*) означаетъ: изъ древесной коры или гибкихъ вѣтвей свитую веревку, которая употреблялась при казни чрезъ повѣшеніе. Въ глубокой древности, въ замѣну пеньковой веревки, плели лыки и крутили свѣжія поросли ивы и дуба. По этому выраженію «*dreht weiden*» должно перевести: вьеть оковы,

¹⁾ При крещеніи. — ²⁾ Кумовья.

крутить удушающую веревку (*todesstrick*). Въ поэтическихъ сказаніяхъ славявъ и нѣмцевъ Смерть, нападая на человѣка, опутываетъ его веревками, связываетъ по рукамъ и по ногамъ, душитъ и увлекаетъ въ загробное царство (см. выше стр. 44). Сверхъ всего этого, такъ какъ веревка изстари служила для измѣренія пространства и опредѣленія границъ, то и въ рукахъ норнъ она принималась за орудіе, которымъ эти вѣщія дѣвы обозначали кругъ будущаго владычества и подвиговъ новорожденнаго дитяти (стр. 350); переступить за черту, проведенную норнами, не дано ни единому смертному.

Предки наши смотрѣли на тѣло, какъ на временную одежду, въ которую облачается бессмертная душа: на сканд. тѣло — *lík-hamr* (*lík-hamr*), др.-в.-нѣм. *lîh-hamo*, англос. *lîc-hama, flaesc-hama* = *körperhemd, fleischgewand*; скан. *fjadh r-hamr*, англос. *fedher-homa* (пернатая сорочка) = *vögelkörper*, сканд. *úlfs-hamr* (волчья одежда) = *wolfskörper* (сравни выше стр. 196). Эта тѣлесная оболочка создавалась божественною силою; въ качествѣ небесныхъ пряхъ и ткачихъ, дѣвы судьбы изготовляли ее своими искусными руками и одѣвали въ нее душу, предназначенную для земной жизни. По литовскому преданію, какъ только нарождался младенецъ, онѣ тотчасъ-же начинали ткать его жизненную сорочку и продолжали работу до тѣхъ поръ, пока злая, неумолимая сестра ихъ, опредѣляющая смертный часъ, не перерѣзывала ткани острыми ножницами; всякой вредъ, всякая порча, наносимая этой ткани, ощущались человѣкомъ на своемъ собственномъ тѣлѣ, причиняли ему болѣзни и страданія (см. выше стр. 330). Чтобы избавиться отъ недуга, больной долженъ идти къ колодцу и омочить въ немъ свою сорочку, т. е. по основному смыслу повѣрья: поврежденная жизненная ткань восстанавливается не иначе, какъ живою водою того райскаго источника, у котораго обитали вѣщія ткачихи. Это — цѣлеб-

вый источникъ Урды (jungbrunnen); норма настоящаго прилани, норма прошедшаго (Urdhr) ткала изъ нихъ холстъ и заботливо охраняла его отъ злой Sculd'ы. Преданіе о ткани, приносимой дѣвами судьбы къ родильницѣ, намекаетъ именно на ту тѣлесную одежду, въ которой является душа въ сей тѣниный міръ. Народныя легенды говорятъ о чудесной сорочкѣ, вырастающей вмѣстѣ съ ребенкомъ, которому она принадлежитъ; такую сорочку соткала св. Марія маленькому Іисусу. Смерть срываетъ этотъ покровъ съ утомленной житейскими страданіями души, и освобожденная она возвращается въ свое небесное отечество ¹⁾. Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, создано вѣрованіе въ счастливую сорочку (schicksalshemd), возлагаемую на младенца при самомъ его рожденіи. Когда метафора эта, служившая первоначально для обозначенія тѣла человѣческаго, затѣнилась въ народномъ сознаніи, — за такую сорочку приняли тотъ пузырь или плеву, въ которой является дитя изъ материнской утробы. Дѣти, рожденные обвитыми плевой, признаются счастливыми; по русскому выраженію, они родились въ сорочкѣ, серб. — у кошулице, чеш. — v košilce, пол. — w ezerku. Сорочку эту свертываютъ въ маленькой узелокъ, привѣшиваютъ къ тесемкѣ и вмѣстѣ съ шейнымъ крестомъ возлагаютъ на младенца, вѣря, что такимъ образомъ счастье останется привязаннымъ къ нему навсегда; нерѣдко зашиваютъ ее въ шапку или рубаху и носятъ при себѣ ради здравія и благополучія; случается, что крестьяне, отправляясь въ дальній путь, выпрашиваютъ на время такую привѣску у своихъ пріятелей и берутъ съ собою, чтобы удалось задуманное предпріятіе ²⁾. Въ Германіи

¹⁾ D. Myth., 257, 1128; Germ. Mythen, 524—538, 555, 576—700; Die Götterwelt, 322—3; Beiträge zur D. Myth., II, 168, 184—194, 199—200, 286—7; Volkslieder der Wenden, II, 267. — ²⁾ Абелъ, 295; Записки Авдѣев., 138; Громанъ, 106; Стоглавъ возстае

родильная плева называется *glückshaube, wehmutterhäublein* ¹⁾; ее тщательно берегаютъ и привѣшиваютъ къ ребенку, какъ спасительную наузу. Здѣсь думаютъ, что родившійся въ сорочкѣ имѣетъ способность видѣть духовъ, привидѣнія и вѣдьмъ ²⁾. Черногорцы убѣждены, что въ немъ обитаетъ вѣдогонъ, а сербы даютъ ему эпитетъ видовит: по ихъ рассказамъ, онъ ходитъ съ вилами и знаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе люди ³⁾. Въ Исландіи повивальная бабка закапываетъ «сорочку» подъ порогомъ (мѣсто, гдѣ пребываютъ домовіе эльфы), и общее повѣрье утверждаетъ, что съ нею невидимыми узами связаны душа ребенка и его добрый геній-хранитель. Если выбросить или сжечь счастливую сорочку, то охранительный духъ тотчасъ-же удаляется отъ ребенка. Духъ этотъ называется *fylgia*, какъ незримо-слѣдующій за человѣкомъ въ теченіи всей его жизни («*weil er dem menschen folgt*») и *hamingia* (*felicitas*; швед. *hamn* — *genius* ⁴⁾). Только смерть разрываетъ связь между человѣкомъ и его таинственнымъ покровителемъ. *Fylgia* вѣдаетъ прошедшее и будущее, и нерѣдко принимаетъ образъ того животного, нравъ котораго болѣе подходитъ къ нраву его кліента; иногда, подобно валькирин, онъ является въ видѣ прекрасной женщины и принимаетъ участіе въ битвахъ. Передъ самою кончиною человѣкъ видитъ, какъ погибаетъ его духъ-покровитель. *Gísli Sölgsson* имѣлъ два фальгія: добраго, призывающаго къ мирной жизни, и злаго, побуждающаго къ распрямъ и крово-

противъ обычая приносить такіа сорочки въ храмъ и оставлять ихъ въ теченіи шести недѣль на престолахъ. — ¹⁾ Въ Голландіи говорятъ: «*met den helm geboren zin.*» — ²⁾ D Myth., 362, 828, 1061. — ³⁾ Путеш. въ Черногорію, 220; Срп рјечникъ, 60. — ⁴⁾ *Genius* (одного корня съ *gens, geno, gigno*) — духъ, присутствующій при рожденіи чловѣка и охраняющій его во все продолженіе жизни; слово это служило также для означенія судьбы, счастья и душевныхъ свойствъ.—Römische Myth. (1858 г.), 67.

пролитію. Fylgier принадлежатъ не только отдельнымъ лицамъ, но и цѣлымъ семьямъ и родамъ, и вообще весьма близко соприкасаются съ эльфами, блюстителями домашнего вока и довольства. Очевидно, что фильги соединяли въ себѣ представленія: во 1-хъ о душахъ-эльфахъ, являющихся въ сей міръ въ тѣлесной одеждѣ младенцевъ, и во 2-хъ о вѣщихъ генияхъ, управляющихъ судьбою смертныхъ и устроающихъ ихъ счастье. Въ христіанскую эпоху эти древнѣйшія представленія перенесены на ангеловъ. По народному убѣжденію, у каждаго человѣка есть свой ангелъ добрый или злой, отъ котораго зависятъ и счастье, и горе, встрѣчаемая на жизненномъ пути. Выше (стр. 54-57, 207) указано, что ангелъ поражаетъ человѣка смертію, изъѣмлетъ изъ него душу, т. е. исполняетъ обязанность злой парки; рядомъ съ этимъ существуетъ другое повѣрье, что ангелъ приноситъ съ неба младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка. Если въ шумной бесѣдѣ вдругъ всѣ замолкнутъ—это знакъ, что мимо пролетѣлъ тихій ангелъ и гдѣ-нибудь вблизи родился младенецъ. Нѣмцы въ этомъ случаѣ замѣчаютъ: «ein engel flog durch das zimmer», а греки выражались: 'Ερμῆς ἐπαϊσθηλαί. Когда дитя улыбается или смѣется во снѣ, на Руси думаютъ, что на него смотритъ ангелъ, а въ Силезіи—что съ нимъ играетъ judel (gütel, güthen) — духъ-покровитель. Укладывая спать ребенка, русскія няньки считаютъ необходимымъ растегнуть воротъ его рубашки, чтобы ангелъ хранитель могъ свободно взирать на его чистую душу. Выраженіе: «счастливъ твой богъ!» принадлежитъ той отдаленной старинѣ, когда вѣрили, что у всякаго человѣка есть свой гений счастья¹⁾. Когда душа сброситъ съ себя тѣлесную ризу, дѣвы судьбы увлекутъ ее въ воздушныя пространства, одѣваютъ въ облач-

¹⁾ D. Myth., 829—831, 1052—4, 1078; Germ. Mythen, 306—8, 572—4; Этн. Сб., VI, 140.

ныя ткани и кусаютъ въ кипучихъ источникахъ дождя, дабы очищенная отъ земнаго праха—она могла вознестись въ царство блаженныхъ. Нѣмецкая сага рассказываетъ о бѣлой ж енѣ, которая по вечерамъ приходитъ къ прачкамъ и моетъ саваны (*tote n hem den*), что всегда служить предвѣстіемъ чьей-либо смерти. Одному старостѣ случилось въ ночное время ѣхать мимо источника; заслышавъ удары вальковъ, онъ спросилъ: «кто моетъ такъ поздно?» — Это мы! раздался отвѣтъ; сегодня умеръ мельникъ, такъ мы смываемъ пыль съ его грѣшной души. — Да хорошъ ли щелокъ? «Попробуй!» сказалъ кто-то и плеснулъ водою. На другое утро староста замѣтилъ, что у коня его обожжена кожа ¹⁾).

Облачныя дѣвы являлись мужественными вонительницами, такъ какъ самая гроза, напоръ тучъ, удары молній и грохотъ грома въ поэтическихъ сказаніяхъ древности изображались битвою воздушныхъ духовъ. Изъ среды этихъ дѣвъ—вѣщія богини судебъ прерывали нить человѣческой жизни и увлекали души въ царство усопшихъ. Смерть и парки стоятъ въ тѣсномъ родствѣ; но нигдѣ такъ не очевидно владычество Смерти, нигдѣ не предстаётъ она въ такомъ грозномъ могуществѣ, какъ въ кровавой войнѣ, и нигдѣ такъ ярко не выступала идея рока, поражающаго однихъ и щадыщаго другихъ, какъ въ шумѣ битвы. Древне-нѣмецкое *uglas* (*uglous*) означаетъ не только *fatum*, но и *bellum*. Смерть, какъ мы видѣли (стр. 44-49), рисовалась воображенію нашихъ предковъ неистовымъ, кровожаднымъ и вооруженнымъ въ ратные доспѣхи вождемъ. Отсюда родилось вѣрованіе въ нѣмецкихъ дѣвъ, сопутствующихъ богу весеннихъ грозъ и вихрей, принимающихъ участіе въ человѣческихъ битвахъ и собирающихъ души убитыхъ героевъ. Дѣвы эти, родственныя богинямъ судьбы, въ германской мифологіи носятъ имя валькиріѣ, какъ существа

¹⁾ Germ. Myth. 653.

стнхйныя, облачныя, валькириі летаютъ по воздуху надъ сушею и морями, ѣздятъ верхомъ на летучихъ коняхъ по небеснымъ пространствамъ, при чемъ кони ихъ трусятъ съ своихъ гривъ росу на лѣса и доли и даютъ землѣ плодородіе, т. е. онѣ ѣздятъ на облакахъ и тучахъ, бурный полетъ которыхъ заставилъ фантазію сравнивать ихъ съ быстроногими конями. Одной изъ валькирій присвоено ими Mist (туманъ), и «облако» называлось ея конемъ — Mistar marr (der Mist ross, буквально: туманный конь). Гдѣ несутся валькириі, тамъ доминируетъ опустошительная буря, зѣбятся и ударяютъ молніи. Это—дѣвы воинственныхъ; сканд. valr, англос. vāl, др.-в.-нѣм. wal — вся масса сраженныхъ въ бою, падшихъ на полѣ чести; англос. vālcyrig (vālcyrge, vālcyrge=valkyria, др.-в.-нѣм. walachuriā—избирающая: кому часть въ битвѣ ¹⁾ въ старинныхъ переводахъ служить для обозначенія богини войны (Bellona) и Фурій (Erinnys, Alecto, Tisiphone); сканд. valmeyjar (=valkyrjur) — schlachtmädchen и норвеж. valdöger — schutzgeist. Валькириі изображаются прекрасными всадницами, въ шлемахъ, со щитами, копьями и мечами въ рукахъ, и потому называются skialdmeýjar, hialdmeýjar ²⁾; въ древнѣйшихъ пѣсняхъ имъ присвоены собственные имена, указывающія на бранные доспѣхи: Grímhildr (helmsjungfrau), Brynhildr (die panzergekleidete), Geirdriful (speere werfend), Geirörul (die lanzennährende), Geirskögul (die mit dem speer hervorragende), Randgrídh (wut der schilde) и др. Валькириі состоятъ въ распоряженіяхъ Одина, вождя неистоваго воинства и «отца побѣдъ», который въ рукахъ своихъ держитъ жребіи войны, и какъ ему давались имена Oski, Wunc, такъ валькиріамъ присвоилось названіе öskmeýjar=wunschmädchen, что ука-

¹⁾ Сканд. kiosa (нѣм. kiesen) — избирать жертву, kūr (др.-в.-нѣм. chur) — electio. — ²⁾ Schild und helm-mädchen.

зываетъ въ нихъ не только спутницъ этого бога, но и дѣвъ судьбы (см. ниже о значеніи слова «wunsch»). Сродство ихъ съ норнами свидѣлствуется многими тождественными чертами. Какъ норны обитаютъ подъ стѣною міровой ясени, у небеснаго источника Урды, гдѣ плаваютъ два лебедя, отъ которыхъ произошла извѣстная человѣку порода этихъ птицъ; такъ валькиріи живутъ въ небесномъ лѣсу Myrkvidhr, купаются въ озерахъ, носятъ лебединыя сорочки (schwanhemden) и тѣмъ самымъ сближаются съ водными женами (áras). Какъ норна Urdhr устремляется на поле сраженія черною птицею, такъ валькиріи перелетаютъ воздушныя области лебедями. Подобно норнамъ, онѣ предвѣщаютъ будущее, прядутъ и готовятъ ткани; такъ Völundarquidha упоминаетъ о трехъ валькиріяхъ, которыя, сидя на берегу моря, пряли ленъ, и одна изъ нихъ восславила бѣлой лебеди — Svanhvít. Съ ихъ красною, кровавою тканью связывалась судьба сраженія. По свидѣтельству саги XI-го вѣка, когда ткали валькиріи, то кишки человѣчьи замѣняли для нихъ основу и утѣкъ, мечъ служилъ челнокомъ, а стрѣла — бѣрдомъ. Какъ скоро раздастся на землѣ военный кличъ, Одинъ посылаетъ своихъ бранныхъ дѣвъ, — и онѣ, сопровождаемыя орлами и вѣронами, поспѣшаютъ на мѣсто битвы на своихъ облачныхъ коняхъ, смѣшиваются съ толпами сражающихся и выбираютъ (auswählen) тѣхъ, которые должны послѣдовать за ними въ валгаллу (valhöll) — въ сообщество боговъ, т. е. быть убитыми. Орлы, вѣроны и волки любятъ питаться трупами, и потому считались необходимыми спутниками ратующаго Одина и смертоносныхъ дѣвъ; орлы и вѣроны назывались птицами валькиріи, а волки — собаками норнъ (granhunde der nǫrnen). Тамъ — въ небесномъ чертогѣ валькиріи обязаны были подносить богамъ и блаженнымъ героямъ (einheriern) роги съ медомъ (= нектаромъ); о норнѣ Urdhr

известно сказаніе, что она сторожила вдохновительный *Odhrgrig* — напитокъ, тождественный по значенію съ живою водою *Urdharbrunnen'a*. Во главѣ валькирій, какъ бы старшая между ними, стояла богиня Фрея, которая (подобно Одину) принимала къ себѣ души павшихъ витязей, называлась *Valfreyja* и на пиру асовъ исполняла обязанность кравчаго; лебедь былъ ее птицею. Въ рукахъ валькирій и военный успѣхъ, и поражение; онѣ приносятъ съ собою божественный приговоръ: на чью сторону должна склониться побѣда; въ нихъ саміи замѣчаются неодолимая страсть къ битвамъ. Преданія говорятъ о девяти, тринадцати и дважды-девяти валькирійхъ (изъ нихъ девять — въ бѣломъ одѣяніи, а девять въ черномъ), которыя скачутъ на коняхъ, блистая плечами, копьями и щитами. Особенно замѣчательна между ними *Skuld* — она, связующее валькирій съ нормами, ибо такъ называлась и младшая норма; эта послѣдняя разрывала жизненную нить, и потому болѣе своихъ сестеръ соотвѣтствовала дѣвамъ, забирающимъ души убитыхъ воиновъ. Своими любимыми героямъ валькиріи помогали побѣждать въ бою, и въ случаѣ опасности закрывали ихъ щитами. Туже роль, какъ мы знаемъ (стр. 170-4), играютъ въ битвахъ сербскія вилы, съ которыми преданія соединяютъ всѣ разнообразныя черты, усвоенныя эльфамъ, нормамъ и валькиріямъ. Поэтический образъ воинственной дѣвы не чуждъ былъ и народамъ античнаго міра. Я. Гриммъ проводитъ любопытную параллель между представленіями германской и греческой мифологій: нимфы (*idist*) соотвѣтствуютъ нимфамъ (*νύμφαι*), норны — мойрамъ (*μοῖραι*), валькиріи — керамъ (*κῆρες*). Керы — страшныя спутницы убійственнаго Ареса; онѣ являются на поле сраженія въ красныхъ, омоченныхъ кровію одеждахъ, схватываютъ и увлекаютъ убитыхъ. Всякому, кто долженъ умереть насильственной смертію, уже при самомъ рожденіи назначается своя

керы, и она непременно настигаетъ его въ роковую минуту. Ахиллесу опредѣлены были два рода смерти — двѣ керы, между которыми онъ долженъ былъ выбрать по собственному желанію (срѣвни выше, стр. 361, съ преданіемъ о двухъ фильгіяхъ добромъ и зломъ). Наиболѣе употребительный эпитетъ, даваемый керѣ, есть черная—*μέλαινα* ¹⁾. У Гезіода мрачныя, бѣлозубыя керы носятъ вадъ толпами сражающихся, запускаютъ въ раневныя свои острые когти и съ жадностью высасываютъ изъ нихъ горячую кровь; равнымъ образомъ тѣже когти и ту же жажду крови онъ приписываетъ и мойрамъ ²⁾. О южнорусскихъ мавкахъ рассказываютъ, что овѣ, захватывая молодыхъ парней, защекочиваютъ ихъ на смерть и питаются ихъ кровью ³⁾. Между собственными именами валькирій извѣстны еще: *Hildir* и *Gunr* (*Gudhr*), означающія *ругна*, *ргоелінг*, что указываетъ на олицетвореніе понятій битвы, войны — точно также, какъ у грековъ были олицетворены *Ἐρις* (распря, вражда), которую Зевсъ посылалъ возбуждать усобицы между людьми, *Ἐννοή*, *Νίκη*, у римлянъ *Bellona*, *Victoria* и у славянъ Обида, дѣва съ лебедиными крыльями (см. выше стр. 188 — 193). Итакъ облачныя жены и дѣвы, подъ вліяніемъ разлчныхъ мифическихъ сближеній, принимаютъ вѣщій и воинственный характеръ, дѣлаются участницами божественнаго суда, и мало по малу, съ забвеніемъ древнѣйшихъ основъ преданія, освобождаются отъ почвы естественной религіи (религіи природы) и переходить въ абстрактныя представленія то трехсоставнаго времени (прошлаго, настоящаго и будущаго), то крова-

¹⁾ *Ніада*, IX, 411; XVI, 687; XVIII, 535—540. Маннгартъ производитъ слово *κέρ* отъ *krit*—рѣзать, рубить. — ²⁾ D. Myth., 306, 388'—398, 406, 607, 939; Germ. Mythen, 543, 557—567; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 203—210; *Griech. Myth.*, I, 656. — ³⁾ Семеновск., 124.

вой войны и ея отдельных эпизодовъ. Вѣстѣ съ этимъ, при посредствѣ полнаго антропоморфизма, онѣ усваиваютъ себѣ черты чисто-человѣческія: въ народѣ возникаютъ сказанія, по свидѣтельству которыхъ дѣвы эти рождаются отъ земныхъ матерей, вступаютъ въ связи съ прославленными героями, чувствуютъ боль отъ нанесенныхъ ранъ и падаютъ бездыханными въ пылу ожесточенной битвы. Здѣсь-то должно искать и объясненія старинной басни объ амизовкахъ ¹⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, что съ вѣрою въ Родъ и рожаницъ соединялась идея судьбы, предопредѣленія. Случайности, опутывающія человѣка, не могли не поражать его фантазію — тѣмъ болѣе, что въ первобытномъ своемъ состояніи онъ всецѣло отдавался матери-природѣ, и все, что ни случалось съ нимъ, объяснялъ вліаніемъ добрыхъ или враждебныхъ силъ, дѣйствующихъ на него извнѣ, а не изъ собственной воли, не изъ своихъ личныхъ-разсчетовъ, побужденій и ошибокъ. По его мнѣнію, жизнь со всѣми ея радостями и бѣдами уже напередъ опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На такую связь Рода и рожаницъ съ судьбою указываетъ намъ и народная поговорка: «такъ ему (или мнѣ) на роду написано!» — поговорка, мнѣніе, значеніе которой вполне подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ Рожденникъ, гдѣ записаны грядущія событія въ жизни каждого человѣка ²⁾. По словамъ сербской сказки, при рожденіи одной дѣвочки присутствовали три предвѣщателя (замѣна рожаницъ) и «нешто у руцы као книгу држи» ³⁾.

¹⁾ Народный эпосъ весьма часто выводитъ богатырскихъ женъ, дѣйствующихъ мечемъ и стрѣлами и поражающихъ вражескія рати и страшныхъ змѣевъ — Н. Р. Ск., I, 14; Сказки Сахарова, 57; Бярша Дам., 95—99, 125—131; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 81—86; 1854, 257—9; Семеновск., 36; О состояніи женщины въ Россіи, Шульгина, 67—68. — ²⁾ Срезневск., 8. — ³⁾ Сербскій летопись 1862, I, 152—3.

Наши простолюдины вѣрить, что ангелъ у всякаго на роду (т. е. въ минуту рожденія) пишетъ его судьбу ¹⁾, а болгары говорятъ: «ѣмъ му было написано на небе-то!» — выраженіе, тождественное по смыслу съ сейчасъ-приведенною русскою поговоркою ²⁾. Новогреческое повѣрье утверждаетъ, что Моровая дѣва, начиная свое губительное шествіе вычитываетъ изъ длиннаго свитка имена обреченныхъ ей въ жертву (стр. 114). Въ Нормандіи рассказываютъ, что высшій надзоръ за этой страной принадлежитъ феямъ, что онѣ каждый вечеръ сходятся вмѣстѣ и сообщаютъ собраннымъ ими свѣдѣнія своей царицѣ, что эта послѣдняя держитъ въ рукахъ книгу живота, въ которой обозначены имена всѣхъ жителей, и что, смотря по доставленнымъ ей свѣдѣніямъ, она ставитъ при всякомъ имени бѣлую или черную отмѣтку ³⁾.

У славянъ сохранилось множество пословицъ и поговорокъ, намекающихъ на стародавнее вѣрованіе въ судьбу, идея которой (какъ мы видѣли) неразрывно связывается съ рожденіемъ, бракомъ и смертію человѣка: родился ли хорошъ, ли пригожъ, родился счастливъ (бѣлор. не родзися красныѣ, а родзися щасныѣ; малор. не родись багатій та вродаввій, а родись при доли та щасливій; не родись гарній, а родись щасливій); не накормить коня сухопарова, не надѣлать дитя безсчастное; счастливый — къ обѣду, а роковой — подъ обухъ; счастливый скачетъ, а несчастный плачетъ; кому щастя, тому и пѣвень несещя, а коли (счастья) не ведецца, то и курка не несещя; счастливый — что калячъ въ меду (къ нему все пристаеъ, все на прибыль); кому счастье служить, тотъ ни о чемъ не тужить; таланый жъ въ морѣ сыщеть; безъ счастья и по грибы въ лѣсъ не ходи; коли нѣту талану, такъ не пришить къ сарафану;

¹⁾ Рус. въ св. послов., II, 125—7. — ²⁾ Каравеловъ, 140. — ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 348—9.

всѣмъ бы молодецъ, да нѣтъ талану на роду; мой таланъ пошелъ по горамъ (или по рукамъ, т. е. нѣтъ счастья); мое счастье разбѣжалось по сучкамъ, по вѣточкамъ; такова наша доля—на то знать мы и родились; таковъ нашъ рокъ (отъ реку, какъ *fatum* отъ *faci*, т. е. првговоръ судьбы ¹⁾), что вилами въ бокъ! На кого рокъ (или Богъ — замѣна весьма знаменательная), на того и добрые люди; никто отъ своего року не уйдетъ; чему быть, того не миновать; такъ рокъ судилъ; знать такъ ужъ суждено! видно такая судьба! Отъ судьбы не уйдешь; бойся-не бойся, а отъ части своей не уйдешь; злая напасть—и то часть; судьбу на поршивомъ поросенкѣ не объѣдешь; бѣду (или суженного) и на кривыхъ оглоблахъ не объѣдешь (малор. що написано на роду, то-й конемъ не объѣдаешь); судьба придетъ — ноги сведетъ, руки назадъ свяжетъ ²⁾; сравни нѣм. «das ist mir bescheert», «was bescheert ist—entläuft nicht» ³⁾. Слово судьба (серб. усуд, суђење — «такъ ти је усуд усуди!» ⁴⁾ одного корня съ глаголомъ судить, и слѣдовательно означаетъ то, что присуждено—предопредѣлено человеку высшимъ божественнымъ судомъ. По народному русскому выраженію: «Богъ—судья!» Онъ «виноватаго сыщеть» ⁵⁾ и «кого Богъ судить, чоловікъ не розгудить» ⁶⁾; серб. «да Бог не усуди!» ⁷⁾ «ako bilo od Boga sudjeno.» Кто избѣгаетъ опасности или наказанія, тому говорить: «счастливъ твой

¹⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синодал. библіотеки, II, отдѣлъ, II, 150: «звѣздаго ради на-рока»—ради неотразимаго вліянія звѣздъ, ради судьбы. — ²⁾ Пословицы и притчи Снегирева, 278, 387, 451; Послов. Дала, 27—28, 32, 42—43, 94; Полн. собр. пословицъ (СПб., 1822), 173, 288; Собраніе 4291 древ. рус. пословицъ, 9, 128, 131, 198; Номис., 35—36, 171; Этн. Сб., I, 35; Приб. къ Изв. Ал. Н., I, 58; II, 231, Абев., 305. — ³⁾ D. Myth., 822. — ⁴⁾ Срп. рјечник, 791. — ⁵⁾ Рус. въ св. послов., III, 5. — ⁶⁾ Номис., 171. — ⁷⁾ Срп. рјечник, 791.

Богъ! Въ вологодской губ. употребляло сложное рѣченіе с удѣи боги, употребляемое въ смыслѣ жалобы или клятвы ¹⁾. Чешское преданіе о княжѣ Любушѣ и двухъ вѣщнихъ дѣвахъ (по свидѣтельству лѣтописцевъ — ев сестрахъ), которыя завѣдывали судомъ, мечемъ-карателемъ неправды и свѣточудною водою, обличающею людскую кривду, въ основѣ своею есть преданіе о трехъ дѣвахъ судьбы (судницахъ ²⁾). Въ старинныхъ намятникахъ слово судъ прямо употребляется въ значеніи судьбы; напримѣръ въ Словѣ о полку сказаво: «ни хитру, ни горазду, ни птицѣ горазду суда божія (=судьбы или смерти) не минути»; «Бориса же Вячеславица слава на судъ (на смерть) приведе». Въ посланіи Моголаха къ Олегу Святославичу встрѣчается подобное-же выраженіе: «судъ отъ Бога ему пришелъ». Здѣсь смерть разсматривается, какъ опредѣленіе Судьбы, которая въ рукахъ своихъ содержитъ все благое и гибельное и приговоры которой невозможно отклонить ни умомъ, ни хитростью ³⁾. Выше было указано, что конецъ жизни человѣческой опредѣляется судцами. Объ умершихъ насильственною или случайною смертію говорятъ: «такъ ему на роду написано» или «рокъ головы ищетъ». Въ слѣдующей поговоркѣ слову «рокъ» придается значеніе смерти: «бойся-не бойся, а року не миновать!» По глубоко-му убѣжденію народа, запечатлѣнному въ его пословицахъ:

¹⁾ Послов. Дали, 45; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Буслаев, 47. — ²⁾ Отъ снвр. корня *diç* — *diçami* — *indico, ostendo*, лат. *disco, in-dico, ju-dex*, греч. *δείκνυμι* — *zeige, δίκη* — *recht*; снвр. *dištam* (вмѣсто *diktam*) означаетъ судьбу, *īatum* — Бурциусъ, 105. Я. Гриниъ слово *schaagen* — учреждать, распорядить ставить въ связь съ *scheere* — ножницы, которыми вооружена парка — О повѣи въ правѣ, въ Сынѣ Отеч. и Свѣ. Архивъ 1831, т. XXIII, 45. Сравни выраженія: разрѣшить (развязать, разсѣчь) узелъ, разрѣшитель или распутать дѣло. — ³⁾ Рус. Дост., III, 74, 202; П. С. Р. Л., I, 106.

«безъ року смерти не бываетъ; кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ; кому за тыномъ окоченѣть, того до поры обухомъ не пришибешь; кому суждено опитъся, тотъ обуха не боятся; кому быть на висѣлицѣ, того и грозой не убьютъ; кому скоромнымъ кускомъ подавиться—хоть вѣкъ постись, комаромъ подавится! Ловить волкъ роковую овечку; обреченная скотинка ужъ не животинка» (непремѣнно околѣеть или достанется хищному звѣрю ¹⁾); у сербовъ: нема смрти безъ суѣна дана», «када мени суѣен данак дође!» ²⁾ Дочь Соловья-разбойника, желая убить Илью Муромца, ринула на него тяжелую подворотню, да «Ильѣ то не къ суду пришло» — и онъ остался невредимъ. Въ древне-русской повѣсти о борьбѣ Живота съ Смертію эта послѣдняя говоритъ человеку: «въ чемъ ты застану, въ томъ и суждаю» ³⁾. Бракъ, по народному выраженію, — божій судъ ⁴⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ фраза: «идти ко суду божію» употребляется въ смыслѣ: «идти подъ вѣнецъ» ⁵⁾; согласно съ этимъ, женихъ и невѣста называются у насъ сужеными, у сербовъ — суѣеники и суѣеница ⁶⁾. Обращаясь къ брату невѣсты, пѣсня возглашаетъ отъ имени жениха:

Ахъ, шуринъ мой, шуринъ ласковый!

Ты отдай мой даръ, мое суженое,

Мое суженое, мое ряженое (т. е. невѣсту ⁷⁾).

Въ малороссійской пѣснѣ читаемъ:

Ой їде Маруся (невѣста) на посадъ,

Зострича је Господь самъ

И з' долею щасливою,

И з' доброю годиною ⁸⁾.

¹⁾ Рус. въ св. посл., II, 31, 125, 127; Послов. Дала, 27, 46. —

²⁾ Срп. рјечникъ, 724. — ³⁾ Рус. Вѣст. 1856, XIV, ст. Бусл., 316. —

⁴⁾ Доп. къ обл. сл., 316. — ⁵⁾ Рус. прост. правди., IV, 170; Сахаров. — свадебныхъ пѣсн. — ⁶⁾ Срп. рјечникъ, 724. Въ серб-

скихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: «da mi hoće Miće sudjen biti», «moj sudjenik», «zete nesudjenik» — Книжевникъ 1866, св. II, 249. — ⁷⁾ Сахаров., I, 137. — ⁸⁾ Метлинск., 144.

Пословицы утверждают: «смерть да жена Богомъ суждена»; «судьба придетъ в руки ¹⁾» свяжетъ», т. е. наложитъ на избранную чету супружескія узы, вѣчными, символическимъ знаменіемъ которыхъ донынѣ служить полотенце, связующее, по требованію обряда, руки новобрачныхъ (см. гл. XXIX). Супружескій союзъ, со всѣми его удачными и неудачными послѣдствіями, не зависитъ отъ произвола и расчетовъ человѣка, а уже напередъ опредѣляется божественною волею: «кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится», «всякая невѣста для своего жениха родится». Приговоры судьбы въ этомъ отношеніи также неотвратимы, какъ и самая смерть, предназначенная человѣку: «суженаго конемъ не объѣдешь» ²⁾, «сужено-ряжено не объѣдешь въ кузовѣ» ³⁾. Соплетеніе, связыванье брачныхъ узъ народный эпосъ приписываетъ существамъ мифическимъ, божественнымъ. Приводимъ малорусскую сказку, записанную около Збруча и Смотрича ⁴⁾: «пославъ панъ козака з' лыстомъ и ему выпала дорога черезъ лѣсъ, и винъ якъ јихавъ тымъ лѣсомъ, то вадыбавъ святого Мыколая, що винъ вязавъ лыка—једно добре, а друге кепське. Але святыи Мыколај показався ему въ постати ⁵⁾ старого дѣда. Дѣ той козакъ, прѣјхавши близько св. Мыколая, в дывытьца на тоє и повидает: що то вы, дидуню, отто робыте? А св. Мыколај видзыває ся до него: а щожъ? ты бачышъ добре, що я роблю; лыка вяжу. — Та я, дидуню, бачу, що вы лыка вяжете; ино не знаю: на що? — Ото-такъ, козаче! тѣмъ лыка, которѣмъ я вяжу до купы, то вони свидачать людськѣю долю! — А чого вы вяже-

¹⁾ Вар. по рукамъ. — ²⁾ Или: суженаго не обойдешь и на конѣ не объѣдешь. Названіе «суженый-ряженый» объясняется тавтологической формулой: судить-рядить. — ³⁾ Послов. Дала, 27, 380, 841, Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл., 86. — ⁴⁾ Изъ матеріаловъ журнала „Основа“. — ⁵⁾ Въ образѣ.

те једно лыко добре, а друге кепське? — Бо такъ треба; бо и люды такы на свити: есть добріи и недобріи, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ были злы з'добрыми, а добры зо злыми. — А то для чого? — Для того, бо якъ бы съ звинчали сами злы, то вони бы не могли въ свити жыты, а якъ бы съ повинчали добры, обое робучи, то вони-бъ з'великого добра забулы Бога». Тоже преданіе встрѣчаемъ въ разсказѣ о свадьбѣ богатыря Святогора. Повстрѣчавъ Микулу Селянниовича, Святогоръ спросилъ его: «ты скажи-повѣдай, какъ мнѣ узнать судьбину божію?» — А вотъ поѣзжай къ горахъ; у тѣхъ горъ подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты войди туда и спроси кузнеца про свою судьбину. Ъхалъ Святогоръ цѣлыя три дни, доѣхалъ до кузницы и видитъ—куётъ кузнецъ два тонкихъ волоса. «Что ты куешь?» спрашиваетъ богатырь. — Кую судьбину: кому на комъ жениться. Спросилъ Святогоръ о своей невѣстѣ, и услышалъ въ отвѣтъ, что невѣста его въ поморскомъ царствѣ—тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ, тѣло у ней словно кора еловая. Не захотѣлось богатырю жениться на такой хворой и некрасивой женѣ, поѣхалъ въ поморское царство, поднялъ свой острый мечъ, ударилъ дѣвицу въ грудь—и поскакалъ своею дорогою. Отъ того удара спала съ дѣвицы кора и очнулась она красавицей невиданной и неслыханной. Въ урочный часъ посватался за нее Святогоръ-богатырь и женился. Какъ легли они опочивъ держать, увидалъ Святогоръ у своей новобрачной рубецъ на груди, распросилъ, и на самомъ дѣлѣ спозналъ, что отъ судьбы не уйдешь ¹⁾. Вѣщій кузнецъ, кующій судьбы человеческія, есть богъ-грошовникъ (см. I, 465—6); мастерская его устроена въ горахъ, т. е. грозowychъ тучахъ. Обрядовая свадебная пѣсня призываетъ его скрѣпить союзъ моло-

¹⁾ Рыбник., I, 40—41; см. варианты въ Запискахъ о южн. Руск., I, 308—9, и въ Перск. Сб., II, 166.

дой четы: «подь на свадьбу, боженька! скуй намъ свадьбу крѣпко, твердо, долговѣчно, вѣковѣчно» ¹⁾. Въ малорусской сказкѣ богъ-громовникъ замѣненъ уже Николаемъ-угодникомъ, к на этого святаго возлагается обязанность связывать до купы жизненные нити (веревки, лыки) тѣхъ, которые въ свое время должны соединиться супружескою связью. Народная фантазія заставляетъ мифическаго кузнеца, сковывать по-едино два тонкихъ волоса; эти волосы — не что иное, какъ двѣ нити, выпраденныя парками для жениха и невѣсты ²⁾. Оба понятія: нить и волосъ отождествляются какъ въ сказкѣ, такъ и въ повѣрьяхъ; поэтому и въ сказаніяхъ о судьбѣ имъ придано одинаковое значеніе. По свидѣтельству сербской приповѣдки ³⁾, дѣва, свѣтлая какъ самое солнце, сидя надъ озеромъ, вышивала солнечными лучами по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ волосъ (т. е. по облачной ткани); сама-же она нитѣла въ головѣ червленныи какъ кровь волосъ, напоминающій красно-огненные кудри громовника. Когда взяли и раздѣлили этотъ волосъ надвое, то нашли, что въ немъ было записано много славныхъ дѣяній, совершившихся отъ начала свѣта. И такъ устранишься отъ своей суженой — невозможно; наоборотъ, сколько бы ви старался добрый молодецъ взять за себя дѣвицу, неназначенную ему судьбою, хлопоты его будутъ напрасны. Въ малорусской пѣснѣ сестра, убѣждая брата не жениться, говорить ему:

Не бери јен, брате! та дивчина безъ доли росла,

Безъ доли росла, въ несчастью вродилася,

Она тобі, брате, дружиною не судилася ⁴⁾.

¹⁾ Торонецъ, соч. Сеневаго, 3. — ²⁾ Лужицане называютъ свадьбу — *kuzłarnicje* (*Volkslieder der Wenden*, II, 233); у чеховъ кузальницъ — *колдуны*, чародѣи (Срезнев., 60); у насъ вѣдальница — *кузница*, *кузлѣ* — *ковка* (Обл. сл., 95; Доп. обл. сл., 95) и *кузнечный молотъ* (тверск. губ.). — ³⁾ Сри. припов., 31. — ⁴⁾ Ч. О. И. и Д. 1863, IV, 298.

Несомненно, что и славяне, подобно другимъ индоевропейскимъ племенамъ, признавали судьбу таинственнымъ, всемогущимъ существомъ, съ царственною надъ всемъ миромъ властію и съ божественнымъ характеромъ. Они называли ее Судомъ божіимъ. Самое слово богъ первоначально означало *тѣх*, *fatum*. Въ санскритѣ ему соответствуетъ *bhaga* (отъ *bhag*—дѣлить) — часть, доля, отломокъ, а потомъ счастье и высочайшее существо, имущее въ своихъ рукахъ всякіе дары и раздѣляющее ихъ между смертными; сравни часть, участь и счастье: «сидень сидитъ, а часть (*gotupa*) его растетъ»; обл. щаска означаетъ и счастье, и участие; серб. честит — счастливый (съ-частный), обладающій частью, злочест — *malus* — тотъ, кому досталась злая часть, Отъ глагола дѣлить (нѣм. *theilen*, гот. *dailjan*) образовалось слово доля, означающее не только *pars* (отдѣлъ, но и судьбу (=то, что выпало человеку на часть, на долю, что досталось ему въ удѣлъ; нѣм. *theil*, ан-*theil* и *mit-theil*). По свидѣтельству пословицъ: «Богъ дастъ долю и въ чистимъ поли», «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» ¹⁾, «счастливому таланъ отъ Бога данъ», серб. «Богъ и среѣна дала». Отъ него исходятъ и всѣ блага, и всѣ лишенія, какъ это очевидно изъ производныхъ: богатый (снкр. *bhagavat*, сравни: *deus*, *divus* и *dives*), богатырь (слово, доселѣ употребляемое въ нѣкоторыхъ областяхъ въ смыслѣ богача) и у-богій (бѣдный, одержимый болѣзною, слѣпой, калѣка), малор. не-бога (бѣднякъ, сирота, лит. *pa bagas*), не-божчикъ (покойникъ, луж. *pa bugi*), т. е. обдѣленный судьбою, лишенный даровъ счастья: довольства, здравія и долголѣтія; съ-божіе аналогично съ словомъ съ-частіе: въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно означаетъ или вообще — имущество, состояніе, богатство, или въ част-

¹⁾ Вар. Лемухови Богъ долю дае.

ности — хлѣбъ, главное богатство земледѣльца, а верхне-луж. *zbožo* — счастье ¹⁾. «Господь, говорятъ малоруссы, никогда не спитъ: у того щасте одбирае, а тому дае» ²⁾. Какъ для всѣхъ другихъ представленій язычества источникомъ служило обожаніе природы, такъ и мысль о судьбѣ въ глубочайшей древности должна была связываться съ естественными, стихійными явленіями. Отвлеченныя понятія предполагаютъ долгое развитіе; по своей безтѣлесности, отрѣшенности отъ тѣхъ самыхъ предметовъ, свойствами и признаками которыхъ опредѣлялось ихъ значеніе, понятія эти не могли быть доступны грубымъ, младенческимъ племенамъ. Ученыя изслѣдованія показали, что вѣщія дѣвы — судицы принадлежали къ существамъ облачнымъ, дождевымъ. Судьба слѣдовательно была не болѣе, какъ олицетвореніе всемогущихъ, то благотворныхъ, то разрушительныхъ, но всегда-неотвратимыхъ силъ природы. Слова, служившія для обозначенія этого понятія, были въ началѣ эпитетами или прозваніями верховнаго божества неба, бурныхъ грозъ, дождевыхъ ливней и земнаго плодородія. Въ скандинавской мифологіи это — Одинъ, шествующій въ облакахъ и буряхъ, богъ, которому служили валькирии и отъ воли котораго зависѣли торжество и смерть сражающихся героев. Его всевидящее око — солнце, вѣщія вороны *Huginn* и *Muninn*, напитки мудрости изъ колодца *Мимира* суть выраженія его всевѣдѣнія; онъ знаетъ и бывшее, и настоящее, и будущее, онъ надѣляетъ людей высочайшими дарами духа и плоти, онъ —

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яв., 122; Мат. сравн. слов., II, 547, 559; Диеенбахъ, II, 610; Обл. Сл., 126, 236; Номис., 25. По указанію г. Потебни часть (отъ сипр. *ч'н'ад*, *ч'нинат-ти* — *scindege*) и доли (отъ сипр. *д'ал-ати* — *колоться*) означаютъ нѣчто отрѣзанное, отколотое, кусокъ — Труды моск. археолог. общ., в. II, 154. — ²⁾ Кулишъ, I, 148.

владыка желаний, и потому называется Oski=Wunsch ¹⁾, т. е. въ рукахъ его все счастье, какого только можетъ пожелать смертный. Поэты XIII столѣтія изображали Wunsch, какъ живое, могучее и творческое существо; валькирии назывались óskameyjar = wanschmädchen, тоже что славянскія желкине, жельне жене; души блаженныхъ героев, увлекаемыя валькиріями въ жилище Одина,—óskasynir = wunschsohne. Чудесному жезлу, съ помощью котораго Гернесъ могъ усыплять живыхъ и пробуждать мертвыхъ, соотвѣствуютъ wünschelruthe и schlafdorn германскихъ преданій: это жезлъ, возжигающій пламя жизни въ новорожденномъ младенцѣ и погашающій его въ минуту смерти. Когда Одинъ возлизъ въ Брунигильду schlafdorn, она тотчасъ-же впала въ непробудный сонъ; подобное-же дѣйствіе, по свидѣтельству сказки, производитъ веретено вѣщей прихи (= норны). Наконецъ wünschhütlein и wunschmantel (= hut и mantel des Wunsches, Wnotans) напоминаютъ «счастливую сорочку», которая готовится двумя судьбы ²⁾. Одинъ — творецъ и владыка міровой жизни; вѣстѣ съ своими братьями Vili (der wollende) и Vé (weiher, heiliger), онъ вывелъ изъ предвѣчнаго хаоса небо и землю, даровалъ вселенной законы и устроилъ въ ней физическій и нравственный порядокъ; онъ создалъ первую чету людей — мужа и жену, и вдунулъ въ нихъ живыя души; онъ — царь, управляющій и смертными и богами, Allvater и Mjötudhr = измѣритель, взвѣшиватель всего сущаго, опредѣлитель судебъ ³⁾. Выше указано, что длиною нити, выпряденной парками, опредѣлялась

¹⁾ Oskabygg = óskis wind, wunschwind. — ²⁾ Въ руссконъ языкѣ бажѣный, забажѣнный — дорогой, желанный, и говоря о дѣтяхъ—вымоленный, выпрошенный у Бога; бажѣть (бажѣть) — сильно желать (Обл. Сл., 5, 59). — ³⁾ Die Götterwelt, 152, 181; D. Myth., 390.

долгота человеческой жизни, что веревкою нориъ измѣрялось пространство владѣній, на которыя должна распространиться власть новорожденного героя, и что двѣмъ судьбы присвоилось названіе *mēten* (стр. 344). По выраженію русской поговорки, «Богъ не гуляетъ, а добро перемѣряетъ» ¹⁾ — одному даетъ, у другаго отымаетъ. *Gautrekssaga* повѣствуетъ, что Одинъ и Торъ, подобно норнамъ, феямъ и рожанцамъ, творили грядущія судьбы. Въ полночь разбудилъ Одинъ своего приемыша Старкадра (*Starkadhr*) и на лодкѣ переправился съ нимъ на островъ, гдѣ въ тѣнистомъ лѣсу засѣдало одиннадцать сѣдей; двѣнадцатый стулъ былъ свободенъ, его занялъ Одинъ — и предложилъ судьямъ изречь свои приговоры. Тогда началъ гнѣвный Торъ: «*ich schaffe ihm* (Старкадру), *dass er weder sohn noch tochter haben und seinen stamm enden soll*». Одинъ продолжалъ: «*ich schaffe ihm, dass er drei mannesalter leben soll*». Торъ: «*in jedem alter soll er ein nidhingsverk* ²⁾ *thun*». Одинъ: «*ich schaffe ihm — er soll die besten waffen und kleider haben*». Торъ: «*er soll weder land noch grund haben*». Одинъ: «*ich gebe ihm, dass er viel geld und gut habe*». Торъ: «*ich lege ihm — in jedem kampf soll er schwere wunden empfangen*». Одинъ: «*ich gebe ihm die gabe der dichtkunst*». Торъ: «*was er dichtet, soll er nicht behalten können*». Одинъ: «*das schaff ich ihm, dass er den edelsten und besten männern werth erscheine*». Торъ: «*dem volk soll er verhasst sein*». Торъ играетъ въ этой сатъ роль враждебной норны; каждый благой даръ онъ старается умалить злымъ пожеланіемъ ³⁾. Греки сочетали идею судьбы съ громоноснымъ Зевсомъ, въ рукахъ котораго были вѣсы, опредѣляющіе участь не только отдельныхъ героевъ, но и цѣлыхъ народовъ:

¹⁾ Послов Дала, 4. — ²⁾ Безчастное, темное дѣло. — ³⁾ Germ. *Mythen*, 596—7; D *Myth.*, 818—9.

Зевсъ распростеръ, промыслитель, въсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія смерти, въ совѣ погружающей долги: .

Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.

Взялъ по срединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій къ Анду упалъ...

Также взвѣшивалъ онъ и жребіи троянъ и данаевъ: «жребіи данайскихъ сыновъ до земли многоплодной спустился, троянъ же до звѣзднаго неба вознесся» ¹⁾. Вѣсы — эмблема Θεμίδας богини правосудія (= суда божьего), взвѣшивающей людскую правду и кривду. По свидѣтельству украинской сказки, Смерть, какъ одна изъ трехъ паркъ, требуетъ, чтобы душа усопшаго становилась на вѣсы, которыя подъ тяжестію грѣховъ склоняются долу, а праведнаго подбрасываютъ вверхъ — на свѣтлое небо (см. выше стр. 273—4). Послѣ водворенія христіанства народная фантазія дала эти вѣсы архангелу Михаилу, вождю небеснаго воинства и побѣдителю демоновъ; на страшномъ судѣ онъ будетъ взвѣшивать добрыя и злыя дѣла каждого человѣка, и смотря по тому, что перетянетъ, назначить ему или вѣчное блаженство, или адскія муки ²⁾. Въ связи съ этими «вѣсами правосудія» должно поставить ипсовское преданіе о горѣ Судомъ (въ порховск. уѣздѣ). Надъ этою горою висѣла нѣкогда спущенная съ неба цѣпь; въ случаѣ спора или бездоказательныхъ обвиненій соперники приходили сюда и каждый поочередно долженъ былъ достать цѣпь рукою; но цѣпь позволяла до себя дотронуться только праведной рукѣ. Однажды сосѣдъ у сосѣда укралъ деньги и положилъ ихъ въ толстую, выдолбленную внутри палку. Оба пошли на Судому; сперва взялся за цѣпь обвинитель, а затѣмъ воръ, когда настала его очередь, попросилъ своего противника поддержать палку, и доставая цѣпь, сказалъ: «деньги у те-

¹⁾ Илиада, VIІІ, 69—74; XXII, 209—213. — ²⁾ См. храмовныя илубочныя изображенія «Страшнаго суда».

бя! Цѣпь и ему далась, но послѣ того неизвѣстно какъ и куда исчезла ¹⁾). Для предковъ нашихъ судъ и законы имѣли священное значеніе; по общему, глубоко-укорененному убѣжденію, они исходили отъ боговъ и составляли неотъемлемую принадлежность религіи. Древнѣйшій чешскій памятникъ «Судъ Любуши» говоритъ: «у насъ правда по закону святу, ю-же принесеху отци наши», «по закону вѣкожизненныхъ боговъ» ²⁾). Греки вѣрили, что законы имъ посланы Аполлономъ и Зевсомъ, а по сказанію римлянъ, Нума записалъ ихъ со словъ богини Эгеріи. Въ теченіи долгаго времени они даже не были закрѣплены письмомъ, и въ краткихъ ритмическихъ вѣрченіяхъ (скапіа, *вѣмои* ³⁾) передавались устно отъ отца къ сыну, имѣли съ вѣрованіемъ и молитвами; какъ эти послѣднія должны были произноситься въ совершенной точности, не допускали ни малѣйшаго измѣненія, такъ и юридическія формулы только тогда имѣли обязательную силу, когда произносились съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ заветнымъ, нерушимымъ словамъ. Вступая въ гражданскія отношенія, человѣкъ обязывался священной формулой. Впоследствии, занесенные въ «служебники», промежъ обрядовыхъ постановленій, зачатій и молитвъ, законы хранились въ храмахъ, подъ надзоромъ жрецовъ ⁴⁾). О славянахъ извѣстно, что они собирались на сходки и обсуждали свои общественныя дѣла при штетинскомъ храмѣ ⁵⁾). Въ нашихъ памятникахъ можно указать на позднѣйшіе слѣды этого древняго обычая; такъ въ «Псковской судной грамотѣ» читаемъ: «а который позовникъ

¹⁾ Географ. Извѣстія, изд. Р. Г. Общ., 1850 г., III, 527. Сходныя преданія, уцѣлѣвшія у другихъ народовъ, указаны въ Ист. очерк. рус. слов., I, 464—9. — ²⁾ Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 13—15. —

³⁾ Отъ *вѣмо*—раздѣляю; *вѣмои*—раздѣлъ, мѣра, стихотворный ритмъ, пѣсня. — ⁴⁾ Буланжъ, 250—6, 402. — ⁵⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнен., 47.

пойдетъ исца звать на судъ, и той позванный не поидетъ на погостъ къ церкви позывницы чести... ино позывница прочести на погосте предъ попомъ»; «а противъ той рядницы не будетъ во святой церкви въ лари въ тѣ-жъ рѣчи другой...» ¹⁾

Вѣра въ таинственную, всѣмъ управляющую волю Судьбы съ особенною наглядностію заавляетъ себя: а) въ судѣ божіемъ (ордаліяхъ), самое названіе котораго тождественно съ именемъ Судьбы (см. II, 195-9); б) въ обычай метать въ сомнительныхъ случаяхъ жребій, и его указаніе принимать за приговоръ всевысшаго божества, и с) въ гаданіяхъ о будущемъ. Рѣшеніе частныхъ тяжбъ и общественныхъ вопросовъ жребіемъ было употребительно у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Дѣло, въ которомъ боролись противоположные интересы, черезъ это возвышалось надъ произволомъ и страстями людей и восходило на тотъ верховный, непреложный судъ, передъ которымъ умолкали всѣ личные расчеты; ибо избѣгнуть опредѣленій рока не дано ни одному смертному. Лат. *sorts* и нѣм. *loos* означаютъ и жеребій, и счастье, долю, участь; точно также и рус. жребій употребляется въ двоякомъ значеніи: метать жеребьи — бросать нарочно-нартзанная и помѣченныя палочки или прутки, чтобы по ихъ расположенію разрѣшить спорный вопросъ; знать, таковъ мой жребій! вмѣсто: таково мое счастье! Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы бросала жребіи для опредѣленія грядущихъ событій (см. выше стр. 346, 349). И греки, и римляне вопрошали свои прорицалища посредствомъ жребіевъ. Для этого они метали кости, или изъ урны, наполненной водою, доставали дощечки, на которыхъ начертаны были различные зна-

¹⁾ Стр. 5, 7 и др. При такомъ взглядѣ на судъ и законы, нѣтъ ничего удивительнаго, что при введеніи христіанства духовенство тотчасъ-же приобрѣло значительное участіе въ судебныхъ дѣлахъ.

ки, а жрецы поясняли ихъ сокровенный смыслъ. Выборы въ общественныя должности долгое время совершались по жребію, т. е. отдавались на божью волю. У германцевъ жребій былъ рѣшителемъ споровъ и провозвѣстникомъ будущаго. По свѣдѣтельству Тацита, отломленную отъ дерева вѣтвь они разрывали на части и на каждой клали особую мѣтку; жрецъ или старѣйшій въ родѣ бросалъ эти прутыки, и смотря по тому, какъ они выпадали, дѣлалъ свои заключенія. Отсюда очевидна связь жребія съ рунами и гаданіями ¹⁾. Тотъ-же обычай существовалъ и между другими племенами; скины по расположенію жеребьевыхъ прутиковъ или стрѣлъ угадывали будущее и давали отвѣтъ на всякое возникшее недоумѣніе ²⁾. Саксонъ-грамматикъ говоритъ, что на островѣ Ранъ славяне кидали три дощечки — съ одной стороны бѣлая, а съ другой черныя, и замѣчали: какой именно стороною упадутъ онѣ кверху; бѣлая предвѣщала успѣхъ, а черная — неудачу. Къ этому гаданію прибѣгали и штетинцы, чтобы опредѣлить исходъ морской битвы ³⁾. Въ числѣ запретныхъ книгъ и суевѣрныхъ обрядовъ старинный памятникъ называетъ: Метаніе или Розгомечецъ. Какая жертва угодна богамъ?—это изстари рѣшалось жребіемъ; такъ при св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвицу: «на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ» (II, 260). По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій, и слѣдуя его указанію, однихъ птицъ заколали въ жертву, а другихъ пускали на волю. Стихъ о Елизаветѣ Прекрасной разсказываетъ: когда при царѣ Агеѣ покинулъ народъ вѣру христіанскую, то Господь прогнѣвался и напустилъ на царство зѣбѣ лютаго, поѣдучаго; тогда-то князья и бояре собирались на соѣмище

¹⁾ D. Myth., 1064; Germ. Mythen, 599; Куляжъ, 241—2. — ²⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. I, 140. — ³⁾ Срезнев., 81.

И жеребьи закладывали:
 Кому напередъ зѣрю достануться
 На сѣдѣніе, на смертное потребленіе? ¹⁾

Даже въ выборѣ жениха и невѣсты предки наши руководились жребіемъ, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго выраженія Слова о полку: «врѣже Всеславъ жребіи о дѣвицу себя любу» ²⁾

Въ торговомъ договорѣ Новгорода съ нѣмцами и готландцами (XIII-го столѣтія) постановлено, чтобы тяжбы между русскими и ганзейскими гостями, при недостаткѣ судебныхъ доказательствъ и противорѣчіи свидѣтелей, рѣшались жребіемъ ³⁾. Въ Судебникѣ Ивана Грознаго занесено слѣдующее узаконеніе, подтвержденное потомъ и въ Уложеніи (XIV, 4): если между русскимъ и чужеземцемъ возникнетъ дѣло, которое не иначе можетъ быть рѣшено, какъ развѣ присягою, то цѣловать крестъ предоставляется той сторонѣ, чей вынется жребіи. Англичанинъ Лэнъ описалъ намъ самый обрядъ выниманія жребія: два восковыхъ шарика съ именами спорящихъ клались въ шапку и кто-нибудь изъ постороннихъ доставалъ одинъ шарикъ голою правою рукою; чье имя вынималось, тотъ давалъ клятву и выигрывалъ дѣло. Изъ уставной грамоты шуянамъ 1606 года видно, что и въ томъ случаѣ, когда оба противника были люди русскіе, право цѣловать крестъ опредѣлялось жребіемъ. Тѣмъ-же способомъ рѣшались въ XVI-мъ столѣтіи вопросы: кому изъ тяжущихся о поземельномъ владѣніи должно предоставить право идти съ образомъ на головѣ и указывать межу ⁴⁾. По Уложеніи (XIV, 10) искъ не свыше рубля рѣшался жребіемъ, а больше

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 155; см. также Пост. Вое., II, 199—200. — ²⁾ Рус. Дост. III, 186. — ³⁾ Городское или средн. состояніе рус. нар., соч. Пломинскаго, 59, — ⁴⁾ Макуш., 104; Исторія Росс. Соловьева, VII, 158, 334, 414; Карамз. И. Г. Р., IX, примѣч. 788; Описаніе гор. Шум., 226.

рубля — присягою. Выборъ духовнаго владыки совершался въ старину по жребію: имена кандидатовъ писались на отдѣльныхъ листкахъ, и запечатанныя полагались — въ Новгородѣ на престолѣ у св. Софіи, а въ Москвѣ — передъ иконою Владимірской Богоматери въ Успенскомъ соборѣ; послѣ молебствія выносили одинъ свертокъ, распечатывали и объявляли народу избраннаго. Наказывать десятаго по жребію, въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ смутъ, долго удерживалось на ряду съ другими судебно-административными мѣрами ¹⁾. Но еще долговѣчнѣе жребій въ обычаяхъ поселянъ, которые выражаются о немъ пословицами: «жеребій — божій судъ», «жеребій — святое дѣло», «жеребій сыщеть», «отъ жеребья не уйдешь!» ²⁾ Довытъ въ деревняхъ и селахъ большая часть спорныхъ дѣлъ и очередныхъ обязанностей рѣшается жребіемъ. При дѣлѣжѣ имущества и выборѣ рекрута крестьяне всего охотнѣе полагаются на этотъ безстрастный, независимый отъ человѣческаго произвола судъ. Въ нижегородской губ. при развѣрсткѣ поземельныхъ участковъ бросаютъ жеребьи; въ ярославской и другихъ губ., когда умереть отецъ и не оставить послѣ себя никакого распоряженія, два сына его (что называется «ровный бой») берутъ каждый свою часть по жребію ³⁾. Метанье жеребьевыхъ знаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняется обыкновеніемъ конаться, и слово это въ рязанской губ. употребляется въ смыслѣ: бросать жребій. Слѣдуя завѣту старины, русской человѣкъ — когда наступать Рождественскіе Святки — силится разгадать: что присудила ему на будущій годъ могучая Судьба? Съ этою цѣлью совершается обрядъ гаданія, описанный нами во II-мъ томѣ, стр. 194. У болгаръ, наканунѣ Нового года, дѣвицы

¹⁾ Рус. въ св. посл., III, 215—8. — ²⁾ Послов. Даля, 50; Толков. слов., I, 477. — ³⁾ Этн. Сб., I, 13, 21; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 108.

выносить на площадь котелъ, наполненный водою, опускаютъ въ него кольца, браслеты, ожерелья, и все это отдають на сохраненіе такъ-называемой царицѣ солнца. Царицею назначается обыкновенно дѣвушка не старѣе шестнадцати лѣтъ, съ русою косою и голубыми глазами. На другой день сельская молодѣжь отправляется къ ея дому, съ музыкой и пѣснями; царица подымаетъ котелъ и выходитъ на встрѣчу, красуясь длинными, распущенными по плечамъ волосами; подруги убираютъ ее цвѣтами, надѣвають ей на голову вѣнецъ и красное покрывало, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ идутъ на площадь. Тамъ приступаютъ къ гаданію; хоръ поетъ предвѣщанія, а царица вынимаетъ изъ котла одну за другою погруженные въ него вещи. Чья вещь будетъ вынута, тому и вѣщаетъ провозглашенная пѣсня его грядущую судьбу ¹⁾: «кому вынется, тому сбудется—не минуется!» Царица солнца представляетъ въ этомъ обрядѣ дѣву-судицу (сравни I, 82—85), а кольца, браслеты и ожерелья замѣняютъ собою жребія гадающихъ.

Литовскій Прамжинасъ (=божіе предопредѣленіе, судьба) почитался высочайшимъ изъ боговъ; его судомъ содержится вселенная; отъ его ударовъ дрожитъ мать-земля, какъ отъ небесныхъ громовъ Перкуна; онъ посылаетъ всемірный потопъ (=весенніе разливы) и потопъ создаетъ на землѣ новую жизнь и новое поколѣніе людей, заставляя спасенную нимъ чету прыгать черезъ камни. Тотъ-же мифъ о происхожденіи людскаго племени греки связывали съ Гермесомъ, а славяне, какъ свидѣтельствуется старинный памятникъ ²⁾, — съ Родомъ: сидя на воздуси, Родъ мечетъ на землю груды — и въ томъ рождаются дѣти (II, 474—5). Изъ этихъ сближеній

¹⁾ Москов. Газета 1866, стат. Каравелова: «Святки у болгаръ»; см. также Гласник. срп. учен. друштва, кн. V (1867), 127. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, предисл. стр. XXIII.

позволительно заключать, что первоначально подъ именемъ Рода разумѣлось божество, заправляющее весенними грозами, оплодотворяющее землю сѣменемъ дождя и создающее мировую жизнь. Бѣлый свѣтъ, по выраженію стиха о голубиной книги, зачался отъ суда божія. Выше мы видѣли, что богъ-громовникъ, какъ мнѣшескій кузнецъ куетъ людямъ брачныя узы и назначаетъ, кому на комъ жениться (стр. 373—5); какъ повелитель волковъ («волчій пастырь»), онъ опредѣляетъ, какіе именно люди должны умереть отъ зубовъ этого хищнаго звѣря, и приговоры его также неотвратимы, какъ и приговоры рожаницъ; волки слѣдуютъ за нимъ — подобно тому, какъ слѣдуютъ они за Однимъ и валькиріями (I, 710-1). Въ древнихъ рукописяхъ рай и адъ (= тѣ загробныя области, гдѣ обитаютъ души предковъ) обозначаются словами по-рода и родъство: «а уже убогихъ не миловати, и родъство обѣштано е(сть) и огнь негашащии и съ бѣсы мученіе» ¹⁾. Это наводитъ насъ на мысль, что съ Родомъ могло соединиться представленіе о владыкѣ усопшихъ предковъ (сравни выше, стр. 283, преданіе о ведическомъ Аріамѣ); что, царствуя въ воздушныхъ сферахъ, онъ—съ одной стороны—посылалъ на землю младенческія души (=порождалъ дѣтей), а съ другой, наравнѣ съ скандинавскимъ Однимъ и греческимъ Гермесомъ, препровождалъ души усопшихъ въ страну безсмертія. Въ паремейникѣ 1271 года слово Родъ употреблено при переводѣ еврейскаго гад (fortuna, *טֹחַן*, богъ счастья): «готовяще Родоу трапезъ» ²⁾. Въ древле-славянскомъ переводѣ хроникъ Малалы и Аматорла греч. *εἰμαρμένῃ*, означающее судьбу, объясняется словомъ рожденіе: «И мармѣннѣ же съдѣлавшии прелесть нѣкоюу, глаголемую рожденіе, еяже развѣ ничесоужъ пострадати, ли творити могоуще комоу-любо,

¹⁾ Матер. для истор. писемъ, 9 (Святославовъ Изборникъ 1073 года). — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II. ст. Срезнев., 109.

знаменословять, и въ таковою прелесть и нечестіе въпадаютъ; мѣвъ бо нѣкымъ, яко развѣ рожденія — кромѣ Имармѣнии никто-жъ ни сѣтворити, ни пострадати власть имать». Замѣтимъ, что и греки съ словомъ γένεσις соединяли понятіе судьбы: такъ у Іоанна Златоуста, чаще другихъ возражавшаго противъ фатализма, читаемъ: «ἐὶ Θεός, ὦ γένεσις» — въ старинномъ переводѣ: «аще Богъ есть, нѣсть рожденія»; «ἐὶ γένεσις, ὦ νόμος, ἐὶ δὲ νόμος, ὦ γένεσις» — «аще рожденіе — то не законъ, аще законъ — то не рожденіе». Тотъ-же смыслъ средневѣковые латинскіе и нѣмецкіе памятники придаютъ рѣченіямъ: *genesis, genitura, nascentia, gaburt, giburt, gaburdia* ¹⁾). Въ одномъ изъ поучительныхъ сочиненій VII-го вѣка записано: «nullus sibi proponat fatum vel fortunam aut genesin, quod vulgo nascentia dicitur ut dicat: qualem nascentia attulit, taliter erit» ²⁾). Хотя въ старинныхъ переводахъ слово «рожденіе» и есть повидимому не болѣе, какъ буквальная передача греческаго γένεσις; но это еще не доказываетъ, чтобы переводчики употребляли его машинально, безсознательно, и чтобы само по себѣ оно не имѣло никакой связи съ понятіемъ о всеильномъ рокѣ. Наоборотъ, надо думать, что и переводчики, и ихъ современники очень хорошо понимали: противъ какого «рожденія» были направлены протесты проповѣдниковъ; можно ли сомнѣваться въ этомъ, если дѣвы судьбы назывались у славянъ рожаницами, если и донынѣ народъ русской выражается пословицей: «отъ рѣду (=отъ судьбы) не въ воду!» ³⁾ Во всѣхъ памятникахъ, свидѣтельствующихъ о поклоненіи Роду и рожаницамъ, имя перваго постоянно встрѣчается въ единственномъ числѣ. Очевидно, что рожаницы и Родъ стоятъ въ такомъ-же отношеніи другъ къ другу, какъ парки и *Fatum*, мойры

¹⁾ Изв. Ах. Н., IV, 171—6. — ²⁾ D. Myth., 818; Germ. Myth., 631. — ³⁾ Послов. Даля, 920.

и Ἀνάγκη или Εἰμαρμένη, норны и Ūrlög ¹⁾; тогда какъ рожаницы заѣдывали участію отдѣльныхъ людей (каждому, при его появленіи на свѣтъ божій, давалась своя рожаница), Родъ олицетворялъ собою общее понятіе о судьбѣ, какъ о божественной силѣ, все производящей и вѣмъ правящей въ мірѣ.

Но творческая дѣятельность природы возбуждается не однимъ дожденоснымъ Перуномъ; она не менѣе зависитъ и отъ ясныхъ, согрѣвающихъ лучей солнца. Для нашихъ предковъ солнце было божество рождающее — дарующее землѣ урожай и надѣляющее смертныхъ изобиліемъ, богатствомъ, а слѣдовательно и счастьемъ. Снскр. bhaga употреблялось, какъ одно изъ названій этого свѣтила; у славянъ «солнце» — синонимъ счастья, на что указываютъ слѣдующія выраженія: «взойдетъ солнышко и на нашъ дворъ!» «померкло мнѣ солнце!» «закатилось мое счастье!» (I, 67) Какъ всевидящее око, озирающее небо и землю, — Солнце знаетъ все явное и сокровенное, что только совершается въ мірѣ. Отъ его взоровъ ничто не можетъ утаться! Свѣтъ и зрѣніе — обычныя метафоры знаній, мудрости, а мракъ и слѣпоты — невѣжества, отсутствія всякихъ свѣдѣній ²⁾. Въ гимнахъ Ригъ-Веды Солнце называется всевѣдущимъ ³⁾. Оно — представитель высочайшей правды, всегда открытой и «ясной, какъ божій свѣтъ», противникъ и каратель «темной» лжи, и тотъ, кто обманываетъ (морочитъ) другихъ, грѣшитъ именно противъ этого всевѣдущаго божества. Въ силу этихъ воззрѣній, съ нимъ необходимо сочеталась идея пра-

¹⁾ D. Myth., 382. — ²⁾ Мы говоримъ: про-свѣщеніе, свѣтъ знанія (правды, истины), мракъ невѣжества, прозорливость, ясновидѣніе, умственная слѣпота, дальновидный или темный человѣкъ. — ³⁾ Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanisch. Mythol., 7.

веднаго суда божія. Въ любопытной чешской сказкѣ юный герой отправляется за разрѣшеніемъ загадочныхъ вопросовъ къ Солнцу, тогда какъ, по сербскому преданію, онъ съ тою-же цѣлю идетъ къ Судьбѣ. Солнце названо въ этой сказкѣ златовласымъ дѣдомъ-Всевѣдомъ, а въ матери ему дава пряха-судница, которая вечеромъ принимаетъ его на западѣ и успокоиваетъ на своихъ колѣнахъ; по утру Солнце пробуждается отъ сна, прощается съ матерью и вылетаетъ восточнымъ окномъ на дневное странствованіе. О значеніи Солнцевой матери сказано было выше: это, во первыхъ,—облачная, дожденосная жена, изъ темныхъ нѣдръ которой нарождается Солнце весной, и во вторыхъ богиня Зоря, которая каждое утро выводитъ его изъ мрака ночи, или выражаясь поэтически: каждое утро рождаетъ свѣтозарнаго сына и разстилаетъ для него по небесному своду золотисто-розовую челену (I, 88; II, 124—6). Зоря также представлялась пряхой, какъ и дѣвы судьбы (см. гл. V); по указанію нѣмецкихъ причитаній, одна изъ этихъ дѣвъ отпираетъ небо и выводитъ изъ-за темныхъ затворовъ ясное солнце (см. стр. 355). На Руси уцѣлѣла старинная поговорка: «ждидайся Солнцевой матери божья суда!» ¹⁾. Солнцева мать упоминается во многихъ сказкахъ, и вездѣ о ней говорится, какъ о вѣщей пряхѣ: она даетъ странствующимъ героямъ мудрые совѣты и на золотой прялкѣ прядетъ золотую кудель ²⁾.

¹⁾ Смергева: Послов. и притчи, 99. — ²⁾ Slov. povesti škuljety a Dobsinsk., I, 60—61; Slov. pohad., 280, 452; Гамкер., IV, 43.—По нѣмнѣю г. Потемки (Труды моск. археол. общества, в. II, 193), въ чешской сказкѣ о дѣдѣ-Всевѣдѣ спутаны два различныхъ преданія: подъ именемъ дѣда-Всевѣда скрывается драконъ, а что сказка называетъ его солнцемъ — это не болѣе, какъ ошибка рассказчика. Мы не можемъ согласиться съ этимъ нѣмнѣемъ. Правда, что тѣже самыя подробности, какія встречаемъ въ сказкѣ о дѣдѣ-Всевѣдѣ, повторяются и во множествѣ другихъ сказокъ,

Впослѣдствіи, когда нравственныя представленія стали брать перевѣсъ надъ религіознымъ натурализмомъ, идея судьбы отрѣшилась отъ стихійныхъ боговъ, строителей міровой жизни, и обособилась въ отдѣльное, самостоятельное божество. Въ Малороссіи сохранилось такое преданіе: шелъ крестьянинъ по лѣсу и заблудился. Наступила ночь, вдали заблестѣлъ привѣтливый огонѣкъ; крестьянинъ поспѣшилъ на его свѣтъ, набрѣлъ на ветхую избушку и попросился ночевать. Его приняла бѣдная

гдѣ герой отправляется за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ царю-змѣю, дракону, горному великану и даже чорту; во это только доказываетъ, что одинъ и тотъ-же мифъ могъ варіироваться различно. На сказочнаго героя возлагается обязанность узнать: отчего высохъ источникъ живой воды? отчего яблоня не даетъ молодежавыхъ плодовъ? кѣмъ похищена прекрасная царевна, или какъ излѣчить ее отъ тяжелой болѣзни? и куда затерялся ея золотой ключъ? Вопросы эти живописуютъ зимнее состояніе природы, когда иссякаетъ живая вода дождей, когда въ небесныхъ рощахъ перестаютъ зрѣть молодежавыя яблоки, когда богиня лѣтняго плодородія попадаетъ во власть демоновъ и теряетъ свой ключъ-молинію. Но увяданіе и возрожденіе міровой жизни условливаются дѣятельностью боговъ и демоновъ, и потому съ вопросами о концѣ зимы и началѣ лѣта народная фантазія съ равнымъ правомъ могла обращаться и къ царю-змѣю (Вритрѣ), какъ похитителю прекрасной богини, живой воды и молодежавыхъ яблокъ, и къ Солнцу, какъ владыкѣ пресвѣтлаго рая, и накопецъ въ Судьбѣ, какъ представительницѣ суда божьяго, которымъ зимдется и управляется вся вселенная. Затѣмъ остается одна черта въ сказкѣ о дѣдѣ-Всевѣдѣ, которую, кажется, слѣдуетъ признать заимствованною изъ преданій о драконѣ и перенесенною на Солнце: это вырываніе золотыхъ волосъ изъ головы дѣда-Всевѣда (Эрбенъ, 4—9; Н. Р. Ск., I, № 13 и стр. 165; Ганушъ о Дѣдѣ-Всевѣдѣ, 23—41; Шкультъ, I, 134; Норвеж. ск., I, 5; сказ. Грим., I, 29). Замѣтимъ, что странствованіе къ Солнцу за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ вовсе не составляетъ исключительной принадлежности сказки о дѣдѣ-Всевѣдѣ, а напротивъ есть одинъ изъ обычныхъ мотивовъ народнаго эпоса (Westsl. Märch., 36—40; Slov. pohad., 447—455; Малый (изд. 3), 62; Н. Р. Ск., стр. 172—3; VIII, стр. 623—4; Штиръ, 17).

старушка, и на вопросъ гостя: «кто ты?» назвалась Судьбою. Еще крестьяннинъ не успѣлъ заснуть, какъ кто-то постучался въ окно. «Что?» спросила Судьба. — Столько-то родилось мальчиковъ и столько-то дѣвочекъ, отвѣчалъ невѣдомый голосъ; какая ихъ судьба? «Таже, что у меня сегодня!» За окномъ послышался вздохъ. На утро проснулся крестьяннинъ не въ бѣдной избушкѣ, а въ богатыхъ палатахъ: всюду роскошь и золото! и остался онъ у Судьбы еще на одни сутки. Ночью повторилась прежняя сцена: кто-то постучался въ окно и сказалъ: «столько-то родилось мальчиковъ и дѣвочекъ; какая ихъ судьба?» — Таже (раздалось въ отвѣтъ), что у меня сегодня! Судьба жила попеременно — одинъ день, какъ нищая, а другой, какъ богачка, обладающая несмѣтными сокровищами; кто въ какой день родится, таково его и счастье. Возвратясь домой, крестьяннинъ нашелъ, что жена родила ему двухъ сыновей: одного — въ безталанный день, а другого — въ счастливый. Вся жизнь близнецовъ послужила оправданіемъ той судьбы, которая каждому изъ нихъ была опредѣлена при рожденіи ¹⁾). Не менѣе интересна малорусская сказка о двухъ Доляхъ. Жили два брата — младшій въ довольствѣ и счастіи, а старшій въ бѣдности. Настало лѣто. Старшій братъ нанялся у младшаго жать хлѣбъ. Разъ приходитъ онъ въ поле и видитъ: женщина въ нищенскомъ рубищѣ ходитъ между копнами, выдергиваетъ самые крупные колосья изъ сноповъ, полученныхъ старшимъ братомъ за работу, и втыкаетъ ихъ въ снопы младшаго. «Кто ты?» спросилъ бѣднякъ. «Я — Доля твоего брата; онъ спитъ, а моя обязанность денно и ночью трудиться на него, какъ на своего господина, съ самаго рожденія его до смерти я ему вѣрная слуга: берегу его отъ опасностей, лелѣю его дѣтей, окропляю его поля и огородъ росой, гоню ему рыбу въ бредень, роню пчелъ — въ улья, охра-

¹⁾ Матѣ 1842, VI, 127.

наю отъ хищнаго звѣря и хожу его скотину, привожу къ нему купцовъ, набиваю цѣву на его товаръ и дарю его семью здоровьемъ. Твоя же Доля — бѣлоручка, думаетъ только о пѣсняхъ и нарядахъ, и потому ты бѣденъ» ¹⁾). Великорусская редакція этой сказки такова: раздѣлились двое братьевъ и стали жить особо. У старшаго брата что ни годъ — то дѣти рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился — и дѣтямъ не радъ! Пришелъ бѣдный къ младшему, богатому брату: «одожди, просить, хоть на одинъ день лошади; пахать нѣ на чѣмъ!» Тотъ позволилъ: «возьми на одинъ день, да смотри — не замучь!» Бѣдный отправился въ поле, а тамъ невѣдомо какіе люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ онъ; сказывайте, что вы за люди?» — А развѣ не видишь, отозвался одинъ изъ пахарей, что я — Счастье твоего брата; онъ пьетъ-гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ. «Куда-же мое Счастье дѣвалось?» — А твое Счастье вонъ подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ; ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! «Ладно, думаетъ мужикъ, дай-ка я доберусь до него!» Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по боку изъ всей силы ²⁾). Счастье проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешь?» — Еще не такъ прибью? Люди добрые землю пашутъ, а ты

¹⁾ О. З. 1840, II, смѣсь, 42—44. — ²⁾ Варіантъ: жили были два брата рыбака: одинъ богатый, другой бѣдный. У богатаго всегда всѣ верши рыбой полны, а бѣдному коли попадетъ два-три плотички — и то слава Богу! «Что за чудо! ужъ не воруетъ ли кто мою рыбу?» подумалъ онъ, взявъ плетъ и пошелъ ночью на рѣку. Послышался плескъ по водѣ; глядь — кто-то въ братнину сѣть рыбу загоняетъ. «Ты кто?» спрашиваетъ рыбакъ. — Я Доля твоего брата, гоню ему рыбу. «А гдѣ-жъ моя Доля?» — Твоя Доля — лѣнивая, вверхъ брюхомъ на камнѣ лежитъ, пѣсни поетъ да въ гусли играетъ; отъ того ты и бѣденъ. Рыбакъ бросилъ къ камню и давай стегать свою Долю плетью...

безъ просыпу спишь! «А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? и не думай!» — Чтожъ, все будешь подъ кустомъ лежать? вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется! «А ты коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочъ дѣлалъ, такъ брось крестьянское дѣло да займись торговлею. Я къ вашей работѣ со-всѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю.» — Займись торговлею!... мнѣ ѣсть нечего, а не то что въ торгъ пускаться. «Ну хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! а ужъ я стану тебѣ помогать, ни на шагъ прочь не отойду!» Послушался мужикъ, и вскорѣ разбогатѣлъ отъ счастливаго торгу ¹⁾. Жалуясь на бѣдность, поселяне говорятъ: «плаче твоя доля!» «эко счастье — на мосту съ чашкой!» или: «моя-то доля съ чашкой въ полѣ!» (т. е. мой удѣлъ собирать милостину ²⁾). Про счастье выражаются, что оно «якъ трясца: кого схоче, на того ѣ нападе» ³⁾. Когда невѣста собирается подъ вѣнецъ, она съ тревогой задумывается о той судьбѣ, какая ожидаетъ ее замужемъ.

Дѣвочка въ вянцу ѣдзя,
Яѣ Доля спатыкая ⁴⁾;
Она съ Долей размовляя:

«Доля моя, Доля! коли ты добрая — садись со мной на возъ; коли ты якая — уплыви съ водою.» ⁵⁾ Въ пѣсняхъ малоросійскихъ часто слышатся горькія жалобы на несчастную Долю и ея безотвязность:

- а) Ой бодай ты, моя Доля, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!
- б) Породыла мене маты у свату недилу,
Дала минн гирьку Долю—ничого не вдію.

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 51. — ²⁾ Послов. Дая, 30. — ³⁾ Или: „счастье что лихорадка — къ кому привяжется“ — Номисъ, 35-36. — ⁴⁾ Встрѣчается. — ⁵⁾ Сборт. памяти, нар. творчества въ сѣв.-западн. краѣ, I, 282.

Ой пиду я до сусіда воза позичаты,
 Та повезу гирьку Долю на торгъ продавати;
 Люды знають гирьку Долю, нейдуть купуваты,
 Тий не хочуть купуваты, не хочуть пытаты.
 Повезу я гирьку Долю з' торгу та до дому,
 Тай ударю гирьку Долю з' воза та до долу:
 „Отъ-тутъ тобі, моя Доля, отъ-тутъ пропадаты,
 Що не вмигла, не хотила мене шануваты!“

- с) Породила мене маты въ несчастну годину,
 Дала мині злую (лиху) Долю; де-жъ єї подину?
 — Да пиди собі, Доле, пиди, несчастная! пиди утопись,
 А за мною, да за молодою, да не волочися.
 „Хочъ я пиду, молода дивчино, пиду утоплюся,
 А якъ вйдешь рано води брати — я за тебе учплюся.“

Далѣ дѣвица закликаєть злую Долю заблудитися въ лѣсу
 или сгинуть въ полѣ, но та отвѣчаєть: что въ этомъ! пойдешь
 ли ты въ лѣсъ калину ломать, или станешь жать въ полѣ —
 «я за тебе учплюся!» Въ другой пѣснѣ мать на жалобы не-
 счастной дочери замѣчаєть ей: «така тобі, доню, Доля су-
 дилася» ¹⁾. Замѣчательна по силѣ мысли записанная мною
 пѣсня, въ которой безталанный молодець вызываетъ свою До-
 лю помѣриться съ нимъ въ полѣ:

Ойшовъ казавъ съ дому,
 Та-й съ дому до Дону,
 Та-й сивъ надъ водою;
 Сивши надъ водою,
 Проклинає Долю:
 „Ой, Доля-жъ, ты Доля,
 Доля моя злая!
 Чомъ ты не така,
 Якъ Доля чужая?
 Ой, колибъ ты, Доля,
 Та вышла бы въ поле;
 Тогда-бъ ты сгадала —
 Кого забиякала!

¹⁾ Объ истор. зн. нар. поєз., 154; Украин. пѣсни Максимовича,
 170; Малор. литер. сборн., 263; Бѣлорус. пѣсни Е. П., 65 — 66;
 Металикс., 12—13, 80, 275, 365-6; Мат. срав. слов., II, 187.

Доля употребляется въ народной рѣчи иногда въ смыслѣ положительно-счастливой судьбы, а съ отрицаніемъ не (недоля) въ смыслѣ судьбы несчастливой, печальной: «гдѣ нѣтъ доли, по пословицѣ, тутъ и счастье не велико» ¹⁾; «не то сирота, що роду не мае, а то сирота, що доли (счастья) не мае» ²⁾; «дитинка спить, а доля їй росте»; «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» или: «лежухови Богъ долю дае»; «безъ доли хочь (выйди замужъ) за пана — и панъ скрутицца», а «якъ моя добра доля, то-й пьяница поправицца» ³⁾; «якъ твоя, доню, доля — то накупить чоловікъ (мужъ) поля, а якъ безднля (бездолье), то продасть и подвирри»; «своей недоли и конемъ не об'їдешъ» ⁴⁾. Недоля нерѣдко замѣняется выраженіями: бѣда, лихо, напастъ, горе и нужда. Въ народныхъ пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ Бѣда выступаетъ, какъ-бы нѣкій демонъ, какъ существо живое, самодѣйствующее. Она странствуетъ по бѣлому свѣту, ищетъ людей, обреченныхъ несчастію, идетъ къ нимъ на встрѣчу, гонится за ними: «бѣда (горе) ходитъ не по лѣсу, а по людямъ», «бѣда не спитъ, а по людямъ ходитъ», «напастъ (лихо) не по дереву ходитъ, а по тихъ людяхъ», «гдѣ бѣда ни шаталась, а къ намъ пришатилась», «гдѣ бѣда ни голодала, а къ намъ на пирушку», «пришла бѣда — растворяй ворота!» «дома-ль хозяйинъ? бѣда пришла», «не кличь бѣди до себе, сама прійде до тебе», «лиха не шукай — воно само тебе найде», «де ти, лихо, ходило? — тебе, пане, шукало!» ⁵⁾ серб. «нашла га бѣда на суву путу», «лихо спот-

¹⁾ Полн. собр. послов. 1822 г., СПб., 36—38. — ²⁾ Старосв. Бандур., 190. — ³⁾ Варіантъ: «якъ вродилась щасниця, такъ поправицца и пьяница». — ⁴⁾ Номис., 35 — 36; Зап. Р. Г. О. по отд. вѣногр., I, 294. — ⁵⁾ Сказка повѣствуетъ о чоловікѣ, который искалъ Лиха, и оно предстало ему въ образѣ одноглазого великана (Н. Р. Ск., III, 14).

кало» (сравни: «щастя споткало» — встрѣтило, «щастя переходя живе» — сегодня гостить у одного, завтра у другого), «видъ биди не втикти», «ты отъ бѣды, а бѣда впереди» (вар. «а бѣда въ очи!»). Неутомимая въ преслѣдованьи, она настигаетъ, схватываетъ человѣка, цѣпляется за него, и подобно злобному эльфу, садится ему на плечи, бьетъ, давить и мучить свою жертву: «лихо его не берець!» «лихо не возмець, коли Богъ не даець», «кого бида учѣпиця, того тримаецця ¹⁾ и руками, и ногами», «нужда-бъ та побилала!» «побила-бъ тебе лихая година!» ²⁾ пол. «żeby go лихо ciężkie rogi wało», «niech cię bieda weźmie», серб. «тако ми се туга на срце не савила!» ³⁾ Несчастливецъ жалуются:

Чому-жъ мени горилка не пьетця?

Коло мего серденька янъ гадина вьетця.

—Ой, тожъ не гадина, то лиха година

Коло твого серденька соби гниздо звила ⁴⁾.

Лихая, горькая, недобрая Доля, по выраженію народныхъ пѣсень, рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, шагъ за шагомъ елѣдуеть за нимъ въ продолженіи всей жизни и провожаетъ его въ самую могилу:

а) Ой пиду-жъ я, пиду, да съ сего края пиду,

Ой покину я да у снѣмъ край Биду;

Ой оглянусь я за крутою горою—

Ажъ иде Бида слѣдочкомъ за мною...

„Ой, чего-жъ ты, Бида, за мною вѣшлася?“

—Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою родилася.

„Ой, чего-жъ ты, Бида за мною ввязалася?“

—Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою ввчалася ⁵⁾.

б) Ой ты, Горе мое, Горе сѣрое,

Лычномъ связанное, подпоясанное!

¹⁾ Держится. — ²⁾ Послов. Даля, 30—33; Новис., 35, 37, 40, 43—44; Записки Р. Г. О. по отд. вѣногр., I, 338, 446. — ³⁾ Срп. послов., 305. — ⁴⁾ Метлин., 250. — ⁵⁾ Бодян. О нар. повѣст. славян. племен., 133.

Ужь и гдѣ ты, Горе, ни шоталоса—
 На меня, бѣдную, навязалоса..
 Ужь я отъ Гора во чисто поле;
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 „Ужь я выжну-повыжну все чисто поле,
 А сыщу я, найду тебя горькую!“
 Я отъ Гора во темны лѣса,
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 „Порублю я-посѣку всѣ темны лѣса,
 А найду я тебя горемычную!“
 Ужь я отъ Гора къ гробовой доскѣ,
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 Съ топорешечкомъ, со лопаточкой ¹⁾).

- с) Не отрубить дерева суховерхаго,
 Не откормить коня сухопараго...
 Ай Горе, Горе-Горованьце!
 А и лыкомъ Горе подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутаны.
 А я отъ Гора въ темны лѣса —
 А Горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
 А я отъ Гора въ почестной пиръ—
 А Горе зашелъ, впереди сидитъ;
 А я отъ Гора на царевъ кабакъ —
 А Горе встрѣчаетъ, ужь пиво тащитъ:
 Какъ я нагъ-то сталъ — насмѣялся онъ ²⁾).

Замѣчательны обороты: «Горе зашелъ», «Горе насмѣялся»; изъ нихъ очевидно, что (не смотря на средній грамматическій родъ слова) горе въ воззрѣніяхъ народа доселѣ не утратило характера одушевленнаго, демоническаго существа.

д) Обувалоса Горе въ лапти, одѣвалоса въ рогозиночки, опоясывалоса лыками, приставало къ добру молодцу.

Видитъ молодецъ: отъ Гора дѣться некуда!
 Молодецъ вѣдь отъ Гора во чисто поле,
 Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ,

¹⁾ Сопр. 1856, X, 117—8; Рус. Бес. 1860, I, 73. — ²⁾ Сахаровъ, I, 224.

А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
 Тенета несетъ все шелковыя:
 „Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Мѡлодецъ вѣдь отъ Гори во быстру рѣку,
 Во быстру рѣку рыбой-щукою,
 А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
 Невода несетъ все шелковыя:
 „Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Мѡлодецъ вѣдь отъ Гори во огнёвушку ¹⁾,
 Во огнёвушку, да въ постелюшку —

а Горе въ ногахъ сидитъ. Видитъ мѡлодецъ — нѣкуда отъ
 Гори спрятаться, какъ развѣ въ тесовый гробъ да въ моги-
 лушку, а Горе и тутъ съ лопатою:

„Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Загреблю Горе во могилушку,
 Во могилушку, во матушку-сыру землю ²⁾.

Въ такихъ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ, достойныхъ
 великаго художника, представляется народной фантазіи горе.
 Оно доводитъ безталаннаго мѡлодца до кабака и злобно на-
 смѣхается надъ его наготою; оно ловитъ его въ разставлен-
 ныя сѣти и тенета; выживаетъ его съ бѣлага свѣта, и явля-
 ясь съ топоромъ и лопатою, сколачиваетъ ему гробъ и роетъ
 могильную яму. Какъ третья недобрая парка, разрывающая
 нить жизни, Горе отождествляется съ богиней смерти; эта
 послѣдняя также охотится за живущими въ мірѣ, опутываетъ
 ихъ своими сѣтями и роетъ заступомъ свѣжія могилы (см.
 выше стр. 44, 48). Сказочнымъ героямъ удавалось обманы-
 вать Смерть и томить ее въ тѣсномъ заключеніи; тоже пре-
 даваніе прилагается и къ Горю. Въ одной деревнѣ жили два му-
 жика, два родные брата: одинъ — бѣдный, другой — богатый.
 Богачъ переѣхалъ въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ

¹⁾ Въ горячку. — ²⁾ Рыбник., I, 470—1.

и записался въ купцы; не то выпало на долю бѣднаго: иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ мала меньше — плачутъ, ѣсть просить. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Пошелъ къ богатому попросить хлѣба. Тотъ заставилъ его проработать цѣлую недѣлю, и далъ за то одну ковригу. — И за то спасибо! сказалъ бѣдный и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости — на именины, и жену приводи.» — Эхъ, братецъ! куда мнѣ? къ тебѣ придуть купцы въ сапогахъ, въ шубахъ, а я въ лаптяхъ да въ худенькомъ зипунишкѣ хожу. «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.» Наутро пришелъ бѣдный братъ съ женою къ богатому; поздравилъ и усѣлся на лавку. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата съ его женой и думать забылъ — ничѣмъ ихъ не подчуешь. Кончился обѣдъ; гости поѣхали домой пьяные, веселые — шумятъ, пѣсни поютъ; а бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ. «Давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!» — Эхъ ты, дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего? «Ну все-таки у брата на именинахъ былъ; какъ запою, всякой подумаетъ, что и меня угостили.» — Пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ затанулъ пѣсню, и послышались ему два голоса; онъ пересталъ, и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» — И не думала! «Такъ кто же?» — Не знаю! сказала баба, а ну запою — я послушаю. Онъ опять за пѣсню; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть подсобляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я.» Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. — Денегъ нѣтъ! отвѣчалъ бѣднякъ. «Охъ ты, мужичокъ! на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто

будетъ, все равно носить не станешь! Пойдемъ въ кабакъ, да полущубокъ по боку...» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полущубокъ. На другой день Горе заохало (съ похмѣлья-то голова болить!) и зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» отвѣчаетъ мужикъ. — Да на что намъ деньги? возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно! Нечего дѣлать, не отбитіея мужику отъ Гора; взявъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропиалъ вдвоѣмъ съ своимъ неотвязнымъ товарищемъ. На утро Горе еще больше заохало-зоветъ мужика опохмѣлаться; мужикъ пропиалъ соху и борону... Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снѣсъ. Горе опять пристаётъ къ нему: «пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!» — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно.» Мужикъ взялъ сарафанъ, пропиалъ — и думаетъ: «вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»¹⁾ Поутру проснулось Горе; видитъ, что съ мужика нечего больше взять, и говоритъ: «хозяинъ!» — Что, Горе? «Ступай къ сосѣду, попроси пару воловъ съ телѣгомъ.» Привелъ мужикъ пару воловъ, сѣлъ вѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхали въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — Какъ не знать! «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» При-

¹⁾ Сравни съ малорусскою пѣсней (Метлин., 366 — 7):

Пиду я, сяду въ зеленыхъ конопелькахъ,
Ажъ иде до мене Доля—уже трошкы-й пьяненъка.
„Де-жъ ты, Доле, була, що-й мене вабула?“
— Ой я въ людяхъ була, горилочку пыла...
Пиду-жъ я, сяду въ зеленимъ садочку,
Ажъ иде моя Доля—пропыла й сорочку!
Була, каже, въ шиночку, пыла горилочку,
Пропыла й сорочку...

ѣхали. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ подымаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣе въ телѣгу». Мужикъ принялся за работу, все изъ ямы повыбралъ, и говоритъ: «посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «гдѣ? я что-то не вижу!» — Да вонъ въ углу свѣтятся! Полѣзай въ яму, такъ увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты Горе горемычное, хоть не скоро, а все-же пропьешь и эти деньги!» Воротился мужикъ на деревню, купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Случилось позвать ему брата на именины; уподчивалъ его и медами, и винами. Спрашиваетъ тотъ, откуда ему досталось такое добро? Мужикъ рассказалъ все по чистой совѣсти. Завистно стало богатому: дай, думаетъ, побѣду въ чистое поле, подыму камень да выпущу Горе; пусть оно до тла разоритъ брата! Погналъ въ поле, еворотилъ камень въ сторону и только нагнулся посмотрѣть въ яму, а ужъ Горе выскочило и устѣлось ему на шею: «а, кричить, ты хотѣлъ меня уморить! теперь отъ тебя ни за что не отстану.» — Это мой братъ засадилъ тебя, а я пришелъ тебя выпустить! «Нѣтъ, врешь! разъ обманулъ, въ другой не проведешь!» Крѣпко напѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и съ той поры пошло у него все хозяйство вкривъ да вкось. Горе ужъ съ утра за свое принимается, каждый день зоветъ опохмѣлиться; много добра въ кабакъ ушло! ¹⁾ Въ основѣ сообщенныхъ нами преданій кроется

¹⁾ Н. Р. Св., V, 34. По другому варіанту (*ibid.*, 51), мужику удалось запереть Горе въ сундукъ и зарыть въ землю. Богатый изъ зависти вырылъ сундукъ и выпустилъ Горе на волю: ступай,

мысль, что Доля и Недоля — не просто олицетворенія отвлеченныхъ понятій, не имѣющія объективнаго бытія, а напротивъ — живыя мнѣстныя лица, тождественныя дѣламъ судьбы (рожаницамъ). До сихъ поръ необразованному люду еще мало доступно понятіе о счастьи и несчастіи, какъ о необходимомъ послѣдствіи тѣхъ обстоятельствъ, въ какія ставать человека борьба житейскихъ интересовъ и его собственные наклонности: предпримчивость, ловкость, догадливость, трудолюбіе или апатія, неразсчетливость, лѣнь и т. дал. Какъ болѣзнен-

говорить, къ брату, разори его до послѣдней витки! „Нѣтъ, отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану: ты—добрый человекъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ, а тотъ лиходѣй въ землю упряталъ!“ Подобный-же разсказъ, записанный въ вятской губ., напечатанъ въ Современникѣ 1856, XII, 189—193: Богатый братъ выстроилъ новый домъ, задумалъ сдѣлать власяны (новоселье) и позвалъ къ себѣ въ гости и бѣднаго брата съ женою. „Куда намъ съ богатыми знаться!“ говоритъ бѣдный женѣ. — Чтожъ, отвѣчаетъ она, давай сходимъ: намъ отъ этого безчестья не будетъ. „Да вѣдь на власяны надо гостинцы нести, а мы что понесемъ? развѣ занять у кого, да кто намъ повѣритъ?“ — А Нужа-то! сказала баба съ горькой усмѣшкою; ужли она выдастъ? вѣдь мы съ нею вѣкъ въ ладуживемъ. Отвѣчаетъ Нужа изъ-за пѣчки: „возьмите-ка праздничной сарафанъ да продайте, на тѣ деньги купите окорокъ и отнесите къ брату“. Переглянулись мужикъ съ бабою, не знаютъ что и подумать; посмотрѣли за печь—никого не видно. „А давно ли ты, Нужа, живешь съ нами?“ спросилъ мужикъ.—Да съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты съ братомъ раздѣлился. „И привольно тебѣ со мною?“—Благодаренье Богу, живу помяленьку! „Отчего-жъ мы тебя никогда не видали?“—А я живу невидимкою. Мужикъ продалъ сарафанъ, купилъ окорокъ и отнесъ къ богатому брату на власяны... На обратномъ пути онъ случайно набрѣлъ на кладъ; забралъ золото, пришелъ домой и спрашиваетъ жену: „ты гдѣ спать ляжешь?“ — Я въ печь залезу. „А ты, Нужа, гдѣ уляжешься?“—Въ корчагѣ, что ва пѣчѣ стоитъ. Выждавши время, мужикъ спрашиваетъ: „биба, ты спишь?“—Нѣтъ еще! „А ты, Нужа?“ Та и голосу не подаетъ—заснула. Мужикъ взялъ послѣдній женинъ сарафанъ, завязалъ корчагу и забросилъ ее, вмѣстѣ съ Нуждою, въ прорубь...

ные припадки и страданія заставляют простолюдина предполагать удары, наносимые ему демономъ; такъ точно счастье и несчастье, по народному убѣжденію, обусловливаются добрыми или недобрыми дѣйствіями сверхъестественныхъ существъ. Доля и Недоля дѣйствуютъ по собственнымъ расчетамъ, независимо отъ воли и намѣреній человека, которому онѣ принадлежать: счастливый вовсе не работаетъ — и живетъ въ довольствѣ, потому что за него трудится его Доля: «твоя Доля тобі робе», «ой я-бъ Бога молила, щобъ моему миленькому Доленька служила», «чомъ ему не пить, коли его Доля не спить!» (т. е. неусыпно заботится о его хозяйствѣ). Когда Доля покидаетъ своего кліента, перестаетъ на него работать — онъ впадаетъ въ нищету. Несчастный страдаетъ, испытываетъ всевозможныя лишенія, потому что Доля его предается сну, праздности или гульбѣ, бранничаетъ, веселится и не хочетъ знать никакого труда. Наоборотъ дѣятельность Недоли постоянно направлена во вредъ человеку; пока она бодрствуетъ — бѣда слѣдуетъ за бѣдою, и только тогда становится легче безталанному, когда засыпаетъ его Недоля: «коли спить Лихо, не буди-жь его», пол. «nie budź Licha, kiedy Licho śpi», «niech śpi Licho!» ¹⁾

Особенно-важны для ученаго изслѣдователя преданія о злыдняхъ, соответствующихъ Горю, Лиху и Недолѣ сказочнаго эпоса. Злыднями называются въ Малороссіи маленькія существа неопредѣленныхъ образовъ; гдѣ они поселятся, тому дому грозитъ большое зло: какъ-бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинетъ и намѣсто довольства наступитъ страшная нищета ²⁾. Существуетъ клятва: «най (нехай) го злидни поб'ють!» ³⁾ У бѣлоруссовъ сохранилась пословица: «впросилися злидни на три дни, а въ три годы не

¹⁾ Номис., 34—35, 40; Метлин., 20. — ²⁾ Морск. Сборн. 1856, XIV, ст. Чужбинск., 47, 65—66. — ³⁾ Номис., 72.

выживешь!» ¹⁾ Своимъ крохотнымъ ростомъ и неугомоннымъ характеромъ они напоминаютъ домовыхъ карликовъ (злыхъ эльфовъ, кобольдовъ, кикиморъ,) и тѣмъ самымъ даютъ новое свидѣтельство о древнѣйшей связи мифическихъ олицетвореній судьбы и смерти съ духами стихійными, грозowymi. Подобно марамъ, злыдни, поселяясь въ домахъ, живутъ невидимками и непремѣнно за печкою; тоже разсказывается о Горѣ, Нуждѣ и Кручинѣ ²⁾. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ невѣста, покидая отцовскій домъ, причитываетъ: «добрая Доля! да иди за мной — съ печи пламенемъ, з' хаты каминомъ (дымовой трубою ³⁾). И мары, и злыдни странствуютъ по свѣту и располагаются на житъе обществами; точно также, по свидѣтельству народныхъ поговорокъ, «Бѣда не приходитъ одна», «Бѣды вереницами ходятъ». Какъ злой кобольдъ или маръ, Горе настигаетъ на спину бѣдняка; въ одной изъ сказокъ ⁴⁾ Горе похваляется, что нѣтъ такой щели, куда бы не могло оно спрятаться, и въ подтвержденіе словъ своихъ влѣзаетъ въ ступицу колеса; по другому разсказу, Нужда почуветъ въ корчагѣ: ясно, что народному воображенію они представляются малютками, карлами. Но есть и другія черты, роднящія ихъ съ стихійными духами. Такъ великорусская пѣсня надѣляетъ Горе чудесною способностью превращеній; изображая бѣгство удалаго добра молодца отъ неустанно-преслѣдующаго Гора, она живописуетъ слѣдующую поэтическую картину:

Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Поднимался выше дѣса подъ самыя облаки,
А Горюшко вслѣдъ чернымъ ворономъ
И кричитъ громкимъ голосомъ:
„Не на часъ я къ тебѣ Горе привязался!“

¹⁾ Записки Р. Г. О. по отд. вѣн., I, 274. — ²⁾ Рыбник., I, 482.

— ³⁾ Пантеонъ 1853, I, ст. Шпилевского. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., V, 34.

Падеть добрый молодецъ сърымъ волкомъ,
 Сталь добрый молодецъ сърымъ волкомъ поспанивать,
 А Горюшко вслѣдъ собакою. ¹⁾

Въ одномъ изъ многихъ вариантовъ сказки о двухъ братьяхъ счастливомъ и несчастномъ, Доля является въ образѣ иши, что стоитъ въ несомнѣнной связи съ представленіемъ души-вльфа (= пената, оберегающаго семейное счастье и богатство) этимъ шаловливымъ звѣрькомъ ²⁾. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ сохраняется преданіе о Вѣтрѣ, который за развѣянную имъ у бѣднаго крестьянина муву даритъ ему желанныя (= счастливыя) вещи, wunschdingen (I, 313—4; тѣже самыя диковинки получаетъ сказочный герой и отъ своей Доли. Жило-было два брата: старшій — богатый да злой, меньшой — работающій, добрый да бѣдный. Что ни дѣлалъ бѣднякъ, все ему по удавалось. Вотъ онъ вадужалъ и пошелъ искать свою Долю; долго ли, коротко ли — нашелъ ее въ полѣ: лежитъ себѣ Доля, пролаждается! Сталь ее бить плетью, а самъ прговариваетъ: «ахъ ты, Доля лживая! у другихъ людей Доля ночь не спитъ, все для своихъ хозяевъ труждаются; а ты и днемъ ничего не дѣлаешь. По твоей милости мнѣ скоро и съ женой и съ дѣтками съ голоду умирать придется!». — Полно, перестань драться! отвѣчаетъ ему Доля; вотъ тебѣ лубочный кузовокъ — только раскрой, будетъ что и попить и поѣсть тебѣ. Мужикъ пришелъ домой, раскрылъ кузовокъ, а тамъ — чего только душа желаетъ! Старшій братъ прослышалъ про то, пришелъ и отнялъ у него диковинку силою. Отправился бѣднякъ опять къ Долѣ; она ему дала золотой кузовокъ. Вышелъ онъ на дорогу, не сталъ долго раздумывать — тотчасъ же открылъ золотой кузовокъ: какъ выскочутъ оттуда мѣлодцы съ дубинками и дава!

¹⁾ Рыбник., I, 484—5. — ²⁾ Труды моск. археол. общ., в. II, 171.

его бить! Больно прибили и спрятались въ кузовъ. «Ну, думаетъ мужикъ, этотъ кузовокъ не накормить, не напоить, а больше здоровья отыметъ! Не хочу его и брать-то съ собою!» Бросилъ золотой кузовъ на землю и пустился въ путь; прошелъ съ версту, оглянулся назадъ, а кузовъ у него за плечами виситъ. Испугался мужикъ, сбросилъ его долой и побѣжалъ во всю прыть; бѣжить, ажно задыхается! Оглянулся назадъ — а кузовъ опять за плечами. . Нечего дѣлать, принёсъ его домой. Старшій братъ польстился на золотой кузовокъ, пришелъ мѣняться: «я тебѣ, говоритъ, отдамъ лубочный кузовокъ, а ты подавай сюда золотой». Помѣнялся, да потомъ долго-долго помнилъ эту неудачную мѣну ¹⁾. Первый кузовокъ соответствуетъ скатерти-самобранкѣ, а второй — кнуту-самобоемъ (метафоры дождевой тучи, поящей и насыщающей мать-сыру землю, и Перуновой плети = молнии). Эти диковинки, принадлежащія богу вѣтровъ и бурныхъ грозъ, нѣ вѣстоищемъ разсказѣ принимаются въ значеніи тѣхъ даровъ счастья, какими надѣляютъ смертныхъ вѣщія дѣвы судьбы. Въ одной изъ лубочныхъ сказокъ невидимка-Кручина (=Горе), выскочивъ изъ-за печки, отымастъ у бѣднаго старика послѣднюю краюху хлѣба, а потомъ даритъ ему утку, несущую золотыя яйца ²⁾; въ новогреческой же редакціи этого сказочнаго преданія несущую золото птицу даетъ Счастье (=Доля), которому бѣднякъ, ожесточенный жизненными неудачами, вѣпилъ въ волосы ³⁾. Возвращаемся нѣ злыднямъ; нѣ народной сказкѣ, записанной г. Максимовичемъ ⁴⁾, они играютъ ту же роль, что и Горе. Было два брата: убогой и богатой. Убогой наловилъ рыбы и понёсъ на поклонъ богатому въ день его именинъ. «Славная рыба! сказалъ тотъ; спасибо, братъ, спасибо!» — и только; не далъ ничего ему на

¹⁾ Н. Р. Сл., I—II, 332. — ²⁾ Ibid., V, 53, в. — ³⁾ Ганъ, 36. — ⁴⁾ Три сказки и одна побасенка, (Кіевъ, 1845), 35—44.

бѣдность и даже къ себѣ не позволялъ. Сгрустнулось убогому, повѣсилъ онъ голову и пошелъ со двора. На дорогѣ повстрѣчался ему старичокъ: «что ты, дѣтинушка, такой невеселой?» Бѣднякъ разсказалъ свое горе. «Чтожь, сказалъ старикъ, спасибо — дѣло великое! продай мнѣ его.» — Какъ-же продать-то его? бери, пожалуй, даромъ! «Такъ спасибо мое! молвилъ старикъ, сунувъ ему мошну въ руки — и съ глазъ пропалъ. Мужикъ посмотрѣлъ — полна мошна злата, радѣхонекъ воротился къ женѣ, купилъ себѣ новый домъ и живо перебрался на новоселье, а старую избушку заперъ, заколотилъ наглухо. Какъ-то разговорился онъ съ женою про свое прежнее убожество. «Неладно, Иванъ, говоритъ баба, что мы покинули въ старой избушкѣ свои жернова; вѣдь они насъ кормили при бѣдности, а теперь какъ ненадобны стали — мы и забыли про нихъ!» — Правда твоя! отвѣчалъ Иванъ и поѣхалъ за жерновами. Пріѣхалъ — покинутое жилище полынью поросло, и слышатся ему голоса изъ ветхой избушки: «злодѣй Иванъ! сталъ богатъ — насъ покинулъ, заперъ тутъ на долгую муку.» — Да вы кто такіе? спрашиваетъ Иванъ; я васъ совсѣмъ не знаю. «Не знаешь! видно, забылъ нашу вѣрную службу: мы твои злыдни!» — Богъ съ вами! мнѣ васъ нѣ надо! «Нѣтъ, ужъ мы отъ тебя не отстанемъ!» — Пойдите-же! думаетъ Иванъ, и говоритъ вслухъ: «хорошо, я возьму васъ, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вы донесли жернова на своихъ плечахъ.» Припуталъ къ нимъ тяжелыя жернова и поставилъ идти впереди себя. Надо было переходить черезъ глубокую рѣку по мосту; мужикъ собрался съ силою, да какъ толконѣтъ — и пошли злыдни какъ ключъ ко дну. Окончаніе этой сказки — тоже самое, что и выше-приведенной про Горе горемычное ¹⁾). Подобное-же преданіе разсказывается въ

¹⁾ Сравни Эрленвейн., 21; Труды курск. статистич. комитета, I, 541—2; Эрбенъ, 122—3; Н. Р. Сл., III, 9; здѣсь выведены двѣ паныи Счастіе и Несчастіе.

Германіи о кобольдахъ: жили по сосѣдству два хозяина, и такъ какъ домовые карлики не давали имъ покоя, то рѣшились наконецъ покинуть свои избы и перебраться на новоселье. Когда вся утварь была вынесена, вышли изъ воротъ двѣ служанки, съ вѣниками на плечахъ. «Куда ты?» спросила одна другую, и въ ту же минуту множество тонкихъ голосковъ отвѣчало съ верхушекъ вѣниковъ: «мы перебираемся!» Испуганныя служанки побросали вѣники въ прудъ и затопили ихъ поглубже; съ тѣхъ поръ въ домахъ водворилось спокойствіе, а въ пруду подохла вся рыба и нерѣдко слышались оттуда тонкіе голоса: «мы перебрались!» ¹⁾

Въ сербскихъ приповѣдкахъ Караджича ²⁾ напечатанъ превосходный рассказъ о Судьбѣ и двухъ Доляхъ, дополняющій нѣкоторыми любопытными подробностями преданія нашего сказочнаго эпоса. Жили вмѣстѣ, сообща двое братьевъ: одинъ — работающій, а другой — безпечный и лѣнивый. «Что мнѣ на брата трудиться!» думаетъ работающій — и вотъ они раздѣлились. У работающаго все пошло не въ прокъ, на убытки; а лѣнивый богатѣетъ себѣ, да и только. Идетъ однажды безсчастной и видитъ на ливадѣ стадо овецъ; пастуха нѣту, а замѣсто его сидитъ прекрасная дѣвица и прядетъ золотую нитку. «Чьи это овцы и кто ты сама?» — Я Доля (Среѣна ³⁾) твоего брата, и овцы ему принадлежать. «А гдѣ-жъ моя Доля?» — Далеко отъ тебя! ступай поищи ее. Безсчастной зашелъ къ брату, и тотъ, видя его бѣса и нага, сжалился и подарилъ ему постолы. Повѣсивъ на спину торбу и взявъ въ руки палку, бѣднякъ отправился искать свою Долю; шелъ-шелъ и попалъ въ лѣсъ, посмотреть — подъ однимъ ду-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 335. — ²⁾ Сrp. припов., 13.—³⁾ Старославян. съ-ряшта (отъ съ-рѣсти) = встрѣча; счастье, по народному убѣжденію, зависитъ отъ дѣйствительной встрѣчи съ нимъ человека.

бѣмъ спать сѣдая старуха. Онъ размахнулся палкою и ударилъ ее по задѣ. «Моли Бога, что я спала! сказала старуха, открывая глаза; а то не Добыть бы тебѣ и постоловъ!» — Что такъ? «Да я—твоя Доля!» Вслѣдъ за этимъ посыпались на нее удары: «если ты — моя Доля, то убей тебя Богъ! кто мнѣ далъ тебя убогую?» — Судьба (Усуд)! отвѣчала Доля. Бѣднякъ отправляется искать Судьбу; встрѣчные на пути, распросивъ — куда онъ идетъ, умоляютъ его развѣдать о своей участи... Наконецъ странникъ является къ Судьбѣ; въ то время она жила богато, весело, въ большомъ дворцѣ, но потомъ съ каждымъ днемъ становилась все бѣднѣй и бѣднѣе, а домъ ея меньше и печальнѣе; каждую ночь Судьба назначала младенцамъ, народившимся въ продолженіи сутокъ, точно такую-же долю, какою пользовалась сама въ истекшій день. На распросы пришельца она сказала ему: «ты родился въ сиротинскую ночь — такова и доля твоя!» и посоветовала ему взять къ себѣ братнину дочь Милицу, рожденную въ счастливый часъ, и все что бы ни приобрѣлъ онъ — не называть своимъ, а Милицынымъ. Безсчастной послѣдовалъ этому мучному совѣту, и съ той поры сталъ жить въ довольствѣ. Разъ какъ-то былъ онъ на нивѣ, на которой уродилось славное жито; проходилъ мимо путникъ и спросилъ: «чье это жито?» Хозяинъ въ забывчивости отвѣчалъ: «мое!» — и въ тотъ-же мигъ вспыхнула его нива. Увидя огонь, бросился онъ догонять прохожаго: «постой, брате! это жито не мое, а моей племянницы Милицы». И какъ только вымолвилъ эти слова — тотчасъ пожаръ затихъ и погасъ ¹⁾. Усуд и Среѣна являются и въ другой сказкѣ, напечатанной въ изданіи Матицы ²⁾, какъ существа живыя, состоящія въ божіихъ повелѣніяхъ. Въ народныхъ пѣсняхъ находимъ слѣдующія выраже-

¹⁾ Сравни въ сборн. Валавца, 236-7. — ²⁾ Србскій лѣтописъ 1861, II, 132-3.

нія: «тако њему Бог и Срећа даде», «с вама дошла свака Срећа и сам Господ Бог», «сусрела вас добра Срећа и сам Господ Бог», «однесе ме (говорить невѣста) Бог и Срећа Јову (жениху) на дворе» ¹⁾. Какъ у насъ различаются Доля счастливая и несчастная, такъ сербы знаютъ Срећу добрую и злую. На обычное привѣтствіе съ добрымъ утромъ или вечеромъ отвѣчаютъ: «добра ти Срећа!» О человѣкѣ, который не уберется отъ бѣды, говорятъ: «не даде му зла Срећа» ²⁾; въ пѣсняхъ читаешь: «зла ти Срећа» «зла Несрећа Воину прискочи» ³⁾. Сербская сказка неслучайно представляетъ добрую Срећу прекрасною дѣвою, прядущею золотую нить; эти черты свидѣлствуютъ за ея тождество съ паркомъ, и доселѣ-употребительное въ народѣ выраженіе: «тако ми Срећа напредовала!» означаетъ тоже, что наша поговорка: «знать, такова моя доля!» (= тако ми среће!) Недоля также прядетъ нити, какъ это видно изъ пословицы: «Несрећа танко преде», т. е. бѣда легко можетъ приключиться ⁴⁾. Наравнѣ съ вилами, вѣдогонями и валькүріями, Доля и Недоля принимаютъ участіе въ человѣческихъ распряхъ и битвахъ. Когда Сеѣянин Тадија съ двумя товарищами взялъ въ пѣтинадцать турокъ и дивились тому дѣвицы, онъ промовидъ имъ:

Не чуд'те се, Сен(ь)анке ђевојке
То се срела Срећа и Несрећа,
Моја Срећа, и(ь)ихова Несрећа,
Моја Срећа Несрећу свезала" ⁵⁾.

Подобныя представленія извѣстны и у другихъ родствен-
ныхъ народовъ. У нѣмецкихъ поэтовъ XIII-го вѣка Saelde

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 32, 34, 45; II, 51-52. — ²⁾ Срп. рјечникъ, 125. — ³⁾ Срп. н. пјесме, I, 536; II, 398. — ⁴⁾ Срп. н. послов., 209, 306 У Гомера олицетворенная αἰσα (Я. Гриммъ сближаетъ это слово съ др.-в.-нѣм. ēga, н.-в.-нѣм. ehge, гот. āiza, āisa = honor, dignitas—D. Myth., 385) прядетъ новорожденному нить его жизни. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, III, 292.

изображается, какъ богиня счастья—Fortuna, и называется *frô* (*frau*) *Saelde*. Гриммъ приводитъ цѣлый рядъ выраженій, указывающихъ на олицетвореніе этого понятія. Она спитъ или бодрствуетъ, и является то благосклонною, то враждебною: то идетъ на встрѣчу къ своимъ любимцамъ, обращаетъ къ нимъ свое лицо, прислушивается къ ихъ желаніямъ, улыбается имъ; то удаляется (улетаетъ, отступаетъ) отъ человека, обращается къ нему спиною, преграждаетъ ему путь. Донинъ принято выражаться: «*das glück ist ihm hold, kehrt bei ihm ein, verfolgt ihn*», у русскихъ: «ему улыбается счастье», или «счастье отвратило отъ него свои взоры, показало ему затылокъ, улетѣло, покинуло его», у чеховъ: «*štěstí se mu směje, obličeje k němu obrací*»¹⁾. Въ сарахъ *frau Saelde* обладаетъ тремя чудесными дарованіями: вѣдать чужія мысли, заговаривать раны, полученныя въ битвахъ ратниками, и быстро переноситься — куда ей вздумается; дикой охотникъ (Одинъ) гонится за нею, какъ за лѣсною (=облачною) дѣвою. *Saelde* принимается въ смыслъ счастливой, благопріятной Дольи (*bona Fortuna*, ἀγαθὴ Τύχη); а съ отрицаніемъ — *Un-saelde* равняется нашей Недолѣ, сербской Несречѣ: «*Un-saelde hat uf mich geschworn*», «*Un-saelde simir uf getan*», «*wie in die Un-saelde verriete*», «*sô wirt Unheil von mir gejaget*». Слѣдующій рассказъ сходится съ нашею сказкою о Горѣ: бѣдный рыцарь, сидя въ лѣсу, увидѣлъ надъ собой на деревѣ страшное лицо, которое кричало ему: «*ich bin dein Ungelückel*». Рыцарь пригласилъ его раздѣлить свою скудную трапезу; но едва Несчастье сошло съ дерева, какъ онъ схватилъ его и заключилъ въ дубовое дупло; съ тѣхъ поръ онъ ни въ чемъ не зналъ неудачи. Одинъ завистникъ, узнавши про то, отправился въ лѣсъ, освободилъ Несчастье, но оно настѣло на его собственную шею. Въ средневѣковыхъ памятникахъ встрѣчаются выраже-

¹⁾ Ганушъ, 210.

nia: der Saelden schiße или rat (gelückes rat) — колесо счастья (rota Fortunae), о которомъ такъ часто упоминаютъ классическіе писатели. Это представленіе возникло въ отдаленной древности изъ поэтического уподобленія солнца вертящемуся колесу. Бѣгомъ солнечнаго колеса условливаются день и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть природы, а слѣдовательно и людское счастье и несчастье. Возжигаемое по утру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вмѣстѣ съ воскресающимъ днемъ, къ бытію и дѣятельности; а вечеромъ, когда оно погасаетъ на западѣ, земля и ея обитатели повергаются въ сонъ — амираютъ. Съ поворотомъ этого колеса на лѣто земная жизнь начинается пробуждаться отъ зимняго оцѣпенѣнія, а съ поворотомъ на зиму снова подчиняется владычеству Смерти. Возженіе и погасаніе дневнаго свѣтила, его утреннее или весеннее рожденіе и вечерняя или зимняя смерть, слились въ убѣжденіяхъ народа съ тѣмъ жизненнымъ пламенемъ, какое возжигали и тушили могучія парки. День — эмблема счастья, радости, жизненныхъ благъ; ночь — несчастья, печали и смерти. Сербская пѣсня выражается:

Кад се д'јели срећа од несреће,
Тавна ноћца од бијела дана ¹⁾.

Поэтому родиться на утренней зарѣ, при восходѣ солнца, принимается за добрый знакъ, за предвѣстіе счастливой жизни; напротивъ рожденіе по закатѣ солнца, когда вощаряется на землѣ нечистая сила мрака, не сулитъ младенцу ничего хорошаго въ будущемъ. Понедѣльникъ потому и тяжелый день, что издревле былъ посвященъ лунѣ, богинѣ ночи и темнаго анда (стр. 252). Подобныя-же примѣты счастливыва и несчастливыва соединялись и съ годовымъ обращеніемъ солнца,

¹⁾ Переводъ: когда счастье отдѣляется отъ несчастья, темная ночь отъ блага дня, т. е. на раннемъ утреннемъ разсвѣтѣ — Срп. н. пјесме, III, 278.

при чемъ лѣто соотвѣтствовало дню, а зима—ночи. Небесные боги, столь богатые и щедрые на дары въ лѣтніе мѣсяцы, нищали и становились скудными, жестокосердыми въ зимнюю половину года. Отсюда объясняется сказочное преданіе, что Судьба жила попеременно — то среди роскоши и богатства, то въ совершенной бѣдности, и сообразно съ этимъ, назначала новорожденнымъ то добрую, то лихую долю. Итакъ время рожденія человѣка (доброй или злой часті) было причиною, почему ему опредѣлялась та или другая доля:

Щасливой годиноньки
Козакъ уродился;
Ой худи винъ подумае,
То-й Богъ помогаетъ!).

На древнемъ метафорическомъ языкѣ лучи солнечные уподобляются золотымъ нитямъ; виѣстѣ съ этимъ солнце стало разсматриваться, какъ колесо самопрялки, а прекрасная богиня Зоря явилась пряхою и сблизилась съ дѣвами судьбы, прядущими жизненные нити (см. стр. 390). Съ разсвѣтомъ дня и съ началомъ весны она принимается за свою работу, прядетъ и разбрасываетъ золотыя нити, и пробуждая міровую жизнь, даруетъ землѣ плодородіе, а смертнымъ изобиліе и счастье; но какъ скоро злыя силы (Ночь и Зима) прекращаютъ этотъ благодатный трудъ, обрываютъ ея свѣтоносную пряжу — тотчасъ-же наступаетъ владычество Смерти. Народныя преданія, говоря о дѣвахъ судьбы, выпряденныя ими нити нерѣдко называютъ золотыми. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній, колесо сдѣлалось эмблемою быстрого бѣга и непостоянства богини счастья. Богиня эта или сама стоитъ на вертящемся колесѣ, или вращая его своею рукою, подымаетъ счастливыхъ вверхъ, а несчастныхъ сталкиваетъ

!) Труды моск. археол. общ., в. II, 157; Метлиск., 329.

внизъ. Поставленное надъ воротами колесо, по уцѣлѣвшему въ Германіи повѣрью, приноситъ хозяину дома счастье ¹⁾).

До сихъ поръ между русскими простолюдинами хранится твердое убѣжденіе, что нѣкоторые люди уже такъ и рождаются на свѣтъ бѣдовиками и бездольными: что бы они не дѣлали, за ними всегда и во всемъ слѣдуютъ неудачи и бѣдствія ²⁾; другіе же напротивъ рождаются счастливыми. Подобно тому, какъ въ сербской приповѣдкѣ бездольный беретъ къ себѣ счастливую Милицу и живетъ ея счастьемъ, такъ въ русской сказкѣ ³⁾ Иванъ Безсчастный женится на «таланливой» дѣвицѣ, и чрезъ то избываетъ житейскихъ невзгодъ и скоро богатѣетъ. Если у родителей умираютъ дѣти, они, не довѣря болѣе своему счастью и желая вновь-на-родившагося ребенка привязать къ жизни, закрѣпляютъ его на чужое имя. Съ этою цѣлью совершается символическій обрядъ продажи младенца: кто-нибудь изъ постороннихъ, преимущественно старуха, становится подъ окномъ; ей подають ребенка, за котораго она уплачиваетъ копѣекъ пять или десять, а потомъ, возвращая его родителямъ, говоритъ: «живи на мое счастье!» На деньги, заплаченные за ребенка, покупаютъ свѣчу, зажигаютъ въ церкви и ставятъ передъ иконою. Свѣча знаменуетъ въ этомъ обрядѣ возженное пламя жизни ⁴⁾. Всѣхъ, кто только родится въ сорочкѣ, богини счастья объявляютъ собственными дѣтьми; выраженія: *ein schossskind des glückes, ein glückskind, dem glück im schosse sitzen* (сравни русскую поговорку: «жить счастливо, что у Христа за пазухой») указываютъ на усыновленіе; Вуотанъ, какъ богъ, одаряющій счастьемъ, принимаетъ дѣтей подъ свою охрану: *er nimmt kinder in seinen schoss auf*. Любимца своего Фортуна надѣляетъ «дарамъ

¹⁾ D. Myth., 822—7, 832—3, 895, 1091. — ²⁾ Абев., 261. — ³⁾ Н. Р. Сл., VIII, 3, b, 21. — ⁴⁾ Записки Авдѣев., 138.

счастія», осыпаетъ его изъ «рога изобилія» ¹⁾, даритъ ему разныя диковинки: шапку-невидимку, скатерть-самобранку, волшебную палицу (wünschelruthe), кошелекъ съ золотомъ, изъ котораго сколько не бери—онъ все полонъ, и птицу, несущую золотыя яйца. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, при рожденіи избранника Фортуны являются три святые старца, или Спаситель и два апостола (позднѣйшая замѣна трехъ вѣщихъ роженицъ) и одаряютъ его счастливыми мыслями: все, чего ни пожелаетъ онъ, то и сотворитъ ему Господь! ²⁾

Роду и рожаницамъ совершались жертвенныя приношенія. Въ вопросахъ Кирика (XII стол.) читаемъ: «аже се Роду и Рожаницѣ крають ³⁾ хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше вельми (епископъ): нѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ Рожаницѣ!» ⁴⁾ По всему вѣроятію, здѣсь разумѣется ссылка на 11—12 стихи LXV-й главы Исаіи, которые въ старинномъ переводѣ (въ паремейникѣ 1271 года) переданы такъ: «вы же оставиши мя и забы(въ)ши гороу святоую мою и готовящюи рожаницамъ (варіанты по другимъ спискамъ: Рожаници, Роду) трапезоу и исполняюще дѣмонови (вар. кумиру, идолю, рожденицамъ) чърпаніе — азъ прѣдамъ вы во оруженіе» ⁵⁾. Текстъ этотъ, вмѣстѣ съ послѣдующими стихами Исаіи, повторяется съ истолкованіемъ въ словѣ о поставляющихъ вторую прапезу Роду и рожаницамъ, которое

¹⁾ „Mundanam cornucopiam Fortuna gestans“, „formatum Fortunae habitum cum divite cornu“ — ²⁾ D. Myth., 827 — 8; Н. Р. Ск., VIII, стр. 638 — 640. Всѣ приведенныя нами свидѣтельства положительно убѣждаютъ, что мнѣніе Прокопія, будто славяне не признавали Судьбы,—несправедливо. — ³⁾ Кроить—рѣзать. — ⁴⁾ Памят. XII в., 179. — ⁵⁾ Слича переводъ позднѣйшихъ изданій: „вы же, оставивши мя (Бога) и забывающіи гороу святоую мою, и уготовляющіи демону трапезу, и исполняющіи щастію раствореніе — азъ предамъ васъ подъ мечъ.“

почти постоянно входятъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, и приписывается Іоанну Златоустому: «Рече Господь: наслѣдятъ горѣ спящія мож избраннїи раби мои. Раби сѣятъ то иже слоужатъ Богу и воля его творятъ, а не Родоу, ни рожаницамъ, ни коумиромъ соуетнымъ: то сѣятъ слоугы божїа... Вы же оставляше мя и забывающе горѣ свящїи мож и готовающе трапезоу Родоу и рожаницамъ, наплѣтъюще бѣсомъ чръпанїа—азъ предамъ вы на орѣжіе, и всѣи заколенїемъ падете... Се работающїи ми ясти начнѣхъ; вы же възлѣчете, нѣ тожъ сыти есте трапезоуж, жже готовасте рожаницамъ. Се работающїи ми пити начнѣхъ; вы же възжадаете, нѣ то пїите, иже то испол(н)иваете чръпанїа бѣсомъ... Се работающїи ми възрадухъся въ веселїи сердца; вы же работающен бѣсомъ и слоужащен идоломъ и ставляюще трапезоу Родоу и рожаницамъ възопїете въ болезни сердца вашего и отъ ск(р)оушенїа доуха възплачетеся. Томоу-же ся събыти нѣсть аде, нѣ въ ономъ вѣцѣ... работающїи ми благословятся, похѣ Богу истинномуу, а вы поете пѣсни бѣсовскыя идоломъ Родоу и рожаницамъ.. Се же чада слышаще и оставѣте ся поустошнѣго того творенїа и службы тоя сатанины и ставленїа трапезы тоя коумирьскыя, нареченыя Родоу и рожаницамъ» ¹⁾. Въ словѣ христолюбца, въ числѣ другихъ остатковъ язычества, указано и слѣдующее: «молятся... Мокоши и Симу и Рьглу и Перуну и Роду и Рожаницѣ... не такоужъ зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкимъ чистыя молитвы со проклятымъ моленїемъ идольскимъ, иже ставятъ лише кутьянины трапезы законнаго обѣда, иже нарицаются незаконная трапеза, мѣшная Роду и рожаницамъ.» По другому списку христолюбцова сло-

¹⁾ Архивъ ист.-юрд., т. II, полов. 1-ая, ст. Среднен., 99—101; то же мѣсто приведено и во 2-й половинѣ означеннаго тома, стр. 66; Истор. Росс. Соловьева, II, письмо г. Бусл., 30; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Лавровск., 22.

ва: «то суть идолослужители, иже ставят трапезу рожаницамъ, коровыи молятъ, виламъ и огнени подъ овномъ и прочее ихъ проклятельство... Не тако-же простотою зѣл служимъ, нѣ(о) смѣшаемъ съ идольскою трапезою трепарь сватыя Богородицы съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу» ¹⁾. Въ рукописи Волоколамскаго монастыря (сборникъ Леониды, епископа рязанскаго) сказано: «аще ли кто крестить вторую трапезу родству (Роду?) и рожаницамъ тропаремъ св. Богородицы, а кто ястъ и піеть, да будетъ проклятъ» ²⁾. Въ Писцеевскомъ сборникѣ — въ словѣ, приписанномъ св. Григорію, читаемъ: «такожъ і до словѣнъ доіде се слов(о), і ти начаша требы класти Роду і рожаницамъ. преже Перуна бога ихъ. а переже того (г. Срезневскій исправляетъ это мѣсто такъ: Переже бо того Перуна бога и иныхъ словили и) клали требу (имъ и) оупиремъ і берегинямъ. По святѣмъ же крещенью Перуна отринуша, а по Христа бога яшась; но і ноне по оукраінамъ молятся ему проклятому богу Перуну і Хорсу і Мокоши і Вилу, і то творять отай: сего ве могутъ ся лишити проклятаго ставленья вторыя трапезы, нареченыя Роду и рожаницамъ, (въ) велику прелесть вѣрнымъ крестьяномъ і на хулу святому крещенью я на гнѣвъ Богу». Въ другомъ спискѣ вслѣдъ за этими словами прибавлено: «по святѣмъ крещеніи червоу работни попове оуставиша тре(о)парь прикладати рожества Богородицы къ рожаницыи трапезѣ, отклады дѣюче» ³⁾.

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 228—9; Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 90 94—95. — ²⁾ Истор. Росс. Соловьева, I, дополнен. стр. 3. — ³⁾ Лѣт. рус. лѣт., IV, отд. 3, 97, 101; Повѣдка въ Кирилло-Бѣлозерск. мон., II, 33; Москв. 1851, V, 52—64; въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд., II, на стр. 104 указаны и другіе протесты противъ требъ, совершаемыхъ виламъ и рожаницамъ, а въ предисловіи на стр. 23 приведено слѣдующее мѣсто изъ сборника Московскаго Архива министер. иностр. дѣлъ: «се буди всіми вѣдомо, яко Несторій еретикъ научи трапезу ставити рожаницыи, мня Богородицу—человѣкородицу; сватыи же отци лаодикийскаго собора... писаніемъ повѣщаши не творити того.»

«Самый бѣглый взглядъ (по справедливому замѣчанію профес. Срезневскаго) на языкъ и правописаніе представленныхъ выписокъ достаточенъ для убѣжденія, что большая часть памятниковъ, изъ которыхъ онѣ сдѣланы, въ первоначальныхъ своихъ спискахъ принадлежала не намъ, а нашимъ югозападнымъ соплеменникамъ: болгарамъ, сербамъ. Тѣмъ не менѣе однако они перешли къ намъ небезсознательно, не какъ сказанія о суевѣріи, чуждомъ нашимъ предкамъ, а какъ поученія, близкія сердцу нашихъ народныхъ учителей, заботившихся объ искорененіи языческихъ суевѣрій не только своими собственнымъ словомъ, но и помощію авторитета другихъ христіюльцевъ... Словомъ, вѣрованіе въ роженницъ представляется въ старинныхъ памятникахъ не какимъ-нибудь мѣстнымъ отродіемъ древняго язычества, а однимъ изъ остатковъ древности общеславянской» ¹⁾. Итакъ, наравнѣ съ другими языческими богами, Роду и рожаницамъ, возсылались молитвы, приносились жертвы и учреждались законныя (обрядовыя) трапезы, т. е. родильныя пиршества, на которыхъ присутствующіе вкушали и пили отъ жертвенныхъ приношеній, возглашали пѣсни въ честь Рода и рожаницъ и молили ихъ быть благосклонными къ новорожденному младенцу, взять его подъ свой покровъ и надѣлать счастьемъ. Такъ какъ, послѣ принятія христіанства древняя богиня, царица младенческихъ душъ, (= Гольда) смѣнилась въ глазахъ суевѣрнаго народа Пречистою Дѣвою; то рожаничныя трапезы стали сопровождаться славословіемъ Богородицы. Трапезы эти обозначаются эпитетами: вторыя и кутейныя. «Вторая трапеза» есть буквальный переводъ выраженія: *secunda mensa* ²⁾; кутья—ка-

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, 105—6 и предислов. 22 — 23. —

²⁾ *Secundus* означаетъ: и второй, и благоприятный, счастливый, благополучный; *res secundae*—счастье, *fortuna secunda*; *secundae*—все, что послѣ родовъ выходитъ изъ утробы, мѣсто младенческое, послѣдъ дѣтскій.

ша изъ разваренной пшеницы или ячменнаго зерна, съ медо-
вой сытою, донынѣ составляющая необходимую яству на ро-
динахъ (крестянахъ), похоронахъ и поминкахъ. Въ сборникѣ
прошлаго столѣтія въ числѣ суевѣрій упомянуто: «съ ребятъ
первые волосы стригутъ и бабы кашу варятъ на собраніе ро-
жаницамъ» ¹⁾. Надо думать, что въ отдаленной древности об-
рядъ постриговъ (см. гл. XXIX) имѣлъ релігіозное значе-
ніе, что ребенка постригали его рожаницѣ — отдавали
подъ покровъ его генія-хранителя или счастливой, доброй До-
ли. У грековъ и кельтовъ былъ обычай посвящать волосы бо-
гамъ. Другія жертвенныя яства въ честь Рода и рожаницъ:
хлѣбъ и сыръ долгое время оставались принадлежностію свя-
дебнаго стола, а напитокъ медъ постоянно сопровождалъ всѣ
релігіозныя приношенія и пиршества. Когда въ семействѣ на-
родится дитя, чехи ставятъ на столъ хлѣбъ-соль для судъ-
чекъ, незримо присутствующихъ въ домѣ ²⁾. Въ хорватскомъ
приморьи дѣвицы оставляютъ въ пещерахъ и на камняхъ пло-
ды, цвѣты и шелковыя ленты виламъ, приговаривая: «*pizni,
vilo, što je tebi milo!*» ³⁾ Паркамъ, норнамъ и феямъ приго-
товлялись подобныя-же трапезы. У скандинавовъ первою
яствою, которую вкушаетъ мать послѣ разрѣшенія отъ бреме-
ни, бываетъ каша, называемая *pögnaggrutur* (*pögnag-
grütze*); по всему вѣроятію, первоначально это было жертвен-
ное приношеніе норнамъ за ихъ милостивую помощь въ ро-
дахъ. Въ Германіи, когда родится младенецъ, накрываютъ
особенный столъ и ставятъ на немъ кушанья для дѣвъ судъ-
бы, чтобъ согласуется съ свидѣтельствомъ народной сказки о
красавицѣ *Dornröschen*: ея рожденіе праздновали пиршествомъ,
на которомъ присутствовали вѣщія жены и были угощаемы
съ золотыхъ тарелокъ ⁴⁾. У бретонцевъ было въ обыкновен-

¹⁾ Оп. Румин. Муз., 551—2. — ²⁾ Громаннъ, 7. — ³⁾ Кукул-
вичъ-Сакцинск., 97. — ⁴⁾ Germ. Mythen, 588, 632.

ни готовятъ для фей обѣдъ—возлѣ той комнаты, гдѣ лежала родильница, и до сихъ поръ ходятъ рассказы о таинственныхъ трапезахъ, на которыя собираются феи въ свѣтлыя лунныя ночи ¹⁾. Литвины приносили жертвы на камняхъ, посвященныхъ дѣвамъ судьбы ²⁾. У румыновъ въ честь родимой звѣзды бываетъ 1-го мая празднество; они вѣшаютъ на окнахъ и двѣряхъ своихъ домовъ вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ, а вечеромъ, когда показываются на небѣ звѣзды, приносятъ въ рошу столъ, покрытый бѣлою скатертью, ставятъ на немъ хлѣбъ, медъ, вино и между двумя восковыми свѣчами икону семейнаго патрона, и затѣмъ начинаютъ пиршество ³⁾.

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 119—120. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1839, т. XII, 14—16. — ³⁾ Телескопъ 1833, VIII, 503,